

ВАНПЕРЫ
ДЕВУШКИ
ИЛИ

Анна Борисова

Есть где-то там, за большими горами, маленькая страна. Которую Прекрасные и Мудрые вампиры создали для братьев своих меньших — для людей. Сами они приходят туда не часто. Но порой — все же приходят. И каждая нормальная девушка мечтает, что однажды Он придет именно к ней. А если девушка ненормальная — у, тут даже вампирам интересно, что же тогда получится.

Алина Борисова

ВАМПИРЫ ДЕВИЧЬИХ ГРЕЗ

*Маленькая страна.
Моим словам едва ты внимлешь,
Тебе в них чудится капкан.
Меж тем их сладостный обман
Изящен, полон волшебства, и тем лишь
Они правдивы, как Коран.*

М. Щербаков

Глава 1

Лиза

— И, пожалуйста, не опаздывайте, — светлейшая Александра светилась, как Невечерняя Звезда. — Автобус на Гору Вампиров отходит ровно в два, ждать никого не будем! Кто опоздает — пропустит самое значительное событие всей своей жизни!

— Угу, она, видать, в свое время пропустила, — хмыкнул за спиной Петерс, — вон как нынче-то туда рвется!

Мальчишки неподобающе хрюкнули. На них вроде бы даже шикнули, но как-то не всерьез, вполсилы. Неудержимая радость вилась над строем выпускников, ширясь с каждым выданным аттестатом, с каждым сказанным словом. Свобода лилась на них лепестками отцветающей вишни, врывалась в легкие ветром с далеких лугов, пьяня ароматами диких трав и вольных цветов. Они теперь тоже, как эта трава, как эти цветы — свободные, вольные, потому что завтра их ждет не просто лето, не просто каникулы, их ждет настоящая, безграничная Свобода Взрослого Человека. Они выросли, они перешагнули рубеж, они окончили школу, и теперь ни одна светлейшая учительница на свете не вправе указывать им что, когда и в каком порядке делать, что думать и о чем и с кем говорить.

Да, и, конечно же, — Гора Вампиров. Древнейшая традиция, ритуал, священная обязанность. И, вместе с тем, — самая заветная мечта любого мальчишки или девчонки. И самое светлое воспоминание любого взрослого. На Гору Вампиров можно подняться лишь раз, в День Перехода — так торжественно именовали здесь окончание школы. Взглянуть на сказочный город за Бездонной Бездной и, присев на мягкое кресло в уютном кабинете, отдать свою кровь — немного, всего на флакон — о, нет, не вампирам, обычным врачам в строгих белых халатах. В память об обретенной свободе. В подтверждение верности заветам предков. В благодарность Великим и Мудрым вампирам, даровавшим некогда людям самую возможность Просто Жить.

Тут я поморщилась. Слишком много больших букв, слишком много патетики. Но по-другому о Великих и Мудрых говорить было категорически не принято, и не единожды слышанные фразы намертво впечатались в мозг, став базовыми шаблонами для любой мыслительной конструкции.

— Лара, ну давай, ну давай же скорее, — Лиза вилась у меня на руке нетерпеливым котенком, — будешь стоять и мечтать, мы не успеем как следует пообедать, а вампиры любят полнокровных девочек.

— А просто полные им не подойдут?

— Лара, ну как ты можешь? Сегодня такой день! Такой шанс!

— Шанс на что, Лиза? Сдать кровь в пробирку?

— Ты невозможна, Лариса. Ну как можно, как можно быть такой неромантичной? Ты же знаешь, что иногда, да-да, я знаю, нечасто, не каждый раз, но иногда... они все-таки приходят...

Ну все, завела свою песенку! Лиза была моей подругой, самой близкой, самой лучшей, самой-самой. Мы делили с ней все секреты, все мечты и проказы. Но от одной из самых светлых ее мечт меня попросту мутило. Лиза по-глупому, по-идиотски, по-детски мечтала о вампирах!

И стоя в очереди с подносом, и протискиваясь с едой к свободному столику, и поглощая

свой последний школьный обед я обреченно выслушивала ее романтические бредни о том, что однажды... быть может вот прям сегодня... она непременно встретит Его.

— Лиза, ну перестань, — вяло отмахивалась я, — ну подумай ты головой хоть секунду: ну зачем тебе вампир? Ну что за страсть к самоуничтожению? Вампиры, конечно, любят людей, но в одном единственном смысле: они любят их есть!

Лиза расхохоталась. Атмосфера наступающей свободы, почти свершившейся взрослости пьянила ее, заставляя верить еще сильнее, мечтать еще неистовей.

— Вампиры... людей...не едят, — проговорила сквозь смех, вытирая салфеткой разбрызгавшийся соус, — они же не волки! Они умнейшие, интеллигентнейшие, воспитаннейшие люди!

— Лиза, они не люди!

— Ой, ну хорошо, хорошо, не люди... Они прекраснее, возвышеннее, неистовее любого из людей!

— Лиз-за!

— Нет, ты послушай, послушай! Я точно знаю: вампиры любят людей! Ну, вернее, могут любить! Иногда они приходят. И влюбляются. В юных дев, глядящих сквозь Бездну... Ну или наоборот, в мальчиков, если сами девочки.

— Лиза, какие мальчики, какие девочки?! Им всем по тыще лет, они ж бессмертные, да и с рождаемостью у них фигово.

— Ах, ну какая разница, сколько лет! Ты подумай, еще пара часов, и мы поднимемся туда, и Он увидит меня, и перелетит через Бездну, и скажет «Светлейшая дева, свет твоих глаз опалил мое сердце!» И за эти слова я отдам ему все — все, понимаешь, стану просто светом, растворившись в неземном блаженстве.

Уууу, ну что за сказки для детей и юношества!

— Лиза, все, относись поднос, вернись на землю! — я встала из-за стола, загрохотав стулом по кафелю. Она поднялась следом, как всегда изящно, невесомо. Бесшумно. Без лишних звуков приставила свой стул вплотную к столу. Поплыла относить поднос с грязной посудой. Я пнула свой стул в спинку (он тут же вновь порадовал меня «скрежетом зубовным») и двинулась за ней.

— Лизка, ну пойми ты: вампиры иногда приходят на Гору. Да. Не спорю. Факты известны. Но приходят они туда не за любовью. Кровь они туда приходят пить. Молодую. Свежую. Прямо из вены.

— Ну разумеется! Они же вампиры! А вампиры пьют кровь! — Подруга, похоже, начинала сердиться. — Вот только зачем им за этим на Гору переть? У них огромные стада человекообразных животных. Биологически идентичных людям. Значит и кровь у них — такая же. Пей себе, хоть из вены, хоть из пятки! А они приходят. И я скажу тебе, зачем! За любовью! Да, да, да, и не криви ты личико! Их животные могут дать им море крови, ты права, хоть залейся! Но любить они никого не могут — они не люди, они животные! А сами вампиры уже стары, в них охладели чувства, пыл юности угас, это ж естественно. Но глядя на наши юные лица там, на Горе, они вспоминают свою молодость, свои мечты, саму любовь, и спешат к нам через Бездну, чтобы слиться в экстазе, пьянея от нашей горячей любящей крови! — щеки ее покраснелись, глаза горели.

— Ты мне сейчас какую книжку-то пересказываешь? — скепсисом в моем голосе можно было смело тараканов травить, — «любящая кровь» — это круто! Или это изначально стихи были, а ты мне их так, по памяти, в прозе пересказала?

Лизка взглянула на меня практически с ненавистью, резко отвернулась, ускорила шаг и, догнав Регинку, цапнула под локоток и скрылась с ней в автобусе. Ну и ладно, не больно-то хотелось. Это ж надо быть такой непробиваемой романтической душой!

В автобусе уселась на самый последний ряд, там, где пять кресел вместе. Галерка — она и в автобусе галерка. Для тех, кто против!

Автобус тронулся. Скрипя и дымя на всю дорогу, неторопливо запетлял по улочкам города, выбираясь на шоссе. Ну что за колымага! Того и гляди сейчас встанет намертво где-нибудь посередине степи глухой. Угу, и накроется кому-нибудь его романтическоё свиданиё... Нет, ну вот вампиры-то на таких развалюхах по своему чудо-городу точно не ездят. Они ж там все гениальные, они ж там все летают. На крыльях любви, не иначе! Не удержалась, фыркнула.

— Да что ж это ты, Ларочка, все в одиночку смеешься? — сидящий рядом Петерс лицо соорил заботливо-встревоженное. Ну а уж голос точно мог соперничать в серьезности с учебником вампирологии за третий класс, — ты поделись с друзьями. И нам приятно, и тебя до доктора не поведут.

— Да что тут скажешь, Петька. Чудо-город. Чудо-вампиры. Могли б и за нами какую чудо-колесничку прислать крылатую, чтоб бодрее мы спешили им свой чудо-долг отдавать. Из чудо-пальца. Или из чудо-вены? Что-то я за всем этим весельем прослушала: откуда кровь-то брать будут?

— Ну-у, — судя по тому, как хмыкнул Петерс, а так же сидящие рядом с ним Витька с Мариком, что-то не то я спросила, — а это, любовь моя, откуда дашь. Можно, конечно и из пальца. И из вены. Но самая сладкая кровь, она, как известно, по бедрам течет. По женским. Нечасто так, недельку в месяц. У тебя, кстати, щас как, не? — под неудержимый гогот приятелей голова его стала склоняться в сторону предполагаемого «объекта исследования». И получила сумкой по рогам. Известие о том, что он придурок, его несколько не огорчило, а мои не к месту покрасневшие щечки весьма порадовали.

— Ну, нет так нет, я ж что, я ж только спросить, — Петерс был прирожденным паяцем, и удар сумкой по голове полет его разошедшейся фантазии в жизни еще не останавливал, — они ж ежели что, так и проткнуть могут, ты, главное, только попроси. Сделают. Своим чудо-пальцем. Или не пальцем. Но, главное — чудо! И потекшую кровь аж языками вылизут. Аки псы. Вон хоть светлейшую Александру спроси.

— О чем? — я аж поперхнулась. Светлейшую Александру о чудо-пальце? Да ее ж кондратий схватит от такой непристойности. И вряд ли уже отпустит.

— А что? — встрял в разговор Марик, — ты на нее взгляни: нарядилась, как для журнала сниматься, и сияет, как таз начищенный. Про чудо-пальцы явно в курсе, с собственного Перехода небось всё в подробностях... Потому и учителем стала, и классной заделалась, десять лет Перехода ждала, что б хоть с нами вновь на Гору. А там уже Он «Я ждал тебя, моя Александра, десять лет, не сходя с этого места!»

— А она ему: «ах, палец, палец! Ты его не отморозил? Он все еще действует? Десять лет ждала, никому не давалась!», — в тон ему продолжил Петерс, и вся галерка каталась, захлебываясь, и я смеялась со всеми, сознавая, как это гадко и пошло — говорить такое про пусть уже бывшую, но все же нашу классную руководительницу, которая десять лет нас учила, растила и пестовала.

Все это нервы. Что бы мы ни говорили, как бы ни бравировали. Нервное напряжение выходило из нас пошлым смехом и несмешными шутками. Все же мы ехали на Гору. Раз в

жизни можно сюда подняться. Пока ты не видел Город — ты ребенок. Увидел, осознал, но не сломался, а, преисполнившись благодарности, и отдав ритуальный Долг Крови, вернулся к людям, чтобы не покладая рук трудиться на благо свободных людей, в светлой надежде, что когда-нибудь, пусть не мы, но наши далекие потомки построят цивилизацию, хоть немного приблизившуюся величиим к цивилизации вампиров. И если ты сумел осознать это там, на перевале, над Бездонной Бездной, разделяющей мир людей и мир вампиров, ты совершил Переход. Ты стал взрослым. По крайней мере, так нас учили. И, наверное, в этом была правда. Люди должны помнить свою прародину. И своих создателей. И глядя на потерянный рай, иметь мужество признать, что он более нам не нужен. Мы свободные люди, и мы в силах построить свой.

А вампиры? Ну, что лукавить. Я хотела взглянуть на вампиров. Хотя некоторые из них жили среди людей, помогая двигать цивилизацию к прогрессу, детям видеть их не полагалось. И дети их не видели. Был у них какой-то морок, и рядом пройдет — не заметишь. Считалось, что на неокрепший детский мозг встреча с живыми богами может подействовать разрушительно. Да вон хоть на Лизку мою глянуть: и не видала ни разу, а мозг разрушен. Да только на Горе такая встреча нам вряд ли светит, больше шансов встретить вампира в университете, или в каком НИИ, где они передовые проекты курируют. А на Гору разве что бездельники залетают, хлебнуть, так сказать, свежей и неразбавленной у романтических дурочек. Что ж не взять, когда дают?

Дорога была неблизкой. Пока мы, каждый по своему, предвкушали самое волнительное приключение юности, автобус натужно тащился мимо полей и поселков, временами пугая грозными гудками забредших на дорогу овец или коз. Машин встречалось не много. У нас вообще было не слишком-то много машин. Да и те, в отличие от вампирской чудо техники, были весьма далеки от совершенства. Даже поговорка была: «нет машины, которая не ломается, есть водитель, который не умеет ее чинить». Потому и водители были исключительно профессиональные и транспорт исключительно общественный. Ну или — для сельхоз работ и грузовых перевозок. Частные машины на улицах города можно было встретить едва ли не реже, чем настоящего вампира. Ну, в смысле, можно, конечно, но если постараться и поискать. Это те, которые на ходу. Стоящих мертвым грузом было значительно больше. Вот даже у нашего подъезда, сколько себя помню, стоял «Славич» соседа дяди Кости. А сам светлейший Константин все больше лежал под этим «Славичем», разложив вокруг себя все имеющиеся в наличии инструменты.

Зато на дорогах был простор и лениво паслись чьи-то гуси. До Горы Вампиров от родного Светлогорска тащиться было часа три, и мы успели и в окно до одури наглядеться, и в карты сыграть десяток партий и обсудить все, что только можно, в неподобающе интимных подробностях. Нас сжирало нетерпение. Чем дальше, тем больше, и все сложнее было выдумать тему для разговора или повод для шутки. И даже неистощимый юморист и затейник Петерс с каждой минутой становился все серьезнее, бросая в окно долгие взгляды и не замечая затянувшихся пауз.

Наконец мы все-таки дорулили. Долго и хлопотно припарковывались, не одна, чай, школа в мире. Кто-то уже уезжал, кто-то еще был на Горе, а мы только выгружались. И пытались понять по лицам тех, кто уже садится в свои автобусы, как оно там? Осознали? Прониклись? Разные были лица. Сложно было понять. Я — так не поняла, честно могу признаться.

Светлейшая Александра торжественно построила нас и повела к воротам. Там нас

строго проверяли по каким-то спискам, и на какой-то миг стало по-глупому страшно, что меня в нем нет, и все пройдут, а я отправлюсь домой. Я в нем была. Мы все в нем были.

И начался подъем. Древняя Лестница Завета, с ее вытертыми тысячами ног каменными ступенями, уходила в самое небо. Так нам всем казалось, пока мы бодро шли по ней, поднимались, ползли, тащились... и, наконец, взгромоздились на последнюю, тысяча невесть какую, ступеньку, чтобы замереть... А что, собственно, замирать? Каменные скамьи по кругу, в центре — фонтан красы неброской, явно не вампирами деланный. За кустами белеют аккуратные одноэтажные домики, весьма земной конструкции, к ним ведет широкая ровная дорожка.

— Присаживайтесь, отдохайте, можно умыться и попить, — соткался сей старец из воздуха, или просто терпеливо ждал за кустиками, покуда мы глазки в кучку соберем и языки во рты затащим, было глубоко не важно. Важно было, что можно умыться, попить, отдохнуть перед неизбежной встречей с прекрасным. И то, что старикан не вампир. Обычный старикан, человеческий. Хоть и вида весьма благообразного, и одет очень строго и как-то подобающе. К месту и к случаю, так сказать. А вампиры — они стариканами не бывают. Они ж бессмертные. Ну, или почти бессмертные. Но по любому — вечно молодые.

— Зовут меня Симеон Агофитов, и буду я вашим проводником на пути трудном и прекрасном, до самой границы вечности, — заявил между тем старец возвышенно и серьезно.

Мда, да вы поэт, дедушка. Этак мы и до вечера не управимся. Хотя — кому как. Говорят, на закате самая большая вероятность встретить вампира. Хотя с чего, если разобраться? Это только в сказках про Вампиров Адской Бездны они по ночам шныряют, да солнца с петухами боятся. Наши создатели ничего не боятся: ни петухов, ни солнца со всеми звездами. Хотя, кто ж их знает, чего они там боятся, может, как та колдунья, что водой из ведра окатят. Кто ж в таком признается? А ну как взбунтуются неблагодарные создания, водометы на Гору заволочут, и давай полоскать их Город Солнца заоблачный: «вы перепачкались кровью? — тогда мы идем к вам!»

Так, опять я что-то не о том радуюсь. Что там дедуля-то?

— ...и тогда мудрейшие из вампиров, приметив у части своих животных почти разумную способность подражать своими действиями действиям хозяев своих... — угу, угу, на вольный выпас. Класс первый, урок первый, глава первая. «Как вампиры людей из животных создавали». Так и будет весь учебник пересказывать? Этак мы и до утра с места не стронемся.

— Простите, светлейший Симеон, а можно вопрос? — Регинка все же не утерпела. Еще бы, она ж у нас отличница, не хуже любого старикана учебники пересказывает. — А мы сегодня увидим вампира? Хоть одного?

— Как ты спешишь, дитя. Куда ты так спешишь? — старец, похоже, даже не рассердился. — Шанс есть всегда. Вампиры приходят на Гору. Порой. Но даже если вы не увидите вампира здесь — отныне вы будете встречать их в родном городе. И довольно часто. А теперь, поскольку предыдущая группа, наконец, ушла в лабораторию и освободила нам смотровую площадку, прошу к краю Бездны!

Так вот он, Город! Кажется, мы рванули, едва не затоптав дедулю — за кусты, по дороге... и, ахнув, затормозили, не добежав шаг до резкого, неестественного, внезапного... хотя знакомого по рассказам обрыва.

— Ну, что же вы, дети? — старец был нетороплив, невозмутим, но почти не отстал, —

вы замерли ровно в шаге от истины! Бездонная Бездна ждет своих героев. Кто из вас осмелится сделать последний шаг и, балансируя на краю, бросить орлиный взор на Великий Город за провалом вечности?!

И узнать, успеешь ли досчитать до миллиона? Спасибо, что-то не хочется.

А Петерс шагнул. Пока другие охали, вздыхали, примеривались, он — с каким-то вдруг повзрослевшим от невероятной серьезности лицом — шагнул на самый край, и даже чуть дальше, так, что пальцы его зависли над пропастью. Пошатнулся, взмахнул руками и — уперся в прозрачную стену. Потом прижался к этой стене — сначала ладонями, потом лбом, а затем и всем телом, сотрясаясь от беззвучного плача.

— Да, это так, — голос светлейшего Симеона был спокоен, а рука, легшая на плечо Петерса, тепла и надежна. — Создатели наши вампиры в великой мудрости своей берегут вас, чада. Они подарили вам жизнь. Нам всем ее подарили. И им не нужна ваша смерть — ни по нелепой случайности, ни в виде благородной жертвы. — Он помолчал, затем продолжил, — но порыв — порыв прекрасен. И потому стена невидима, и каждый пришедший может измерить глубину своего сердца. Вампиры, возлюбив нас более, чем себя самих, сумели отказаться от нас, даровав нам бесценное: жизнь, свободу, разум. Можем ли мы, отринув все страхи и сомнения, шагнуть им на встречу, веря, что они не дадут нам упасть, что нас поддержат их ласковые невидимые руки? Можете ли вы?

Да, старец был мастер! Даже меня пробрало, и я тоже шагнула вперед, на самый край и немного больше, чтобы тоже встретится всем телом с ласковой надежностью этой теплой податливой стены. Да, она чуть прогибалась под пальцами, подо лбом, под грудью, не сдавливая, но и не отпуская, давая возможность устроиться поудобнее и, представив, что паришь над вечностью, устремиться взором туда — в Город.

Город! Воспетый в стихах и балладах, описанный в сотне сказок и известный наизусть по тысяче чужих пересказов, наяву он был неизъяснимо, невыразимо прекрасен! Высокие стены светлого, сияющего на солнце металла, словно вырастающие из края Бездны. Бездонной Бездны, именуемой так же Адской, в которую сбросил некогда Владыка Вампиров (не нынешний, а прошлый, или даже позапрошлый) восставших вампирских отщепенцев, под предводительством сына своего Дракоса. Ибо не смогли Дракос и его прихвостни понять любви отца своего к тем, кого не именовали больше животными. Не смогли увидеть в них существ, наделенных разумом и правом на вольную жизнь. Поклялись отнять у них эту жизнь, у всех до последнего. И сбросил их Владыка в пропасть адскую, и проклял, и столь сильно было его проклятие, что не могли более Дракос со товарищи белый свет видеть. Первый же луч солнечный убьет их. Вот и сидят они в Бездне, ибо солнцу туда, как известно, не проникнуть. Я любила эту историю в детстве, а потом прочла в какой-то умной книжке, что это просто сказка, не подтвержденная источниками. И в вампирских хрониках и близко нет ничего похожего. А стена вот есть. Интересно, зачем им стена? Край обрыва укрепляли?

А за стеной возвышались башни. Причудливые, немислимые, невероятные. Некоторые просто парили в воздухе, лишённые опоры, окруженные облаками, связанные с другими лишь тонкими веревочками переходов. Между башен, то там, то здесь мелькали воздушные машины — без крыльев, парусов и моторов. Раскрашенные в разные цвета они проносились в воздухе вспышками волшебной радуги. Не одна я подавила завистливый вздох. Вампиры летают: они сами, их машины, их башни! А людям летать не дано. Да, мы построили свои машины, но они могут только ездить, а взлететь — увы и ах! И остается только мечтать, что

когда-нибудь люди тоже воспарят под небесами. Мы же люди, мы разумны и свободны. А значит — сможем!

— Возвращайтесь, ребята, — спокойный голос светлейшего старца вернул к неумолимой действительности. — Нам надо идти в лабораторию. На Великий Город можно любоваться вечно, а свой Долг создателям лучше отдать уже сейчас.

Нет, нет, нет, я же еще ничего не рассмотрела! Ни дворец Владыки, ни Зал Великих Советов, и я же хотела увидеть поля! Где-то там, за городом, должны быть поля, где вампиры выпасают своих животных — наших предков. Вернее — потомков наших далеких общих предков. Интересно, а они ходят на двух ногах? Или это уже мы, разумные, на две встали, а они так и бродят — на четырех?

Похоже, не только я зависла на краю обрыва. Новый голос был не столь благостен.

— Дети, ну что такое? Вы намерены сорвать нам план мероприятия?!

Та-ак, бровки крашенные, щипаные, неодобрительно сведенные. Ручки в бочки упертые. Голосок препротивный, халатик беленький. Явно не о такой вампирше мечтал Петерс, балансируя над пропастью. К счастью, она и не вампирша. Обычная человеческая тетка. Которой даже кровь по пробиркам разливать не доверили. А уж гонору-то... А вот очарование прошло. Ну, вампиры, город, пропасть, где-то там, когда-то давно. Вампирам мы не нужны, потому и не приходят. И две стены возвели, чтоб мы к ним сами не лезли. И долги никакие ни требуются. Потому что — либо мы свободны, либо по уши в долгах. А все остальное придумали люди: и ритуалы, и кровопускания. Потому что кого-то хлебом не корми, дай кому-нибудь поклоняться. И еще соседей потыкать: я-то вон какой, верный, помнящий, а вы, вы?

— Так, дети, строимся, и идем в ритуальную комнату, где вы должны обратиться с просьбой добровольно отдать свою кровь... — боже, ну что за мерзкий, самоуверенный голос! Я же их еще и просить должна, чтоб они из меня кровь ради своего тщеславия выкачивали!

— Простите, светлейшая, — не удержалась, встряла. — Я как-то не очень поняла: «должны» или все ж таки «добровольно»? По своей воле я бы вот здесь еще часок постояла.

— Рот закрой, — мелкие глазки буравили меня с откровенной ненавистью. — Тебя сюда не умничать привезли, а Священный Долг крови отдавать. Пойдешь, куда скажут, когда скажут и сделаешь, что велено. Распустились! Недоростки желтопузые будут у меня в священном месте права качать!

— В вашем священном месте? — ненависть уже душила и меня. — А вы личное с общественным не в космических масштабах спутали? И я уже, увы, не недоросток! Я тут как-то резко выросла, вас наслушавшись! И вы можете катиться — добровольно — хоть к принцу Дракосу в гости! Я вам — ничего — не должна! Ни капли! Ни сейчас! Ни потом! Никогда! — злые слезы потоком катились по моим щекам, и я презирала себя за это. Слезы — это признак слабости, а я не слаба! Хамка, ну какая ж хамка, ну надо ж было так все испортить!

— Если ты немедленно не прекратишь истерику, я буду вынуждена позвать стражу!

— А я буду вынужден писать записку о вашем служебном несоответствии на высочайшее имя, — в голосе говорившего слышалось явное сожаление, что придется заниматься такой ерундой, и смирение: раз надо, так надо.

— Ка... — начала было воинственно разворачиваться к нему раскрасневшаяся тетка, но внезапно впала в ступор, стремительно бледнея. А он сделал шаг вперед из-за ее спины. И тут уже в осадок выпали и я, и весь наш класс, и светлейший Симеон в придачу.

Потому что этот уже точно был вампир.

Чуть удлинненное лицо, гладкая кожа, не несущая на себе примет времени, миндалевидные серые глаза с вертикальным кошачьим зрачком, длинные волосы, чистым серебром струящиеся ниже плеч. Стройная высокая фигура, облаченная в длинный черный камзол, расшитый серебром, и черные же бриджи, заправленные в высокие обтягивающие сапоги. Тоже, разумеется, черные. Широкие рукава сорочки цвета грозового неба делали еще ярче цвет его внимательных глаз, оттеняли сказочное серебро волос. Словно в трансе, я разглядывала его, стремясь запечатлеть в мозгу каждую черточку его прекрасного облика. И, судя по затянувшейся паузе, не я одна.

Он стоял очень спокойно, словно боясь спугнуть нас неосторожным жестом. И только переводил взор с одного на другого, рассматривая, и словно лаская взглядом наши лица. Как же нам повезло, как же нам невероятно повезло встретить при Переходе вампира. Кажется, даже примета такая есть, что если в День Перехода ты встретишь на Горе вампира, то... не помню, все мысли вылетели под ласковым взглядом этих нечеловечески прекрасных глаз. Что-то хорошее. Или волшебное. Или сказочное. А я устроила отвратительную истерику. Ну подумаешь, какая-то дура не теми словами не так выразилась. Мне до нее было что? А он пришел. И услышал весь этот безобразный лай.

Наверное, что-то дрогнуло в моем лице. Потому что он чуть улыбнулся и подошел. И взял меня за руку своими длинными красивыми пальцами.

— Не переживай. У всех бывают срывы. Для тебя это важный волнительный день, а она уже давно забыла, что чувствовала, когда стояла здесь впервые. — Его спокойный голос согревал, а пальцы были чуть прохладны, но это тоже было приятно, как невыразимо приятен сам факт, что он, вот здесь и сейчас, существует.

— Пожалуйста, скажите в лаборатории, что до конца рабочего дня еще есть время, и его не надо сокращать искусственно, — обернулся он к тетке. Та судорожно кивнула. — Группа подойдет через пятнадцать минут. И я уверен: их светлейший гид сумеет сам отыскать дорогу и показать ее своим подопечным.

Тетку снесло. Еще бы, мнила себя самой главной, и тут такой пинок... Да бездна с ней, я же хотела спросить у него, пока он еще здесь, пока держит меня за руку. Спросить у него — что? Мысли предательски разбегались, и я отчаянно пыталась поймать хоть какую-нибудь.

— Простите, — и он обернулся на мой голос, и вновь взглянул своими невероятными, сказочными глазами. — Скажите, неужели вам и правда все это нужно: все эти пробирки, кровопускания, ритуалы?

— Нет, — его взгляд был очень серьезным и очень открытым, — все это нужно вам. Людям пока не хватает силы духа взять на себя ответственность за то, что происходит в их мире. Они подсознательно ищут старшего, чтобы спихнуть ответственность на него. Так что не разрушайте эту кумирню, ваши сородичи тут же воздвигнут новую. И как знать, возможно, новые боги потребуют резать на алтарях младенцев...

— Но вы не боги.

— Тем мы и хороши, — он лукаво улыбнулся, и волна его неземного обаяния прошла сквозь меня, едва не сбив с ног. — И если ты не хочешь сдавать кровь, ты не должна ее сдавать. Мы не голодаем. Идея была в том, чтоб только те, кто искренне и от всей души хочет поделиться самым дорогим на свете... как порыв, как поступок — понимаешь? Но столетия превратили все в скучный обряд.

Он замолчал, не отпуская моей руки, и я молчала тоже, замирая от счастья, моля, чтоб мгновение продлилось. Его очарование накрывало нас хрустальным куполом, где не было места завистливым взглядам всего класса, недоумевающего, за что же мне такая невиданная честь. Я видела их всех, словно стоящими в другой, параллельной реальности. В моей же был реален только он, прохладные пальцы его руки и я.

— А знаешь, — он вновь заговорил и глаза его словно бы стали глубже, — ты могла бы отдать свою кровь мне. Лично мне.

Я моргнула. Хрустальный купол дрогнул, но он не заметил этого и продолжил:

— Свет твоих глаз обжег мое сердце...

Купол взорвался. Осколки разлетались по округе моим безудержным смехом, я непроизвольно выдернула руку и прижала ее к животу, сгибаясь от хохота:

— Какого сердца? Нет, ты мне скажи, какого сердца?

Почти что бог, в которого я почти влюбилась, растеряно моргал.

— Ты, вообще, анатомию в школе изучал? Есть у вас вообще школы в божественном вашем Городе? Это где ж ты у вампиров сердце видел? Вы ж всю жизнь через желудок кровь качаете!

— Что, в ваш анатомический театр подвезли парочку вампиров, а я пропустил? — нашелся, попытался соответствовать. Но было уже поздно, морок рассеялся. Тот, кого я приняла за источник тысячелетней мудрости, оказался третьесортным опереточным охотником на молоденьких дурочек. За свежей кровью. И ведь, наверно, ни словом не солгал. Действительно, зачем им в пробирке? Можно так.

— Прости, но ты не герой моего романа, — смех растаял. Остались разочарование и усталость. И я обращалась к нему на вы? — Моя подруга всю жизнь мечтала, поднявшись на Гору услышать именно эти слова — про глаза, опалившие сердце. Ты угадал их почти дословно. Или это у вас стандартный такой подкат? В любом случае — спасибо, ты помог мне определиться: я не дам своей крови ни тебе, ни им, — я кивнула на лабораторию, — ни кому другому. И если это не ложь, и дарованная вами свобода действительно превратила вчерашних животных в людей, так зачем нам опять идти доиться? Прощай.

И я отвернулась к обрыву, но он удержал меня:

— погоди, дай взгляну еще раз в твои глаза.

— Опять дешевый развод?

— Нет. Просто еще никто никогда не отказывал мне в моей просьбе. Ты первая. Пытаюсь понять, откуда в тебе... столько свободы.

Обернулась, посмотрела в его серебряные.

— Понял?

— Нет. Придется еще встречаться. А пока познакомь меня со своей подругой.

— ??

— Той самой, что ждала меня всю свою жизнь.

— Она ждала не тебя, она ждала ЛЮБОГО вампира.

— А я прекрасно вписываюсь в эту категорию. Мы, вампиры, народ не гордый. Так познакомь, а не сиди, как собака на сене. Или ты передумала отказываться от моих страстных объятий?

— Ты просил крови, а теперь предлагаешь объятия?

— Мне кровь, тебе объятия, не прогадаешь, — его рука змеей обвила меня за талию. — Кровь сладка, мои объятия будут нежными, — он почти шептал, пристально вглядываясь в

мои глаза, лаская рукой, словами, взглядом.

— Руку, маньяк долгоиграющий!

Он отпустил, отступил на шаг, посмотрел с любезной улыбкой. А, чтоб тебя.

— Лиза! Он, по-моему, тебя ищет!

Лизка бледная, с прокушенной губой, смотрела на меня с неверием и мукой.

— Да иди ж ты к нам! Я просто своими воплями его немного дезориентировала. А нужна ему ты и только ты!

И голубые глаза ее, полные слез, вспыхнули надеждой, потому что он протянул к ней руку и улыбнулся. А я уже знала, как он умел улыбаться: тебе и только тебе, одной на всем свете. И, пока она преодолевала те три шага, что нас разделяли, бросила ему с усмешкой:

— Тебе любая, ей любой, да вы нашли друг друга.

И отошла, чтобы не слышать, как он рассказывает ей свои вампирские сказки. Но не могла не видеть, как он говорит ей что-то, а она счастливо смеется в ответ, соглашаясь, и светлые пряди падают ей на щеку, а он приподнимает их кончиками пальцев и подносит к своим губам. Потом я все-таки отвернулась. А они ушли.

Светлейшей Александре, вопреки всем нашим гнусным домыслам, не дано было вновь подниматься на Гору, и она ждала нас у ворот. То, что Лизы с нами не будет, ей, должно быть, уже сообщили. Потому что, бодро пересчитав нас, она спокойно сказала: «все на месте», и велела грузиться в автобус. Место рядом с Региной было свободно, и все косились на него, но никто ничего не говорил.

Я была абсолютно спокойна, разглядывала тянущиеся за окном пейзажи, и верила, что все эмоции и страсти оставила на Горе. Но тут Петерс ткнул меня в плечо и бросил:

— Ну ты, Ларка, безумная: такого вампира подруге подарила!

И я безудержно, горько, но из последних сил беззвучно, рыдалась.

* * *

Наш город не был ни самым большим, ни самым старым из тридцати восьми городов Страны Свободных Людей. И столица была не у нас, и до Страны Вампиров было куда ближе из той же Усть-Каменки. Зато у нас был Университет. Знаменитый на всю страну Государственный Университет Светлогорска. Хотя почему он был именно у нас, кто и когда его здесь основал, предания умалчивали. Наверное, что-то было об этом в архивах, ну да кто ж смотрел? Ну, был и был. Здорово. Потому что продолжать учебу я собиралась именно там, и возможность не покидать родные стены грела душу. Жизнь в общежитии меня не привлекала, конфликтов с родителями не было. Да и не была я, наверно, готова, менять свою жизнь как-то слишком уж кардинально. Ну, посещала одно учебное заведение. Теперь буду посещать другое. Если буду, конечно. Со всей страны желающие съезжались.

И потому полная и безграничная свобода, ждавшая нас, как мы верили, сразу за школьным порогом, обернулась нервной подготовкой к поступлению. Попыткой что-то еще пересмотреть, подчитать, выучить. Беготней в приемную комиссию, опасениями, что каких-то там документов, баллов, выписок мне не хватит. Страхом, что учиненный мной на Горе скандал и категорический отказ сдать кровь кому бы то ни было, выйдут мне боком. Но, видать, вампир попался не злобный, обиды не затаил.

То, что произошло на Горе, преследовало меня долго. Не одну ночь провела я без сна,

вновь и вновь прокручивая в памяти произошедшее. С теткой поскандалила безобразно. Надо было смолчать. Но если так, то встретила бы я тогда вампира? Возможно, не будь моих криков — он бы и не подошел. Ко мне — так уж точно нет. Я не уродка, конечно, но неземною красой блистать тоже пока не выходит, и покраше видали. А мне было нужно, чтоб он подошел? Да, вот этого я не отдам: ни рук, ни слов, ни взглядов. А вот что не оценила его интересного предложения, и буквально втолкнула в объятия подружки? Было ли мне жаль? Ведь я, а не она могла бы уйти с тем серебряным видением, и познать страсть, потеряв девственность не абы с кем, с бессмертным... Если честно, только себе самой? Я вспоминала его глаза, его руку на моей талии. Не помню, что б почувствовала что-то особенное. Так меня и Петька обнимал. И не так, что уж греха таить, обнимал тоже. И даже целовались пару раз. Не то, что б это было всерьез, да и что с несерьезным Петерсом возможно всерьез? Но это было приятно. Больше любопытно, конечно, но и приятно тоже. Ласковые прохладные руки вампира каких-то особых желаний и фантазий не будили. Попыталась вспомнить его губы. И поняла, что не помню. Совсем. Помню, как смотрела на его неземные очи, и млела от счастья, что столь невероятное создание, живущее под этими звездами больше, чем я могу себе представить, проявило участие ко мне — просто девочке. И свое разочарование помню, словно я пришла за автографом к величайшему мудрецу, а он предложил мне по-быстрому потрахаться... Нет, мне не жаль, и случись все вновь, я бы вновь отказалась. Жаль, что он оказался не из моей сказки. Жаль, что я вообще напридумывала себе какую-то сказку про Великих и Мудрых вампиров, учителей человечества. Нет, одному он меня все-таки научил: вампиры пьют кровь, нашу кровь, и это единственное, что им от нас нужно. Они не видят в нас собеседников. Только сосуды.

Про Лизку я, конечно, вспоминала, и часто. Но времени встречаться с ней катастрофически не было. Хотелось верить, что у нее все хорошо, что потеряла она на той Горе свою кровь, девственность и розовые мечты, а теперь с прояснившимся разумом готовится к поступлению. Она тоже собиралась в университет, правда не на медицину, как я, а на исторический. Это был совсем другой корпус, и совсем другие экзамены, так что пересечься случайно мы не могли. Но я думала, вот увидим себя в списках победителей, а тогда уж и встретимся, и отпразднуем, и поговорим.

Она пришла неожиданно, за день до последнего экзамена. Бледная, заметно похудевшая, но с лучающимися счастьем глазами.

— Лиза? — удивилась мама, открывая ей дверь, — а Лариса к экзамену готовится, у нее завтра последний. А ты, наверное, уже все сдала?

— Нет, тетя Лида, я не стала подавать документы.

— Как не стала, Лизонька, ты же так хорошо училась?

— Обстоятельства изменились. Завтра я уезжаю, вот, зашла попрощаться.

— Как уезжаешь, Лиза, куда? Вы всей семьей переезжаете? Папа новую работу получил?

— Мама, да отстань ты от нее, она ко мне пришла, — я не выдержала, буквально выцарапала у нее Лизку и затолкала к себе в комнату. — Я тебе потом сама все расскажу. Если будешь хорошо себя вести и не станешь подслушивать, — и непочтительно захлопнула дверь почти у нее под носом.

— Вот нужны вы мне, подслушивать вас, — мама ушла на кухню и демонстративно загремела посудой.

Я усадила Лизку на свою кровать, мигом забыв про все учебники. Уселась рядом, обняв

подушку.

— Давай рассказывай, Лиз, что случилось: почему ты не поступаешь, куда уезжаешь? Надеюсь, этот чертов выпендрожник с Горы Ненужных Заветов не обидел тебя? Ты же не из-за него сбегаешь из города? Он что, тебя преследует?

— Ох, Ларка, какая ж ты смешная, — Лиза уселась поглубже, опираясь спиной о стенку и поджимая коленки к подбородку. — Какой выпендрожник, какие заветы, кому и зачем меня преследовать?

Она смотрела на меня, улыбаясь, и было что-то в ее улыбке. Так мать смотрит на любимое дитя, трясущее погремушку.

— Ну, не знаю, Лизочка, последний раз я оставила тебя в объятьях одного весьма кровожадного и сладострастного вампира. И тут такие перемены! Не знаю, что и думать.

— Да что тут думать, Ларка? Я счастлива, я бесконечно, сказочно счастлива!

— Он был настолько хорош?

— Он — есть! И да, он невероятно, невообразимо, беспредельно хорош!

— Так, Лизка, кончай молоть пургу, расскажи нормально, все ж таки не каждая первая с вампиром встречается. Он пил твою кровь?

— Конечно. Он же вампир.

Уже хотела было спросить «откуда», но, вспомнив Петерса, поняла, что не к чему нам такие подробности. Спросила иначе:

— И вы занимались любовью?

— Ларка, ну какая ты темная! Конечно, мы занимались любовью. Мы только и занимались, что любовью. Потому что само это действие, когда он вонзает в твою плоть свои зубы, уже любовь! Когда ты чувствуешь его зубы глубоко в себе, и сам ток крови меняется от его жадного вдоха, все тело обдает таким жаром блаженства, что уже нет других желаний, только слиться с ним, раствориться в нем, отдаться ему без остатка, всем: телом, душой, кровью! И он владеет тобой — жадно, неистово, подчиняя, повелевая, превращая тебя — в себя!

Глаза ее мечтательно закатились, щеки покраснелись, на губах блуждала сладострастная улыбка, словно она вновь была там, с ним — отдавая, отдаваясь, любя. Она словно светилась счастьем, и даже мудростью какой-то, будто познала истину, недоступную прочим.

— Лизка, это было два месяца назад. И ты по-прежнему живешь этой встречей? Проснись, пора идти дальше!

— Дальше уже не надо, Ларис. Я уже пришла. К тебе. Чтобы рассказать, что эти два месяца были самыми счастливыми в моей жизни, потому что мы с ним почти не расставались, а завтра я вообще улетаю к нему. Навсегда.

Так, что-то я вообще перестаю понимать. В такую любовь вампира и девы поверить я была решительно не готова, но раз Лизка говорит, что все именно так, а все мои знания о вампирах в детских книжках вычитаны, да из пустого места высосаны...

— Я была уверена, что вы расстались уже наутро, и более никогда... — растеряно выдала я. — Он что, жениться на тебе собрался?

Лизка рассмеялась. Она смеялась, смеялась, а в конце неожиданно расплакалась.

— Лиза, Лиза, ну что ты? — я растеряно обнимала ее, прижимая к себе, как ребенка, гладила по растрепавшимся волосам, — ну перестань, я же ничего не понимаю в вампирах, я не хотела тебя расстроить, просто объясни.

Она объяснила. Успокоилась и объяснила. Вторично она увидела его в больнице.

— В больнице? А что ты делала в больнице? Болела? Или навещала родных?

— Приходила в себя после бурной ночи. Он выпил больше, чем изначально рассчитывал, он сам мне потом признался, ему было со мной слишком хорошо, и он не мог остановиться, а потом я потеряла сознание, и очнулась уже в больнице. Приходила в себя несколько дней, меня кормили там витаминами и поили всяческой гадостью, а потом пришел он, с огромным букетом роз...

— Весь в черном-черном, как на похороны? — не смогла удержаться я. — Так может он на похороны и шел, а тут такой облом, говорят: да жива она, ваше вампиршество, не докусали.

— Ларка, прекрати! Вечно ты смеешься, где не смешно. В нормальном он пришел: в светлых брюках и рубашке с коротким рукавом.

— О, так мы ходим в нормальном? А что ж тогда на Гору так вырядился? Как принц вампиров из детской книжки?

— Да какая разница, как? Лара, ты будешь слушать? А то решу, что ты попросту ревнуешь!

— Ревную к чему, Лиза? К тому, что тебя едва не убили? Я с головой дружу покамест!

— Дурочка ты. Ты ничего, ничегошеньки не поняла. Он подарил мне б лаженство. Это не передать словами, это сравнить вообще не с чем. Вот, понимаешь, в целом свете нет такой вещи, которая бы стоила того, чтоб отказаться от его любви.

— Есть. Жизнь.

— Нет, Ларка. Ты просто не понимаешь, потому что сама еще не испытывала. Жизнь не нужна, если взамен можно получить такое счастье.

— Жизнь нужна всегда. И в жизни бывает очень-очень много счастья. По самым разным поводам.

— Да, наверное, — Лиза опять улыбалась. Тихо, мечтательно. — Вот представь: долгая-предолгая жизнь. А счастья на эту жизнь отпущено — чашка. Полная до краев, но всего одна. И оно разбрызгано по этой жизни мелкими-мелкими капельками — чтоб на всю хватило. И ты бредешь по ней, слизывая эти капельки: с каждого листочка, с каждого кусточка. Да, их много, но жажды так никогда не утолить. А его любовь дает мне возможность выпить всю чашу сразу — до дна! Представляешь: все отпущенное тебе в жизни счастье пережить за одну только ночь!

— А потом? Если чаша всего одна?

— Вот это я и пытаюсь тебе объяснить: «потом» жизнь уже не нужна.

Я молчала. Она улыбалась. Сидела, обняв колени, и улыбалась. Мечтательно, совсем немного печально, и очень, очень светло.

— Так, погоди, — удалось мне немного собраться с мыслями, — я что-то все же отчаянно не понимаю. Он тебя не бросил. Едва не убил своей «любовью», но не бросил. Вы встречаетесь. Уже два месяца как. А завтра, если я все правильно поняла, ты вообще к нему переезжаешь. При чем тут тогда все эти чашки и почему тебе жизнь не нужна? Вот хотя бы, чтоб жить с любимым пригодилась бы.

— Потому, что он вампир, Лара. А высшая форма любви для вампира — это смерть!

— Чья? — нет, что-то я тупею от этих экзаменов. Хорошо, что на медицинский не сдают философию.

— Ну не вампира же! Все уже решено, я уже подписала сегодня все бумаги, мне

разъяснили все пункты, я со всем абсолютно согласна. Просто пришла попрощаться. После родителей ты мой самый близкий человек в этой жизни.

— Я тоже тебя люблю, Лиза, погоди, какие документы ты подписала? — вот тут мне уже стало страшно. Не сильно, еще не так сильно, но неприятный холодок уже пополз.

— Стандартные. На кровь и плоть.

— Что?

— Это обычная процедура. Согласно действующему законодательству, вампир не имеет право пить кровь человека без его на то согласия, выраженного в письменной форме в присутствии адвоката.

— А плоть?

— Это так называют для краткости. Имеется в виду, что кровь будет выпита в ходе сексуального контакта.

— Круто. Этим законам нас в школе не учили. Погоди, а почему ты подписала документы только сегодня? А раньше он что, пил твою кровь незаконно?

— Тоже законно. Документы составляются заново на каждый контакт подобного рода. Первый раз мне объяснили все это на Горе, и я, не задумываясь, поставила свою подпись. Еще один раз был уже здесь, в городе. К сожалению, часто это делать нельзя, я долго восстанавливаюсь. Сегодня я подписала документы в третий и последний раз.

— Последний? Ты все-таки решила это прекратить?

Я, наверное, уже знала ответ. Просто очень боялась его услышать. Но услышала.

— Это прекратится само. Завтра я умру, Лара.

— Нет, погоди, погоди, Лиза, почему ты умрешь? Ведь вы уже делали это прежде, и ты же не умирала! Нет такого правила, чтоб в третий раз смерть! Ты восстановишься, а потом просто уйдешь от него, ты все правильно решила ничего более ему не подписывать. Или лучше уйди сейчас, ведь ты же можешь отказаться, передумать. Если боишься, что... — слова летели камнепадом с гор, не позволяя мне осмыслить, осознать то, что она сказала. Я словно пыталась заглушить этой лавиной весь ужас ее спокойного лица, спокойного голоса, мечтательной улыбки. Я чувствовала, что не спасу, уже не спасу, она действительно все для себя решила, но может быть чудо свершиться, и она не умрет, ну почему, почему она должна умирать?

— Я ничего не боюсь, и я сама хочу этого всем сердцем! — дождавшись, когда поток моих бессмысленных для нее слов иссякнет, спокойно продолжила Лизка. — Я все знаю, все обдумала, и просто хочу, чтобы ты знала, что это мое решение, и только мое. И никогда не винила себя, что не нашла для меня каких-то правильных слов. Таких слов просто нет в природе. И если мы свободны — то мы свободны выбрать, когда и в чьих объятиях умереть.

Она уходила от меня. От всех нас. Сидела здесь, рядом, на моей кровати, и уходила...

— Хорошо, если ты все знаешь, расскажи, — голос стал какой-то охрипший, севший. Сил на выражение эмоций уже не было. — Почему ты завтра непременно умрешь?

— Завтра у Лоурэфэла день рождения.

— У кого?

— У него. Разве он на Горе тебе не представился?

— Нет. Продолжай, уже не важно. Просто я удивилась, что у него есть какое-то имя. Привыкла звать его просто «он».

— «Просто он», Лоурэфэл Сэвэрэасис ир го тэ Аирис празднует завтра свой триста пятидесятый день рождения.

— Да он еще так молод!

— И по обычаю народа вампиров, — не обратила на меня внимания Лиза, — созывает гостей, дабы отпраздновать это радостное событие.

— Обычай, известный не только у этого народа.

— Вот сейчас просто помолчи, хорошо?

Я кивнула. Она продолжила:

— И, как принято не только у этого народа, гостей угощают самым лучшим, что только есть в доме. А чтобы в доме было все самое лучшее, надо, как известно, не один базар обежать. Вот он и обежал. И нашел меня. И, попробовав, понял, что ничего чище, слаще и вкуснее моей крови в жизни своей не пил. И поэтому завтра он представит меня своим друзьям. Не всем. Только самым близким. И угостит. Кровью и плотью. Потому как пить кровь, не наслаждаясь податливой плотью для них не вкусно. Да и невозможно чисто технически. Там такая волна страсти накрывает после первого глотка, что никто уже собой не владеет...

Я не сразу поняла, что повисла пауза. Я ждала от нее чего угодно. Розовых слюней, соплей, рассказов про великую межвидовую любовь. Но не этого. Не так.

— И сколько будет... самых близких друзей? — с трудом выдала немеющими губами.

— Четверо. Он пятый. По традиции хозяин дома первый пробует напиток. И передает по кругу остальным гостям. Лоу сказал, для этого используют специальный небольшой бассейн, неглубокий, чтоб все было удобно. Его наполняют теплой водой, и приятно, и мне будет не холодно. И кровь не остынет до самого конца. Ты же понимаешь, что после пятерых мне не выжить. Лоу сказал, что в его доме бассейн сложен из розового камня с золотыми прожилками, и есть специальные устройства, они выводят на дно бассейна воздух, отчего по воде разбегаются тысячи пузырьков, а еще он обещал, что усыплет весь бассейн лепестками роз, подобных тем, что он подарил мне тогда, в больнице...

Я молча придвинулась к ней и обняла. Притянула ее голову к себе на грудь, и стала укачивать, целуя ее глупые волосы. Она обняла меня в ответ, прижалась доверчивым котенком. Сгущались сумерки, затихали звуки за окном. И мы тоже молчали. Долго.

Потом я не выдержала:

— Ты ведь сейчас пошутила, да? Так же не бывает. Вампиры людей не убивают, это всем известно. Ну, могут плоток — другой, по обоюдному согласию, чисто символически. Они же сами нам подарили: право на свободу, право на жизнь.

— И право распоряжаться этой жизнью. А я согласна ее отдать. Я знаю, что получаю взамен.

— Что получаешь? Если верить тебе, то групповое изнасилование со смертельным исходом.

— Если я согласна, то причем тут насилие?

— Да притом, что нормальные люди так не любят! Так «любят» сволочи, извращенцы, негодяи...

— Он просто вампир, Лара, просто вампир. Они не люди, они другие. Они — ТАК нас любят, по-другому у них просто мозги не работают. И то, что он пригласил меня туда, эта высшая форма проявления его любви!

— Разделить с друзьями?

— С друзьями делятся самым лучшим. Лучше меня у него никого не нашлось.

— Возлюбленными с друзьями не делятся!

— А изысканные напитки не пьют в одиночестве.

— А ты...

— А я — его люблю. И то блаженство, что я испытываю, отдаваясь ему, мне не испытать больше никогда, никак, ни с кем. И если больше я никогда не буду в его объятьях, то зачем мне вообще быть? Как жить в мире, когда выпита вся радость? И потому умереть завтра в его руках — это самое лучшее, что еще может со мной произойти.

— Ага, и в руках его подельников.

— Он будет первый, а потом уже не важно. От его укуса охватывает такая страсть, что и не разберешь: кто, что и как с тобой делает. Это будет бесконечное блаженство в бассейне розового камня, среди розовых лепестков и миллионов пузырьков воздуха. До последней капли моей крови, и даже на капельку больше.

Я не знала, что ей еще сказать. Как убедить, достучаться. Да и Лизка, похоже, уже сказала все. И мы просто сидели, обнявшись, долго-предолго, и был только стук ее сердца, такого горячего и живого, где-то совсем рядом с моим. И я убеждала себя, что даже если она в это верит, совсем не обязательно этому быть правдой. Моя глупая впечатлительная Лизка просто сошла с ума после той встречи на Горе. Мозг не выдержал обрушившегося счастья. Еще бы, мечта всей жизни вдруг раз — и исполнилась. И она потерялась в лабиринтах своих фантазий, в переходах от надежды к отчаянью. Вон и вампирчик у нее — то душка, то мерзавец, даже меня запутала. Но ничего, все пройдет. Со временем все пройдет. Завтра после экзамена зайду к ней домой, поговорю с родителями, и все прояснится. И не останется ни убийств, ни розовых лепестков.

В окне все ярче горел серп луны, и мы даже вспомнили с ней, что луны молодой, потому что похож на петельку от «р», а вот был бы похож на «с», значит, был бы — старой.

А потом она ушла.

Обернулась с порога:

— Не грусти. Знаешь, есть такая примета: если в День Перехода встретишь на Горе вампира, жить будешь не долго, но беспредельно счастливо. Ты просто запомни: я была очень счастлива все это время, и даже умру, растворившись в счастье.

* * *

Экзамен помню урывками. Повезло, что это была химия, а не сочинение. Всевозможные формулы в нас в школе вбивали крепко, по принципу «чтоб и ночью разбуди», а вот в сочинении требовалось бойко излагать собственные мысли, а мыслей у меня в тот день не было. В голове свистел ветер, то завывал, становясь ураганом, так, что даже в глазах все темнело, то утихал, шурша листвой в садах, и в эти минуты я могла видеть вопросы своего билета, и даже соображать, что тут от меня хотят. Хотели многого. Но это было ерундой, по сравнению с тем, чего хотела я. Лиза, Лиза, Лиза, какие кислоты, какие щелочи?! Вот просто есть на земле одна девчонка. Красавица, умница. Помогает маме, слушается старших. Вот пусть и дальше живет. Помогает, радуется, слушается. Или не слушается, не радуется, не помогает. Пусть только живет! Ну что за бред, вокруг тысячи людей, и все они бывали на Горе, и никаких вампиров! Почти у всех моих знакомых были бабушки, дедушки — прожили всю свою жизнь и не получали никаких сомнительных предложений: руки и розовой ванны. Почему она? Почему Лиза? Почему моя Лиза?

Все это бред. Так не бывает, я бы знала! Если это обычай, если это норма, значит, это происходит достаточно часто. Но тогда об этом должны говорить соседки, писать газеты, сочинять романы: человек, умерший ни за что, по собственной воле кому-то на ужин. Чем не герой для романа! Ах, да, не на ужин, на десерт, они же не голодают! Нет, бред, бред, дурость. Сейчас закончится этот экзамен, и бегом к Лизке, у нее мама всегда дома, и все прояснится. Дурацкий розыгрыш. Она пошутила, а я купилась. Она ж знала, что я не фанат команды вампиров, вот и наплела всю эту историю. Людям нравится, когда все плохое, что они подозревают о других, вдруг подтверждается, и я не исключение. Ладно, пусть. Сейчас разберемся. Сейчас допишу эти глупые вопросы, и мы во всем разберемся. Что там у нас дальше? «Вопрос 5. Формула крови».

Долго смотрела на вопрос, пытаюсь сосредоточиться. Вот здесь я могла бы написать сочинение. И про эритроциты с лейкоцитами, и про скорость оседания, и про суспензию в плазме. Вот только все это было на биологии, а здесь явно требуется другое, некое хитрое сочетание больших буковок с маленькими циферками, а я даже отдаленно не представляла себе, как это может выглядеть. И меня тошнит уже от слова «кровь». Хотя понятно: кто университет курирует, такие и вопросы. Что пьем, о том и поем. Они хотели искусственную кровь. Бились веками, и не могли решить проблемы. Со всей своей суперпродвинутой наукой и техникой. Люди бились тоже, тем более, что за решение была объявлена огромнейшая премия. Или тем более, что иначе пили их кровь? Не, судя по Лизке, люди явно не против. А судя по мне — так очень даже против. Но питаются они все же животными, а животных никому не жаль. Мы вот тоже питаемся животными, правда другими, да не все ли равно. Вот пусть сами свою формулу и ищут. Наверное, я написала бы даже это, только ручка почему-то была неподъемная, а потом выключили свет.

Очнулась я дома, в своей постели. Болела голова, и хотелось пить. Хотела позвать маму, но поняла, что горло все распухло, изо рта вырывается только хрип. Попыталась встать, но не хватило сил, и я повалилась обратно на кровать. При этом, к счастью, задела стул, он упал, и на грохот прибежала мама.

Она меня, конечно же, напоила, и даже попыталась накормить, и все говорила, говорила, радуясь, что я наконец-то могу ее слушать, и мне даже не пришлось ничего спрашивать. Оказалось, что я заболела прямо на экзамене, поднялась высоченная температура, я потеряла сознание. Сказалось нервное напряжение от поступления в такое престижное место, серьезнейшее переутомление, да ослабленный организм подхватил по дороге какую заразу — и вот результат. Благо, врачей вокруг хватало, диагноз поставили быстро, и я была под хорошим присмотром, пока в университет срочно вызывали моих родителей, чтобы они забрали меня домой. Я провалялась в бесспамятстве три недели, бормоча в бреду что-то про формулы, розы и десерты. Но теперь уже все хорошо, я очнулась и быстро пойду на поправку. Мне надо только много пить, хорошо кушать и не забывать принимать лекарства. Да, в университет меня все-таки приняли, за последний экзамен натянули сердобольную троечку, поверив, что, не заболев, я смогла бы ответить лучше. За остальные экзамены у меня были пятерки, чудо, но этого хватило, и я прошла! Так что теперь мне можно ни о чем не волноваться, спокойно выздоравливать, чтобы к сентябрю быть готовой преступить...

— Лиза, — прохрипела я.

— Что, милая?

— Где Лиза?

— Так они ж уехали, милая, всей семьей, в Старицк. Дяде Жоре там хорошую работу предложили. Да и климат там получше, нет такой влажности, Лизочкиной маме это важно, ты же знаешь, с ее-то чувствительностью...

— Ты точно знаешь?

— Ну конечно. Да к тебе ж Лиза сама приходила прощаться, ты забыла? Перед болезнью самой. Я у тебя-то тогда спросить не успела, ты на экзамен спешила, а потом — какие к тебе вопросы? Так я на улице Лизочкину маму встретила, она мне и рассказала. Адрес мне оставила, поправишься — письмо им напишешь. Где-то он у меня в столе валяется, ну да тебе ж Лизочка наверно и самой дала.

Я откинулась на подушку. Хотелось спать. Только спать. Значит, Старицк. Я чуть не завалила экзамен от переживаний о ее несчастной судьбе, а она просто так пошутила. Чтоб на дольше запомнится, видимо. И уехала в Старицк.

Вопреки маминым прогнозам, выздоравливала я еще долго. И не поправилась к началу сентября. Пропустила Посвящение в Студенты и все те золотые первые дни, когда толпа незнакомцев сближается, разбиваясь на группки и пары, разведывает новые дороги и правила: где какой кабинет, и что можно успеть во время большого перерыва, и даже закатывает свои первые вечеринки.

И когда я, наконец, влилась в их ряды, уже я была для них незнакомкой, и, наверно, не слишком привлекательной: осунувшаяся после долгой болезни, хмурая, раздражительная. И даже проведя в универ пару недель, ни друзей, ни приятелей среди сокурсников я так и не нашла.

А как-то вечером, под заунывный перестук тоскливого осеннего дождя, мама не выдержала и призналась. В тот день, когда я сдавала свой последний экзамен, Лиза умерла.

В прекрасном Городе, чьи освещенные солнцем башни возносятся выше облаков. Среди чудесных летающих машин и ажурных висячих мостов. Среди садов, полных невиданных цветов и экзотических птиц. Среди журчания причудливых фонтанов, под волшебные звуки музыкальных инструментов, каких не встретишь в стране людей. По неотъемлемому праву свободного человека: праву на выбор. В том числе — на выбор собственной смерти.

Они не вернули даже тело. Прекрасный вампир Лоурэфэл, избранный Лизой своим проводником в царство вечных грез, принес родителям Лизы только ее платье.

Глава 2

Куратор

Расписание занятий у нас было плотным. Но преподавали нам все же люди, а не вампиры. И потому — кто-то когда-то болел, кто-то когда-то не мог. И окна появлялись. Народ разбрехался кто куда, выбирая занятия по душе: хоть в библиотеку иди, хоть с милым целуйся. Некоторые устраивали шумные посиделки в буфете, некоторые обегали окрестные магазины. Я предпочитала парадную лестницу. Широкие беломраморные ступени вели на второй этаж торжественно, без изломов, единым пролетом. И упирались в огромные двери Зала Торжественных Собраний. Под аудиторию, насколько я успела понять, Зал не использовали никогда, хотя вместимость располагала. Было это связано с какой-то местной традицией, сути которой я не знала. Вообще, универ уже слегка раздражал меня отсылками ко всяческим непонятным мне традициям и заветам, выдававшимися каждый раз возвышенно и до одури серьезно. Высокопарно: «согласно нашим древним традициям...», а дальше заявлялось что-нибудь несусветное, вроде: «по четным вы должны ходить по левой стороне коридора, а по нечетным — по правой». Почему? Ну, сказано же, согласно традиции. Мы очень гордимся нашими традициями.

По счастью, традиции не запрещали мне сидеть на балюстраде, ограждавшей лестничный проем по периметру. Я устраивалась в самой глубине, привалившись к массивной угловой колонне так, чтобы оказаться лицом к парадным дверям. Я любила рассматривать эти двери, декорированные вставками различных пород дерева и камня, всегда плотно закрытые, никем не тревожимые. За этими дверями проходило Посвящение в Студенты, но я его проболела, упустив свой первый шанс попасть в «святая святых», но, возможно, мне удастся не проболеть выпускной, или по каким там еще датам туда пускают. Пока они нравились мне своей тайной, тем, что я там еще не была.

Я всегда брала с собой книгу, и временами ее даже читала. Но более всего она была нужна мне, чтоб отвертеться от общения с теми, общаться с кем я не слишком-то жаждала. Была у нас в группе парочка таких говоруний. Вообще-то я была им даром не нужна, но вот если никого из друзей рядом нет, а я есть, то можно говорить и со мной. Просто чтоб не молчать. Но как только в поле зрения появлялся кто-то из закадычных, можно отвернуться от меня, не договорив не то, что предложения, слова, и уйти в беседу с товаркой. Меня тишина не угнетала. Я умела и молчать, если говорить не с кем или не о чем. И предпочитала молчать в таких ситуациях. А потому — всегда держала в руках открытую книгу.

Одну, неизменную, конкретную. Я таскала ее в сумке каждый день, вне зависимости от расписания занятий. Невзирая на то, что она одна весила больше, чем все прочие учебники вместе взятые. И не потому, что я испытывала особую любовь ко всей книге вообще или к отдельным ее страницам. Книга Книг именовалась Анатомия. И это была сказочная книга! Потому, что действительно будет волшебной сказкой, если до экзамена мне удастся всю ее выучить.

Ведь я, увы, чаще действительно только держала ее, а не читала. Что-то умерло во мне на изломе этого лета. Ушли жажда знаний и жажда открытий. Я не была уверена даже, что все еще мечтаю быть врачом. Просто крутилась по инерции в этом мире науки, раз уж я сюда попала. А вот сблизиться я не хотела ни с кем, в этом я была уверена твердо.

И любимое место на лестнице вполне отражало мое место в студенческом мире. Когда люди начинали подниматься по лестнице — они были прямо подо мной, но далеко внизу. Когда заканчивали — были на одном этаже со мной, но далеко впереди. Когда люди шли вверх, они смотрели на двери зала, когда вниз — на коридор первого этажа, куда хотели попасть. На меня не смотрел никто, разве что мельком.

Я же, чувствуя себя в безопасности, разглядывала их внимательно, но отстраненно. Всех студентов я делила на вампироманов и нормальных. Вампироманы отчаянно косили под Великих. Юноши отращивали длинные волосы, согласно вампирской моде, и собирали их сзади в низкий хвост. Хвост полагалось скалывать длинной металлической заколкой — трубочкой, украшенной сложным геометрическим орнаментом. Насколько это было аутентично, я не знала: единственный виденный мною в жизни вампир в нашу единственную встречу хвоста не носил и заколки, соответственно, при себе не имел. Ну, разве что глубоко в кармане. Косящие под вампирш девушки, напротив, стриглись весьма коротко, так, чтоб пряди прикрывали лишь уши, оставляя обнаженной шею. Концам волос с помощью лака придавали вид максимально острый, угловатый, словно пряди — лезвия разлетелись и замерли в полете. И красили губы в очень яркий цвет. К счастью, только девушки. Вампироманы мужского пола без помады пока обходились. Но и те и другие обожали носить черные очки, якобы скрывающие их неземные вампирские глаза. И старались одеваться как можно более стильно и вызывающе. Была даже поговорка: «элегантен как вампир», правда в школе мы использовали ее скорее в плане иронии, а здесь она шла в качестве комплимента. Девушка-вамп могла запросто заявиться на лекцию в узкой красной юбке длиной всего чуть ниже колена, вампироманы мужского пола обожали до невозможности обтягивающие штаны, выставяющие на всеобщее обозрение все их мужские достоинства оптом. Нормальные ребята ни под кого не косили, оставаясь самими собой: мальчишки стриглись коротко, девчонки растили косы. Красивые косы традиционно считались главным украшением и девушек, и женщин. Их растили всю жизнь, меряясь с подругами длиной и толщиной, но если молодые девушки заплетали волосы в две косы, свободно свисающие вдоль тела, то более зрелые женщины укладывали единственную косу венком вокруг головы. Чтобы обрезать волосы, да тем более столь коротко, как это позволяли себе псевдовампирши, нужно было иметь очень уж отчаянное желание выделиться. У меня такого желания не было никогда и в зародыше. Мои плотные темно-каштановые косицы давно свисали ниже пояса, еще в школе вызывая восторженные взгляды парней и завистливые — одноклассниц. В одежде я была столь же консервативна, как и большинство моих сверстников. Мы больше ценили практицизм и удобство, чем яркий нестандартный подход. И штаны, и юбки носились широкие, чтоб удобно было и сесть, и встать, и по лестнице пробежаться. Плотная немнущаяся ткань немарких оттенков, длина юбки — чуть выше щиколотки, чтоб пол не мести, не более. Экспериментировать можно было с блузкой, меняя цвета, фасоны и аксессуары, да и то, вряд ли я надела бы ярко-красный. Вампироманы в общей толпе встречались реже, где-то один на десяток среди младших курсов, и один на сотню у старших. Годы, видать, и вправду лечат. Или изучение курса психиатрии. Ладно, кому что.

Была середина октября, я сидела на своем любимом месте во время большого перерыва и меланхолично разглядывала народ, снующий вверх-вниз по лестнице. Вокруг меня тоже толпился какой-то народ, все болтали, смеялись, ругались, было шумно и многолюдно. И тут, вскрикнув, я пошатнулась, и чуть не упала с лестницы. Спрыгнула на пол и, опершись

двумя руками о перила, впилась глазами, уже понимая, что не ошиблась.

Я узнала его сразу, едва он, поставив ногу на первую ступеньку, появился в поле моего зрения. Даже со спины, с собранными в хвост волосами и в весьма затрапезной одежде. Мой вскрик был почти безмолвным, да и гомон стоял вокруг, но он, не то услышав, не то почуяв что, обернулся. Поднял голову, и почти мгновенно нашел меня взглядом. Через секунду кивнул, узнавая, и даже махнул мне рукой, мол, не уходи. И стал стремительно подниматься по ступеням. И была в этой стремительности какая-то плавная, тягучая неторопливость, словно он и совсем не спешил, но быстрее всех.

Я не уходила. Просто смотрела на его стремительно-неспешное приближение, отстраненно понимая, что «элегантен, как вампир» — это не об одежде, и никуда не уходила. Я ненавидела его. Больше жизни и больше смерти. Но сейчас — не чувствовала ничего. Вообще.

А он подошел.

— Здравствуй, Лариса.

Глаза вежливые, внимательные. Улыбка доброжелательная.

— Здравствуй, Лоу-как-тебя-там ибн что-то. Ты сегодня не в маскарадном?

Не оскорбился. Не удивился. Спокойно ответил:

— Он был не маскарадный, он церемониальный. Для официальных мероприятий в нашем Городе. Просто не успел переодеться.

И вежливо поинтересовался в ответ:

— А «ибн» что значит?

Я мечтала убить его. А вместо этого произнесла с ответной любезностью:

— То же, что «ир го тэ», используется в детских сказках в именах персонажей, наделенных волшебными способностями.

— Ты наделяешь меня волшебными способностями? Какими, если не секрет? — все то же вежливое спокойствие.

— Лгать. Убивать. Зомбировать людей, в конце концов, заставляя принимать твои безумные идеи за собственные.

— Что ты читаешь на ночь? — все то же непробиваемое, чуть озабоченное любопытство.

— Руководство по убийству вампиров!

— Его уже издали?

— Вашу цензуру нелегко было обойти, пришлось оборачивать в нотную бумагу.

— Лариса, ты пугаешь меня все больше.

Да? А мне так не казался он особо испуганным. Народ вокруг нас притих, явно прислушиваясь к разговору. А кое-кто и просто пялился на вампира, широко раскрыв глаза и едва ли не разинув рты. Ну да, серебряные кудри, серебряные очи. Сама так когда-то стояла. Давно. Не здесь. И почти не я.

— Я бы хотел поговорить с тобой наедине, если это возможно.

— Ты, кажется, куда-то шел. Вряд ли ко мне.

— Я шел к своему другу, он работает здесь. И ты права — не ожидал встретить здесь тебя. Хотя давно думал о том, что нам следует встретиться.

— На предмет чего?

— На предмет твоих волшебных способностей. И, если боишься оставаться со мной наедине, мы можем пойти к Анхену вместе, уверен, его заинтересует наша беседа.

— Уверена, она не заинтересует меня. Скажи, Лоу, Анхен — это тот твой особенно близкий друг, в компании с которым вы СОЖРАЛИ МОЮ ЛИЗКУ?! — все же не удержалась, в конце фразы сорвалась на крик. И слезы предательски подступили к глазам.

— Да, — а он по-прежнему спокоен, словно обсуждает погоду. — Для тебя это важно?

Я даже не нашла, что ответить. Для него вся эта история — меньше, чем ничто.

— Не переживай. Ты слишком сильно привязана к ней. Даже теперь, когда ее нет. Это не правильно. Надо уметь отпускать, даже самых любимых. Иначе просто не выйдет жить дальше. Пойдем, поговорим спокойно. Хочешь с Анхеном, хочешь без.

— Убирайся.

— Хорошо, — он чуть коснулся моего локтя, — и прислушайся к моим словам: отпусти ее, не то она утянет тебя за собой.

Я хотела было ударить его по руке, но он уже убрал ее и, отвернувшись, отправился прочь.

— Лоу! — я не могла его так отпустить. Я должна была что-то сказать ему, сделать — не знаю. Я никогда не думала, что буду делать, если его встречу. Я никогда не думала, что вообще встречу его вновь.

— Да? — он обернулся все с тем же спокойным вежливым интересом. Сделал пару шагов назад, — ты передумала?

— Я хотела спросить. Скажи, а человек в принципе может убить вампира?

— Никогда не слышал о подобных случаях. Даже о попытках. Расскажешь, если что-то узнаешь? Самому стало любопытно.

— Покажу, — мрачно пообещала я.

— Еще один нюанс, Лариса. Я знаю, наши имена сложны для человеческого восприятия, но «Лоу» — это только для самых близких. Ты, помнится, не захотела войти в эту категорию. Будет правильнее, если ты станешь обращаться ко мне «Лоурэл», раз уж не в состоянии запомнить мое полное имя.

— «Великий Лоурэл» или «Мудрейший Лоурэл»? И я прекрасно помню твоё имя, Лоурэфэл Сэвэрэасис ир го тэ Аирис, хоть и не ты мне его называл. Оно шикарно будет смотреться на могильной плите.

— «Великий» подойдет, «Мудрейший» тоже возможно. И у вампиров не бывает могильных плит.

— Одну я организую. Лично тебе.

— Это называется «навязчивая идея», Лариса. Это не ко мне, это на соответствующую кафедру. Насколько я помню — второй этаж.

Вежливо склонил голову в знак окончания нашей беседы, развернулся и ушел.

Не успела я сунуть в сумку ненужную уже книжку, как раздался новый голос. Ни спокойным, ни вежливым его было не обозвать.

— Это на каком же курсе у нас такие разговорчивые студентки водятся? — возмущение просто переполняло невысокого сидящего мужчину. Я его не знала, у нас он не преподавал. Зав. кафедрой. Какой-то. Кажется.

— Ну-ка немедленно подойдите сюда! Имя, курс, отделение?

Подошла. Куда деваться. Мало мне вампира.

— Лариса Алентова, первый курс, лечебное дело.

— И кто же позволил Вам, студентка Алентова, так позорить наши священные стены?! Кто разрешил в столь неуважительном тоне разговаривать с Великим, посетившим наше

учебное заведение?!

— Я не думаю, чтобы мне требовалось ваше разрешение на выбор выражений в частной беседе, профессор.

— А я не думаю, чтобы при таком отношении вам удалось надолго задержаться в наших стенах! Извольте немедленно пройти со мной!

Пошла, проклиная свою несдержанность и мерзавца вампира. Вот мало мне самого факта его бессмертного существования, так еще и неприятностей сейчас, похоже, мешком отсыпят. Сразу к ректору поволочет? Или пока в деканат? Нет, похоже к себе на кафедру для приватной беседы. «...Общей и биоорганической...» — успела считать с таблички раскрываемой передо мной двери. Ну да, обществу по защите вампиров только на биоорганике и заседать. Самое место.

Кафедра была пуста. Профессор молча указал мне, где сесть, нервно порывшись на своем столе, нашел лист чистой бумаги, выхватил из подставки ручку. Едва ли не швырнул это мне и отрывисто бросил:

— Пишите.

— Что? — опешила я.

— Ах, вот теперь «что»! Теперь она невинным ягненком прикидывается! — прорвало светлейшего биохимика. — Объяснительную пишите. На имя ректора. О причинах учиненного вами в общественном месте скандала, публичного оскорбления в стенах нашего университета высочайшего гостя, и проявления в столь вопиющей форме неуважения к заветам наших предков.

— Простите, вы не напомнимте, что наши предки завещали нам делать с убийцами наших близких?

— Пиши, я сказал! И чтоб я не слышал от тебя не звука более, если не хочешь покинуть университет уже сегодня. Вернее завтра, так как сегодня, на твое счастье, ректор отсутствует. Но завтра, я полагаю, он с радостью освободит тебя необходимости продолжать учебу на нашем факультете.

Я притихла. В тот момент, когда я увидела Лоу, мне захотелось схватить в охапку свои вещи и бежать отсюда навсегда. Отчислиться, чтоб никогда не ходить более по коридорам, оскверненным его дыханием. А вот теперь меня угрожали выгнать, и я поняла, что никуда не уйду! Да чтоб из-за какого-то мерзавца! Вот только как все это написать? Нет, надо успокоиться, взять себя в руки и написать. «Оскорбление высочайшего гостя», это ж надо! Да если б он хоть на миг, хоть на вздох оскорбился! Было бы хоть немного не так противно. «Оскорбленный вампир» — оксюморон, не иначе. Картина «мальчик, оскорбленный яблоком».

Пытаясь отбросить лишние эмоции, старательно выводила на бумаге свои оправдания, надеясь угадать верный тон и понатуральной изобразить покаянную искренность. Профессор демонстративно пялился в какие-то книжки, временами искоса бросая на меня огненный взор.

— Давайте, посмотрим, что вы там понаписали, — видать немного успокоился, раз снова начал обращаться на «вы». — Так, «трагическая гибель подруги... горечь утраты заставила забыть...». Вот очень плохо, Лариса, что частная смерть одного незначительного человека заставила вас забыть самое главное. Причину, по которой все мы, как отдельная ветвь эволюции вообще существуем. И не просто прозябаем, а сумели создать развитое и процветающее государство, развиваем науку, культуру, искусство. Вампиры — наши великие

духовные отцы, и все вместе, и каждый из представителей этого древнего и мудрого народа в отдельности. И глубочайшее уважение к ним каждый нормальный ребенок впитывает с молоком матери. Вот говорю я с вами, а у меня такое чувство, что я в детский сад пришел лекцию читать!

Он немного помолчал, глядя на меня с укором. Я сидела, пристыжено опустив глаза, уговаривая себя молчать, что бы он сейчас не сказал. Вылетать из универа из-за несходства наших мировоззренческих позиций я была не готова.

— Видимо, мы поступим с Вами следующим образом. Мне искренне хочется верить, что виной всему эмоциональное расстройство. И Вы действительно сожалеете о случившемся. И потому я, как председатель Общественного Совета университета не стану ставить перед ректором вопрос о вашем немедленном исключении. Но, — жестко продолжил он, глядя как вспыхнули мои глаза и распрямилась спина, — неуважение, проявленное Вами по отношению к Великому воистину неслыханно и недопустимо! И потому Вам будет занесен строжайший выговор в личное дело. По правилам университета третий подобный выговор является поводом к автоматическому исключению. Я надеюсь, что это заставит Вас очень хорошо думать, прежде, чем открыть рот. Так же Общественный Совет направит официальные письма по месту работы Ваших родителей, ставя соответствующие организации там в известность об их халатности, проявленной при воспитании дочери.

Удовлетворенно полюбовался произведенным эффектом. А эффект был, и огромный! Да если на работу придет такое письмо, отца могут запросто понизить в должности, а мать так и вообще уволить! Достойное воспитание ребенка является первостепенной задачей любого гражданина нашего общества.

— Не надо письма, профессор, пожалуйста, я вас умоляю, не надо письма! Я была глубоко неправа, я раскаиваюсь, я клянусь, что никогда более, только не пишите им!

— Я Вас более не задерживаю, студентка Алентова! Если поторопитесь, еще успеете к началу пары. — светлейший председатель, весьма довольный моей реакцией, не только указал мне на дверь, но и лично открыл ее для меня, ибо не намерен был уделять мне больше ни минуты.

Я вышла из кабинета почти в слезах. Да что ж такое! Он с друзьями убивает Лизку, причем самым извращенным и омерзительным способом. И не то что не скрывая, а даже гордясь содеянным расхаживает среди людей, бродит по университету, а я ему слова не скажи! Да будь они людьми, им бы впаяли лет по 15 каждому, но они вампиры, и потому это я, оказывается, тут главный гад, грублю Высоким Гостям. Недостаточно хорошо воспитана, чтоб осознать незначительность частной смерти перед лицом мировой истории!

Горько вздыхая, покорно побрела на лекцию. Прогул мне сейчас решительно ни к чему, да и учебник по основам мед. терминологии был просто ужасен. Уж лучше слушать в живую, так хоть что-то в памяти остается.

В аудиторию я попала прежде преподавателя. Бросила сумку на первое же попавшееся мне свободное место и рухнула на скамью. Не думать, не вспоминать, потом, дома. Надо как то пережить этот день.

— Что Ольховников, сильно ругался? — сидевшая рядом Марта не могла сдержать любопытства. К Марте я относилась никак. Антипатии она во мне не будила, симпатии, впрочем, тоже. Полноватая, невысокая, с толстыми рыжими косицами, она просто была у нас в группе, и я даже помнила ее имя, так как на днях она делала неплохой доклад по

биологии.

— Заставил писать объяснительную, грозился отчислить, но передумал. И, кстати, забыл сказать что он Ольховников.

— Так всех же представляли в начале года!

— И ты всех помнишь?

— Его помню. Он очень долго тогда вещал о высоком нравственном облике. Ему, кстати, вампиры в свое время жизнь спасли, у него болезнь какая-то была, врожденная, неизлечимая. Ну, в смысле люди такое не лечат, а вампиры по своим методикам вылечили. Так что зря ты при нем с тем красавчиком разругалась! Он вообще слышать не может, когда о вампирах недостаточно почтительно отзываются. А ты кричать вздумала, да еще прямо в лицо! Что он тебе сделал-то?

— Красавчик? Убил мою подругу.

— Как убил??

— Выпил. До последней капли крови.

— Ну, да разве ж это убийство! Меня б кто так убил! Представляешь: один укус — и ты умираешь от неземного блаженства! — глупая мечтательная улыбка расплылась по ее усыпанной веснушками физиономии.

— Представляю. В лицах. Мне весьма подробно рассказывали.

— Ой, признайся, ты просто ревнуешь, что он выпил ее, а не тебя! Жалеешь, что не ты была на ее месте!

— Я очень жалею сейчас, что не ТЫ была на ее месте. Потому что тогда рядом со мной сейчас сидела бы моя любимая подруга, а тупой уродки по имени Марта не существовало бы нигде и ни в каком виде!

Она вспыхнула до корней волос, но даже отвечать мне не стала. Просто молча собрала свои вещи и отсела куда подальше.

Пока шли лекции я хотела попасть домой, но когда все закончилось, мне стало реально страшно. Что я скажу родителям? Что они неправильно меня воспитали? И потому их карьера теперь будет выглядеть несколько иначе, чем они планировали? Они не заслужили, они действительно ничем не заслужили. А я? Чем виновата я? Что я такого сделала, чтоб выгонять меня, унижать, ломать жизнь всей моей семьи? Повысила голос на вампира! Ну вот надо же! Может, стоило сказать, что я безумно рада его видеть, очень благодарна ему за Лизу, она так счастливо закончила свою жизнь, и поинтересоваться, не обломится ли и мне хоть кусочек такого счастья? Похоже, что и Марта, и этот чертов председатель по морально-нравственной политике, считали, что следовало сделать именно так.

Я сидела на лавочке у собственного подъезда, и не находила сил подняться в квартиру. Я не знала, что мне сказать маме, как смотреть в глаза отцу. Я вообще не знала, как мне дальше жить в этом мире, таком счастливом и свободном, если у меня никак не выходит согласиться с правильностью чтимых здесь традиций. Так, на лавочке, и нашел меня вечером отец.

Он сразу понял, что у меня снова что-то не так, снова что-то удручающе плохо. Но взял за плечи, и без разговоров увел домой, убежденный, что без горячего ужина на теплой уютной кухне лучше по-любому никому не станет.

А после ужина усадил на диван, и заставил рассказать обо всем. И я рассказала. И про вампира, и про выговор, и про письма. Он не стал меня ни в чем упрекать. Обнял, забирая к себе «под бочок», так, что я снова почувствовала себя маленькой девочкой. Немного

помолчал, видимо пытаясь все правильно сформулировать. Потом сказал, что глупые письма на работу — это не то, о чем мне стоит переживать, да и вообще думать. Они с мамой уже достаточно взрослые люди, что бы уметь самостоятельно разбираться с проблемами, встающими на их жизненном пути. А вот неприятности в университете мне действительно ни к чему. И потому стоит принять во внимание существующую там точку зрения на суть проблемы. Потому что, даже если я абсолютно права, мне не под силу перевоспитать целый университет. Для этого мне надо сначала стать его ректором. Или хотя бы деканом факультета. А этого не произойдет, если у меня не выйдет означенный университет даже закончить.

— Ты у меня неглупая девочка, Ларка, и я уверен, ты меня понимаешь. Что бы к твоему мнению прислушались, надо сначала стать кем-то. Видным врачом, выдающимся ученым. Пока никому не удалось превзойти то, что сделали для людей вампиры. И потому все слушают их... И даже ты согласишься, что человечеству в целом это ни разу еще не вредило.

— Соглашусь. Но как быть с тем, что неким конкретным людям это вредит?

— А вот это очень сложный вопрос, Лара. И люди размышляли над этим не одну сотню лет.

— Да? А мне так кажется, что они не думали об этом ни секунды, и по-прежнему не думают сейчас.

— Ты не права, об этом написаны книги. Не одно поколение мыслителей пытается понять: почему?

— Почему что, папа?

— Почему люди позволяют вампирам себя кусать. Разве не этот вопрос стоит в основе твоих переживаний?

— И почему же?

— Я попробую объяснить. Так, как сам это понял. А я в свое время прочел немало исследований на эту тему. В чем-то они разнятся, но все сходятся в одном. Корень проблемы уходит в эпоху зарождения видов. Когда-то очень давно на нашей планете зародилась жизнь. Зародилась в виде глобальной, устойчивой экосистемы. Потоки энергии солнца и земли последовательно проходят через всю эту систему, усваиваясь и перерабатываясь всеми компонентами биосферы — от простейших к самым сложным и совершенным. И на вершине этой биологической лестницы стоят вампиры. Изначально единственные разумные существа нашего мира. А наши далекие животные предки самой природой были созданы в качестве пищи для этих носителей разума. Понимаешь, при творении этого мира, не важно, богами или самой природой, биологически не закладывалось возможности иметь больше одного вида разумных существ. И наша кровь была, прежде всего, создана в качестве той питательной среды, что не только поддерживает жизнеспособность организма вампира, но и способствует деятельности его мозга. То есть поддерживает, укрепляет, развивает их разум. Потому что богами, природой, всем миропорядком галактики в любую экосистему закладывается стремление к высшему разуму, как конечному смыслу существования этой системы. И все остальные элементы своей сверхзадачей имеют способствовать всяческому развитию этого разума. Это пока понятно?

— Вообще — да, а вот относительно поставленного вопроса — не очень.

— К ответу на вопрос я и веду. О появлении людей ты и сама все прекрасно знаешь. Поскольку эволюционное развитие нацелено на разум, то, в общем, неудивительно, что со временем разум обрели и вторые по уровню биологической организации существа — люди.

И мы, конечно, благодарны вампирам, что они сумели заметить, верно оценить и направить течение этого процесса. Но дело не в нашей благодарности. Дело в том, что природа изначально не мыслила нас ни разумными, ни свободными. И наша кровь хранит память о своем предназначении где-то на молекулярном уровне, это атавизм, доставшийся нам от наших далеких животных предков. То, что именуется «голосом крови», это лишь сохранившаяся в частичках нашей крови память о нашем доразумном существовании, когда природой не было заложено в пралюдей иной задачи, кроме как служить питательной средой чужому разуму. Это не стыдно и не обидно. Это просто часть нашей истории, нашей эволюции. А как ты знаешь, вся история человечества закодирована в наших генах. У кого-то этот атавистический голос крови настолько силен, что, как вышло у твоей Лизы, заглушает, а то и попросту разрушает разум, заставляя человека мечтать вернуться в первоначальное состояние — стать пищей. У кого-то, вот как у тебя, голос крови, напротив, ослаблен. У большинства он выражен средне. Но, чем теснее человек общается с вампиром, тем сильнее разгорается в нем голос крови, и тем активнее он стремится к самоуничтожению.

Так что, как видишь, все это весьма сложный глубинный процесс, и, наверное, не стоит перекладывать всю ответственность на вампиров. У них свои сложности, и свой голос крови. Они тоже на подсознательном уровне ощущают нас пищей. Но это именно они ввели весьма строгие правила и ограничения. Это и запрет на любые встречи с человеческими детьми, и строжайше оговоренные законом правила и нормы забора человеческой крови, когда в отсутствие вампира, стимулирующее действующего на усиление голоса крови, человек обдуманно и в письменной форме излагает, до какой степени он хочет поделиться своей кровью. Причем варианта «как получится» закон не предусматривает. Либо «остаться живым», либо «до самой смерти». И я знаю достаточно историй о людях, которые делились с вампирами своей кровью. Но я не знаю ни одной истории о том, как кто-либо из вампиров хоть единожды нарушил подписанный договор. Или укусил без подписания всех положенных по закону документов.

Так что послушай этого Лоу, и отпусти свою Лизу. Просто поверь, что ей хорошо там, куда ее унесло. Я не призываю тебя любить его, ведь это он лишил тебя подруги. Просто пойми для себя, что горе он принес тебе, а не ей. А ей — было хорошо. И потому неправильно рассуждать о мести ему за Лизу. Мстить в этой ситуации ты имеешь моральное право только за себя. А перед тобой — так ли уж велик его грех?

Нет, я не ворочалась всю ночь без сна, обдумывая его слова. Я просто упала головой на подушку и провалилась в беспробудный сон. Утром проснулась с тяжелой головой, ни вспоминать, ни думать ни о чем не хотелось. Вяло поковыряв вилкой завтрак отправилась в универ. С деланным равнодушием слушала лекции и участвовала в семинарах. Но внутри ощущала себя сжатой от напряжения пружиной, нервно реагируя на каждый резкий звук. Ждала ли я вызова к ректору или насмешек однокурсников — я и сама не смогла бы объяснить. Наверное, после устроенной мне выволочки просто не верила, что все может вот так просто закончиться.

Но продолжения история не имела. Ни к ректору, ни даже к декану меня никто не вызывал. Однокурсники, может, и обсуждали меня за моей спиной, но до меня, кроме пары не особо уничижительных замечаний, ничего не долетало. Великого и Мудрого Лоурэфэла я тоже больше не видела. И даже обещанные письма на работу родителям за истекшие с того памятного дня две недели так и не пришли.

В самом конце октября неожиданно выпал снег. Обычно он выпадает на месяц позже, а

тут вдруг засыпал улицы, повис тяжелыми белыми шапками на ветвях деревьев и фонарных столбах. Со снегом пришел мороз, и тут вдруг оказалось, что с прошлого года я здорово вытянулась, хотя мне думалось, что уже и не расту. Ан, нет, расту, и спешно вынутое из шкафа зимнее пальто безнадежно мало. Пришлось идти в осеннем. На автобус я опоздала, пока дождалась следующего, промерзла насквозь, и даже в самом автобусе теплее мне не стало.

В универ ворвалась минут через десять после начала пары. Пока негнуцимся пальцами расстегнула пуговицы, сдала пальто, добежала до аудитории, прошло, наверное, еще пять. Тихонько открыла дверь и попыталась мышкой юркнуть на место. Преподававшую нам историю отечества Глорию Донову я не боялась, милейшая женщина, хоть и профессор. Просто, зачем отвлекать.

— А, вот и вы, Лариса, — она все же решила отвлечься.

— Простите за опоздание, профессор,

— Ничего, сегодня такая ужасная погода, все опаздывают. Просто вас искали из деканата, просили немедленно к ним подойти, как только явитесь.

— Спасибо, простите, — пискнула я, задом пятясь из аудитории и закрывая за собой дверь.

Думать, что плохого мне сейчас светит, было решительно некогда, надо было быстрее бежать в деканат, пока у них не закралась мысль, что я прихожу на лекции, пожалуй, слишком поздно. Так, вниз по левой лестнице будет, кажется быстрее.

Угадала.

— Здравствуйте, — врываюсь, не тормозя, что не раздумывать о причинах.

Светловолосая девушка, занятая составлением какого-то расписания, поднимает на меня глаза с выражением вежливого любопытства.

— Меня зовут Лариса Алентова, мне сказали...

— Да, да я поняла, — радостно перебивает она. — Как хорошо, что вы пришли, я боялась, что вы заболели, вышло бы неловко. Вас куратор просил зайти. Прямо сейчас, а то после одиннадцати ему надо в больницу. Вы знаете, где его кабинет?

— Нет, — произношу оторопело, к такому я не готова. Кураторы студентами не занимаются. Они координируют научную деятельность факультета, работу кафедр.

— Слушайте, я все объясню. Сейчас вы поднимаетесь на второй этаж. Но не по этой лестнице, а по центральной. Поворачиваете два раза налево и идете по длинному переходу. И упираетесь в такой квадратный внутренний двор. Вы спускаетесь на первый этаж, обходите дворик по периметру справа, там будет коридор. Идете по нему до конца, по лестнице на третий этаж и опять направо, там еще будет несколько ступенек, чуть пройдете и увидите по левой стороне дверь с табличкой «Куратор». Ну, бегите быстрее, а то он давно ждет. Вы запомнили, как идти?

— Кажется...

— Ой, нет, давай я тебя лучше провожу, еще заблудишься. Ведь можно на «ты»? — Я кивнула. — А то он меня лично попросил тебя найти и пригласить, — девушка встала, побросав свои карандаши и линейки, схватила меня за руку, и резво потащила за собой.

Мы едва ли не бегом преодолевали все эти лестницы и коридоры, и я чувствовала, что дышалки у меня так надолго не хватит. Но просить ее идти помедленнее я не решилась. Сама опоздала, да еще от работы ее отрываю, в ее служебные обязанности показывать мне дорогу явно не входит. Хотя понять ее стремление лично доставить посылку адресату я могла.

Потому как от начала времен должности кураторов по науке в университете, да и не только в нем, занимали вампиры. Голос крови, как утверждает мой папа.

— А он не сказал, что ему от меня нужно? — не смогла я сдержать любопытства.

— Нет, — любопытно было не только мне, — а вы с ним раньше встречались?

— Даже мельком не видела. Я в начале сентября болела, все торжества пропустила.

— Вот и познакомьтесь. Да ты не переживай. Он хороший человек, — она хмыкнула, — хоть и вампир.

— ??

— Ну, в смысле, с ним просто. Он всегда очень по-доброму общается, вежливо. Хотя ему и лет, наверно, за тысячу, и умнее он тут каждого и всех вместе. Казалось бы, должен наоборот, свысока, с прохладцей...

— А с высока и с прохладцей в «этих священных стенах» все больше люди себе позволяют, — не могла не поддержать я тему, знакомую не понаслышке. Она понимающе хмыкнула. И тут последние ступеньки последнего коридора мы преодолели.

— Заходи, — она распахнула передо мной массивную дверь, — да не робей, там вначале секретарь.

Сама она заходить не стала, пропустила меня и закрыла дверь. Я действительно оказалась в небольшой приемной, светлой, с аккуратными рядами папок в стеллажах и с растениями, развешанными в кашпо по стенам. Сидящая за столом девушка делала выписки из лежащей перед ней книги. «Интересно, а он пьет ее кровь?» — не смогла сдержать глупую мысль. Бледной и осунувшейся, впрочем, секретарша не выглядела. Миловидная, облако русых волос по плечам — обычная девушка. Косы, правда, она не носила, волосы были чуть ниже плеч, не более. Ну, да может прежде страдала вампироманией, а теперь отращивает. Или болела, в жизни всякое случается.

— Вы, наверное, Лариса, — обратилась она ко мне и, заглянув в бумажку, уточнила, — Лариса Алентова.

— Да.

— Вы проходите, куратор ждет вас, — она указала на дверь в боковой стене.

Медлить было глупо. Я, неловко постучав, вошла.

Куратор стоял ко мне спиной возле книжного шкафа. Элегантный темно-серый костюм, распущенные черные волосы до середины спины. Только увидев их, поняла, что ожидала увидеть серебряные. Хотя логично, конечно: мы разные, они разные.

Одной рукой он прижимал к себе несколько книг, другой передвигал книги на полке. Наконец, видимо нашел, что искал, с усилием вытянул из дальнего ряда какую-то книжку, поставил обратно те, что держал в руке, закрыл шкаф и оглянулся. Заметил меня. Какую-то секунду пристально вглядывался в лицо, затем тепло улыбнулся и произнес:

— Доброе утро, Лариса. Простите, что заставил Вас ждать. Пожалуйста, проходите, присаживайтесь, — он сделал широкий приглашающий жест.

Я послушно пошла к его рабочему столу, намереваясь присесть на один из стоящих возле него стульев.

— Нет, что вы, не сюда, — подойдя, он чуть развернул меня в сторону стоящих у стены кресел по сторонам от небольшого круглого столика. — Устраивайтесь, я сейчас.

Он вышел в приемную.

— Держи. Я же говорил, что где-то она у меня была, — донесся до меня его голос.

— Спасибо, — в голосе девушки звучала искренняя благодарность. — А то в нашей

библиотеке ее нет, а в городскую мне до выходных не попасть.

— Не за что. У нас есть горячий чай?

— Да, конечно, я только что кипятила, я сейчас, — послышался звук отодвигаемого стула. Куратор вернулся в кабинет. Подошел, сел в кресло напротив.

— Ну, давайте знакомиться, Лариса. Меня зовут Анхенаридит Кортээзиасэри ир го тэ Ставэ. Последние 68 лет я занимаю должность куратора медицинского факультета университета.

Хорошо быть вампиром. У меня вот дедушка в 68 лет от старости умер. А этот только на последнем месте работы столько оттрубил. И еще столько же оттрубит, ежели не надоест.

— Сейчас Инга принесет чай, и, я надеюсь, вам все же удастся согреться. Как вы сумели так замерзнуть — не посмотрели в окно перед выходом?

— Оказалась не готова к увиденному, — пробормотала, опуская голову. Ну не рассказывать же ему о проблемах отсутствия присутствия у меня зимнего пальто нужного размера. Не за этим же он меня с лекции выдернул. И как он вообще узнал, что я насквозь замерзла? Вроде не дрожу.

Вошла Инга с подносом. Переставила с него на столик фарфоровый чайник, сахарницу, вазочку, полную конфет и ровно одну чашку.

— Позвольте мне поухаживать. — Он галантно наполнил чашку чаем и подвинул ко мне, — сахар кладите сами, могу не угадать.

Инга вышла, плотно прикрыв за собой дверь. Я насыпала себе сахар серебряной ложечкой, и понимала, что пальцы все еще плохо меня слушаются. Он просто сидел, смотрел, всем своим видом выражая, что абсолютно никуда не торопит и никуда не торопится. Интересно, зачем он меня все-таки позвал?

— А вы не составите мне компанию? — поинтересовалась, делая первый глоток. Он что, вот так и будет пялиться, как я пью?

— Если вы угостите — с удовольствием.

Непонимающе подняла на него взор и, только уловив лукавый блеск его глаз, поняла, что угоститься он собрался не чаем. Поперхнулась. Он рассмеялся.

— Пейте, Лариса, пейте. Я просто шучу. А чай я и в самом деле не пью, уж извините.

Улыбка у него была очень приятной. Открытой такой, располагающей, искренней. Глаза его были цвета спелых каштанов в лучах осеннего солнца, а нечеловеческие узкие щели зрачков казались провалами Бездны, разделяющей землю на мир людей и мир вампиров.

Я пила чай, обхватив чашку обеими ладонями, чувствуя, что понемногу отогреваюсь. И не только телом. Под ласковым взглядом куратора все тревоги отступали. Казалось невыносимым, что меня сюда позвали, что бы ругать, проклинать и выкидывать из университета. Умом я понимала, что все дело в том, что он вампир, а с вампирами всегда так, просто хочется быть рядом, и как можно ближе. Мы чувствовали их всей кровью, всей кожей, что ли. И узнавали не по приметам. Они были не выше и не ниже, не тоньше и не толще обычного человека. У них не было ни острых ушей, ни длинных ногтей, ни выпирающих изо рта зубов. Ну, глаза. Но часто ли мы смотрим в глаза соседей? Да собери десяток вампироманов-первокурсников, добавь к ним любого вампира, да напиши групповой портрет. И никто не угадает, кто на том портрете вампир. А вот завяжи любому человеку глаза, да заведи в темную комнату, полную народа, да спроси: есть ли среди присутствующих вампиры? И ни один не ошибется, и не только ответит, есть ли и сколько,

но еще и пальцем покажет, в каком конкретно месте стоят. Их аура была настолько сильна, что казалась осязаемой, мы взяли в их обаянии, как мухи в янтаре. И потому не удивительно, что чем дольше я пила чай в его обществе, тем больше проникалась к нему симпатией, тем более красивым, неотразимым даже, он мне казался.

Но пауза затягивалась. И я не выдержала:

— Простите, светлейший Ананхе... ре..., - я безнадежно запуталась в его имени, и вынуждена была отступить, — простите.

— Анхенаридит. Можно просто Анхен, чтоб вам было проще.

— Анхен? — что-то очень знакомое. Где я могла слышать столь экзотическое имя? Ну конечно! Все благолепие с души как сквозняком выдуло, — а это не ваш дружок Серебряные Кудри по университету пару недель назад шлялся?

— Мой. Его зовут Лоурэфэл, — все та же фирменная вампирская невозмутимость. Вот разве что глаза стали чуть глубже.

— Папа с мамой его пусть зовут Лоурэфэл! — меня уже несло, но остановиться я была не в силах. Значит, вот почему я здесь. По просьбе Великого и Мудрейшего, который никак не хочет оставить меня в покое. А я-то поверила, что все кончилось! — Так это ему я обязана нашей встречей?!

— В этом вы правы, Лариса. Постарайтесь успокоиться. Кажется, я не сделал ничего, что могло бы оскорбить вас или обидеть.

Я насупилась, вынужденно признавая его правоту. Дождавшись видимости спокойствия, он продолжил:

— Я, действительно, впервые услышал про вас от Лоу. Девушка, мечтающая убить вампира — это весьма экзотично. Признаюсь, я не обратил на эту историю должного внимания. Но на днях я вновь услышал ее от профессора Ольховникова. И вот здесь мне стало уже не смешно. Объяснить почему?

— Не утруждайтесь. Светлейший профессор объяснил мне все достаточно популярно. Просто скажите, могу ли я вернуться на лекцию, или вашей милостью меня уже исключили из университета? И спасибо за чай, — я демонстративно отставила недопитую чашку.

— Я не занимаюсь дисциплинарными вопросами, никого не принимаю и никого не исключаю — это не в моей компетенции. Что до профессора Ольховникова, то он искренне считает, что свой долг перед Прародиной выполнил, хорошенько припугнув вас по горячим следам. Так что, если не станете более делать глупостей — спокойно получите выбранную профессию.

— Если это все, что вы хотели мне сказать, светлейший, могу я вернуться на лекцию?

— Нет, Лариса, не все. И если вам так важна эта лекция, я вам лично перескажу ее чуть позже. Уверяю вас, я прекрасно разбираюсь в материале.

— Боюсь, мне не достанет средств расплатиться со столь Великим и Уважаемым репетитором.

— Я рад, что вы успокоились настолько, что можете шутить. Пейте чай. Я не собираюсь вас воспитывать или наказывать. Я просто хочу немного с вами поговорить. Вас же не затруднит ответить искренне на несколько моих вопросов?

— «Эти святые стены» сильно не предрасположены к искренности.

— Хорошо, что вы сумели это понять. Но мои стены не святые, самые обычные. А «этим» я нечего не расскажу. Я вам обещаю. Так мы договорились?

— Да. Если потом вы ответите на мои.

— Я отвечу на любые ваши вопросы, Лариса. Тем более, что мне интересно будет услышать сами вопросы. Итак, только честно: мое общество вам неприятно?

— Временами.

— Объясните.

Задумалась, пытаюсь сформулировать. Он же хочет честно.

— Мне приятно, когда вы молчите. Тогда я вас ощущаю... вампиром. Не знаю, как сказать лучше. Но от вас словно исходят волны... вы сами знаете... тепла, умиротворения. Но вот когда вы начинаете говорить, вернее нет, когда вы смотрите таким глубоким, мерцающим взглядом — это неприятно, и это особое ощущение от вас, как от вампира — исчезает.

— С Лоурэлом было так же? Во время первой встречи, когда вас еще не связывали личные отношения.

— Нас с ним не связывают ЛИЧНЫЕ отношения!

— Я не корректно выразился, межличностные.

— Да, с ним было так же. Вам от этого легче?

— Я боюсь, что вам от этого не легче. А мне — пока — просто любопытно. Вопрос следующий: на Горе вы отказались сдать кровь — это было обдуманно или импульсивно?

— Импульсивно. Я разозлилась на тетку. Но сегодня я бы отказалась обдуманно.

— Когда-нибудь, быть может в детстве, вы мечтали о любви с вампиром?

— Мне хватало того, что об этом мечтала Лизка. Мне казалось все это смешным и нелепым.

— Ваша подруга не показалась мне ни смешной, ни нелепой.

Ах, да, он же был там, как я могла забыть! Он затрахал ее до смерти, высасывая кровь!

— А какой она показалась тебе, тварь, вкусной?! — я вскочила, судорожно схватив чашку и шваркнув ее об край стола. Она брызнула во все стороны осколками и чаем. А я уже летела к нему с перекошенным от ненависти лицом, протягивая вперед руки — не то вцепиться в горло, не то выцарапать эти омерзительные мерцающие глаза.

Он, казалось, даже не шевельнулся. Но уже через секунду я сидела боком на его коленях. Одной рукой он крепко прижимал меня к себе за предплечье, другой удерживал мои сведенные вместе руки за запястья. Сжимая их сильно, до боли.

— Пусти! — слезы бессильной ярости текли по моим щекам, — пусти. Мне больно.

— Больно, — спокойно согласился он. — И будет больно еще некоторое время. Пока вы, Лариса, не осознаете, что сдерживать свои эмоции крайне необходимо в любой ситуации. Или мы уже на «ты»? Я, в общем, не возражаю. Знакомство у нас весьма неформальным вышло.

— Отпустите меня. Вы ломаете мне руки, — чувствовать себя настолько беспомощной было страшно. Он вампир, он сильнее несоизмеримо, да и авторитета у него столько, что убьет меня сейчас, или просто покалечит, и в глазах всего мира будет абсолютно прав. Зачем же я, дескать, на него так, с кулаками набросилась, нехорошим словом обозвала. Что, убил близкого мне человека? Да что такое ее смерть по сравнению с непочтительностью.

— Обещай, что больше не станешь делать резких движений.

— Я обещаю...

— И больше никаких попыток оскорбить меня или физически уничтожить.

— А это возможно? — не смогла сдержать любопытства.

— Нет, это невозможно. Поэтому я и говорю: попыток. Итак?

— Я больше не буду, — что еще оставалось, больно было так, что едва сдерживалась, чтоб не вскрикнуть.

— Ты мне обещаешь?

— Да, да, я обещаю, пожалуйста, — я почти уже плакала.

Руки он отпустил. Морщась, потерла запястья. Вроде не сломал, но синяки еще неделю сходить будут. И хорошо, если только одну. Попыталась встать, и поняла, что второй рукой он меня по-прежнему крепко держит.

— Я же сказала, — затравленно повернула голову, чтобы взглянуть в его лицо.

— Молодец, — улыбнулся он, — хорошо, когда разум торжествует. А теперь поцелуй меня. Мне будет приятно.

Его безумные (иначе и не скажешь) глаза мерцали близко-близко. Одна его рука обхватила меня за талию, заставляя развернуться к нему всем корпусом, другая впиалась в основания волос, не позволяя отстраниться. Его губы медленно приблизились. Я дернулась подстреленной птицей, в ужасе от происходящего. Поцелуй с ним был для меня в тот миг равносителен смерти. Потому что и был дорогой к смерти.

Его губы замерли в миллиметре от моих. Скользнули вдоль щеки к уху.

— Ты настолько боишься целоваться? — прошептал едва слышно. Едва касаясь, обвел языком мочку уха, скользнул вниз вдоль шеи, легко поцеловал в основание плеча. Я дрожала.

— Так поцеловать? — вновь шепнул он мне прямо в ухо, — или укусить?

— Пожалуйста, пожалуйста, — умоляла я, уже не веря, что он услышит.

— Пожалуйста что? — выдохнул он мне в губы.

— Пожалуйста, отпустите.

Он отпустил. Причем так резко, что я едва не упала, ведь все это время я пыталась от него отстраниться. Соскочила с его колен и опрометью бросилась к выходу. На бегу едва не запнулась о собственную сумку. Подхватила ее, рванула к двери, и даже успела ее немного приоткрыть. А потом его сильная ладонь заставила дверь закрыться. Более того, он достал из кармана ключ и несколько раз провернул его в замке.

— Не так быстро, Лариса.

Я обреченно обернулась, подпирая спиной дверь и прижимая к груди сумку.

— Давай присядем, и я тебе кое-что объясню.

Я помотала головой. Спасибо, насиделась. Милейшие люди вампиры. Одна беда, что нелюди.

— Обещаю, больше никаких смелых экспериментов.

— Так это был «смелый эксперимент»?!

— Прости, что так напугал. Но я должен был убедиться наверняка.

— Убедиться в чем?

— Присядь, пожалуйста.

Присела. Вот прям где стояла, там и присела, съехав спиной вниз по запертой двери. Он пожал плечами и тоже уселся на пол, в двух шагах от меня, сложив сцепленные в замок руки на торчащей кверху коленке.

— Костюмчик не попортите? — не удержалась я.

— На покупку внеочередного костюма я зарабатываю. Послушай меня сейчас внимательно, ладно? Я позвал тебя не ради праздного любопытства, и не от того, что мне не с кем целоваться. Ты серьезно больна, Лариса.

Если я думала, что он меня уже ничем не удивит, то глубоко заблуждалась.

— Уверяю вас, куратор, я чувствую себя прекрасно, если только не простудилась сегодня на морозе.

Особенно когда вы не ломаете мне руки и не лезете целоваться.

— Ты замерзла, но насколько я могу чувствовать, пока не простудилась. Проблема в другом.

— Да? И чем же, по-вашему, я больна?

— Это редкое генетическое заболевание, совершенно не изученное в человеческой медицине, поскольку предыдущий подобный случай был зафиксирован более двухсот лет назад. Да и тогда он был единичен. Вампиры, впрочем, проблемой занимались. Даже дали этой болезни достаточно сложное наименование, которое я сейчас даже произносить не стану. Потому что ни к чему, да и не помню, если честно. А вот путей решения этой проблемы, увы, найдено не было. Догадаешься, о чем идет речь?

— Я не вампир, на что мне ваши заморочки.

— Они не наши, Лариса, они всерьез угрожают твоему благополучию. Выражаясь простым языком, это называется невосприимчивость. Патологическая невосприимчивость голоса крови. Тебе знаком этот термин?

— Голос крови? Да, папа мне объяснял. Он сказал, что у меня он ослаблен.

— У тебя он отсутствует. Вообще. Более того, любая моя попытка воздействовать на тебя путем активизации нашей кровной связи, вызывает сильнейшую реакцию отторжения.

Воздействовать путем активизации — вот это как, интересно? То есть они на нас воздействуют, заставляя себя желать? Желать вновь стать их пищей? В самом деле зомбируют, я тогда сгоряча ляпнула, а это и вправду так? Я в ужасе сглотнула. То-то глаза у них временами мерцают так неприятно... И тот, на Горе, тоже все хотел, чтобы я взглянула ему в глаза... То есть это вот такая у нас свобода?.. Но он сказал, что на меня он воздействовать не может.

— И поэтому я никогда не смогу захотеть, чтобы вы сожрали меня, как мою подругу? Только вампир мог додуматься назвать это болезнью. Для людей это благо, хотя вряд ли вы сможете это понять!

— Я могу понять очень многие вещи. Например то, что это действительно может быть благом. Для группы людей. Для сообщества людей. Для всех людей в мире. Ты не услышала главного: ты такая одна. Единственная за двести лет. И люди тебе этого не простят.

— Люди? — посмотрела на него скептически. Да что он мне голову морочит? — Скажите уж честно — вампиры.

— Люди, Лариса, люди. Я с тобой сейчас предельно честен. Вампирам ты не помеха. Скорее забавная аномалия, уж прости за прямоту. А вот люди могут тебя возненавидеть, если ты дашь им повод. Свободные и разумные люди — это в основе своей дикая стая, которая не выносит тех, кто думает и чувствует иначе. Я прекрасно осознаю, что ты не сможешь нас полюбить. И чувствовать в нашем присутствии то, что чувствует все остальное человечество. И поверь, и я, и все мои соплеменники без твоей любви прекрасно обойдемся. А вот люди очень жестоко тебе отомстят, если ты станешь открыто выражать непочтение к их кумирам. Любой нормальный человек чувствует практически религиозный трепет даже при слове «вампир». Поэтому я очень тебя прошу, ради себя самой, будь аккуратней в выражении собственных эмоций.

Понятно. Начали за здоровье, а кончили моралью. Не смей обижать святых вампиров. Да не пошел бы он...

— Если это все, разрешите мне уйти.

— Мне казалось, ты хотела меня о чем-то спросить.

— Уже нет, ваши «смелые эксперименты» ответили не только на ваши вопросы, но и на мои.

— Как знаешь. Надумаешь — обращайся, Для тебя у меня всегда найдется время.

Он поднялся, давая понять, что разговор закончен. И протянул мне руку, помогая встать. Руку я приняла. Безумным голодным вампиром он мне больше не казался. Вот только...

— Не понимаю, в чем ваш интерес? Моя, как вы выразились, болезнь, вампирам ничем не угрожает, соседей по парте я не заражу. Что вам до меня?

— Ну, во-первых, ты единственная девушка за всю мою жизнь, которая отказалась от моего поцелуя, — улыбнулся он. — А если серьезно — я все-таки врач, ученый, мне интересна эта проблема с точки зрения науки. И ты все же учишься на моем факультете. Я чувствую за тебя ответственность, хотя формально студенты не в моей юрисдикции... Я помню, что случилось с парнем, что имел то же генетическое отклонение двести лет назад. И не хочу, чтобы ты повторила его судьбу.

Он достал из кармана ключ и отпер дверь.

— Если возникнут проблемы — приходи, я всегда постараюсь тебе помочь. И еще раз прости, что напугал.

До конца дня была крайне тиха и задумчива. На коллоквиуме по биологии умудрилась отличиться редкостной тупостью и несообразительностью, оставив у преподавателя устойчивое ощущение, что я не только не готовилась ни секунды, но и в принципе едва ли обучаема. Это было бы, наверное, даже обидно, ведь в биологии я всегда разбиралась неплохо, не будь я мыслями все еще в том кабинете. Куратор произвел на меня весьма неоднозначное впечатление. Вежливый, рассудительный, внимательный, и при этом, — неумолимо жестокий, не задумываясь причиняющий боль, что моральную, что физическую, будь то для чистоты эксперимента или в воспитательных целях. О его причастности к смерти Лизы вообще старалась не думать. Он вампир. А вампиры — они другие. Как сказала Лизка, высшая форма любви для них — смерть. Мне не понять. Если верить светлейшему куратору — не понять никогда. Или не полюбить? Или выкинуть все это из головы и попытаться сосредоточиться на биологии?

Домой пришла поздно вечером, до закрытия просидев в анатомичке. Руки честно перебирали кости черепа, но названия их в голове не всплывали. Ну вот и откуда в черепе столько костей? Я всю жизнь искренне думала, что весь череп — это одна сплошная кость, ну ладно, две — еще нижняя челюсть. А тут сижу и перебираю, как пасьянс эти маловразумительные пластинки, силясь вспомнить их столь же маловразумительные названия. Злюсь на себя, нервно листая атлас, в тщетной попытке найти соответствия, но вместо всех черепов на свете перед глазами все равно стоит его лицо — слишком близко от моего, его губы, скользящие по щеке, все слышится его шепот: «поцеловать или укусить?» И что, вот что, он думает, я должна была выбрать? Что отвечали ему «обычные» девушки, которых он сажал себе на колени? Которые «никогда не отказывали»? Неужели умоляли его укусить? Или просили поцеловать, а он все равно кусал, и они умирали, лишённые крови, а он вытирал платочком губы и возвращался к работе? Я понимала, что боюсь его. Даже если он не может заставить меня захотеть, что помешает ему просто взять? Его врожденная вежливость и хорошее воспитание? Чернеющие на запястьях гематомы оптимизму никак не способствовали.

Придя домой, первым делом натянула старый разношенный свитер, с рукавами, закрывающими половину ладони. Спасало это ровно до ужина, потому как потом мама потребовала рукава засучить, потому как «в таком виде за стол не садятся». Я попробовала упереться, она не сдавалась, сердилась, «не в силах понять мое ослиное упрямство», а в конце просто дернула меня за рукав. И застыла, глядя на отпечаток кураторского пальца.

— Лара, это что?

Я молчала. Она потянулась за второй рукой. Та выглядела чуть лучше, но следы насилия явственно виднелись и на ней.

— Лара, не молчи, пожалуйста, откуда это? Тебя кто-то обидел? Seriously обидел? Может, нужно вызвать врача, а потом Силы Правопорядка?

— Мама, ну успокойся, ну какие Силы Порядка, что ты выдумала! Ничего не случилось, никто меня не обидел. И уж тем более так, как ты подумала.

— А как я могла подумать? Такие синячищи! Тебя держали за руки, ты вырывалась. Скажешь нет?

— Не скажу. Держали. Вырывалась. И это все. Кости не сломаны, гематомы сойдут.

— Все? Лара, ты ничего не хочешь мне рассказать?

— Нет. Не хочу. Я уже даже ужина хочу все меньше. И если ты немедленно от меня не отстанешь, так и вовсе его расхочу.

— Лариса, а тебе не кажется, что ты не настолько взрослая, как ты себе возомнила? И просто не в состоянии пока решать все возникающие проблемы самостоятельно!

— Я смотрю, количество желающих решать мои проблемы растет в геометрической прогрессии. Спасибо за ужин.

Я выскочила из-за стола и ушла к себе, громко хлопнув дверью. Моя жизнь. Мои руки. И воспоминания — тоже — только мои!

Глава 3

Анхен

А снег растаял. Полежал еще пару дней — и совсем исчез. Выглянуло солнце, стало тепло, словно вернулся сентябрь. Птицы, одурев от радости, вопили под окном с самого утра. Воскресенье радовало возможностью полной свободы. А на что нужна студенту полная свобода? Правильно, чтоб провести день в библиотеке. И узнать хотя бы какого цвета некоторые книги из безразмерного списка рекомендованной к прочтению литературы. А самые избранные даже попытаться прочесть и законспектировать. Вот любопытно, а преподаватели вообще догадываются, что даже забудь мы про сон, еду и посещение универа, и посвети чтению каждую секунду своей жизни, за семестр нам все равно не успеть? Даже овладев техникой скорочтения, скорозаписывания и навекизапоминания.

Осознавая, насколько все прискорбно, из дома вышла пораньше. И затормозила перед огромной лужей, заполонившей весь тротуар, от края до края. С газона в лужу стекала жирная грязь, делая водное препятствие еще более аппетитным. Лужа, понятно, возникла здесь не впервые. И путь через нее жителям подъезда был известен. Надо было с разбегу заскочить на стоящую вдоль тротуара скамейку и, пройдя по ней, спрыгнуть с той стороны. Вот только сейчас на скамейке сидел парень.

Понятно, не на сиденье. Оно было в смерть затоптано грязными ножищами. Но вот на спинке он устроился весьма комфортно, а его широко расставленные ноги в вытертых джинсах и разношенных кроссовках безнадежно мешали мне пройти. Парень был незнакомый, в бесформенной, линялого цвета куртке и обтягивающей вязаной шапочке. Подобные шапки я не любила, и была вполне согласна с их бытующими в народе весьма неблагозвучными прозвищами. Но пройти он мне по-любому мешал.

— Прости, ты не мог бы, — начала было я, и тут он обернулся. И я подавилась всеми своими словами. Потому как не было на скамейке никакого парня. Передо мной восседал светлейший Анхе... реде... тфу ты, Анхен ир го тэ Ставэ, Высочайший Куратор всея медицинского факультета. И превесело смеялся, довольный произведенным эффектом.

— Доброе утро, Лариса, — он поднялся на ноги и легко преодолел разделяющую нас пару метров. Даже не спрыгнул — слетел.

— Здравствуйте... — я затравленно попятилась.

— Так не рада меня видеть? — черные брови взлетели домиком, слишком наигранно, чтобы всерьез.

— Синяки от нашей первой встречи еще не сошли, чтоб я жаждала заполучить новые!

— Ну-у, — не, не чувствовал он себя виноватым, — ты просто держи себя в руках, и мне не придется делать этого за тебя.

— Очень рада, что вам так весело. Я собиралась в библиотеку. Вы не позволите мне пройти?

— В библиотеку? — он глянул весьма скептически. — Ларис, скажи мне честно, ты в окно хоть изредка смотришь?

— Изредка. К сожалению. Взглянула б сейчас — осталась бы дома.

— Не дерзи. Во-первых, ты меня и с двух шагов не признала, не то что из окна. А во-вторых, ты правда веришь, что тебя бы это спасло? Просто по возможности хотелось бы отложить знакомство с родителями.

— З-зачем с родителями?

— Взглянуть, у кого ж такое чудо выросло. Ты посмотри вокруг: тепло, солнышко, птички поют. А ты собралась весь день в стылom подвале провести. Нет, библиотека отменяется, мы с тобой гулять идем.

— Куда? — я сделала еще пару маленьких шажков назад.

— В парк. Городской. Общественный, — его, похоже, мои маневры забавляли.

— Я имею право отказаться? — постаралась взять себя в руки. Да что ж я его так боюсь? Ну, вампир. Не съест же он меня теперь. Если б вампиры убивали каждого встречного, людей на земле бы уже не осталось, разве нет?

— Право имеешь. Возможности крайне ограничены.

— Пожалуйста, ну что вам от меня надо? Я не хочу вас видеть, не хочу вас знать, хочу вообще забыть, что в этом мире существуют вампиры. Вы мне сами сказали, что прекрасно проживете без моей любви всем вашим дружным вампирским коллективом.

— Этот мир создан вампирами, Лариса, и забывать об этом крайне опасно. А я просто хочу с тобой поговорить. Неужели так трудно пройти со мной под ручку по центральной аллее парка. Крайне людной в это время суток.

— Мы уже говорили, — я, по-прежнему, потихоньку пятилась, он, столь же мелкими шажками, наступал.

— Я говорил. А ты попросту сбежала. Предварительно попытавшись устроить драку. А еще утверждала, что у тебя есть вопросы. А потом передумала их задавать. Это не правильно, Лара, нельзя убегать от проблемы, надо ее решать.

Вот я уже и Лара. А как все вежливо начиналось: «проходите, садитесь...» А дальше что — он объявит меня своей собственностью и уволочет в заоблачную даль?

— У меня нет проблемы, куратор. Я не знаю, что за проблемы у вас, что вы преследуете меня, и, поверьте, не хочу о них знать.

Я решительно развернулась, чтобы уйти обратно в дом. Но тут подъездная дверь резко распахнулась, и на пороге возникла моя мама, в распахнутой куртке, спешно наброшенной поверх домашнего платья.

— Что здесь происходит?! — решительно ринулась она в бой. — Вы почему не даете прохода моей дочери?! Лариса, это он? Это он тебе все руки изуродовал? Я сейчас же вызываю Силы Правопорядка!

Юркнув за мамину спину, я взглянула на него из-за ее плеча. И надежда на спасение разбилась о насмешливый взгляд его нечеловеческих глаз.

— А вы Ларисина мама, да? — произнес он совершенно дурацким голосом, дождавшись паузы в ее монологе. — А меня Антон зовут. Мы с Ларисой в универе познакомились, ну, мы же оба с медицинского... И Лариса обещала со мной сегодня в парк пойти, а теперь отказывается. Я специально через весь город к ней ехал, вот жду ее с утра, а она... Хоть вы ей скажите, что так нельзя, она обещала...

Он что, правда думает, что его можно принять за наивного студента? Да его вампирские очи сияют так, что среди ночи день бы сделали! И он что, полагает, что она этого в упор не разглядит?

— Так вы ее мальчик? — изумилась мама уже совсем другим голосом. — Ларочка же нам совсем ничего не рассказывает. А я в окошко увидела, испугалась, думала незнакомый кто, да плохое чего замыслил. А в парк идите, конечно, погода-то какая. Лариса, иди-иди, не спорь, не обижай мальчика. Никуда не денется твоя библиотека. И так все время одна да

одна. Как Лизочка-то от нас уехала...

— Мама, перестань!

— Пойдем, Лариса, не расстраивай маму. Вот сумку ей отдай, и пойдем, зачем тебе с собой тетрадки таскать.

— Да-да, Ларочка, давай твою сумку, я в дом-то отнесу, и правда, не нужна она тебе, — мама вцепилась с сумку, как клещ, и не успокоилась, пока ее не заполучила.

Да что ж он делает с ней, этот «милый мальчик Антон»?!

— Хорошо! Ладно! Я иду! Все довольны?

— Конечно, Ларочка, — проговорил он елеиным голоском, даже не маскируя насмешки, — вот давно бы так.

Приобнял и повел прочь от родного дома под полным одобрения маминым взглядом. Доведя до лужи, резко обхватил меня ладонями за талию и взлетел. Невысоко, наши подошвы едва не задевали воду, мы словно скользили по ней. Издалека и не понять, что мы летим, но мама-то стояла здесь, рядом, и все прекрасно видела, и должна была понимать, что мальчику Антону такое не по силам. Но, судя по ее спокойной улыбке, не понимала.

— И что теперь, прикажете величать вас Антоном? — не выдержала я, когда мы отошли на достаточное расстояние.

— Зачем? — искренне удивился он, — Анхен звучит куда благозвучней. А вот обращаться лучше на «ты», у нас все-таки очень неофициальная встреча.

— Тогда, может, и руку свою уберете, — я попыталась сбросить ее, нагло устроившуюся у меня на талии, едва мы перелетели лужу.

— Может, — легко согласился он. И ничего не изменилось.

Я рванулась. Он не стал удерживать. Просто молча смотрел, как я пытаюсь сохранить равновесие.

— Зачем. Вы. Надо мной. Издеваетесь. — то, что начиналось как вопрос, закончилось как утверждение. Но я была уже достаточно зла на него, и полна решимости не сходить с места, пока он мне не объяснит.

— Я? — опять искреннее удивление. — Но я не издеваюсь. Я просто пригласил тебя на прогулку. И изо всех сил пытаюсь быть вежливым, несмотря на твое невообразимое поведение. Вот почему тебе все время надо мне противоречить? Почему нельзя просто сделать так, как я прошу? Ты не одну мою фразу не нашла для себя достаточно приемлемой, чтобы просто сказать «да». Это что, так невысказано трудно?

— А вашей мудрости не пришло в голову, что я просто не хочу никуда с вами идти? И не обязана говорить «да»? Что мне само ваше общество НЕ приятно?

Какое-то время он просто смотрел на меня, и я поняла, что да, не приходило. Он даже не задумывался, что я могу не захотеть: его видеть, слышать, разговаривать с ним, куда-то идти. Он вампир, и потому всегда и всем желанен. В любом качестве, да хоть в каком качестве, лишь бы заметил.

— Что, когда в уютном кабинете вы рассуждали о моей неизлечимой генетической болезни, вы как-то не примерили ее результаты на себя? Не подумали, что вот конкретно вы не вызываете у меня ни любви, ни приязни, ни желания исполнять ваши прихоти? И как вы собираетесь мне помочь? Заставляя силой или шантажом беспрекословно себе подчиняться? И что, бездна вас заберит, вы сделали с мамой? Вот просто влезли ей в голову и заставили увидеть мир таким, как вы рассказали? Это же отвратительно, омерзительно, грязно! Подло, наконец.

— А как еще, по-твоему, я должен был заставить ее сделать то, что мне нужно? И запомнить то, что я хочу? Вот в твою голову я влезть не могу, и что хорошего? Мы стоим и препираемся, даже не дойдя до автобусной остановки, а могли бы уже гулять по парку, наслаждаясь прекрасным солнечным днем.

— Но почему мы должны гулять по парку, если этого хочет только один из нас? Почему вы считаете своим правом заставлять маму что-то думать или делать? Это должно быть только ее решение, даже если оно неуютно вам!

— Видимо потому, что как любой вампир из благородной семьи, я воспитан в твердом убеждении, что в мире не должно существовать решений, не угодных лично мне.

— А бывают вампиры из «неблагородной семьи»? — не удержалась я. И по дрогнувшим уголкам его губ поняла, что попалась, что он сказал это специально, чтоб поймать на проявлении любопытства.

— Вампиры бывают всякие. Давай заключим перемирие, Лариса. Ты перестаешь злобно шипеть на каждое мое слово, а я расскажу тебе о вампирах все, о чем тебе придет в голову меня спросить. Даже то, о чем в книжках не пишут, — он подмигнул мне, но тут же вновь стал серьезным, — Соглашайся, Лариса, вот просто так, ни за чем. Позволь себе хоть один день быть свободной. От себя самой, своих убеждений, представлений, памяти. Позволь себе просто быть.

— Все это красиво звучит, куратор. Но вы сами-то на такое способны?

— Ты мне, наверное, опять не поверишь, или попросту не услышишь. Но правда в том, что ты — мой единственный шанс это узнать.

Я посмотрела на него, на синее-синее небо, на по-весеннему яркое солнышко. И согласилась.

— В парк? — спросила я его, как могла бы спросить Петьку, когда он предлагал мне сбежать с уроков.

— В парк, — с видимым облегчением согласился он, и улыбнулся, и протянул мне руку.

Так, держась за руки, мы вышли, наконец, к автобусной остановке, и влезли в автобус, почти пустой по случаю воскресенья. И устроились на задней площадке, смотреть, как убегают из-под колес дорога. Он встал за моей спиной, ухватившись за поручень справа и слева от меня, оказавшись слишком близко, так, что на ухабах и поворотах нас прижимало друг к другу, но я не возражала, позволила себе не возражать.

«Пусть, — думала я, — пусть. И можно представить, что я еду гулять в парк с хорошим мальчиком Антоном. Даже если на самом деле он Анхен, и вряд ли помнит те дни, когда он на самом деле был юным мальчиком, а не только хотел им казаться». Что делать, в 18 лет каждой девушке хочется, чтобы у нее был мальчик. Даже не всерьез, понарошку, на денек, но только бы был.

* * *

Парк был разбит почти в самом центре города, его массивные бронзовые ворота выходили на площадь возле здания Городской Управы. И потому неудивительно, что любой праздник, начинаясь на этой площади, плавно перетекал на длинные извилистые аллеи и многочисленные живописные лужайки. Я бывала в этом парке множество раз, и в шумные праздники, и в обычные выходные. В детстве родители возили меня сюда кататься на

аттракционах, а в старших классах школы нам случалось прогуливать здесь уроки. Этот парк я действительно любила, и может, не так уж плохо, что он заставил меня сюда выбраться.

В последнее время, с головой уйдя в учебу, я нигде, кроме универа, не бывала, совсем не гуляла и ни с кем не встречалась. Школьные приятели рассеялись, кто куда, обживаясь в новых местах и коллективах, моя лучшая подруга, с которой, мне казалось, век не расстанемся, навеки ушла на ту сторону Бездны, а в универе я не приживалась. Нет, я им не мешала, меня не сторонились, но и интересна я никому из них не была. В компанию меня не звали, и домой я обычно ездила в одиночестве.

Мы миновали массивные ворота, и словно оставили город за спиной. Вековые дубы шелестели над нами последними засохшими листьями, центральная аллея, прямая и ровная, уходила, казалось, за горизонт. А солнце висело прямо над ней, отражаясь в многочисленных лужах, слепя глаза, заставляя забыть, что это осень, последний бал накануне долгой холодной зимы.

— Знаешь, бывают такие дни, — произнес Анхен, вновь ласково обнимая меня за талию, и уже не встречая сопротивления, — они иллюзия, они обман, им не надо верить. Думать, что они что-то там знаменуют собой, или к чему-то обязывают. В них можно просто войти и наслаждаться мгновением. Здесь и сейчас. И не важно, что было вчера, и что будет завтра.

— Завтра тебе надоест быть мальчиком Антоном в дурацкой шапке, а я так и не пойму: зачем тебе все это было нужно.

— Завтра я и не смогу быть мальчиком Антоном, потому что мальчика Антона не существует. Но сегодня я могу угостить тебя сахарной ватой. Соглашайся, это не слишком дорогой подарок, и ты можешь себе позволить его принять.

Лоток с ватой стоял у нас прямо на пути, и я почти соблазнилась, глядя на мальчишку, с аппетитом отхватывающего зубами огромные куски от пушистого розового кокона на палочке. Но потом вспомнила, что доест этот шедевр кулинарной мысли до конца мне ни разу не удавалось, зато перепачкаться липким тающим сахаром получалось регулярно. Липкие руки, липкие губы...

— Я не слишком люблю сахарную вату.

— Конечно. А если я предложу тебе шарик с сердечком, ты скажешь, что это пошло?

Шариками торговали у следующего по курсу лотка.

— Чудовищно пошло. Идти рядом с тобой с таким шариком, это все равно, что написать у себя на лбу: «я верю в любовь с вампиром».

Он посмеялся:

— А ты не веришь в любовь с вампиром?

— Я верю, что вон тот мальчик очень любит сахарную вату. Но сомневаюсь, что она отвечает ему взаимностью.

— Видела б ты, как она тает у него на губах, — протянул он мечтательно, лукаво поблескивая глазами, — а еще я знаю детские стишки про бутерброд, мечтавший прыгнуть кому-то там в рот.

— А ты уверен, что эти стихи были написаны лично бутербродом?

Он чуть приобнял меня, посмеиваясь, коснувшись на секунду виском виска.

— Идем. Я знаю, от чего ты не сможешь отказаться, — и, взяв меня за руку, потащил куда-то вбок от главной аллеи, по далеко не самой широкой тропинке.

— Эй, уговор был про людные аллеи!

— Уговора не было! Когда я предлагал тебе людные аллеи, ты отвергла мое предложение! Договор был заключен позднее на слово «парк».

— Анхен!

— Мне приятно, что ты, наконец, решилась назвать меня по имени.

Тут он резко затормозил и обернулся, так, что я едва не врезалась в его широкую грудь. Он взял меня обеими руками за плечи, не давая отстраниться.

— Ну перестань, — попросил он меня тихо и серьезно, — ты же прекрасно знаешь, что ничего я тебе не сделаю. Здесь просто короче. Не спорь со мной хотя бы изредка, ладно?

Я кивнула, и покорно пошла за ним, понимая, что его присутствие все-таки сводит меня с ума. Что бы он ни говорил про отсутствующий у меня голос крови. Мне было хорошо рядом с ним. Я могла с ним не соглашаться и даже спорить, но, пока он держал меня за руку, я не могла бояться его или ненавидеть, я ощущала к нему глубокую, почти родственную симпатию, и опасалась лишь одного, что он отпустит мою руку и уйдет, оставив меня одну. Это все потому, что он вампир. Это их вампирское обаяние, вампирская магия. Но то, что я понимала это, никак не спасало меня от пучины симпатии, в которую я погружалась.

— Вот уже и пришли. Ты давно последний раз каталась на велосипеде?

Пункт проката появился в парке не слишком давно и, хотя я и знала о нем, мне и в голову не пришло, что мы идем именно сюда.

— Ты что, предлагаешь нам покататься на велосипедах? — я даже не пыталась скрыть удивление.

— Ну, следуя за тобой на велосипеде, мне точно не удастся насладиться твоей кровью, а ты ведь этого боишься? — он опять надо мной смеялся.

— Я боюсь, что моя длинная юбка, не предназначенная для велосипедных прогулок, попадет в цепь и будет безнадежно испорчена.

— Это ты у меня так витиевато новую юбку в подарок вымогаешь?

Я вспыхнула.

— Ну, если других возражений нет — пойдем выбирать велосипеды.

И я позволила ему усадить меня на велосипед, и, проклиная неудобную одежду, поехала вслед за ним, петляя по тропинкам и дорожкам, объезжая бесконечную грязь и лужи. Нет, юбка в любом случае будет испорчена, даже если не вымажется в смазке — непременно соберет на себя все брызги этой вездесущей жижи. И вот что, если разобраться, на мне еще могло быть одето? Я собиралась в библиотеку. Согласно существующим правилам приличия, в общественных местах — на работе, учебе, в библиотеках и музеях, театрах и ресторанах — женщинам следовало появляться только в юбках. Причем нужной длины. Но на спорт и отдых это правило не распространялось. И потому смотрелась я сейчас в своей юбке на велосипеде столь же нелепо, как выглядела бы на лекции в тех обтягивающих брючках, в которых отплясывала на последнем Регинкином дне рождения.

Но постепенно езда увлекла меня. Дорожки петляли — то влево, то вправо, то вверх, то вниз, и ветер свистит в ушах на спуске, и ноги все ошутимей болят на подъеме, и где мне взять вампирскую грацию, чтобы не свалиться, завязнув в грязи, в какую-нибудь лужу. Да еще бы не потерять его на всех этих поворотах, вон как мчится наш мальчик Антоша, словно крылья за спиной хлопают.

Наконец, на высоком берегу Большого пруда, он остановился и слез с велосипеда, поджидая меня. Через пару секунд я притормозила рядом — раскрасневшаяся, уставшая, но довольная, и он не мог этого не заметить.

— Ну вот, а говорила — библиотека. Пойдем, присядем ненадолго, хоть дыхание выровняешь.

Он повел меня к небольшому деревянному домику над прудом. Зимой им пользовались как раздевалкой любители подледного плавания, а сейчас он был пуст и заперт, и вокруг тоже не было ни души, словно мы единственные забрались сегодня в этот дальний уголок парка. Дверь домика выходила на широкий деревянный настил, от которого вниз, до самой воды шли ступеньки. На солнце доски прогрелись и высохли, и было отчетливо видно, что за все последовавшие за заморозками дни на них не ступала нога человека.

Мы прислонили велосипеды к стене, и расположились на настиле, свесив ноги на ступеньки, глядя на поблескивающую на солнце поверхность пруда, на далекий противоположный берег, шумный и многолюдный. Там, почти у самой воды расположились детские площадки, батуты и карусели, там стояли в рядок лотки с пирожками и мороженым, воздушными шарами и игрушками, дымили многочисленные закусочные, соблазняя гуляющую публику ароматами жареного мяса. На нашей стороне пруда не было ничего. Кроме этого домика, ковра засохших листьев под ногами да сплошной стены вековых деревьев.

— Наверное, ты помнишь эти деревья еще саженцами, — проговорила, поддавшись настроению.

— Здесь всегда был лес, — не согласился Анхен, — его просто облагородили, проложив дорожки, да запрудив речушку, что протекала по дну оврага. А на той стороне — да, и саженцы, и торжественная закладка главной аллеи, и гордые речи, полные похвалы и надежды. Меня приглашали на открытие.

— Сколько тебе лет, Анхен?

— Восемьсот шесть.

— И кого вы сожрали на последнем юбилее? — не смогла удержаться, хоть и чувствовала, что сейчас все испорчу.

— Это очень личные воспоминания, и я не уверен, что хочу ими делиться, — ответил он совершенно спокойно.

— Хорошо, вопрос неправильный, допустим. Но ты можешь мне честно сказать: как часто ты убиваешь людей? Не тех, которыми тебя угостили, а сам, лично?

— Одного-двух в год. Иногда никого, иногда и больше — зависит от конкретных людей и ситуаций.

— И это считается нормальным? Ну, по вашим, вампирским нормам.

— Да, вполне. Кстати, и по вашим тоже, хоть это и не афишируется. Ваши правители здорово боятся перенаселения, ведь расширяться вам особо некуда.

— Какая глупость, у нас есть множество незаселенных территорий. А у вас и того больше. Насколько я помню географию, непроходимые леса к востоку от вашего Города тянутся на тысячи километров. В случае перенаселения сможете и подвинуться.

— Нет, какие наглые проворные человечки. Не успели обрести свободу, а уже жаждете заполнить собой всю землю, — засмеялся он. — Но правда в том, что никто не жаждет выделять средства на развитие и заселение новых земель в вашей счастливой стране. Вашему правительству удобней, чтоб в этом просто не возникало необходимости. Что же касается идеи заселения людьми части наших восточных территорий, с последующей придачей им статуса суверенного государства, то такой проект уже рассматривался Высшим Советом Вампиров, и был одобрен, хотя и отложен на далекую перспективу.

— А ты мне можешь объяснить: зачем вам это? Зачем вы возитесь с нами, помогая развивать науку и повышать уровень жизни?

— Ну, во-первых нам просто нравится создавать, смотреть, как из саженцев вырастают деревья, а из вчерашних полумразумных существ, едва владеющих речью, вырастают инженеры и биохимики.

— А во-вторых? — потребовала я, увидев, что продолжать он не собирается.

— А во-вторых тебе не понравится.

— А ты обещал отвечать честно.

— Но я не обещал рассказывать абсолютно все.

— Неправда! Ты обещал ответить на все вопросы, которые мне придет в голову тебе задать.

— Хорошо, сама напросилась. Причина в том, что ваша кровь вкуснее. Чем более разумной, полноценной жизнью живет человек, чем больше у него знаний, навыков, реализованных и нереализованных желаний, тем богаче и насыщенней вкус его крови. И потому, как бы ни были полны наши загоны и стойла, мы всегда будем приходить к вам, и пить вашу кровь, порой забирая ее вместе с жизнью. А знания и навыки — это единственное, чем мы можем с вами за это расплатиться. К вашей и нашей выгоде. Такой ответ засчитывается?

— Он больше похож на правду.

— Он так же правдив, как и первый. Почему ты хочешь отказать нам в стремлении к красоте и гармонии?

— Потому что в убийстве человека нет ни красоты, ни гармонии.

— Это не убийство, дурочка, это воссоединение. Твоя кровь сливается с моей кровью, твоя душа навеки становится частичкой моей души, обретая мое бессмертие, а пустая телесная оболочка просто становится не нужной, вот и все.

— Но я не хочу ни с кем сливаться. Не хочу быть частью чьего-то бессмертия!

— Сейчас — возможно. Твое право. Всегда есть достаточно тех, кто хочет.

Я вспомнила маму, ласково глядящую нам вслед.

— Или думает, что хочет. Потому что кто-то заставил его так думать.

— Или думает. Постарайся понять простую вещь: мы сильнее вас. Психологически, ментально. Наш разум подавляет ваш самим фактом своего нахождения рядом. Не потому, что мы прилагаем к этому усилия. Напротив, усилия приходится прилагать, что бы не подавлять, чтобы услышать от любого человека, с которым я общаюсь, не мои мысли, а его собственные. Усилия приходится прилагать, чтобы ваше свободное и независимое государство действительно было таковым, чтобы ваши правители не бежали к нам за советом по самому ничтожному поводу, чтобы ваши медики действительно разрабатывали свои методики лечения, свои лекарства, методы диагностики, наконец, а не смотрели мне в рот, пытаясь угадать, какой ответ будет правильным. Вот как при таком отношении ты хочешь, чтобы мы не считали вас продолжением себя? Не считали возможным взять любого из вас в любой момент времени? Если вы сами ничего другого хотеть не в состоянии? Ведь, как я уже сказал, вы чертовски вкуснее тех, кто принадлежит нам по праву. Так что мы еще сдерживаемся. Который век уже сдерживаемся, и все ждем, что из вас все-таки получатся разумные люди.

— Мне всегда казалось, что мы УЖЕ разумные люди. И если бы вы оставили нас совсем, то возможно, нам бы и не понадобилась ваша помощь.

— Ага, и сидели бы вы голые, ждали, когда молния с неба ударит, чтобы хоть костер развести да обогреться. Нам это зачем? Вы — хоть ты как изводишься — наша пища. У вас свой интерес, у нас свой. По-моему, симбиоз получился весьма органичный. К немалой выгоде сторон.

— А твой дружок говорил, что вы и без нас не голодаете, а мы так, на десерт.

— На десерт, на обед, на перекус. Я подолгу живу в вашей стране, и пью — и пил, и буду пить — вашу кровь у многих и часто, и все они живы и здоровы, и весьма довольны, что им так в жизни повезло: ощутить укусы вампира, поделиться с ним своей кровью.

— Да, здорово. А как же те 1–2, которых ты все же убиваешь?

— Так, как я уже говорил: умирают, сливаясь со мною в вечности. И становясь куда более счастливыми, чем те, у кого я просто попросил каплю крови для поднятия настроения.

— Отпусти меня домой, пожалуйста, — мое настроение было безнадежно испорчено.

— Я настолько тебе неприятен?

— Не знаю. Просто, чем больше я задаю вопросов, тем отчетливее понимаю, что не слишком хочу знать ответы.

— Мне казалось, ты хочешь понять.

— Я не смогу этого понять. Скажи, а где-нибудь, быть может, очень далеко, есть земли без вампиров?

— Есть земли без людей. Этот мир принадлежит вампирам.

— Жаль, — я откинулась на доски, чтобы видеть только небо. Но все равно видела и его. — А ты не мог бы снять эту дурацкую шапку, и так рассказываешь какую-то мерзость, еще и выглядишь, как...

Он снял.

— Так лучше?

— Наверное. И хвост из куртки вытащи, ты все равно не похож на Антона. Ни у одного Антона в мире нет в голове такого количества... — я задумалась, как покорректней выразить свое ощущение от его рассказов.

— Я говорил, что Антоном я быть не могу, разве что казаться, да и то недолго.

— Жаль... — я постаралась смотреть только на облака. Облака были где-то невообразимо высоко и столь тонкие, что сквозь них проглядывала синь небес. А Анхен был совсем рядом, и я могла бы коснуться его рукой. Но касаться его мне совершенно не хотелось, он казался куда более чуждым, чем облака в поднебесье. Он и не претендовал. Просто сидел, разглядывая водную гладь, а может, берег на той стороне. Его собранные в хвост черные волосы свисали вдоль спины, более не скрываясь от посторонних взглядов. Никакой особенной «вампирской» заколки в них не было, обычный черный шнурок, завязанный в узел. Попыталась вспомнить, была ли заколка у Лоу во время нашей последней встречи, но поняла, что совершенно не обратила на это внимания. Как-то было не до того. А сейчас стало любопытно.

— Анхен, а вампиры носят серебряные заколки?

— Разные носят, если костюму соответствует. Это ты к чему?

— Ну, наши мальчишки, что под вампиров косят, все как один закалывают свои хвосты такими особенными трубчатыми заколками. Стало любопытно, откуда это взялось.

— Понятно. Подобные заколки были в моде лет двести тому назад. Только они были не серебряные. Их делали из платины и инкрустировали проволокой еще более дорогих металлов. Это было связано с открытием ряда месторождений. Тогда в нашем обществе была

определенная эйфория, всем казалось, что находка позволяет удачно решить одну техническую проблему, что мучает наших лучших специалистов не одну сотню лет. Заколки с использованием металлических нитей, полученных при разработке этих месторождений, были сделаны для всех Высших вампиров, и мы носили их с гордостью, как символ нашей скорой победой над костной материей. Ну а поскольку только Высшим вампирам разрешено появляться в Стране Людей, то и создалось впечатление, что подобные заколки — просто неотъемлемая часть вампирского облика. И появились подражатели. А с годами все так привыкли, что даже не замечают, что вампиры давно уже не носят тех заколок.

— Что, надежды не оправдались? Или старые свершения стали с годами не слишком-то важны?

— Надежды не оправдались. Оказалось, что наличие у нас в необходимом количестве редких металлов проблемы не решает. Нужно что-то еще. Или что-то совсем другое. Годы идут, а мы так и не можем найти ответ.

— Это настолько важно? — я даже приподнялась и уселась рядом, настолько он меня заинтриговал. Всезнающие вампиры столетиями не могут решить какую-то проблему!

— Это важно настолько, что даже был создан специальный научный институт, в котором над решением проблемы бьются не только наши, но и человеческие ученые.

— Совместно? Никогда о таком не слышала. Мы же для вас не достаточно развитые, нам до ваших технологий еще расти, как до неба.

— Возможно, проблему решат совсем другие технологии. Те, мимо которых мы в свое время прошли. Тут не до гордости, был бы результат.

— Но в чем проблема-то, так и не скажешь?

— Так и не скажу. Это секретные разработки, и сам институт находится по нашу сторону Бездны.

— Но... ведь с той стороны Бездны не возвращаются. Или здесь сделано исключение?

— Из этого правила нет исключений. Как я уже говорил — это действительно настолько важно.

Попыталась как то осмыслить услышанное. Ничего себе заколочка. Для нас — символ вампирской моды, а для них, оказывается, просто памятник несбывшихся надежд.

— И у тебя такая была?

— Конечно, я же Высший. Впрочем, почему была? Она и сейчас где-то валяется. С веками мой дом все больше превращается в склад.

Особенности его дома меня сейчас не привлекали. Интересней было другое. Для меня вампиры всегда были — просто вампиры. А они, оказывается, как-то делятся.

— Анхен, если ты Высший, то значит, бывают и другие, низшие...

— Есть Низшие, есть Младшие, но ты никогда не встретишь ни тех, ни других, потому что по эту сторону Бездны им появляться запрещено. А на нашу сторону ты вроде не собираешься.

— Не собираюсь. Анхен, а почему об этом нигде не рассказывают? Ну, про Высших, Низших и прочее. Или это очередная вампирская тайна?

— Это не тайна, просто никому не интересно. Есть книги, они стоят в библиотеке в открытом доступе, и про социальное устройство вампиров, и про политическое, и про нашу историю, и мифологию, все, что хочешь. Только их никто не читает, разве что студенты-историки. А на исторический, сама знаешь, какой конкурс: полтора человека на место. Так высоко в вашем обществе стремление к познанию чего-то, что не касается напрямую ваших

насущенных проблем. А о вампирах вообще принято исключительно мечтать, вздыхая сладострастно, а не вникать, на кого они там делятся, и делятся ли вообще, или другим каким способом размножаются.

А вот на это не поведусь, даже и не мечтай.

— И что же вы делаете у нас так долго, куратор, раз вы так сильно презираете людей?

— Я вас не презираю, просто отчетливо представляю себе ваше место в эволюционной цепочке. Вы значительно разумней собак, я не спорю, но далеко не настолько, как вам самим это кажется. Что до меня, то должен же вас кто-то учить и лечить, не то перемерете все, как дикари в наших восточных лесах.

— Какие дикари?

— Обычные, человеческие. Их оставили в покое, как ты мечтаешь для своей страны. Да только за прошедшее тысячелетие они так и не вышли из первобытного состояния. Не то, что городов — поселений-то толком нет, да и перемерло большинство от болезней да эпидемий. Еще лет 30–50 и вообще никого не останется. Неудачный эксперимент.

— Зачем ты рассказываешь мне все это? Думаешь, мне приятно слушать и понимать, что вы столетиями врете нам про свободу и торжество разума, а сами просто организовали экспериментальный заповедник по выращиванию вкусной и питательной биомассы.

— К вашей и нашей выгоде. Не думаю, что ты предпочла бы жить в загоне с теми, чьим предкам не так повезло, когда определяли степень их разумности. Ты рассуждаешь так, словно мы вас поработили, хотя все было прямо наоборот.

Я молчала. С самого детства нам твердили, что мы рождены свободными, разумными, а потому нет границ для полета нашей фантазии и торжества нашего разума. И мы вырастали, считая это аксиомой, не замечая, что границы были. Вот хотя бы территориальные — так ведь просто незыблемые. С запада наши земли ограничивали горы. Они тянулись от Северного, покрытого вечными льдами, моря до жарких южных пустынь. Более двух с половиной тысяч километров нескончаемых каменных стен, украшенных снежными шапками, едва различимыми среди облаков. Горы были основным источником наших богатств, ибо каких только месторождений там не разрабатывали, но они же являлись и непреодолимой преградой, ведь пути через них не было. В этом были, конечно, свои плюсы, за горами располагались земли вампирского народа, куда менее цивилизованного и не склонного рассматривать людей в качестве полноправного партнера по освоению мира. Но никакой полет фантазии торжествующего разума сдвинуть эти горы был не в силах. Ни жаркие пустыни юга, ни вечные льды сурового севера возможностей территориальной экспансии нам так же не сулили, и даже отправка исследовательских экспедиций в те области казалась всем крайне непродуктивным использованием людских ресурсов. Ну а на востоке, как известно, раскинулась Бездна. Она тянулась, словно глубокая незаживающая рана, с вздыбившимися вверх уродливыми рваными краями. Тянулась, подобно Великим Западным горам, с севера на юг, ограничивая наши земли от и до, но являясь этим горам абсолютной мистической противоположностью. Горы были сурово материальны и бесконечно высоки, Бездна же была пустотой, отсутствием всего и уходила вниз на те же бесконечные тысячи километров. А за Бездной стоял Город, наш потерянный рай, наша древняя прародина. В который можно вернуться лишь однажды, и лишь так, как это сделала Лизка. Нет границ у человеческого разума, но мы закованы в границы территорий, нам даже всю землю не обойти. Узкой лентой тянулась наша страна, зажата между горами и Бездной, стиснутая ими в страстных железных объятиях. Одна радость, что вытянулась она с севера на

юг, хоть климатических поясов — воз и маленькая тележка, представить можно, как же жизнь на земле изменчива. Представить. Но до конца никогда не познать. И от нежной опеки вампиров вовек не избавиться. Потому что они вообще никогда не считали нас разумными.

Я снова легла, и стала глядеть, как солнце просачивается тоненькими лучиками сквозь сосновые иглы.

— Ты когда-нибудь был по ту сторону Западных Гор?

— Случалось, — он тоже лег на нагретые солнцем доски, совсем рядом со мной, но ничем меня не касаясь, и смотрел лишь на небо, почти лишенное в этот день облаков.

— Во время войны? — я знала из истории, что они долго воевали с теми вампирами, что жили от нас на западе, а потом заключили мир, объявив горы непересекаемой границей на веки вечные.

— Не только. Потом просто путешествовал.

— А как же запрет появляться в западных землях?

— А зачем ходить с плакатом «я с востока»? Они охраняют только границу, а стоит отъехать на сотню километров вглубь — и никто уже не помнит о той войне.

— И ты много где побывал?

— Да, более чем.

— И как?

— У нас лучше. Поэтому я и вернулся.

— Мне бы тоже хотелось увидеть мир.

— А ты уже объехала всю страну? Начни с малого. У вас существуют тысячи туристских маршрутов и миллионы мест, которые стоит увидеть.

— А мне бы хотелось увидеть море.

— Северное — оно тоже море. И в июле там даже можно купаться. Немного прохладно, но можно.

— Тебе легко говорить. При желании ты можешь купаться в любом. А я — если только очень повезет. И то — исключительно в Северном.

— Ну, мне тоже приходилось прикладывать определенные усилия. У нас довольно напряженные отношения с соседями по всей протяженности наших границ. И официально мы этих границ не пересекаем. Поскольку требуем того же от всех наших соседей. Если бы меня поймали, Владыка скорее отрекся бы от меня, чем стал бы спасать мою глупую голову.

— Но он знал, что ты путешествуешь, или ты уехал в тайне?

— Я уехал молча. Но он знал. На то он и Владыка.

— Ты мне расскажешь про южные моря?

— Самые южные? Они похожи на Северное: холодные и полные льда.

— Не смешно! — я резко села и взглянула на него сверху вниз. — Может, нам и не суждено путешествовать, но всеобщую географию мы в школе учим, хоть и не так подробно, как родную. Я имела в виду те, что ближе к экватору.

Он лежал, лениво закинув руки за голову, лукаво поблескивая на меня своими космическими глазами.

— И вот что ты все время злишься? Как дикий зверек, честное слово.

— Так ты расскажешь?

— Пожалуй. Если ты перестанешь скакать, как дикая белка, приляжешь рядом и положишь голову мне на грудь.

— Анхен!

— Хорошо, на живот. Ты права, так тебе будет мягче. И позволишь гладить тебя по волосам.

— Анхен, прекрати, мы так не договаривались! И вообще, это что — твой очередной «смелый эксперимент»? Зачем?

— Хочется. Красивый день, красивое место, красивая девушка рядом — что еще надо для счастья?

— Анхен, прекрати надо мной издеваться. Ты просто не хочешь ничего рассказывать!

— Неправда. Просто я хочу рассказывать тебе. А я не чувствую тебя, ты для меня как голос в телефоне: фантом, мираж. Понимаешь, любого человека я ощущаю изнутри: каждое движение его мысли, каждый порыв его души. Он словно состоит из крючков, за которые я держу его. А у тебя нет крючков, и мне не за что зацепиться. Невольно хочется коснуться, чтоб убедиться, что ты существуешь.

— Так коснуться, а не «голову на грудь».

— Вот тебе действительно это так невероятно сложно?

Я вздохнула, поддаваясь обаянию его искренности, хоть и не веря в нее до конца. Потом все же сделала, как он просил: улеглась боком на доски, развернувшись к нему лицом и положив голову ему на живот. Одной рукой он взял меня за руку, другой осторожно провел по волосам. Я не возражала.

И он, не спеша, заговорил. О далеких теплых морях, обдающих водопадами пенных брызг. О затерянных в этих морях островах, усыпанных чистейшим белым песком. О разноцветных коралловых рыбках и причудливых раковинах, что вечно хранят в своей извилистой глубине шум породившего их моря.

Его рука легко скользила по моим волосам, а я жмурилась, как котенок, убаюканная его словами и его лаской, и только слегка опасалась, что он сделает что-то, что нарушит очарование момента, заставит меня вставать, вырываясь из кольца его рук. Потому что мне бы хотелось остаться так вечно.

Стоп! Что за безумные вампирские фокусы? Еще минут десять, и я, пожалуй, захочу умереть, лишь бы не покидать его сладких объятий!

— Отпусти меня! — стремительно села.

— Я тебя не держу, — он смотрел слегка удивленно, — что опять не так?

— Ты делаешь это специально! Топишь меня в своем вампирском обаянии, лишая воли и способности разумно мыслить!

— А может, я тебе просто нравлюсь? Без всякой вампирской магии, обычно, по-человечески?

— Так не бывает.

— Это еще почему? Даже если б я не был вампиром, я все равно был бы весьма привлекательным молодым человеком противоположного пола. Юным девушкам свойственно влюбляться.

— Что за чушь! Да и вообще, с чего ты взял, что ты «весьма привлекательный»? Самый обычный. Убери всю твою вампирскую ауру — и второй раз не взглянешь. Вот дружок твой — он да, красавец писанный, даже будь он обычным парнем с такой внешностью, за ним бы толпами девчонки бегали.

— Правда? — Анхен смотрел куда-то в небо, и насмешки в его голосе не было.

— Можно подумать, раньше тебе этого не говорили.

— Ты и представить себе не можешь, сколько есть в мире вещей, о которых мне никогда не говорили. Даже я сам с трудом себе это представляю. Потому и брожу тут с тобой, чтобы понять, что же нового можно услышать, когда человек говорящий.

Очередной наезд на людей вообще и себя в частности решила пропустить, интересней было другое:

— Нет, ну ладно, на людей так действует твое вампирское обаяние, что они не то, что говорить, соображать объективно не могут. Но вампиры? Или ты с вампирскими девушками не общаешься, чтоб самолюбие не ущемлять? — не смогла не съязвить в конце.

— А для вампирских девушек я слишком выгодный жених, это затмевает любые мои недостатки.

— Тебе восемьсот лет, и ты все еще жених? — пока он не заговорил об этом, я даже как-то не задумывалась о его семейном положении, а ведь у него, наверно, и пра-пра-правнуки давно женаты.

— Мы не моногамны, — он пожал плечами, — сейчас жених.

— Сейчас? — попыталась уточнить.

— К чему тебе такие подробности? — легко оттолкнувшись от настила, он тоже сел, вновь приблизившись ко мне. — Вампиры женятся на вампиршах, человеческие мальчики — на человеческих девочках, и никак иначе. Перекрестного опыления не бывает, межвидовые браки самой природой не предусмотрены. Единственный вид любви с вампиром — это быть выпитой им до последней капли.

— Зачем ты мне это говоришь?

— Из опасения, что мои действия введут тебя в заблуждение. Я не ухаживаю за тобой, и позвал не на свидание. Мне было интересно пообщаться с тобой в неформальной обстановке, потому что, как я уже говорил, ты уникальна. Но, сколь бы ты не любила кошек, ты никогда не признаешь их равными людям, даже если одна из них начнет говорить человеческим голосом.

— Я больше люблю собак. И ты напрасно волнуешься. Единственное объективное чувство, которое определяет мое отношение к тебе, это страх. Да, в какие-то моменты я могу чувствовать симпатию к тебе, дружеское расположение, а если ты снова меня обнимешь, мне может даже показаться, что я готова сидеть с тобой в этом парке вечно. Но если убрать весь флер твоего вампирского обаяния, останется — только страх. Ну, а то, что все мы для тебя, для всех вас — только кошки, я уже поняла, можно больше не повторять, спасибо.

Я отвернулась от него, нахохлившись. Стало зябко. Солнце могло светить сколь угодно ярко, но это был почти ноябрь.

Он притянул меня спиной к себе, заключая в кольцо своих рук:

— Сейчас ты скажешь, что тебе не холодно, а мне вдруг захотелось тебя согреть. Прости, я не хотел тебя обижать, и мне жаль, что я так тебя пугаю.

— Мне холодно, — не подтвердила я его опасений. И откинула голову ему на плечи, хотя он, похоже, ждал, что я начну вырываться. — И голодно. И я устала. И хочу домой. И вообще ничего уже не хочу.

— Верю, — он легко коснулся губами моего виска. — Ты сейчас очень похожа на бедное дитя, до смерти замученное злым вампиром. Поехали, сдадим велосипед, и я отведу тебя в одно хорошее, уютное кафе совсем рядом с парком.

— Что, там кровь подают прямо в хрустальных бокалах? — не смогла удержаться от насмешки.

— Кровь в бокалах — как это пошло! Никогда, пока на свете есть живые люди, — я не сразу поняла, шутит он или всерьез, даже обернулась, чтоб взглянуть в его лицо. Он слегка усмехался. А потом добавил уже серьезно, — у людей есть нелепая привычка обсуждать за едой важные дела и принимать судьбоносные решения. Так что порой приходится присутствовать и в таких заведениях, и даже разбираться в качестве кухни, хоть и используя при этом чужой опыт.

— А вампиры за едой дела не обсуждают?

— Минуй нас, бездна! Мы дела с удовольствиями не смешиваем.

— А еда для вас удовольствие? То-то вы ее столь активно смешиваете с сексом.

— Я слышал, даже у людей еда и секс дарят самое сильное наслаждение. Просто вы менее совершенны, и поэтому каждое из этих удовольствий вынуждены испытывать отдельно.

— А вы, похоже, просто не в состоянии испытывать их по отдельности. Так что еще большой вопрос, кто из нас более совершенен.

— Заблуждение. В состоянии. Просто людям всегда хочется большего, чем просто отдать свою кровь, и они не любят афишировать, что ничего другого у них не взяли.

— И как всегда виноваты люди!

— В чем? Что тебе не сообщили подробностей? Ну, у тебя есть уникальный шанс познать все на собственном опыте, — он явно опять начал забавляться.

— Так, я не поняла, — вывернулась из его рук и решительно встала. — Ты только что приглашал пообедать меня или пообедать мной?

— Ну-у, — он тоже поднялся, — выбирать тебе, а я соглашусь с любым из озвученных вариантов.

Почему-то очень хотелось спуститься вниз, к самой воде, и опустить в нее руки. Хотя вода, наверное, уже ледяная, и руки сразу замерзнут. И я побрела следом за Анхеном к велосипедам, и мы уехали прочь, запетляв аллеями. А минут через десять езды я вдруг поймала себя на мысли, что воду не потрогала — словно и на берегу не была, будто пруд был просто картинкой, нарисованной на далекой стене. Но сухие листья, шуршащие под колесами, были реальны, и солнечные лучи, пробивающиеся сквозь ветви, тоже были реальны, как и фигура черноволосого велосипедиста, мелькающая впереди. Что я делаю с ним в этом парке, почему не отстану, не уеду прочь на первом же повороте? А главное: ему это все зачем? Почему он так бездарно тратит свой выходной — на прогулку с первокурсницей, которая не готова ни кормить его, ни ублажать? Неужели и вправду настолько наскучило всеобщее обожание?

Анхен чуть притормозил, позволил мне поравняться с ним, и спросил:

— Мы поедем напрямик через мост или в объезд вокруг пруда?

— Через мост.

Я чувствовала себя усталой. Слишком давно я каталась на велосипеде в последний раз. Кажется, лет в 12 в деревне у бабушки.

— Там много народа. Ты точно ни в кого не врежешься?

— Я езжу настолько плохо?

— Не знаю, тебе видней.

Он вновь умчался вперед, предоставив мне его догонять. Интересно, вампиры вообще не устают, или это лично он такой тренированный?

Мы свернули на аллею, ведущую к мосту. Она чем дальше, тем сильнее шла под уклон, и

я начала было радостно наращивать скорость, но здесь уже гуляли люди: и парами, и группами, и с колясками, и с детьми, эти коляски переросшими. Пришлось притормаживать, лавируя меж ними, а Анхен резво удалялся все дальше, ловко огибая препятствия не снижая скорости. Аллея резко обрывалась лестницей, круто уходящей вниз, и в какой-то миг мне показалось, что он просто спрыгнет с нее вместе с велосипедом, слетит, пользуясь данным от природы умением. Но он резко затормозил почти у края верхней ступеньки, поставил велосипед поперек и стал смотреть, как я приближаюсь. Между нами были еще какие-то люди, его велосипед им мешал, но они молча обходили его, обтекали, словно вода преграду, а он обращал на них внимания не больше, чем камень — на текущую вокруг воду.

Я приближалась медленно, все время тормозя и борясь с искушением пройти крутой склон пешком. Но доехала почти до его колеса.

— Ты же мешаешь проходу, — укорила, спрыгивая на землю.

— Зато уверен, что ты не кувыркнешься с лестницы и не сломаешь шею.

— Да вроде большая уже девочка.

— Вроде, — двусмысленно согласился он, развернул велосипед и начал спускать его по узкому рельсу, положенному поверх ступенек специально для подобного транспорта. Я спустилась на мост следом за ним и пошла пешком, везя за собой велосипед. Мост был достаточно узок и заполнен людьми. Собственно, это был даже не мост, а проход по гребню плотины, создавшей Большой парковый пруд. Слева плескалась вода, а справа был устроен летний театр. Его скамьи широким амфитеатром расположились на склонах оврага, а в самом низу была установлена сцена, по которой сейчас бегали какие-то дети.

Анхен тоже предпочел пройти этот отрезок пешком. На берегу мы вновь сели на велосипеды и поехали по той самой набережной, на которую смотрели, отдыхая возле запертого домика. Здесь было еще многолюдней, сновали дети на велосипедах, кого-то катали на пони. Пришлось ехать еще более медленно и аккуратно.

— Лариса! — вдруг окликнули меня от одного из многочисленных столиков, расположившихся вокруг небольшого шатра придорожной забегаловки, — эй, Ларка, привет!

Я оглянулась на голос, и тут же увидела Петерса. С ним был Марк, еще какой-то незнакомый парень, девчонки. Радостно помахала им рукой и собралась было поскорее проехать дальше, но Анхен вдруг решительно слез с велосипеда.

— Ты куда? — удивилась я.

— Это, кажется, твои друзья, и они рады тебя видеть.

— Да, в школе вместе учились.

— Вот и пойдем, пообщаемся. Ты ведь все равно собиралась обедать.

— А ты обещал мне уютное кафе. Решил сэкономить?

— Ага, — он был настроен весьма решительно, и пришлось слезать, и покорно идти к столику. Ну вот и что они теперь обо мне подумают?

— Обычно девушки гордятся, что их застали в моем обществе, — ухмыляясь, шепнул мне на ушко Анхен.

— Вот и гулял бы с теми, кто гордится, — буркнула я в ответ. — Вот что я им теперь скажу?

Ответить он не успел, мы уже подошли, и Петерс, вскочив, радостно меня облапил:

— Ларка, привет! Как я рад тебя видеть, ты не представляешь!

Бодро протянул руку Анхену:

— Рад знакомству, Петр, можно Петерс. Мы с Лариской вместе в школе учились, с

выпускного не виделись, — тут он, наконец, осознал, с кем разговаривает, лицо его чуть изменилось, а протянутая рука дрогнула.

Но Анхен уже пожимал ее, невозмутимый, с обаятельной открытой улыбкой на устах:

— Очень рад познакомиться с друзьями Ларисы. Я Анхен. Мы будем рады, если вы пригласите нас за ваш стол, Лариса проголодалась, и мы как раз искали место, где пообедать.

— Да-да, конечно, присаживайтесь, — и вот компания уже двигается, освобождая нам место, Анхен пожимает руку Марику, и третьему парню, выясняя, что зовут его Артем, затем раскланивается с девушками. Они краснеют и млеют под его чарующим взглядом, парни тоже под впечатлением от встречи с настоящим вампиром. Но прежде, чем повисает неловкая пауза, Анхен произносит:

— Здесь ведь самообслуживание? Пойду добывать еду. Ларис, ты будешь, как ребята, мясо?

— И салат, — если уж изображать девушку вампира, так хотя бы капризную.

Он откровенно смеется:

— Для тебя — даже салат, — и скрывается в шатре, весьма довольный собой.

И тут компанию прорывает:

— Ну ты, мать, даешь, — пораженно качает головой Петерс, — и где ты их только находишь?

— Да они все больше сами находят, — развожу руками. Что тут еще скажешь. Невиноватая я.

— А он что, правда, настоящий вампир? — замороженно вопрошает одна из девиц, Катя, кажется.

— Конечно, вампир, разве ты не чувствуешь, разве не видела, какие у него глаза? — забивает ее другая, чьего имени я не запомнила, и поворачивается ко мне, — а у вас с ним уже было? И каково это, сладко?

— А у тебя с кем-нибудь из этих парней уже было? — киваю на сидящих за столом. — И в какой позе они предпочли тебя иметь, не поделишься?

Девушка злобно вспыхивает, Петерс смеется:

— Девочки, не ссорьтесь, к чему нам такие подробности? Ларка, расскажи лучше: ты как, где?

— Где и хотела. В универе, на медицинском.

— Да? А мы все там же на геологоразведочном. А вампир твой откуда?

— И вампир с меда. Только он не мой, свой собственный. И у тебя все еще есть шанс.

— Ты в главном здании бываешь хоть иногда? — Петерс, похоже, принял мои слова всерьез.

— Пока не доводилось. Мы все у себя, в пятом корпусе, да по больницам.

— А у нас по средам — в главном все лекции, если вдруг будешь забегать, то мы на большой перемене всегда в столовке.

Ответить я не успела — вернулся Анхен. Если и была в том шатре очередь — она явно вся попадала в обморок при его приближении, а весь персонал носился как угорелый, выполняя его заказ в робкой надежде на его благодарную улыбку. По-другому объяснить скорость, с которой ему удалось «раздобыть еду» я не могла.

Он поставил передо мной тарелку с дымящимся мясом и салатом, и водрузил на середину стола огромный жбан пива:

— Мне показалось, было бы не правильно себя ограничивать.

Компания заметно оживилась. Еще бы, в этом возрасте ограничивает разве что отсутствие денег.

— А вы тоже пьете пиво? — наивно поинтересовалась Катя.

— Пиво я обычно разливаю, — невозмутимо ответил Анхен, ласково глядя в ее синие очи, — а пью я потом и совсем другие напитки.

Девушка смущенно ахнула и опустила глаза, я расхохоталась. А Анхен действительно разлил по стаканам пиво — на всех, и даже себе налил полстакана, для поддержания компании, видимо. Да, а со мной за чаем тогда посидеть не захотел. Хотя — тогда б могли и две чашки пострадать.

Я поймала себя на мысли, что мне сейчас хорошо, объективно хорошо, без всяких вампирских штучек. Я сидела в теплой компании почти забытых, почти потерянных друзей, ела сочное мясо, запивала пивом, хмелела. И даже наличие вампира рядом меня не смущало. Тем более, что он бодро обсуждал с компанией проблемы добычи полезных ископаемых, вероятность того, что и в наших горах будут найдены залежи алмазов, и целесообразность геологической разведки в приполярье. При этом не забывал подливать всем пива, непременно чокался, поддерживая тосты, и даже подносил свой стакан к губам. Ну, а то, что при этом он не пил из него ни капли, никого, похоже, не расстраивало.

— Все это ерунда, — вдруг заявил молчавший до того Артем, — скажите Анхен, а что вы знаете о Бездне?

— О Бездне? — Анхен стал очень серьезен, — похоже, сегодня это вопрос дня.

Да? Странно, я его о Бездне вроде не спрашивала...

— Бездна очень жестока к тем, кто пытается узнать ее тайны. За все, что мы знаем о ней, заплачено жизнями ее исследователей, а знаем мы все равно немного. Знаем, что она образовалась на месте русла большой реки. В результате серьезнейшего катаклизма, который мог погубить всю планету.

— Да, считается, что туда упал метеорит, и войди он чуть глубже, он бы мог расколоть всю землю, — встрял Марик.

— Возможно, метеорит, — согласился Анхен, — а возможно, раскол шел изнутри, что гораздо серьезнее, потому как понимание сути этого процесса у нас отсутствует, а потому нет гарантии, что продолжения не будет.

— Даже вампиры не знают? — удивилась Катя.

— Даже вампиры. Насколько я знаю, на вашем факультете есть кафедра, которая специализируется на вопросах, связанных с геологией Бездны, но внятных ответов по существу нет и у них.

— Да, я знаю, я, собственно и пошел на этот факультет только ради геологии Бездны, — признался Артем, — я с самого детства мечтал когда-нибудь спуститься туда, к самым ее глубинам.

— Спуститься туда не сложно, — Анхен Темин энтузиазм явно не разделял, — вот подняться обратно — шансов практически нет. Знаешь, Артем, как вампир и ученый я обязан пожать тебе руку и пожелать успехов в будущих научных исследованиях. Но как приятель, угощающий тебя пивом, могу сказать только: выбери другую кафедру. Проблема поиска нефти в приполярье может быть не менее захватывающая.

Тема становилась слишком мрачной, а Петька в жизни не терпел печальных разговоров.

— Ну ее, Бездну, в бездну, — заявил он решительно, — Анхен, расскажите лучше о себе.

Лара сказала, что вы с меда. А чем вы там занимаетесь?

— Ну, чем может заниматься вампир на меде? Вопросами научных исследований в данной области. Ну а вообще я практикующий врач, и говорят, неплохой.

— А какой именно врач? — поинтересовалась девица, чьего имени я не запомнила.

— Хирург. Самая вампирская профессия: опыт с годами накапливается, а сила и координация не уходят.

— А как же море крови вокруг? — удивилась Катя.

— А как же люди работают на кондитерской фабрике? — возразил ей Анхен.

— Что, настолько привыкаете?

— И привычка тоже, — согласился Анхен, — но могу открыть тебе одну страшную вампирскую тайну: кровь больного человека абсолютно несъедобна. Как для вас — протухшие продукты в холодильнике. А здоровые люди под нож не ложатся. Так что не болей и поменьше прогуливай физкультуру, а то ни один вампир не укусит, — и он заговорщицки ей подмигнул.

— А вот вы можете нам сказать, Анхен, — вновь вклинился Петька, — чем Ларка так вампиров привлекает? И полгода не прошло, а я ее уже со вторым встречаю, уж простите за прямоту. Первого она, правда, подружке подарила...

— Заткнись! — грозно сверкаю на Петерса глазами.

— А поподробней? — вдруг заинтересовался Анхен.

— Да на Горе дело было, — охотно пускается в объяснялки Петька. — Появился там один — и сразу к Ларке. Глазами томно сверкает, под ручку берет, о любви твердит и горы золотые обещает. А она над ним посмеялась и подружку вместо себя предложила.

— Я не знал, — очень тихо говорит Анхен, внимательно глядя на меня.

— Разве? — я сижу бледная, с опущенной головой, из последних сил сдерживаясь, чтобы не разрыдаться.

— Кто ж признается, что ему девушка отказала? Тем более, даже ты признаешь Лоурэла писанным красавцем. Сам он о себе куда более высокого мнения. И тут такой облом! Конечно, он не стал никому об этом рассказывать... Значит, Лизу ему предложила ты.

— Прекрати! Сколько можно меня мучить! Я же не знала, что все так... — рыдания душили меня, мне оставалось только выскочить из-за стола и броситься прочь, не выбирая дороги.

— Что, Ларка все еще страдает о том вампире? — непонимающе уставился мне в след Петерс.

— Нет, Петя, Лариса винит себя в смерти Лизы, — спокойно объяснил Анхен поднимаясь. — Нам, видимо, пора. Приятно было познакомиться.

* * *

Я бежала прочь, в лес, в самую чащу. Хотя, откуда здесь чаща, это всего лишь городской парк, причем самая истоптанная его половина. Мне хотелось скрыться от всех, но то справа, то слева вечно мелькали какие-то люди, слышались голоса, смех и детские вопли. Подсознательно я, видно ждала, что вот-вот рука Анхена опустится мне на плечо, меня окликнет его голос, и все стремилась убежать подальше, прежде, чем он поймает меня.

Я выскочила на какую-то тропинку прямо под колеса велосипеда, вскрикнула, отлетела

в сторону, дрожа, как загнанный зверь.

— Девушка! Да смотрите же вы, куда несетесь! — голос велосипедиста был мне незнаком. Коренастый дядька в спортивном костюме неодобрительно глянул на меня и поехал дальше своей дорогой.

И тут только я осознала, что никто за мной не гонится, да, наверно, и не собирался. Я прижалась лбом к какому-то дереву и долго рыдала, не в силах остановиться. «Ты ему предложила. Вместо себя. Подружку. Ему. Вместо себя». Он все равно нашел бы. Кого-то другого. Не Лизку. Не факт, что Лизку. И в этом не было бы моей вины. «Ты ему отдала» — голоса Анхена и Петьки сливались для меня в один бесконечно обвиняющий голос совести. И я все плакала, плакала...

А потом слезы кончились. И надо было решать, что делать дальше. Вампир от меня, наконец, отстал. Наскучила игрушка, про дела вспомнил. И можно было смело ехать домой. Да вот только кошелек был в сумке, а сумка осталась у мамы, и поездка на автобусе мне не грозила. А пешком было здорово далеко. Был вариант вернуться к компании и попросить займы. Петерс не откажет, еще и до дома проводит. Но вот только придется отвечать на вопросы. Говорить про Лизу. На это я была не способна. И потому решительно двинулась к выходу из парка. Солнце еще высоко. Ноги целы. Дойду.

Заблудиться в этих, знакомых с детства, трех соснах мне решительно не грозило, как бы я там не бежала куда сломя голову. И потому уже через пять минут впереди замаячили ворота главного входа. А еще через три минуты я сумела разглядеть, что уютно устроившись на скамейке возле самых ворот, меня преспокойно дожидается Анхен.

Молча подошла и села рядом. Он, так же молча, обнял меня одной рукой за плечи. Так мы и сидели, глядя на солнечные блики на лужах, и молчали каждый о своем. Я молчала о том, что он убил мою Лизку. Он и Лоу. И еще кто-то, не так уж важно кто. Они вампиры. Они убивают, даже если в газетах об этом не рассказывают. Традиции у них такие. Гастрономические. Им было все равно, кого. Не меня — так Лизку, не ее — так кого угодно еще. Это я выбрала за них. И отдала ее — свою подругу, свою сестру, свою любовь. Просто так, ни за что, к слову. Так кто убил ее: я или они? Или мы? Ну и за что я их ненавижу?

О чем молчал Анхен, я не знала, но он тоже был задумчив и не спешил начать разговор.

Так и сидели, обнявшись: я да вампир. Зачем вампиру девушка?

— Когда-нибудь ты убьешь меня? — спросила отстраненно, словно о погоде.

— Когда-нибудь, — согласился он рассеянно, словно не вернувшись из мира собственных мыслей, — не сегодня. Если очень попросишь.

— А если я попрошу сейчас?

Тут он очнулся от размышлений, взглянул на меня внимательно, и усмехнулся:

— Не, Ларка, сегодня не выйдет. Сначала я, на основе наблюдений за тобой в естественной среде, напишу очередную диссертацию, получу докторскую степень в смежной профессии, а там уже и обсудим.

— Я такая же. Обычная. Как все. Может еще и хуже многих.

— Пойдем, угощу тебя горячим чаем. Ты совсем замерзла у меня в этом парке. Сердце того гляди в ледышку превратится.

— Полагаешь, меня спасет чай?

— Вряд ли. Придется самому.

Чайный домик прятался в лабиринте переулков. Я здесь никогда не бывала, и наверное, не смогла бы сама отыскать это место, даже будь у меня его точный адрес. Маленький двухэтажный домик среди множества небольших двухэтажных домиков. Мы вошли, и зазвонил колокольчик над дверью. Учувв вампира, к нам тут же бросился расторопный официант и проводил за лучший, по его мнению, столик заведения: в эркере второго этажа, чуть в стороне от всех прочих.

— Можно задвинуть шторы, если желаете, — услужливо предложил он, подавая мне меню.

— Да, если вам не сложно, — вежливо кивнул Анхен, пока я пыталась сообразить: зачем сажать нас у окна и закрывать на нем шторы. Оказалась, шторы имелись в виду не на окнах. Тяжелые портьеры отгородили пространство эркера от остального зала.

Довольно быстро принесли мой заказ, как принято в таких заведениях — «пару чая»: кипяток в большом пузатом чайнике и заварка в чайничке поменьше. Я выбрала для себя чай с морошкой, чисто травяные напитки я не слишком любила. Десерт я не заказывала, но от заведения нам поставили тарелочку небольших пирожных. Чашек поставили две, хотя вряд ли кто не признал в Анхене вампира, или полагал, что он станет пить чай.

— Это чтоб нам не звать официанта сразу, как ты расколотишь первую, — усмехнулся он, перехватив мой взгляд.

Злопамятный. Отвечать не хотелось. Говорить не хотелось вовсе. Даже чай выглядел не слишком соблазнительно. Но Анхен налил и пододвинул мне чашку.

— Сейчас ты будешь пить и очень внимательно меня слушать, — сообщил он мне, глядя прямо в глаза своими серьезными, как бездна, глазами. — Хотя я и подозреваю, что делать эти два дела одновременно для тебя почти непосильная задача.

Возможно, он и правда так думал, может, просто пытался вызвать какую-то реакцию на свои слова. Реагировать не хотелось.

— Я хотел бы поговорить с тобой о Лизе.

Ох, нет.

— Во многом ради этого я и пришел к тебе сегодня. Ты изводишь себя который месяц, ты отказываешь себе в праве жить. Но попробуй взглянуть на все другими глазами. Попробуй понять ее и искренне за нее порадоваться.

— Ты ничего не перепутал, точно? Знаешь, я могла бы понять, если б ты попросил порадоваться за тебя с друзьями, как вам было вкусно на том пиру. Но порадоваться, боюсь, все равно бы не получилось.

— Вкусно? Не совсем то слово. Она вся была светом. Светом, воздухом, радугой и небесах. В ней не было ни страха, ни сожаления, ни единого уголка души, который она хотела бы утаить для себя, она все отдавала нам на раскрытых ладонях, всю себя растворяла в своей крови, чтобы проникнуть так — в нас. Она была самой любовью, захлестнувшей нас, и навеки осталась в каждом из нас — бескорыстной, беззаветной любовью.

— Она любила Лоу. Не вас. Вас она не знала. И не хотела. И боялась, что ты мне будешь рассказывать, я виделась с ней накануне!

— Она не боялась. Она стеснялась. Очень мило стеснялась, когда Лоу раздевал ее, а мы смотрели. Но страха в ней не было. Вампиры чувствуют страх, как вы чувствуете резкий

запах, кровь от него горчит, меняет вкус. В ней не было страха, ее кровь была чистойшей энергией солнца, ласкающей нас, словно найденных после долгой разлуки детей. Пойми, Лара, Лоу не заставлял ее, не принуждал. Мы были ее свершившейся мечтой, тебе ли не знать, что именно об этом она мечтала с самого детства. Признай, наконец, за ней право идти своим собственным путем, даже если этот путь абсолютно неприемлем для тебя.

— Вы ее свершившейся мечтой не были. Ей хватило бы его одного.

— Но любила-то она не его, не Лоу. Она любила вампира в нем, он был олицетворением ее любви к вампирам вообще. И он понимал это не хуже меня или тебя. Он мог бы выпить ее и один. И почти выпил, и не раз. Но он сдержался, чтобы сделать ей подарок. Он. Подарил. Ей. Вампиров. Самых лучших, на его взгляд. Чтобы она смогла сполна насладиться теми, о ком она всегда мечтала.

— Нет, все равно, это не так, не правильно, — я не могла с ним особо спорить, я просто плакала, цепляясь за кусочки расплывающейся картины мира, — любая любовь в чем-то персонификация, но это вовсе не значит, что надо устраивать из этого похабную групповуху.

— Я не знаю, почему тебе кажется это похабным. Вампиры любят так. Мы делим нашу любовь с теми, кто нам близок и дорог. Куда более нелепой нам кажется человеческая выдумка вцепиться в кого-то одного и держаться за него до скрежета зубного.

— Вы просто не умеете любить!

— А по-моему, любить не умеете вы. Иначе ты бы радовалась за свою подругу, что она обрела свое абсолютное счастье, а не бросалась выцарапывать глаза тем, кто ей в этом помог. Несмотря на то, что выбранная ею жизнь оказалась совсем не той, какую ты для нее придумала.

— Мне теперь тебе за нее спасибо сказать? — постаралась собрать весь яд, на который была еще способна.

— Мне не надо. А вот Лоу можешь и сказать при встрече. Не за нее. Она тебе не принадлежала. За себя. Потому как он уже дважды спасал твою глупую голову.

— И от чего же, если не секрет?

— Не секрет. Могла бы и сама догадаться. В первый раз на Горе, когда одна светлейшая дева изволила пойти на вопиющее нарушение освященных веками традиций, дисциплины и кто его знает, чего там еще. И если бы Лоурэл не оставил им вместо твоей крови официальное письмо, что кровь ты не сдаешь по его распоряжению, исходя из целей, одобренных лично Советом Вампиров, твои документы не приняли бы не только в университет, но и вообще ни в одно учебное заведение страны — ни высшее, ни среднее.

— Он не говорил, что возможны такие последствия...

— Это значит лишь, что в тот момент он взял на себя обязательства сделать так, чтобы последствий не было. И второе. Если ты помнишь, профессор Ольховников собирался писать письма на работу твоим родителям. Он не шутил. И даже рассказал об этом Лоурэлу. Специально его дождался, чтоб принести извинения от лица Университета. И рассказать, какие меры приняты, чтобы подобное не повторилось впредь. Лоу не поленился тогда ему объяснить, что есть меры, принимать которые категорически не стоит. А потом при встрече попросил меня за тобой присмотреть.

— Ах, как это мило. И зачем я ему сдалась? Тоже осчастливить хочет? Какой заботливый вампирчик. У вас там все такие?

— У нас все разные. Как и у вас. А Лоу просто хороший парень, который желает тебе добра. Просто так, ни за чем. Симпатична ты ему. Как и мне. Но можешь не переживать. Для

тебя это не будет иметь никаких последствий. Есть мы тебя не собираемся. Ты невкусная. Пей свой чай и хватит плакать.

Пью. Чай уже почти остыл, а я все пью. Слишком долгий день. Слишком много слов. Слишком много слез. Анхен протянул руку, чтобы подлить мне еще чая. Мне не очень хотелось, но спорить я не стала. Просто смотрела на струю воды, вытекающую из чайника, на пальцы Анхена, обхватившие ручку, на картинку на толстом боку. Вампир и дева. Что еще рисовать на чайниках? Только их. Сэлисэн и Елена. Вампир протягивал своей возлюбленной кустик чая, привезенный им из далеких краев. А она готовилась поливать его слезами, дабы заставить диковинную травку прижиться на наших не слишком-то жарких землях.

— А они и вправду существовали? — спрашиваю, кивнув на чайник.

— Сэлисэн и Елена? Существовали. Кто, кроме вампира, мог бы завезти вам растение из далеких земель? И зачем бы ему это делать, как не из любви? Вампиры чай не пьют.

— Да, она пила его чай, а он — ее кровь. Так и жили, пока не померли.

— Он умер значительно раньше, насколько я знаю. А она дожила до старости. И в память о нем всю свою жизнь посвятила культивации чая. Чтобы много веков спустя другому вампиру было куда отвести другую деву, дабы ей было где рыдать.

— Не смейся надо мной. А отчего он умер? Вы ведь живете практически вечно.

— Войны, болезни... Мы не бессмертны, у нас просто очень долгий срок жизни.

— Я думала, вампиры не болеют.

— Не болеют. Людскими болезнями. У нас есть и свои.

И я снова пила чай, а он сидел и смотрел на меня. Очень серьезный. Очень спокойный. Совсем не страшный. Почему я его боялась? Вспомнить уже не получалось. Да я и не пыталась. Просто пила чай.

— Анхен, а Лоу тебе кто? — вдруг пришло мне в голову.

— Друг. Кем еще он может мне быть?

— Ну, не знаю. Тебе восемьсот, ему триста пятьдесят. Может, он твой сын?

— Мы настолько похожи? — он откровенно усмехнулся.

Серебряный красавчик Лоу и черноволосый кареглазый Анхен. Что-то общее в них, конечно, было. Оба высокие, стройные. Гордая осанка. Взгляд — внимательный и вежливый, но полный безграничного осознания собственного превосходства. Обаятельная, буквально сшибающая с ног улыбка, в которой, напротив, ни снисхождения, ни превосходства, только искренняя симпатия и радость от встречи конкретно с тобой. И что-то еще неуловимо общее было в их лицах, не несущих на себе примет времени. Неопределимость возраста, что ли. Никто и никогда не назвал бы их старыми. Но вот и молодыми назвать — язык не повернется. В чем это пряталось — во взгляде? В постановке головы? В рельефе губ? Ни малейшие морщины, понятно, их лица не бороздили. Но передо мной сейчас сидел не мальчишка, не юноша, не студент. Печать прожитых лет в этом лице читалась. Как и в лице его среброкудрого друга. А вот если разглядывать детали, то действительно, общего ничего. Другой разрез глаз, форма носа, губы. О чем я думала?

— Ну, не знаю, если вы там все спите с кем попало и как ни попадя, то где вам и разобраться, кто чей папочка, — попыталась вывернуться я.

— До сей поры справлялись. Нет, Ларка, он действительно мой друг. Один из тех, чьей дружбой стоит гордиться. И, кстати, о друзьях. Те ребята, что мы встретили в парке, очень искренни в своем хорошем к тебе отношении. Не порывай с ними. Если уж ты не сдружилась ни с кем на своем факультете — общайся хотя бы с ними, не броди вечно одна.

— Ну вот откуда ты все это знаешь? И что тебе за дело?

— А я за тобой присматриваю. Считаю, что неожиданно обрела доброго старого дядюшку, которому небезразлична твоя судьба.

— Да? Нет, вот что старый — это понятно. Но я не уверена в твоей доброте.

— А что делать, Ларис? Родственников не выбирают. Уж какой достался. Поедем, отвезу тебя домой, сдам на руки родителям. Волнуются небось.

— После того, что ты навнушал моей маме?

— Ну, прости за маму. Хотел тебя напугать.

— У тебя получилось.

— Прости. Ты права. Я очень старый и крайне злой вампир. Но если ты будешь бесконечно добра ко мне и все время меня прощать, я непременно исправлюсь. Лет за триста — четыреста.

— Когда ты смотришь так серьезно, я не сразу понимаю, что ты издеваешься.

— Это и смешно. Идем, — он снова взял меня за руку, и я не смогла не улыбнуться ему в ответ. Он был вампиром, он все преграды крушил своим обаянием. И мы снова шли с ним за ручку, как пара влюбленных, и ехали домой в переполненном автобусе, где он прижимал меня к себе, якобы, чтоб я не упала, и это было приятно, и я делала вид, что верю, что это просто так. А может, это и было просто так, а я сама себе все напридумывала, потому что в глубине души хотела, чтоб он в меня влюбился, как Сэлисэн в Елену, и привозил бы подарки из далеких заморских стран. Или лучше увез бы меня на далекое теплое море. Чтоб взглянуть. Хоть одним глазком.

Глава 4

Доктор

Мама взяла теплый зеленый свитер с желтыми цветами и радостно напевала что-то, поглощенная занятием.

— Ларочка, привет, как погуляли? — обернулась она на шум открывшейся двери. — Ты кушать будешь?

— Да нет, спасибо, я уже.

Анхен довел меня до подъезда и тут же ушел, не оборачиваясь, словно вспомнив о неотложных делах. Я вздохнула с облегчением, потому что здорово опасалась, что он решит подняться и пообщаться с родителями, да и вообще мне начинало уже казаться, что вампир не уйдет никогда.

Но он ушел, и, не успев еще подняться до родного второго этажа, я уже почувствовала, что мне его не хватает. Какой-то глупый укол тоски, что вот он был — и ушел. Голоса крови у меня нет, ага, как же. Чертовы вампиры, ведь ничего ж специально не делают, а душу вынимают!

В квартиру вошла решительно, решительно бросила пальто на вешалку, решительно же отказалась от обеда, пристально разглядывая в большом зеркале свою, с утра еще чистую, юбку. Нет, вот я так и знала, что все этим кончится. Все в пятнах засохшей и не очень грязь, и еще вот эти черные масляные полосы.

— Мам, а велосипедная смазка отстирывается?

— Если сразу стирать, так все отстирывается, — невозмутимо отозвалась из комнаты мама. — Так как погуляли-то? Он что, катал тебя на велосипеде? Это так романтично!

— Ага, укачивал, — мрачно отозвалась я, не отрывая взгляда от зеркала. И поймала взгляд отца. Он сидел в кресле в гостиной, с раскрытой газетой в руках, но смотрел на меня, вернее — на мое отражение в зеркале, очень внимательно, словно пытался найти во мне что-то. Или боялся найти.

— Что-то не так? — спросила, обернувшись.

— Да нет, — папа перевел взгляд на газетные строчки. Но, едва я зашла к себе в комнату, намереваясь переодеться, он тут же вошел за мной следом и плотно прикрыл дверь.

— Что ему от тебя надо?

— В смысле? — это что, сейчас сцена «папы ревнуют дочерей к ухажерам»? — Это мой университетский приятель, мы просто ходили гулять.

— Правда? — папа взял стул и, поставив его спинкой почти вплотную к двери, основательно на нем уселся.

— Правда, — я смотрела папе прямо в глаза, святая, как Анхен — ни словом не солгала.

— А твой приятель, часом, не забыл сообщить тебе, что он вампир?

— Кураторами факультетов люди не бывают, — пожалала я плечами. — Но маме он об этом говорить не стал, и я не была уверена...

— Так что надо светлейшему куратору от моей дочери?

— В основном объяснить, как следует правильно любить вампиров, не забывая, что именно они даровали нам жизнь, а потому имеют право и передумать.

— Что? Лариса, ты подписывала какие-нибудь бумаги? Что ты ему подписала, дословно, ты можешь вспомнить?! — папа в панике трясет меня за руки, а до меня только

тут доходит, что я ему наговорила, и что он себе придумал.

— Я ничего не подписывала, папа, правда, да он и не просил, я не о том, ты не понял!

— Точно? Может, ты просто забыла?

— Точно. Он не может заставить меня забыть. Или захотеть. Или что-то сделать. Ты ведь об этом спрашиваешь?

Папа, сглатывая, кивает, но по-прежнему смотрит очень внимательно, требуя продолжения.

— Анхен сказал, это у меня генетическое отклонение такое. Голос крови отсутствует.

— Так его зовут Анхен?

— Анхе-нари-дит, — выговорила наконец, — ир го тэ Ставэ. Второе имя не помню. Что-то вообще несусветное. Не знаешь, почему у вампиров имена такие... нечеловеческие? Нет, ну если мы от них взяли и язык, и культуру, то почему их имена такие... не наши? Ни в язык, ни в культуру не вписываются?

— Лара, ты разговор на фонетику не уводи. Что за генетическое отклонение? Голос крови не может отсутствовать, это от природы, люди такими созданы.

— Я не знаю. Ты спросил, я ответила, как мне это сказали. Но приказать он мне действительно ничего не может, и это его... не то возмущает, не то забавляет, я не поняла.

— И он что же, проверял?

— Проверял. Я думала, поседею с таких проверок. Не сегодня, еще тогда, в университете. В кабинет к себе вызывал. Потом ночами мне в кошмарах снился. Знаешь, что сказал? «Прости за смелый эксперимент». Я для него как крыса. Лабораторная. Потом диссертацию напишет. А потом убьет. Нет, есть не будет, я для него невкусная, кровь ему моя не подходит, не тот сорт мармелада. Просто шею переломит двумя пальцами, и думать забудет, — у меня начиналась истерика, нервное напряжение этого дня и того, первого дня нашего знакомства, вырывалось в судорожных всхлипах, катилось по щекам слезами. Я понимала, что надо остановиться, успокоиться, и не пугать отца, но рыдания душили меня, вырывая из груди все новые подробности.

— Знаешь, он такой вежливый, такой заботливый, такой галантный — настоящий вампир. Но только все это — лишь пока ему повинуются, пока делают все по его слову, по взмаху ресниц буквально. А стоит сказать ему «нет» или повысить на него голос — и куда что делось!

— Никогда не встречал человека, способного повысить голос на вампира.

— Да ну? Ну, вот считай, что прямо сейчас встретил. Он вот тоже никогда не встречал. Оказался глубоко не готов, вся вампирская вежливость дымом стаяла.

— Так это он тебе запястья так украсил?

— А кто ещё? Мне было так больно, папа, так страшно, я плакала и умоляла меня отпустить. А он просто сидел себе в кресле, и объяснял, что больно будет до тех пор, пока я не осознаю, что веду себя неправильно! А сегодня он пришел, и я так испугалась! А ты не спас меня от него, не защитил! А если бы он и правда — уволок и заставил все подписать, ты так бы и сидел, и смотрел в окошко?

Папа сел рядом со мной на кровать и тяжело вздохнул.

— Ты не справедлива, дочка. Вот мама бросилась тебя спасать, и что? Она уже даже не помнит, из-за чего она так всполошилась. Голос крови во мне ослаблен, и я могу объективно осознавать их действия, и не мечтать стать их пищей. И не желать того же для своих близких. Но против прямого приказа мне не выстоять. Один взгляд в глаза — и все. Я даже

забуду, что у меня была дочь. И чем я тогда тебе помогу? Ты можешь считать меня трусом, но пока я смотрю из-за шторки, у меня есть хоть какой-то шанс.

— Значит, это у меня от тебя такие способности?

— Возможно. Я не думал, что это передается по наследству. И тем более, что это может так усилиться в детях. Я некогда не мог сказать «нет». Ни одному вампиру. Хоть и понимал, что просто подчиняюсь приказу. В их глазах страшная сила, Ларка. Не шути с этим. Они не поймут. В конце концов, они наши создатели, и имеют право на нашу благодарность. Мы обязаны им всем, и с этим ничего не поделаешь. Мы все их дети, Лара.

— Угу, племянники. По крайней мере, я сегодня обзавелась добрым старым дядюшкой, который будет за мной присматривать.

— Ты ж говоришь, он не был к тебе добр.

— Да нет, это просто нервы. Прости, если напугала. Просто были пара моментов в нашу первую встречу, да и появился он так неожиданно, и плакала я потом из-за Лизки... В общем, все смешалось. Если честно, он был крайне корректен сегодня, очень пытался соответствовать выбранному им образу, и у него даже получалось.

— Быть добрым дядюшкой?

— Нет, милым мальчиком, как он маме представился. А про дядюшку это так, шутка была. Смешны мы ему. Глупые маленькие человечки.

Папа обнял меня, и какое-то время мы просто сидели с ним молча. Потом он поднялся, собираясь уходить, и уже от порога обернулся:

— Я только надеюсь, ты не вздумаешь в него влюбиться?

— В кого, в вампира? Папа, ну что ты в самом деле? Говорю же, не действуют на меня его глазки, хоть он и сверкает ими порой, аки фарами!

Следующие несколько дней в универе были настолько обычны и обыденны, что переживания встречи с вампиром отошли на задний план, поблекли, словно выдумка, не имеющая отношения к реальности. Я не встречала его в коридорах, и даже имени его при мне не звучало. Он где-то там жил своей параллельной жизнью, как жил задолго до меня и будет еще долго жить после. Бывают такие дни, говорил он мне. И можно почти поверить. Но в конце ничего не остается.

А потом по почте пришла посылка. Маленькая коробочка без обратного адреса и имени отправителя. А в коробке лежала огромная белая раковина, закрученная диковинной спиралью.

— Что это, Лара, откуда? — восторженно спрашивала мама, — я такие только на картинках видала. Это настоящая? Или просто поделка?

— Настоящая, — я смотрела на ракушку, и почти ощущала шум далекого, недостижимого моря. Видала белый песок пустынного пляжа, и брызги пены, что разбиваются у ног. А еще огромный дом, похожий на склад. В комнатах которого валяются, позабытые, множество чудесных диковин, привезенных некогда хозяином из дальних, запретных стран.

Под неодобрительным взглядом папы я утащила раковину к себе, засунула под стекло в книжную полку. И засыпая, глупо улыбалась тому, что он все-таки обо мне помнит.

По субботам занятия неизменно проходили в больнице. С утра в маленькой, вечно стылой полуподвальной комнатке нам читали лекции по основам ухода за больными. Потом была практика. В этом семестре у нас был «Терапевтический уход», поэтому практику проходили на первом этаже в терапии. А вот в следующем семестре должен был начаться уход хирургический, и я даже самой себе не желала признаться, почему же мне так не терпится перебраться на третий, в хирургию. Конечно, потому, что там само по себе все интересней: и болезни, и лечение, и уход, а вовсе не из-за того, что один мой случайный знакомый обронил мимоходом, что он хирург, причем практикующий.

Здесь же интересно было разве что в первый раз, вернее — до первого раза, когда я тряслась в переполненном с утра автобусе до больницы, предвкушая, как я, в белом халате, по палатам... ну, не как врач, конечно, но почти как сестра...

Реальность оказалась проще и прозаичнее. Все медицинское, что нам поручалось, это обойти палаты, да померить давление и пульс. Лишний раз перемерять давление большинство пациентов не жаждали, сходу называли нам цифры и просили оставить их в покое. Как сестер они нас не воспринимали, минуй их бездна, воспринимали как студентов: никчемных, неумелых и чересчур многочисленных. Хотя, были, конечно, и другие. Из клуба «для тех, кому за...». Эти давление мерить никогда не отказывались, да еще и требовали перемерить, не доверяя полученным результатам. И при этом вдохновенно пересказывали свой анамнез, причем в таких подробностях, что заканчивался он обычно на троюродной внучке двоюродного дяди соседа через дорогу внучатого племянника. Иногда это бывало интересно, чаще — откровенно скучно, тем более, что недели шли, старушки менялись редко, а истории — никогда.

Порой нам доверяли разносить обеды, но чаще — мыть полы, выносить судна за лежачими больными, а как-то раз — даже приводить в порядок потекший на больничной кухне холодильник.

Суббота была в больнице мертвым днем. Не работали процедурные, не было никого из врачей, кроме дежурных. Было тихо, пусто и скучно. Наверное, было бы значительно познавательней проходить практику в один из будних дней, когда жизнь в больнице кипит, больные проходят обследования, посещают различные процедуры, по утрам бывает полноценный обход, и врачи назначают лечение, и отслеживают, как оно продвигается. Но будни были, видимо, расписаны за студентами остальных пяти курсов, а нам досталось тосковать по субботам.

Было начало декабря. Мы с Марийкой стояли у окна в коридоре, лениво разглядывая, как падает снег. Он летел неспешно, огромными белыми хлопьями, и столь же неспешно летели минуты, почти не приближая время нашего освобождения. Марийка мечтала о тихой уютной анатомичке с таким родным запахом формалина, где в большом ведре ждали ее недоизученные мышцы, с трудом узнаваемые после слишком активного знакомства со множеством пинцетов, а то и рук, но такие необходимые для успешной сдачи экзамена. Я мечтала о «спать». То блаженство, что скрывало в себе это слово, было таким заветным, но таким недостижимым. Чем ближе приближалась зачетная сессия, тем сильнее груз недоученного, недочитанного и недосмотренного ложился на мои, уже трещащие, плечи, и засыпала я ближе к утру, раздавленная так и не побежденным учебником анатомии, а еще были всяческие химии, биология, и даже незабвенная история нашего славного отечества. И все это требовалось когда-то учить, а мы стоим здесь, и рассматриваем снежинки, потому что кто-то когда-то решил, что студентам сызмальства надо быть как можно ближе к

будущему месту работы. Чтоб проникались, так сказать.

Я проникалась. Еще утром, когда я мерила давление, одна из женщин в пятой палате пожаловалась мне на боли в области живота. Я честно подошла на пост, и сказала об этом сестре. Сестра раскладывала таблетки по маленьким стаканчикам, и вяло отмахнулась, что попозже непременно глянет.

— Им просто скучно, — заверила она меня, — вот они и придумывают себе развлечения. Ты лучше сходи на третий пост, попроси карту той, что мы в первую палату-то положили. А то они ее-то к нам перевели, а назначений ее у меня нет — какие я ей таблетки-то должна класть?

Потом нас отправили перетаскивать привезенное из прачечной белье, затем мы отчитывались о результатах своих измерений... Но в палату к той женщине я все же заглянула. Узнать, была ли сестра.

— Нет, не заходила. Да уже и не надо. Все прошло. Видно, съела чего не то.

И вот теперь мы стоим и любуемся на снег. Тетка, абсолютно позеленевшая и почти теряющая сознание, безнадежно борется с приступами рвоты, пойманные за руку Алена с Вероникой пытаются ей как-то помочь, и одновременно прибрать следы бедствия, а сестра Агата бодро носится по отделению в поисках дежурного врача. Вот и у нас не скучно!

Пришла врач. Уже через минуту выглянула из палаты и бросила на пост:

— Звони хирургам.

На шум стали стягиваться однокурсники. В палату нас не приглашали, но мы стояли напротив, пользуясь тем, что дверь никто не закрывал.

— Разрешите, — до боли знакомый голос. Вежливый, спокойный, негромкий.

Народ послушно расступается. Он стремительно проходит мимо, ни на кого не глядя, передо мной лишь на секунду мелькает его профиль, и вот я уже гляжу на его спину в хирургическом халате, на обнаженную шею — все волосы убраны под шапочку. Но ведь не в длине волос дело, и вот народ уже выдыхает заворуженно, словно глотнув амброзии:

— Вампи-ир!

А он уже склоняется над больной с улыбкой светлой, словно явился на свидание с возлюбленной, чуть касается ее лба, убирая оттуда пряди слипшихся от пота волос. И это касание словно останавливает рвотные позывы, уменьшает боль, и вот она уже смотрит на него, заворуженная, пойманная в плен неземным светом его глаз. И этот свет отражается в ее лице, уже не таком обморочно-зеленом, как всего минуту назад.

— Все будет хорошо, — шепчет он ей нежно, почти любовно. — Да, — кивает на невысказанный вопрос доктора.

И оборачивается к дверям:

— Мальчишки, быстро гоните сюда каталку. Остальные — четыре шага назад.

Мы послушно отступаем к окну, Ромка с Лешей уверенно мчатся за каталкой, словно им в голову заложили не только точный маршрут, вплоть до количества шагов, но и скорость, с которой эти шаги следует совершать.

Девчонки восторженно мнутя у окна:

— Боже, какой он красавец!

— А выглядит таким молоденьким!

— Скорее бы в хирургию перейти, с таким вампиром там будет не жизнь, а сказка! — вздыхает наша первая красавица Алиска.

— А чем тебе с ним в универе жизнь не сказка? — раздраженно интересуюсь я. Вот

развели курятник. Ну подумаешь, вампир пришел. Так не к нам же.

— А при чем здесь универ, Алентова, окстись! Мы вообще-то о вампире говорим, а ты с чем? Об учебнике анатомии?

— Гистологии! Это ж наш упырьчик, факультетский. И если он тебе так нужен, зайди к нему в кабинет, там у секретарши специальная тетрабочка лежит, запишешься к нему на званый ужин. Он мальчик не жадный, он друзей ради тебя соберет, и будешь ты лежать посереде стола, вся в вампирах и без единой капли крови!

Алиса раздраженно передергивает плечами и отворачивается. Кто-то фыркает, представив себе закусанную до смерти красотку, кто-то раздражается вульгарностью речи. Марийка смеется:

— Как ты его назвала? Упырьчик?

Тут прыскает и кто-то еще.

Мальчишки меж тем пригнали каталку. Доктор Ставэ аккуратно просовывает руки под плечи и ноги больной и очень легко, словно пуховую подушку, поднимает ее с кровати и осторожно кладет на каталку

— Поехали ко мне в гости, — говорит он ей, — у меня интересно.

И уже совсем другим тоном мальчишкам:

— Быстро на третий во вторую операционную!

Каталка выезжает. Анхен выходит следом, но не поворачивает к лифтам, а идет прямо на меня. И останавливается меньше, чем в полушаге, заставляя вжиматься в стену.

— Скажи мне, светлейшая дева, — начинает он столь медленно и спокойно, что хочется уже начинать отползать в сторону кладбища, — что мне делать с тем фактом, что у меня очень хороший слух?

— Ухудшать? — пробую предложить я. Прямой наезд всегда заставлял меня вставать на дыбы.

Его брови чуть вздрагивают, но голос остается неизменным:

— Я все-таки вынужден настаивать на извинениях.

— Нижайше прошу светлейшего куратора извинить меня за неудачный выбор слов и выражений.

— Нижайше? — переспрашивает он чуть насмешливо. — Нижайше — это на коленях.

И ненадолго опускает взгляд вниз, на ту пуговицу своего халата, возле которой будет находиться моя голова, если я последую его рекомендации. Потешается, сволочь.

— Прошу простить, светлейший. Но пол с утра не мыли, я боюсь испачкать свою одежду.

Он несколько секунд пристально смотрит на меня, словно решая, рассмеяться или покарать. А потом заявляет абсолютно нормальным тоном, тем, что он говорил со мной, сидя над старым прудом:

— Иногда мне хочется тебя убить, Лариска. И, боюсь, не мне одному. Так что всем остальным можешь смело говорить, что они в очереди сразу за мной. А пока попроси дать тебе швабру и ведро. И впрямь, вон соринка полетела. Когда домоешь терапию, не обдели, пожалуйста, вниманием и лестницу — от чердака и до подвала. Успехов!

Он ушел, а я покорно отправилась за шваброй. Сомнений в том, что вся терапия проследит, чтоб указания светлейшего вампира были исполнены в точности, у меня не было ни малейших.

Мыла долго. И на объем работ светлейший не поскупился, и усталость, скопившаяся от

постоянного недосыпа в погоне за знаниями, не позволяла особо быстро крутиться. Да и поняла, что уже попросту никуда не спешу. Бездна с ней, с анатомичкой, буду осваивать работу полотера. Тоже нужная профессия. Время нашей практики давно закончилось, все студенты ушли. Одна я все покорно мыла пол. Ах ты, светоч, какие мы обидчивые! Убить ему меня хочется. Сам же стоял и издевался, зараза. На колени ему встань! Ага, и что еще конкретно сделай?

Закончив с этажом, перешла на лестницу. Здесь пол мыли заметно реже, за батареями — так и вовсе, уж скорее мусор туда загоняли. Так что пришлось еще и дополнительно побегать с ведром до ближайшего водопоя, уж больно часто вода в нем становилась грязная.

Народ появлялся на лестнице изредка. Чьи то ноги резво проходили, а то и попросту пробежали мимо меня, честно стараясь шагать по краешку и не топтать по свежевывытому. И потому, когда очередные ноги те только не поспешили меня обойти, но и нагло встали прямо на пути моей швабры, мне даже голову поднимать было не надо, чтобы узнать, кто это.

— Светлейшему вымыть еще и тапочки? Они, гляжу, у вас как раз моющиеся. Носочки, правда, пострадать могут.

— Злая ты, Лариска, не добрая, — Анхен опустил на корточки, прислонившись спиной к стене, прямо посреди лестницы, возле ведра с грязной водой. — Оставь пока свою швабру, поговори со мной две минуты.

— С вами опасно говорить, куратор, можно получить совсем не ту профессию, о которой мечтала, — швабру я, тем не менее, послушно оставила и тоже присела на корточки, прижавшись спиной к стенке. Так и сидели: он слева от помойного ведра, я справа. Прекрасный вампир и его рабыня — полемойка.

— Говорить со мной не опасно, — спокойно возразил мне Анхен, — а вот хамить, особенно прилюдно, действительно не следует.

Я сочла за лучшее промолчать. А он продолжил:

— Видишь ли, Лариса, возможно, в силу своего юного возраста, ты еще не в состоянии осознать некоторых простых вещей, а может, наше с тобой личное знакомство внушило тебе некие иллюзии вседозволенности. Но факты таковы, что я обладаю в этом обществе некоторым уважением. И некоторым авторитетом. Которые я заслужил вполне определенными действиями, как словами, так и поступками, а вовсе не тем только светлым фактом, что я вампир. И потому я просто не могу позволить, чтобы ты или кто угодно другой, подрывали этот авторитет своими оскорбительными словами, или как иначе. Потому, что это задевает не только меня, но и всех, кто ценит меня значительно выше, чем ты. Это понятно?

— Понятно.

— А вот мне глубоко не понятно, Лара. Что конкретно плохого я сделал сегодня тебе или кому-то еще? Я не дежурный врач. У меня сегодня вообще не присутственный день, я заглянул в больницу по своим делам, и только случайно оказался на месте, когда позвонили и попросили подойти. Дежурная бригада была на операции, там, буквально за полчаса до этого, на скорой привезли мужчину в тяжелейшем состоянии, они вон до сих пор еще работают. А перитонит штука серьезная, там интоксикация организма идет обширнейшая, синтез белка нарушается, почки, печень справляться перестают, по сердцу удар сильнейший, головной мозг страдает. Чем позже прооперируешь, тем меньше шансов спасти. И я ее взял. Прооперировал. Призов и подарков мне за это не будет. Просто, чтоб жила. И вот за это ты в

спину называешь меня упырем, рассказываешь какие-то пошлости на потеху толпе. По-твоему, это красиво? Это достойно? Этим можно гордиться?

— Простите меня, пожалуйста, — вот теперь мне действительно стыдно. — Я вела себя, как дура. Простите.

Он глубоко вздыхает и поднимается.

— Когда домоешь пол, зайди ко мне. Пожалуйста. У меня есть к тебе серьезное дело, и я специально остаюсь, чтобы тебя дожидаться.

— Вы придумали мне эту работу, — не смогла удержаться. Ждет он меня. А по чьей милости я тут смежную профессию осваиваю?

— И как любую работу, ее необходимо довести до конца, — невозмутимо отвечает Анхен и поворачивается уходить.

— Ну и где мне искать вас, доктор, когда я закончу свою важную работу?

— А ты зайди на третий этаж, да спроси вежливо. Тебе с радостью покажут.

Еще полчаса я домучивала лестницу, тщетно пытаюсь угадать, что за важное дело наш выдающийся хирург-гуманист припас для меня напоследок. Внятных идей не было. Зато было осязаемое желание сбежать. Ну его в бездну с его делами! Но сердить одного вампира дважды за день даже я бы не осмелилась. Тем более вот конкретно этого. Уж если ему от меня что-то надо — из-под земли достанет. И мытье полов мне покажется детской забавой.

Домыла, сдала инвентарь, забрала свои вещи.

— Ты бы все-же сходила, да извинилась еще перед доктором Ставэ, — напутствовала меня дежурная сестра в ответ на мое «до свидания», — как не хорошо! Он такой замечательный доктор! Каждый раз как вижу его — просто сердце радуется! И всегда вежливый, всегда с улыбкой! Всех сестер по имени помнит, всегда спросит, как дела, как здоровье...

— Да-да, конечно, — послушно кивнула я, отступая к лестнице. Добрый-добрый доктор Ставэ. Вот интересно, он вивисекцией на досуге не балуется? А то шас как его добрейшество разыграется на мне во всю мощь...

Кабинет нашла легко. Табличка на двери гласила «А.К. ир го тэ Ставэ. Среда 15.00–19.00.». Вот так просто. Ни должности, ни звания. Вампир, просто вампир. И при этом личный кабинет, словно он, как минимум главврач. Чтоб присутствовать там 4 часа в неделю. Не слабо.

Постучав, вошла. Доктор ир го тэ Ставэ сидел за столом возле окна и читал какие-то распечатки. Увидев меня, бумажки отложил, но вставать не стал. Молча ждал, когда я подойду.

— Значит, ваш присутственный день среда, доктор? Да и то не день, а вечер?

— Вечером в среду я общаюсь с больными и их родственниками по возникающим у них вопросам, касающимся лечения, или возможности лечения, у меня, — как всегда спокойно принялся он разъяснять. — А в среду утром я веду врачебную практику у шестикурсников, выбравших для себя хирургию. А на операции приезжаю в любой день, когда это бывает необходимо. Вот что тебя все время так раздражает, ты мне можешь объяснить?

Больше книг на сайте — Knigolub.net

Я пожала плечами, глядя в окно. Я и сама себе не могла этого объяснить, не то, что ему. Это у некоторых вампиров восьмисотлетний опыт объяснений всего и всем, вон как складно выходит, о чем не спроси. Снег уже не шел. Но весь подоконник снаружи был усыпан воздушными белыми хлопьями.

— Присядь, Лариса, заполни мне, пожалуйста, одну бумажку.

Я аккуратно присела к его столу.

— О чем?

— О себе. Это стандартная анкета: имя, дата и место рождения, и прочее, — он протянул мне лист, левую сторону которого занимал отпечатанный на машинке длинный список вопросов. В правую предполагалось вносить ответы.

— И зачем это вам?

— Чтобы мне не пришлось посылать запросы в твою бывшую школу, наш деканат и другие официальные инстанции, отвлекая людей от работы. И, я, кажется, уже говорил, когда мы наедине, мне было бы приятней, если бы ты обращалась ко мне на «ты» и звала по имени.

— А не наедине — только на «вы», и кланялась бы должное количество раз, — не могла не продолжить я.

— Поклоны вампирам отменили лет сто тому назад. Но на вежливом уважительном обращении я, разумеется, буду настаивать. Ты пиши, Лариса, пиши. Быстрее закончишь — быстрее освободишься.

Просмотрела анкету. Действительно, вопросов много, но все они стандартные: описание места в социуме, не более. Когда кончались вопросы обо мне, начинались о родителях. И снова все то же: где родился, где учился, когда женился, кем и где работал... Переспрашивать, зачем ему это все понадобилось, смысла, видимо, не имело: Анхен либо отвечал на вопросы, либо нет, это я уже поняла.

— А если я не все помню?

— Пиши, что помнишь, с остальным потом разберемся.

Написала. Помнила я, как выяснилось, практически все, может, с местами папиной работы что перепутала, он их несколько поменял, ну так откуда мне точно знать, меня при этом не присутствовало.

— Закончила? — взглянул на результаты моих трудов. — Число, подпись.

— А подпись зачем?

— Чтоб мне было откуда ее срисовывать, когда документы подделывать начну, — ответил Анхен с глубоким вздохом. И посмотрел при этом, как водится, столь серьезно, что поневоле начала сомневаться: а вдруг не пошутил?

Но подпись, конечно, поставила. Он убрал анкету в свою сумку, больше похожую на небольшой чемоданчик, очень уж прямые были у нее углы и твердые стенки. Я такие прежде и не видела. Может, внимания не обращала, а может и впрямь — чисто вампирский аксессуар. Закрыв сумку, он взял ее за ручку, достал ключи из ящика стола и сообщил:

— Идем.

Пошла. Куда — спрашивать не стала, перед смертью не надышишься, а добрый доктор явно что-то темнит. Оказалось — на четвертый этаж, в то крыло, где располагалась лаборатория. Отпер одну из дверей ключом, завел меня внутрь и снова дверь запер. Прилива энтузиазма это у меня не вызвало.

— Садись, — указал на стул возле одного из столов.

Села. На столе пробирочки такие характерные, стеклышки в ряд, и даже мягкая подушечка со жгутом присутствуют. Он что, кровь у меня собрался брать? Медицинским, так сказать, способом?

— Анхен? — нервно обернулась на него.

— Не паникуй, ничего с тобой не случится, — он поставил свой чемодан на стол, раскрыл, достал оттуда несколько запечатанных бумажных упаковок. Затем убрал чемодан вниз, спокойно уселся за стол, разорвал один из своих бумажных пакетов. Там оказался шприц, как я и опасалась. Не совсем такой, как я привыкла видеть, и я даже с ходу не сообразила, что в нем не так, но это был точно шприц.

— Анхен, что ты собираешься делать?

— Кровь твою пить посредством иглоукалывания, — он смотрел на меня с откровенной насмешкой, — руку выше локтя обнажи, пожалуйста.

Я взялась за пуговицу на манжете, и поняла, что руки у меня дрожат. Прижала их к себе, не в силах выполнить его просьбу.

— Ларка, ты вот как врачом собралась становиться? Скажи мне честно, ты так сильно иголок боишься или вида собственной крови?

— Тебя, — ответила честно. Честнее некуда.

— Да я догадался, — насмешка из его голоса пропала. Он встал, подошел ко мне сзади, начал тихонечко гладить предплечья, — успокойся, это обычный анализ крови, как в любой поликлинике делают, ничего более.

— Тогда почему его делаешь ты, а не любая медсестра в любой поликлинике? И зачем ты дверь запер?

— Дверь запер, потому что догадывался, что у тебя психоз начнется, и не горел желанием за тобой по всей больнице бегать. А делаю это я, потому, что у нас несколько другие технологии исследования крови, и результаты получаются значительно интереснее и информативнее. Тот анализ, что нужен мне, тебе ни один человек не сделает, так зачем им о нем и знать.

— Какие технологии? Дегустации?

— Лара, ты как младенец, честное слово! У нас работу с удовольствием никто не смешивает, я тебе, кажется, уже говорил. А дегустировать мне и без тебя есть чего, что по ту, что по эту сторону Бездны. Постарайся успокоиться. Это дело одной минуты, даже меньше. И сразу пойдешь домой. Давай помогу закатать рукав.

Его пальцы легко-легко скользнули вниз по моей «обреченной» руке — даже не ласка, но почти намек на нее. Отвели в сторону мою вторую руку. Расстегнули пуговку на манжете. Очень нежно, почти интимно, подняли рукав к самому плечу. То, что он делал, действительно лучше описывалось словом «обнажи», нежели «закатай».

Я сидела, замороженная невесомыми касаниями его пальцев, уже не в силах понять, чего же я больше боюсь: того, что он может со мной сделать, или того, что он перестанет касаться моей обнаженной кожи и никогда и ничего уже со мной не сделает.

Тем временем он затянул жгут, осторожно разогнув мою руку, положил ее локтем на мягкую подушечку. И, попросив сжимать кулачек, вновь вернулся на свое место. Намочил ватку спиртом, очень нежно провел ею по локтевому сгибу. Холод спирта заставил меня снова вздрогнуть, а вид приближающейся иглы будил в душе первобытный ужас.

— Не смотри, — попросил меня Анхен, — лучше взгляни в окно.

Я послушно обернулась к окну. И в ту же секунду почувствовала, что игла вошла в вену, уверенно и спокойно. Обернулась на Анхена. Его лицо ничего не выражало, он спокойно наблюдал, как моя кровь наполняет шприц — кубик за кубиком. Почему же я не могла отделаться от ощущения, что он пьет мою кровь, вместе с нею вынимая душу? Словно наяву чувствовала, как сердце пропускает удар, лишившись чего-то важного, той малюсенькой

капельки крови, без которой никак. Как ноет душа, от которой отщипнули кусочек вечности. Как эта отнятая у меня кровь дает ему власть надо мной. Я понимала, что это глупо, что он просто наполняет шприц моей кровью для анализов (что бы он там не собрался анализировать), но отделаться от этого чувства не могла.

По моим ощущениям прошла вечность, прежде, чем он вынул катетер из вены. И на коже тут же заалела, набухая, капелька крови. Я испугано вскинула на Анхена глаза. Он тепло улыбнулся, словно малому ребенку, взял смоченную спиртом ватку и прижал к ранке.

— Вот и все. А ты так боялась.

— Ты так и не скажешь, зачем тебе это? — вновь попыталась спросить я, опуская на место рукав.

— Скажу, — вдруг легко согласился он. — Наступает зима. И люди впадают в спячку. И эти несколько кубиков крови спасут меня от голодной смерти.

Я обиженно встала:

— Так я могу идти, светлейший доктор?

— Несомненно. Как я и обещал, — он встал и отпер дверь.

Я собрала свои вещи и вышла. Оглянулась на него.

— До свидания, Лариса, — Анхен вернулся в лабораторию. Дверь закрылась.

Какое-то время я смотрела на нее, потом побрела на выход. Вот что со мной не так? Когда он зовет меня, я чувствую страх. Завораживающий, но все-таки страх. А когда отпускает, мне кажется, что меня прогнали. И до слез обидно, что все уже кончилось. И хочется вернуться. Только когда он закрыл за мной дверь, я поняла, что ожидала, что он спустится вместе со мной хотя бы до третьего. Что мы еще не расстанемся. Что осталось еще некое «чуть-чуть».

Но ничего не осталось. И я знала, что буду безнадежно тосковать по нему еще несколько дней.

* * *

Впрочем, следующие несколько дней я усиленно готовилась к коллоквиуму по биологии. Учитывая, что за прошлый мне натянули трояк, только чтобы не возиться со мной на отработках, имело жизненно важный смысл показать принципиально иные результаты. Я старалась. Я посвятила этому все свое свободное время, почти лишила себя сна и забыла на время об остальных предметах.

Не помогло. Светлейшая профессорша, прекрасно запомнившая меня по прошлому разу, изначально смотрела на меня, как на полную идиотку, непонятно как вообще нашедшую дорогу в аудиторию. Все мои правильные ответы она предпочла не услышать или приписать их помощи других. И в конце она вновь уверенно вклеила мне трояк, заявив в непрошибаемой убежденностью:

— Подсматривать в чужие шпоры здесь не проходит, Алентова. Я не собираюсь ставить тебе оценки за твоих друзей. Я ставлю тебе ровно то, что ты наработала бы, сидя со мной один на один. Да и то, не уверена, что наработала бы.

Я вылетела из аудитории пулей, и неслась, не разбирая дороги. Обида от чудовищной несправедливости раздирала меня, хотелось собственными руками задушить эту омерзительную гниду, лишь по недоразумению преподающую нам биологию. И, подумать

только, ведь в школе это был мой любимый предмет! И только пятерки! Всегда, за все годы! И что теперь? Какие друзья, какие шпоры? Да если б хоть близко было то или другое!

С размаху влетела в чью-то широкую грудь. Извинилась, не поднимая головы, и попыталась продолжить движение. Но меня уже крепко держали за руку.

— То есть теперь ты решила заняться моим физическим уничтожением?

Вот только его мне здесь и сейчас не хватало!

— Простите, куратор, я правда-правда вас не видела, — забормотала с обреченным видом. Ну и какие кары мне сейчас прилетят от его уязвленного самолюбия? Сшибать кураторов с ног «наши священные традиции» явно не позволяют.

— Да я, в общем-то, догадался, — ответил Анхен совершенно спокойно. — Что случилось, Ларис?

— Ничего. Позвольте, я пройду.

— Пройдешь. Когда расскажешь, почему ты плачешь.

— Я не плачу! Я злюсь! А слезы — они всегда сами текут, это не потому, что я рыдаю, просто так вот глупо у меня все устроено!

— Добрый день, куратор, что-то не так? — биологиня буквально нависла над нами. Видать решила, что я жалуюсь, решила подстраховаться.

— Да нет, профессор Воронова, все в порядке, — Анхен добродушно рассмеялся. — Это от вас студентки такие зачумленные вылетают, что и дороги не видят?

— Лучше бы они как зачумленные за учебниками сидели! Очень слабый в этом году первый курс, — выдала она свое решительное мнение. — И очень слабая девочка, — кивнула она на меня.

— Да я уж вижу, что весьма ослабленная. А еще говорят, что это вампиры из людей кровь пьют. Да я смотрю, после ваших занятий приличному вампиру и глотнуть-то нечего.

— Вы все смеетесь, куратор. А по-другому с ними нельзя, только три шкуры драть. А то вырастут потом из этих недоучек недоврачи, и очень многим тогда не смешно будет.

— Не вырастут, — пообещал ей Анхен со всей возможной серьезностью, — либо доучим, либо съедим, и никак иначе. Доброго дня, профессор.

Она, наконец, удалилась.

— Так это из-за нее ты так рыдаешь? — поинтересовался куратор, глядя, как я провожаю ее ненавидящим взглядом.

— Я — не слабая девочка! И курс у нас — нормальный! Надо просто оценки ставить, исходя из реальных знаний, а не собственных фантазий об уровне наших возможностей!

— А вот скажи мне, Лариска, вот лично тебе не все равно, о чем ее фантазии?

— Не все! Ведь это мне она ставит три, хотя я объективно знаю на пять! И теперь на экзамене, даже если я выучу наизусть учебник, она все равно поставит мне три! Потому, что я — в ее фантазиях — слабая девочка!

— Лариса, я открою тебе ужасную тайну: лет через десять тебе будет страшно безразлично, какая там у тебя оценка была после первого семестра по биологии. И окружающим будет безразлично. И ты даже вспомнить не сможешь, где у тебя этот табель с оценками валяется. А знания — останутся. Всегда, при тебе. И только ради них вы сюда и ходите. А вовсе не для того, чтобы портить себе нервы несправедливостью мироздания вообще, и отдельных его представителей в частности.

Вещал куратор достаточно громко и уверенно, и вокруг нас собралась уже небольшая группка студентов, в основном моих однокурсников, внимательно прислушиваясь к беседе.

Ну, как иначе, вампирам внимают.

— Простите, куратор, а можно такой вопрос? — вмешался в беседу новый голос.

— Да, конечно, — Анхен вежливо повернулся к говорившему.

— Мы, конечно понимаем, что знания важнее оценок, и главное — как можно больше знать, — начал очень вежливо вкручивать Макс, — но ведь мы не можем знать все, у нас просто не хватает времени, чтобы выучить абсолютно все, что от нас требуют.

— Возможно, — спокойно согласился куратор, — но в чем ты видишь решение проблемы? Увеличить время учебы до 10–15 лет?

— Нет, зачем так кардинально? Просто у нас есть так много предметов, которые врачу совершенно не нужны, а требования к экзаменам по ним достаточно жесткие, и приходится тратить кучу времени на ерунду, вместо того, чтобы заниматься чем-то действительно важным.

— И какие же предметы вам не нужны, Максим? — вот интересно, он знал о том, что это Максим, или как-то мысли считывает?

— Ну, например, история, философия, история медицины... Нет, я, конечно, понимаю, что историю отечества знать надо, но зачем тратить на нее время сейчас и в таком объеме, когда его и на основные-то предметы не хватает?

— Ну а когда вы, если не секрет, собираетесь тратить на нее время? Если знать ее, как вы сами признаете, все-таки надо, — светлейший был, как водится, само дружелюбие, и казался искренне заинтересованным в ответе.

— Когда возникнет к ней интерес... когда появится время.

— Это было бы здорово, — чуть печально улыбнулся Анхен, — но опыт многих поколений показывает, что у абсолютного большинства из вас ни интерес, ни время не появятся никогда. Истина в том, что раз вы уже сейчас определили для себя эти предметы, как ненужные, то вы всю свою жизнь будете знать по ним ровно столько, сколько в вас удастся вложить в университете.

— А вы считаете, что они обязательно нужны? Но вот зачем мне при лечении, к примеру, гастрита, знать, в каком году была сделана первая прививка или основан Железногорск?

— Может, потому, что когда вы заканчиваете лечение гастрита или конъюнктивита, вас не выключают из розетки, и вы продолжаете функционировать? Идете домой, встречаетесь с друзьями, участвуете в общественной жизни. И при этом постоянно принимаете какие-то решения, анализируете, делаете выводы и строите планы на перспективу. И знание опыта предыдущих поколений позволяет вам быть при этом чуть более объективными, чуть более дальновидными, чуть более разумными. Мне казалось, люди строят государство торжествующего разума. Узким специалистам его не создать. Они не способны видеть всей картины, способны только дергать одеяло каждый на себя. Так что вы уж простите старых профессоров, что сочиняли вашу программу. Они просто видят задачу немного иначе, чем вы. Вы пришли сюда, чтобы учиться на врача. А они приняли вас, чтобы воспитать грамотными и образованными членами общества. И это несовпадение целей и приводит к взаимному непониманию. Старинный конфликт отцов и детей... Но подумайте, неужели, прожив 30–40 лет после окончания университета, они стали глупее, чем были в ваши годы? Так может, имеет смысл попытаться принять их точку зрения?.. Или я не прав?

— Конечно, куратор, я с вами согласен, вы абсолютно правы, — ну вот кто б посмел сказать вампиру, что он не прав? — Но все же требования к уровню знания этих предметов

порой чрезмерно высоки. Неужели быть достойным членом общества настолько важнее, чем быть хорошим врачом?

— Важно все, конечно. Но вы правы, вы все равно будете выбирать, на что и сколько времени потратить. И если по предметам, которые вы уже объявили для себя не главными, с вас требовать просто прочитать учебник, то вы этот учебник даже не раскроете. А если потребовать выучить все упоминающиеся в нем даты, то вы хотя бы прочтете учебник. Вот и весь секрет, — Анхен озорно подмигнул внимающему ему народу и откланялся, — простите, светлейшие студенты, дела.

Но уходя, недвусмысленно поманил меня за собой. С кураторами, да еще в людном месте, как известно не спорят. Он отвел меня подальше от любопытной толпы и тихо поинтересовался:

— Сколько у тебя еще пар?

— Две.

— Закончишь, заberi одежду в гардеробе и зайди ко мне.

— Зачем?

— Есть только один способ это выяснить, и ты его уже знаешь.

Кивнул официально — вежливо и отбыл по своим, несомненно, важным делам.

А я еще две пары мучилась от любопытства, да пыталась понять, хочу ли я как можно скорее оказаться в его кабинете, или как можно дольше в нем не оказываться.

А потом послушно спешила к нему лабиринтом коридоров, перекинув через руку тяжелое зимнее пальто, и сердце обрывалось в предвкушении... чего? Я не знала. Хотела ли я остаться с ним наедине, или боялась с ним оставаться? Наверное, и то и то. Я к нему привыкала. Все сильнее с каждой встречей. Он был слишком значительной фигурой. И в моей серой жизни, и сам по себе. И его внимание ко мне, несомненно, льстило. Выделяло меня, не нужную и не интересную никому в универе девочку, из толпы. Но излишнее внимание вампира порой могло быть опасным. Я это понимала. Но что это могло изменить? Он позвал. И я послушно пришла.

Постучав, заглянула. В приемной было пусто, дверь в кабинет приоткрыта.

— Заходи, Лариса, — донесся до меня его голос. Это он как, еще и сквозь стены видит?

Зашла. Бросила пальто и сумку в ближайшее кресло, прошла к нему в кабинет. Мое прошлое пребывание здесь теплых воспоминаний не будило, поэтому я немного нервно остановилась почти у самой двери. Анхен сидел за столом, обложившись какими-то бумагами. Не то изображал бурную деятельность, не то действительно был сильно занят.

— Лариса, помоги мне немного, Инга моя болеет...

— Да? — к такому я была не готова, и с ходу ляпнула, — и как называется болезнь, «критическое обескровливание на рабочем месте»?

— Мне приятно, что мои гастрономические пристрастия так будоражат твою фантазию, но болезнь называется прозаически: простуда. Возникла вследствие беготни из корпуса в корпус в полураздетом виде, — Анхен смотрел на меня с легкой усмешкой. — А теперь, пожалуйста, возьми вон с той серой подставки отпечатанные листы и разложи на три экземпляра. Лучше у Инги на столе, там больше места.

— А что мне будет за выполнение работы твоей секретарши? — нет, я понимала, что сделать все равно придется, да и вовсе не против я была ему помочь. Но вредность — она точно впереди меня родилась.

— А если тебе в детстве читали сказки, то должна бы знать: больше всего всегда

получает тот, кто никогда не торгуется. Все, Лара, иди, не отвлекай меня. Быстрее закончим, быстрее будет сюрприз.

— Какой сюрприз? — вот теперь не уверена, что хочу быстрее заканчивать. Сюрпризы у вампиров, они того, разные бывают.

— Никакого, если за полчаса не управимся, — судя по глубокому вздоху светлейшего, Инга явно делала, что велят, быстро и без вопросов. — Когда разложишь, спустишь по ближайшей лестнице в 117-ю, и в самых вежливых выражениях попроси от моего имени сбросировать их прямо при тебе.

Послушно пошла работать. Стол у Инги был просторный, содержался в идеальном порядке, каждый карандаш в своей подставочке, каждая бумажка в своей корзиночке. Вот интересно, у нее только на работе так, или она по жизни аккуратистка? У меня-то дома на рабочем столе сам Принц Бездны ноги переломает... Хорошая девочка Инга, да чем же она хороша?.. Вот интересно, а если б Инга не заболела, Анхен бы обо мне вспомнил? Или он и сейчас-то позвал, просто потому, что в коридоре наткнулся? И какой сюрприз?

Страницы, по счастью, были пронумерованы, раскладывать их труда не составляло. Я, разумеется, полюбопытствовала, но быстро поняла, что читать сие мне не интересно. Это были материалы какой-то конференции по проблемам создания искусственной крови. Я не вампир, мне и своей естественной хватает. Закончив вчитываться в содержание, заметила, что оформление куда занятней. Текст был явно отпечатан на машинке, но края его были абсолютно ровные, словно у книжной страницы, вышедшей из типографии. Это Инга такая умелица? Или чудеса вампирских технологий? Но они ж, вроде, запрещены к использованию по эту сторону Бездны. Или если чуть-чуть и для себя, то все же можно?

— Анхен, а как это печатали? — не удержавшись, крикнула в приоткрытую дверь.

— Лариса, а почему это еще не сброшировано? — отфутболили мне в ответ с моими же интонациями.

Мысленно плюнула, побежала брошировать. Там на меня попытались глянуть хмуро, не то обед у них был, не то тихий час, но волшебное имя светлейшего ир го тэ Ставэ мгновенно подарило мне целую комнату лучших друзей.

Радостно вернулась, волоча господину добычу. Но оказалось, не так все просто. Один экземпляр Анхен бодро бросил в ящик собственного стола, а два другие мне было велено вприпрыжку нести к светлейшему ректору, дабы отдать в добрые руки его секретарши.

— На парадный вход не беги, с этой лестницы есть выход на улицу, до главного здания тут будет ближе, — проинформировал меня светлейший куратор, оторвавшись от своих бумаг. Что он из них, пасьянс, что ли складывает? — Только пальто застегни как следует. А то еще одна у меня поляжет от «критического обескровливания» в условиях резко не замеченной зимы, — он разве что не фыркнул, выдавая мне эту тираду. Неужели так задел мой намек на его «гастрономические пристрастия»? Ах, ну да, ну да, мы девочек не едим. Разве что с друзьями и в розовой ванне.

Уже вдыхая на бегу морозный воздух, вдруг осознала, что воспоминания о судьбе Лизы не принесли мне ни горечи, ни горя. И факт непосредственного участия в этой судьбе Анхена тоже бурных отрицательных эмоций не пробуждал. Наверное, в чем-то он меня тогда убедил. Уболтал, и я, незаметно для себя, согласилась. Она этого хотела. Ей подарили ее мечту. А я не хотела. Хотя мне предлагали ровно тоже самое. И я жива и здравствую, и никто не жаждет выпрашивать или отнимать мою кровь: ни всю до капли, ни хотя бы каплю. У каждого свой путь. А вампиры — они вампиры. Они пьют кровь. У тех, кто настолькс

глуп, чтоб им ее дать.

Залетев в холл Главного здания растерянно заозиралась. Объяснить, где находится кабинет ректора, мне забыли. У кого бы спросить?

— Лариса? — удивленный полувопросительный оклик, и незнакомый парень пробирается ко мне сквозь толпу.

— Мы знакомы?

— А ты совсем не помнишь? Ну вот, мне так хотелось произвести на тебя впечатление, а ты меня даже не заметила, — карие глаза смотрели чуть насмешливо, и челка падала ему на лицо, закрывая обзор, а он привычным движением отбрасывал ее прочь. — Ну конечно, когда гуляешь с настоящим вампиром, разве заметишь обычного человеческого мальчика.

Гуляешь с вампиром? И тут я его вспомнила!

— Артем!

— Привет. Ты так быстро тогда убежала, что я даже не успел с тобой толком познакомиться. Все надеялся, что еще когда-нибудь встречу, и вот — встретились.

— Зачем? Ты любишь отбивать девушек у вампиров?

— Ну, ты тогда сказала, что не его девушка. Да и зачем тебе древний старик? Я по любому лучше!

— А ты скромный. Ладно, раз уж ты настолько хорош, покажи мне, где у вас тут ректор окапался. А то, если я немедленно не отдам ему эти бумажки и не отчитаюсь перед заказчиком об исполнении, то перестану быть девушкой, и стану просто чьим-то обедом.

— Сурова жизнь у будущих врачей! Ладно, идем, покажу тебе ректора. Ну, или дверь его кабинета.

С Артемом было легко. Он был веселый и чуточку самоуверенный. А может, просто пытался таким казаться. Он довел меня до ректора, а потом проводил обратно до нашего корпуса, и всю дорогу мы болтали и смеялись, и я, конечно, дала ему свой телефон, и обещание непременно с ним встретиться, и даже, кажется, выйти за него замуж тоже до кучи пообещала.

Анхен стоял в приемной у зеркала, расправляя свой элегантный и, вероятно, не местного производства шарфик под воротником короткого черного пальто.

— Ректор тебя так развеселил? — поинтересовался, не оборачиваясь, привычным жестом застегивая пуговицы.

— Нет, — чуть удивилась я. В голос, вроде, не смеюсь. — Приятеля встретила. Замуж зовет, — даже любопытно было, как он отреагирует.

— Хороший приятель, — добродушно улыбнулся Анхен, оборачиваясь. — Бери вещи, мы уезжаем.

— Куда?

— Любоваться красотами зимней природы. Разве я не говорил? — и смотрит в упор настолько серьезными и честными глазами, что сразу хочется ни единому слову не поверить. Но все же послушно взяла свою сумку, вышла за ним следом из кабинета.

— И что за приятель? — светски интересуется Анхен, запирая дверь. — Который алмазы в Западных горах искать собрался? За этого выходи смело, он найдет.

Пару секунд соображала, о ком он. Разговор об алмазах в той забегаловке, помнится, вели, но чья была идея... Ах, да, Петерс! И как светлейший вампир только помнит такие подробности? Или у него не только слух улучшенный, но еще и память абсолютная?

— А в Западных горах действительно есть алмазы? — любопытствовала, шагая рядом

с Анхеном по коридору.

— Не знаю, я не геолог, — беспечно пожал он плечами. — Но знаешь, на месте алмазов я бы уже начал бодренько там образовываться. Когда такие целеустремленные мальчишки что-то ищут, они по любому находят. Природа не в силах им сопротивляться. Вот и ты согласишься, когда через пару лет он предложит тебе руку всерьез.

— Петерс и всерьез? Не смейся, он вообще не бывает серьезным! И вообще, я встретила не его, а Артема.

— Еще один геолог? А вот с этим не связывайся, толку не будет.

— Почему? — вот так новость. Он мне, оказывается, уже и жениха успел выбрать.

— Помрет быстро.

— Отчего это? — растерялась я.

— Так он, насколько я помню, геологией Бездны увлечен. А геологи Бездны долго не живут, — равнодушно пожал плечами Анхен, заворачивая на лестницу. И начал подниматься вверх.

— Почему не живут? Погоди, ты куда? Ты же говорил, что мы уезжаем.

— Разве? — очень натурально удивился куратор. — Ну, извини, оговорился. Улетаем. Машина у меня там стоит, не на газоне же ее ставить.

Новость о том, что мне предстоит ЛЕТЕТЬ на настоящей вампирской машине мгновенно вышибла из моей головы и Тему с его предложениями, и Петерса с его алмазами, и даже матримониальные планы Анхена на мой счет. Да я такие машины и вблизи-то никогда не видела, а тут меня в нее посадят, и даже повезут...

По лестнице я взбежала едва ли не быстрее вампира. Выход на крышу был, разумеется, заперт, и я пританцовывала от нетерпения, пока Анхен доставал ключ. Словно ребенок, которому уже пообещали игрушку, но все никак ее не отдадут, я смотрела, как этот ключ проворачивается в замке, как дверь приоткрывается... Изо всех заставила себя сдержаться, и не просочится в щель, а чинно пройти, когда мне предложат.

И вот, наконец, я увидела ее. Ослепительно блистая в лучах зимнего солнца, на засыпанной снегом крыше стояло самое совершенное творение рук... нечеловеческих, конечно, но все же это было создание разума, в величии своем так преобразующего материю, что можно было задохнуться от восторга, глядя на эту алую каплю посреди сияющего под солнцем снега. Да, его машина была алой, но не как кровь, нет, это сравнение даже не пришло мне в голову. Цвет крови темнее, гуще, насыщенней, что ли. А это был именно легкий, воздушный, сияюще алый цвет.

Абсолютно обтекаемой формы, словно и в самом деле огромная, вытянутая по горизонтали капля, машина на глаз не имела ни окон, ни дверей. Но вот Анхен сделал что-то неуловимое, и словно отогнулся лепесток прекрасного цветка — открылась дверь. Я увидела салон: два кресла, какие-то приборы перед дальним, руля нет, за креслами — что-то вроде шторки, отделяющей переднюю часть салона и скрывающей все остальное.

Анхен помог мне сесть в кресло, очень плотно пристегнул меня к нему ремнями, и на какой-то миг, когда его руки слегка скользили по моему животу, затягивая крепления, я ощутила себя так, словно меня обездвигивают для чего-то крайне непристойного. Но поспешно постаралась выбросить это из головы, а то кто его знает, может он еще и мысли читает.

Лицо Анхена было абсолютно бесстрастно, лишь на губах едва обозначилась усмешка. Но она могла относиться к чему угодно, он и так постоянно надо мной смеется, особенно

когда начинает говорить что-нибудь серьезно-пресерьезно. Впрочем, сейчас он молчал. Бросил мою сумку куда-то за шторку, отправил вслед за ней, правда, куда аккуратней, свой достопамятный чемоданчик. Обойдя машину, занял водительское кресло (или как оно там называется, если машина летает?).

Перед ним слабо мерцала приборная панель — ровные ряды абсолютно плоских, едва обозначенных контурами кнопочек. Анхен набрал какую-то комбинацию, и чуть выше засветился небольшой экран, по которому поползли строчки совершенно незнакомых знаков и символов — и не цифры, и не буквы, вообще ни одного значка, похожего хоть на что-то. Еще пара легких нажатий — и стены кабины словно исчезли, став не просто прозрачными — невидимыми. Остались только наши кресла, приборы перед Анхеном, а вокруг — внизу, сверху, по сторонам — были только усыпанная снегом крыша, небо, солнце, облака. Вот разве что ветер в лицо не бил, и явственно ощущалось тепло. Я даже вытянула руку, чтобы убедиться, что машина не исчезла, и мы по-прежнему находимся в ней, и рука ощутила гладкую прохладу дверцы, и в тех местах, где пальцы соприкоснулись с ней, ее стало немного видно.

Меж тем Анхен положил правую руку на небольшой рычаг, который прежде я даже не заметила, чуть потянул его, и машина плавно и бесшумно пошла вертикально вверх, понемногу увеличивая скорость. Сначала я заворожено смотрела на уходящую вниз крышу, дома, деревья, умиляясь, каким... игрушечным становится родной с детства город. Но скорость все росла, видимых преград между мной и бесконечной пустотой вокруг не было никаких, все сильнее сосало под ложечкой, и сердце в груди уже замирало от подступающего ужаса, словно на безумном аттракционе, когда ты понимаешь, что уже хватит, а он продолжает все сильнее и сильнее раскачиваться. Вот так и мы все продолжали и продолжали подниматься.

— А можно не так высоко? — охватившая меня паника заставила меня словно клещами вцепиться Анхену в руку и выкрикнуть эту фразу почти с истерикой.

— Нет, принцесса. Законы запрещают вампирам летать над вашими городами ниже облаков, дабы не будоражить воображение обывателей, — Анхен был абсолютно невозмутим, безумный взлет продолжался. — Но мне приятно, что ты столь страстно обнимаешь мое запястье. Может, чуть позже ты обнимешь с такой же страстью еще какую-нибудь часть моего тела?

Покраснев, с шипением отдернула от него руку. Вампир откровенно расхохотался.

— Да держись, если так боишься, я же не возражаю, — о, доброта и щедрость не знают границ, — уже почти взлетели.

И действительно, через пару минут кошмар закончился, и мы полетели горизонтально. Облаков, правда, так и не достигли, может, и не было в тот день облаков, но с земли мы явно выглядели маленьким пятнышком. Анхен нажал еще что-то, и приборная панель перед ним тоже пропала. Он сидел рядом со мной, такой спокойный, уверенный, с легкой улыбкой на устах, и явно наслаждался полетом. А я отчаянно пыталась отдышаться и успокоиться. Сейчас, когда я перестала ощущать, как мои внутренности отчаянно опаздывают за моим улетающим вверх скелетом, было гораздо легче.

— Неужели это настолько страшно? — покосился на меня Анхен.

— Наверное, со временем можно привыкнуть, — попыталась убедить я саму себя, но видно уверенно это не прозвучало, поскольку он чуть снисходительно улыбнулся. — Конечно, вы все летаете на этом с детства, вам и не понять какво это — впервые подняться

в небо.

— Ну, в моем детстве таких машин не было, — чуть пожал он плечами, — и много еще каких не было тоже. Но летать — да, летать мы могли всегда. Это в нас еще от Древних Богов...

— Ты веришь в богов? — я настолько поразились, что напрочь забыла все свои страхи. Это ж надо же: просвещеннейший куратор, везущий меня сейчас на таком шедевре инженерной мысли, и какие-то там древние боги!

— Нет, наивное ты мое дитя, — его улыбка была откровенно печальной, — никто из вампиров уже давным-давно не верит ни в каких богов. Но от воспоминаний о собственном детстве нам никуда не деться даже через восемьсот лет... Ты даже не спросишь, куда я тебя везу?

Анхен откровенно менял тему, но я не стала настаивать. К чему мне его глупые детские боги? А вот куда же мы летим и в самом деле вопрос.

— А неужели, светлейший куратор, вы нашли момент достаточно подходящим, чтоб наконец мне об этом сообщить?

— Да нет, это я так, к слову. Но я безмерно рад, что к тебе вернулась твоя обычная язвительность, а то с тех пор, как ты увидела мою машину, у меня было чувство, что я тебя теряю. Уже хотел даже видимость оболочки вернуть, чтоб тебе было хоть взгляд на чем сфокусировать.

— А можно было... вернуть видимость оболочки? — вот гад, а заставил меня так от страха мучиться.

— Можно. Она ж все равно по приборам идет. Можно полностью, а можно окошко небольшое спереди оставить, чтоб не забывать, что все же в небе. Только я так не летаю, не люблю. А тебя, если будешь настаивать, могу на обратном пути в багажник пристроить. Там функции отключения видимости нет, даже частичной. Сиденья там, правда, тоже отсутствуют. Мы в нем своих кормовых животных перевозим, а им сиденья без надобности.

— И сейчас перевозишь? — я опасливо покосилась на шторку.

— Сейчас-то зачем? — он откровенно потешался. — У нас с тобой развлечения намечены от силы часа на три, пока солнце не село, а так недолго я могу потерпеть и без еды, честно-честно.

— И все-таки, Анхен, куда мы летим? — да ну его в бездну с его шутками, к животным своим он меня посадит, ага, щас.

— Мы летим в Усть-Каменку, и еще немного дальше.

Так, стоп, это я здорово погорячилась его в бездну посылать, даже в мыслях. Потому как Усть-Каменка, как явствовало из ее названия, и стояла на самом краю Бездны. В том месте, где речка Каменка даже не впадала, а просто падала, обрушивая свои воды в бездонный провал, делящий нашу землю на два мира — мир людей и мир вампиров. А любой человек, и это было известно даже младенцам, мог пересечь Бездонную Бездну только один раз. С той стороны вампиры не возвращали ни живых, ни даже мертвых.

— Нет, погодите, куратор, что-то я не припомню, чтобы я давала свое согласие пересекать Бездну даже в устной форме, а не то, что в письменной!

— Ну, вот в Усть-Каменке и дашь, — невозмутимо сообщил мне мерзавец, глядя в заоблачную даль. И лишь вдоволь насладившись затянувшейся паузой, и тем липким ужасом, что, наверное, доверху заполнил его небольшую кабину, изволил рассмеяться и сообщить, что он пошутил.

Я просто устало откинулась в кресле. Сил на выражение эмоций не было никаких.

— Ну вот какая же ты у меня паникерша, — покачал головой Анхен, глядя на меня словно добрый папочка на своего неразумного ребенка, — ну зачем мне тебя убивать, сама подумай. Кровь у тебя невкусная, делиться ты ей не хочешь...

— А ты откуда знаешь, что невкусная? — злобно буркнула я, — хлебнул все же из той пробирочки?

Он опять рассмеялся, но как-то уже устало.

— Я по запаху чувствую, глупая. С расстояния меньше трех метров я ощущаю не только все оттенки твоего вкуса, но и, без всяких анализов, определяю твою группу крови, что по вашей, что по нашей классификации.

— А есть разница в классификациях?

— Да, и существенная. Ваша куда более убога.

— Ну а вампирам не все равно? Вам что, для еды не все группы крови подходят?

— Да нам-то как раз все. Это вот вам далеко не всякую переливать можно. А счет, бывает, на минуты идет. Не до лабораторных исследований.

— И кому ж это вы ее переливаете, такие добрые? — не могла сдержать ехидства. Что еще за служба спасения?

— Да вот тем, кто, в отличие от тебя, щедрые и добрые, и дарят свою кровь с безграничной любовью. И далеко не всех из них вампиры с жадностью волокут на свою сторону, большинство не волокут, а, напротив, спасают.

— Ага, сначала доводят до полусмерти, а потом благородно спасают.

— Если человек готов отдать, почему я не должен брать, вот объясни мне? Вы — наша пища, все остальное — реверансы вокруг стула, и наше чистой воды благородство. Потому как мы позволяем вам жить, и даже способствуем тому, чтоб вы жили, хотя это впрямую противоречит нашим потребностям.

— А вот и нет, вы просто заботитесь о поддержании популяции, чья кровь вкуснее крови ваших животных! Ты сам мне говорил, и я ничего не забыла!

— Вот, видно, зря я это говорил. Разговоры про кровь доводят тебя до состояния невменяемости.

— Потому, что ты говоришь об этом так, словно мы вас по гроб жизни своей кровью кормить обязаны! И еще и благодарить, что нас при этом не каждый раз убивают!

— Честно говоря, Лариса, вы нам и в самом деле по гроб жизни обязаны. И мне казалось, что в школе этому учат.

Я злобно отвернулась, и попыталась смотреть на проплывающие под нами снежные поля. Местами их прорезали нити дорог, где-то группка не вырубленных деревьев обозначала небольшую, неразличимую под снегом воду: озерцо или пруд, может, изгиб реки. Нет, ну какой же он неисправимый, неисправимый... вампир! И ведь может выглядеть, как человек, одеваться, как человек, даже разговаривать вполне по-человечески, но только до определенных пределов. А дальше все сводится к тому, что есть вампиры — и остальной животный мир, существующий лишь для их потребностей и удовольствия. И все прочее для них и в самом деле — реверансы вокруг стула: и игры в мудрого куратора, и в доброго благородного доктора, и даже в мальчика Антона, который зачем-то (вот зачем, спрашивается) катал меня на велосипеде.

— Куда мы все-таки летим, Анхен? Я устала, мне надоело чувствовать себя твоей погремушкой, с которой ты резвишься.

— Ну прости, мне тоже с тобой тяжело. Ты не в состоянии осознать простейших вещей, которые в этой стране понятны даже младенцу.

— Куда. Мы. Летим.

— Мы летим на Ледяные Водопады. Это очень красивое место, но кроме вампира тебе его никто и никогда не покажет.

— Почему?

— Потому, что это место за краем Бездны. На вашей стороне, — добавил он, поймав мой быстрый испуганный взгляд.

— А зачем ТЫ решил мне его показать?

— Чтобы немного отвлечь от проблем с учебой. Чтобы немного помочь в исполнении твоей мечты увидеть разные диковинные места. Чтобы просто немного тебя порадовать, мне кажется, тебе должно там понравиться. Это место тебе сродни. Для меня ты и сама — девочка за краем Бездны.

Отвечать я не стала. Иногда он говорил так красиво и искренне, что хотелось верить. Но от этого он не переставал быть вампиром. Просто за свою долгую жизнь он выучил столько всяческих слов, что некоторые из них подходили. Попадали идеально и в душу и в ситуацию. Мы летим на Ледяные Водопады. Потому, что встретив меня в слезах в коридоре, ему захотелось меня порадовать. Пусть так. Допустим. Пускай будет так.

Еще полчаса прошло в молчании. Я рассматривала землю, словно протекавшую под нами внизу. Это было красиво. Как-то кукольно-красиво, словно я разглядывала бесконечный макет города и окрестностей в Центральном музее Светлогорска. Хотя Светлогорск мы уже давно миновали, и даже высокие белые башни главного здания универа — наши единственные горы, горы светлого разума, который наука дарует людям — уже были почти неразличимы вдаль.

А впереди, у самого края горизонта, показалась Бездонная Бездна. Ее неровные рваные края были хорошо различимы даже на огромном расстоянии. Чуть правее по курсу возвышалась священная Гора Вампиров, единственное место на краю, откуда был хорошо виден Великий Город. Из той же Усть-Каменки его было уже не разглядеть, ибо Бездна была не только огромна, но и извилиста, и весьма прихотлива в своих извилах. Впрочем, отсюда сверху Гора казалась не более, чем небольшим аккуратным холмом. Слишком уж аккуратным на фоне нервно и хаотично изгибающейся, словно в конвульсиях, Бездны. И ведь, наверное, этот холм рукотворен, пришла мне в голову мысль. Но спрашивать я не стала. Он точно знал, и наверняка бы ответил — на такие «безличные» вопросы Великий отвечать любил, и весьма пространно. Но я просто не хотела сейчас слышать его голос, даже оборачиваться в его сторону мне не хотелось. Просто летела и разглядывала пейзаж, стараясь по максимуму все запомнить. Вряд ли кто-то собирается так уж часто катать меня в поднебесье. Вон тогда в парк — так и вообще на автобусе возил...

Анхен спокойно смотрел вперед, предоставив меня самой себе. Для него этот полет был очередным, миллионным, миллиардным по счету, и вряд ли его хоть как-то интересовали виды наизусть знакомых окрестностей, или хоть чем-то напрягал процесс управления машиной. Он просто летел — ни к чему не стремясь, ничего не торопя. Меня невольно завораживала эта его способность — очень спокойно ждать чего бы то ни было, словно у него — все время этой галактики, и весь мир согласиться подождать вместе с ним. Нет, он очень торопился быстрее вылететь, и сейчас летел, наверное с максимально возможной скоростью, но отменить эти полчаса пути он не мог, и потому просто ждал, когда они

истекут. Спокойно, неторопливо. Может просто летел, как дано летать лишь вампирам — заплутав душой в облаках и ветре.

Нет, нахождение вместе с вампиром в ограниченном замкнутом пространстве не способствует сохранению способности критически мыслить. Я его недавно практически ненавидела, а вот сейчас уже почти любила, ну, или может, просто — весьма романтически поэтизировала.

Усть-Каменка приближалась. Укутанную снегом реку различить среди полей было сложно, а вот небольшие домики этого городка были сверху как на ладони. Городок был небольшой, провинциальный, с уютными кривыми улочками, небольшими косогорами, уходящими покато к реке. Самые последние его дома отделяло от Бездны метров двести. И эти двести метров, отгороженные высоким забором с колючей проволокой наверху, явно являлись полосой отчуждения, снежный ковер там не прорезала ни одна тропинка, ни один след. Меня этот бетонный забор, признаться, весьма покоробил. Понятно, это сделано из предосторожности: свалиться нечаянно в Бездну — это не в речку, тут без вариантов. Но можно же было сделать это как-то... изящнее, что ли.

Видимо, чтобы не вызывать моих опасений, Анхен начал снижаться еще на подлете к городу, над рекой, двигаясь вдоль ее замерзшего русла. Через Усть-Каменку мы летели на высоте, наверное, третьего этажа. Толи наплевав на все правила, которые запрещают летать через город столь низко, толи наврал он мне про все эти правила.

Впрочем, сейчас этот вопрос меня не волновал. Сердце замирало в предвкушении и страхе: мы приближались к Бездне. Ведь, что бы там светлейший куратор ни говорил, но всегда был ровно один способ понять, что именно он задумал, и этим способом мне предстояло воспользоваться с минуты на минуту. Прилететь с вампиром на край Бездны — это... это надо один раз попробовать пережить, и, если получится, всю жизнь об этом потом всем рассказывать — будет хитом любой беседы, на зависть подругам. Но для начала — надо как-то это пережить.

На том же уровне, где стена ограничивала город, реку перегораживала в несколько рядов толстая кованная решетка. И это тоже было понятно. Течение здесь, видимо, весьма ощутимое, и чтобы ни пловец, ни лодка, ни что крупнее... И даже если одна из секций первого ряда будет повреждена или протаранена, останется еще несколько рядов, чтобы затормозить и удержать потерявшее управление судно.

Через реку был переброшен мост, по нему изредка проезжали машины, шли куда-то люди. Замерзшую реку прорезало множество тропинок, была хорошо различима лыжня, и даже несколько лыжников на ней. В одном месте был расчищен каток, и мальчишки играли там в хоккей. Мы летели настолько низко, что нас видели все. И замирали, провожая восторженным замороженным взглядом.

— Анхен, а как же дети? — не выдержала я.

— А что дети? — невозмутимо поинтересовался Анхен.

— Ну, они же не должны видеть вампиров, а они нас видят.

— Ну, во-первых, они видят не нас, а только мою машину. И я не думаю, что в этой стране есть дети, которые считают, будто вампиров не существует. Так вот один только что мимо пролетел. А во-вторых, задача не в том, чтобы дети не видели вампиров. Задача в том, чтоб они их не чувствовали, не ощущали того, что стоящий — да хоть прямо перед ними — вампир. Не общались с нами, даже в неузнанном виде, дольше пяти минут. Иначе мозг горит. Не выдерживает напора нашего ментального излучения. И дальше это существо — уже не

ребенок и не человек — может стремиться только к полному слиянию, ему физически больно, если он не ощущает рядом вампира. Поверь, это гуманнее сразу убить, без вариантов. И поверь, такими вещами у нас не играет никто и никогда. Даже чтобы покрасоваться перед хорошенькой девушкой. У нас, знаешь ли, слишком редко рождаются дети. И иногда мне кажется, что мы ценим ваших детей гораздо больше вас самих. Особенно после того, что я вижу иногда в больнице... — он вздохнул, чуть качнув головой. — Так возвращаясь к твоему вопросу: я никогда не причиню зло ни одному ребенку. Тебе — запросто, а вот за них можешь быть спокойна. Помнишь, мы гуляли в парке, и там была куча детей, и прямо у нас под ногами. Но ни один из них не почувствовал в тот день вампира. А сейчас — да, все знают, что в машине вампир. Но ощутить меня на таком расстоянии они не смогут. И даже когда мы выйдем из этой машины, мы все равно будем слишком далеко, чтоб им хоть что-нибудь угрожало. Успокоил?

Ага, особенно фразой «тебе — запросто». Как-то даже резко интересно стало: зло мне собираются причинять вот прямо сейчас, или это он так, на перспективу. До подкатившей к горлу тошноты интересно, и глубоко плевать уже на всех детей и все вампирские принципы. Вот мы прилетели. Почти прилетели. А дальше — что?

Глава 5

Возлюбленный

Анхен опустил машину на самом краю Бездны. Вернее, не долетев до края всего десятка шагов. Мы медленно опустились в густой нетоптанный снег, кабина потеряла прозрачность, двери открылись. Я сидела, не шевелясь, замороженно глядя, как он обходит машину и вплотную приближается к моему креслу. Его руки нежно скользнули мне на живот, расстегивая удерживающие меня ремни. Лицо его было так близко, а улыбка на нем — светлой и чистой.

— Идем? — он протягивал мне две руки сразу, готовый принять и помочь мне выбраться наружу.

Но я еще сильнее вжалась в кресло:

— Анхен, а может, не надо? — получился только слабый шепот, настолько перехватило горло.

Его глаза смотрели на меня очень ласково, когда он шепнул в ответ:

— Обними меня.

И я положила дрожащие руки ему на плечи, и, зажмурившись, прижалась виском к его виску. Я боялась его сейчас больше всего на свете, но кроме него, мне было не у кого искать защиты от своих страхов. Очень аккуратно он обнял меня, притягивая вплотную к себе и помогая выбраться из машины. Негнущимися ногами я сделала первый шаг в снег. Он чуть отступил, не отпуская меня, заставляя сделать еще один, и еще.

И, наконец, замер, очень нежно поглаживая меня по спине. А я прижалась к нему всем телом, буквально вдавливая себя в него и не замечая этого, обхватив руками за плечи, зарывшись носом в его воротник и не разжимая глаз. И каждую клеточку моего тела била дрожь.

— Ну что ты, Ларочка, что ты? — его пальцы нежно коснулись моей щеки, чуть скользнули по шее, и ушли вниз, вновь оглаживая спину. — Ну, вот когда не надо, ты у меня смелая, а как доходит до дела — так настоящая трусиха. Чего ты так испугалась? Вроде было все хорошо еще минуточку назад.

— Ты сам... сказал... что причинишь мне зло, — говорить удавалось с трудом.

— Я сказал, что могу, я не говорил, что собираюсь. А еще я говорил, что хочу показать тебе очень красивое место. И что на ту сторону Бездны мы не полетим. И что через пару часов я верну тебя домой. Тебя куда подвезти: к подъезду или к балкону?

— А можно ты мне это место потом... на картинке покажешь? А сейчас сразу отвезешь меня домой?

— А ты мне за это что? — едва слышно шепнул он мне прямо в ухо.

— А что ты хочешь? — поинтересовалась обреченно.

— О, целую кучу вещей. Чтобы ты перестала так затравленно дрожать, открыла глаза и попробовала взять меня просто за руку. Я же тебя не обижаю, Лариса, ну взгляни ты в лицо реальности! Я тебя глажу, утешаю, успокаиваю, разве что не целую. Зачем, по-твоему? Чтобы в Бездну сбросить? Ну, почему тебе всегда так сложно мне поверить? Я же ни разу в жизни тебя не обманывал.

— Да. Наверно. Прости, — паника потихоньку отступала, я уже самой себе не могла объяснить, чего я так перепугалась. Разжала руки, отступила на полшага назад и взглянула

ему в лицо. Анхен был расстроен. Смотрел ласково, но был расстроен, я видела это, чувствовала. — Прости, — еще раз повторила я, — я не знаю, что на меня находит. Иногда мне хорошо с тобой, правда. Но иногда... я просто тебя боюсь. Это ни от чего, это ни откуда, это просто... вдруг накатывает абсолютно дикий страх, и я не могу с ним справиться.

— Ну, спасибо хотя бы за «иногда», — он тоже отпустил меня, и теперь просто стоял напротив. — Это видимо Бездна, Лариса. Она не просто дыра в земле, она действует на всех нас. Правда, на всех по-разному. В тебе она пробуждает... что-то очень древнее, позабытое... Я надеялся никогда более не чувствовать... такого ужаса. Тем более, я не хотел, чтобы это чувствовала ты. Я не знал, что так выйдет. Прости.

— Ты тоже чувствовал страх?

— Я чувствовал его в тебе. Я же говорил, при тактильном контакте я тебя ощущаю. Тем более, ты прижалась ко мне так сильно, — заметив мое смущение, он, видно, решил сменить настрой беседы. — И это хорошо зима. А было б лето? Ведь мы сейчас практически на пляже. Такие страстные объятия, да при минимуме одежды — и до чего бы мы докатились?

Я смущенно закрыла лицо руками, хотя и видела, что он просто смеется. И, не выдержав, засмеялась тоже.

— Ну, все хорошо?

Я кивнула.

— И ты дашь мне руку?

И я протянула ему руку, только теперь заметив, что он без перчаток. И с непокрытой головой.

— Анхен, неужели тебе не холодно?

— Я вампир, — он пожал плечами, — мы только чужие эмоции хорошо чувствуем. А вот с погодой хуже. Мне не холодно, мне не жарко. Мне никак. В основном это удобно. Так ты идешь со мной?

— Да.

— Тогда дай мне руку, чтоб не поскользнуться. Здесь все же лед.

И, крепко держа за руку, он подвел меня к самому краю. День был морозный, ледяной воздух и без того обжигал легкие. Но из Бездны тянуло холодом и вовсе запредельным. Там, летом, на Горе, отделенная от Бездны невидимой вампирской стенкой, я ее не чувствовала, да и не рассматривала особо. Тогда мне хотелось поподробнее разглядеть Город. Отсюда Город был не виден совсем. А вот от Бездны нас здесь ничего уже не отделяло. Никаких чудес вампирской техники. И она дышала нам в лицо неземным холодом, разверзаясь под нашими ногами. Солнце висело прямо над Бездной, и ее обрывистые склоны, покрытые снегом и инеем, блестели, словно усыпанные алмазной крошкой, до самых глубин, сколько мне хватало взгляда. А прямо из-под наших ног уходили вниз застывшие до весны потоки Каменки.

— Отсюда всего не разглядеть, — тихо произнес Анхен. — тебе надо поверить мне, и сделать шаг.

— На самый край, и немного дальше?

— Лучше ко мне в объятия. Нам нужно лететь, а за руку мне тебя с комфортом не унести, только вывихну что-нибудь. Ты осмелишься?

— Мы полетим... вот просто так, без всего?

— Без всего. Только ты, я и Бездна. Ты сможешь поверить мне настолько?

— Я попробую.

Испытание на Горе было обманом. Там все было обманом. Но здесь и сейчас страховки не было. Как он говорил тогда, тот старик? Глубинами Бездны измерить глубину своего сердца? Можем ли мы поверить, что их ласковые руки поддержат нас? Могут ли я поверить... вот одному конкретному вампиру? Настолько, чтобы доверить ему свою жизнь?

Я вздохнула, кивнула, и сделала шаг в его объятия. Он поднял меня на руки, легко оттолкнулся — и мы воспарили над глубинами Бездны.

Страшно не было. Он просто держал меня на руках, крепко и бережно. Ну а то, что под ногами у него был уже не снег, а пустота... я видела это глазами, но разум, наверное, осознавать это отказывался. Меня просто несет на руках сильный и уверенный мужчина. Ну, а то, что он вампир — со мной он никогда не вел себя, как вампир, и да, он был совершенно прав: он никогда не давал мне повода ему не доверять.

Анхен медленно нес меня все дальше от края Бездны, не поднимаясь и не опускаясь, на том же уровне, как если бы мы все еще шли по земле. Но земля удалялась, а Бездна, казалось, все ширилась под нами, словно все сильнее выворачивала наружу свое нутро. И я могла уже видеть, как там, бесконечно глубоко внизу, куда не доставал уже свет солнца, клубилась непроглядная, таинственная тьма.

— Анхен, а про принца Дракоса — это правда сказки? — спросила чуть дрожащим голосом, с опаской вглядываясь в смутные очертания неразлично далеко внизу.

— Правда, — Анхен ободряюще улыбнулся, — это просто книга детских страшилок. И потом — ты ведь со мной. А как Истинный Принц Света, я просто обязан спасти тебя от любой тьмы.

— К-кто ты? — я даже рассмеялась. — Никогда о таком не слышала. Это тоже из какой-то книжки?

— Да, моя дева, — Анхен беззаботно улыбался. — Только из очень-очень старой. Мне ее еще мама в детстве читала.

— Анхен, а твоя мама, — новая мысль пришла мне в голову, — ведь она же еще жива? Ну, в смысле — вы же очень долго живете, почти бесконечно... или нет? То есть — вот восемьсот лет — это много или мало? Ты по вампирским меркам — молодой или старый? И сколько вообще живут вампиры, если по правде, а не как в школе учат.

— Ой, какой кошмар, — произнес он с притворным вздохом. И вдруг резко, без предупреждения, опрокинулся назад, совершив полный кувырок через голову. И я при этом облетела вокруг него, что луна вокруг земли, огласив всю Бездну безумнейшим визгом, на который только была способна. Держал он меня, правда, при этом очень крепко, и вывалиться из его рук мне, наверное, не грозило, но...

— Т-ты что т-творишь? — только и смогла выдавить.

— Глупости всякие из твоей головы вытряхиваю, — сообщил мне Анхен совершенно будничным тоном. — Что тебе сейчас до вампиров? Ты лучше смотри!

И он развернул меня лицом тому краю, от которого мы отлетели уже на порядочное расстояние. И я вздохнула заворуженно, мгновенно простив ему все грехи, прошлые и будущие. Это было зрелище, которое и в самом деле стоило увидеть. Любой ценой, потому что прекраснее места на земле не существовало! Ну, для меня в тот момент — не существовало точно.

Сверкая и переливаясь на солнце, от самого края земли и до бесконечности у нас под ногами, струились в оглушающем морозном безмолвии Ледяные Водопады. Воды Каменки, замерзшие, застывшие в своем полете, благодаря неровностям рельефа лились то единой

стенной, то разделяясь на множество ледяных колонн. Солнечные лучи, играющие на их прихотливых поверхностях, делали какие-то участки совершенно прозрачными, чистыми, словно хрусталь, а за ними проглядывало что-то еще — светлое, темное, белое, красноватое, коричневатое, и все это сверкало и переливалось, словно сказочный дворец Ледяной Королевы. И были в нем таинственные гроты и ажурные беседки, башни и лестницы, статуи и фонтаны. И свисали гроздьями прекрасные ледяные астры, чьи длинные и тонкие иглы лепестков были подобны иглам морозного воздуха, впивающимся мне в легкие. А где-то внизу скрывалась в непроглядной мгле темная половина этого великолепия, и были там подвалы и пропасти, и камеры пыток, со звенящими на ветру ледяными кандалами. Ибо королева Льда и Вечного Холода бесконечно прекрасна, но неумолимо жестока.

Анхен молчал и оставался неподвижным, позволяя вдоволь насладиться зрелищем и игрой собственного воображения.

— Нравится? — шепнул он тихонько, когда, через бесконечный промежуток времени, я все же чуть шевельнулась в его руках.

Я кивнула, не в силах вымолвить ни слова.

— Мы можем рассмотреть все поближе. Ты не побоишься спуститься вниз?

— Нет, никогда, конечно, — я не очень понимала, что я ему отвечаю, зачарованная возможностью войти в мой ледяной дворец.

Но он меня понял, и мы начали спускаться, подлетая к этому чуду все ближе. И общая картина рассыпалась миллионом отдельных фрагментов, но каждый из них вблизи был не менее прекрасен, чем все вместе издали. Тут были и галереи за ледяной стеной, и маленькие уютные гроты, и арки, и бесконечные колоннады... Пользуясь благосклонностью Анхена, я жаждала облететь и облазить их все, и он безропотно носил меня по воздуху от одного заинтересовавшего меня места к другому. Или водил, там, где можно было встать, но все равно ни на секунду не отпуская, удерживая за талию, словно клещами, даже в местах, где, как мне казалось, было совершенно безопасно.

— Это лед, Лара, — отвечал он на все мои возражения, — я не хочу, чтобы ты поскользнулась и сломала ногу из-за нашей с тобой беспечности. Хотя я гораздо лучше тебя понимаю, что даже если ты сорвешься и начнешь падать, долететь до дна Бездны шансов у тебя нет, я поймаю тебя практически сразу. Но вот травмироваться о выступающие края — шансов масса. Так что даже не мечтай, не отпущу.

Мы осматривали все ярус за ярусом, незаметно спускаясь все ниже и ниже в Бездну. И, однажды подняв голову, я увидела край земли столь бесконечно высоко, что просто захватило дух. Но страшно мне не стало ни на миг, я уже даже и понять не могла, что вообще здесь такого страшного, что я так отказывалась сюда лезть.

— Анхен, а почему не видно звезды? Ну, я читала, что из глубокого колодца даже днем звезды видно, а мы же гораздо ниже самого глубокого колодца.

— Угу, только колодец у нас значительно шире среднестатистического, и мы все еще под солнцем. Вот спустимся в тень — будут тебе и звезды. Хотя зачем тебе — они у тебя и так в глазах светятся.

В этот миг мы снова парили с ним в воздухе, выискивая, что еще меня могло бы заинтересовать. Анхен крепко прижимал меня к себе, держа одной рукой за бедра, другой за спину, и это было уже так привычно и так комфортно, и в этом не было ничего особенного, просто как иначе ему меня нести. И мои руки так привычно лежали на его плечах, но думала я не о нем, я жадно шарила глазами по ледяным колоннадам, относясь к нему как к

продолжению себя, как к средству передвижения, не более. И потому, когда он сказал мне про звезды, я просто рассмеялась от переполнявшего меня счастья, и поцеловала его в щеку. Потому, что щека была совсем рядом, а я была так ему благодарна за эту прогулку.

Он вопросительно взглянул мне в глаза.

— Спасибо, — объяснила я, касаясь лбом его лба и обнимая руками за шею.

Анхен остановился в воздухе, принимая мою благодарность и мою ласку. А потом вдруг резко изменил направление полета.

— Что там? — обернулась я, но не заметила ничего, достойного внимания. Несколько столбов застывшей воды, мы таких уже не один десяток видели.

— Ничего, — спокойно отозвался Анхен. — Немного устали руки. Чуть-чуть передохнем.

Однако отдохнуть тут было практически негде. Пришлось спуститься немного ниже. Но даже там шел всего лишь довольно узкий неровный карниз, на который и ногу-то полностью не поставишь. Но Анхен все же опустил меня на него, плотно прижав спиной к ледяной толще. Я чувствовала себя крайне неустойчиво, ноги того и гляди соскользнут. А он решительно вставил свой элегантный черный ботинок между моих выдавших виды сапожек, разводя мне колени и вжимаясь в меня бедром, и далее корпусом, буквально впечатывая меня в стенку. Я оказалась фактически сидящей верхом на его бедре, и это было уже... как он там говорил: «хорошо зима, а было б лето...». Анхен же, оставаясь абсолютно невозмутимым, действительно разжал руки, чуть встряхивая их, позволяя им, наконец-то свободно повиснуть вдоль тела. Интересно, сколько мы здесь уже? Час, больше? Я совершенно потеряла счет времени, а ведь даже для вампира, наверное, есть какие-то пределы выносливости.

— Я совсем тебя замучила? — с запоздалым раскаяньем взглянула в его глаза.

— Не надейся, — он взял меня за запястья и сомкнул мои руки у себя за спиной. — Теперь ты меня держи. Только крепко, а то кувыркнемся.

Я послушно сцепила пальцы в замок у него за спиной. Он был сейчас ко мне так невыносимо близко. Вроде так же близко, как и пять минут назад, но как-то интимней, что ли. И от этого я чувствовала неловкость. Сейчас меня не отвлекали ни небо, ни лабиринты Ледяных Водопадов. В этом положении я могла видеть и чувствовать только Анхена. И он уже не был просто средством передвижения. Он просто был.

— Ты такая счастливая сейчас, — прошептал Анхен, пристально глядя мне в глаза. — Я никогда еще не видел тебя такой счастливой.

Я хотела ответить, что это благодаря ему, и еще успела понять, что он не ждет от меня ответа. А потом его губы накрыли мои, и все слова стали попросту невозможны.

Он целовал меня так нежно, так бережно, едва коснулся раз, другой, не встретив сопротивления, прижался чуть сильнее, осторожно посасывая мои губы, проводя по ним языком. Одна рука его уверенно легла мне на затылок, другая ласкала шею. В какой-то момент он обхватил мой затылок чуть сильнее, словно чтобы не дать мне вырваться, и его язык проник мне в рот, не встречая даже слабого сопротивления. Мысли пугались, сердце билось где-то в горле, это было так сладко, так упоительно сладко! Где-то за гранью реальности я чувствовала, как его пальцы раздирают пуговицы на моем пальто, раскрывают шарф, рвут ворот на моей блузке. Ледяной ветер скользил по моей обнаженной шее и плечу, но я чувствовала только жар его объятий, его губ, языка, пальцев — таких нежных, таких страстных, таких нетерпеливых. Я и сама хотела еще, хотела дальше, хотела больше...

И лишь когда его ладонь резким хлопком накрыла мое обнаженное плечо, а его шея судорожно выгнулась назад, разрывая наш поцелуй буквально «на полуслове», сознание ворвалось в меня вместе с глотком ледяного воздуха. Колени задрожали, но ноги и так не могли удержать меня на этом скользком карнизе, меня держал Анхен, и потому я даже рук, сцепленных за его спиной, не могла от него оторвать, не то, что бежать от него сломя голову. Ведь он почти меня укусил. А я — я была готова, я была согласна, а ведь всегда считала, что никогда и ни одному вампиру! Я и не собиралась, я и не думала, а он, он...

Он прижался лбом к ледяной глыбе возле моего правого виска, и хрипло дышал. Обе его ладони тоже упирались в лед, но грудью и бедрами Анхен по-прежнему прижимал меня к стене, не сдвинувшись ни на миллиметр. Мы молчали. Довольно быстро я поняла, что замерзаю. Осторожно расцепила руки, вернула на место шарф и попыталась застегнуть пальто. Две верхние пуговицы были оторваны, и я, дрожа, зажимала ворот руками. Он по-прежнему не шевелился.

— Анхен, — решила позвать я. Надо же как-то выбираться.

— Х-х-х-х-хочу тебя! — как-то очень тяжело и страшно выдохнул он. Почти беззвучно, но громче любого крика. — Всю, до последней капли, до конца, без остатка.

А потом его руки поползли мне за спину, сжимая все в более крепких объятьях, но прежде, чем я закричала от боли, он упал назад спиной, и я закричала уже от страха.

Это был не полет, это было падение. Нас крутило и переворачивало в воздухе, увлекая вниз все неудержимее и стремительней. Солнце уже не проникало в эти глубины, вокруг нас клубилась тьма, а Анхен все продолжал равнодушно падать, крепко сжимая меня в объятиях и не делая даже попыток прекратить эту безумную круговерть.

И лишь когда я уже сорвала горло от крика, а перед глазами замелькали красные точки, мы вдруг чудовищно резко остановились и приняли вертикальное положение. Это стоило мне резкой боли в висках, подкатившей к горлу тошноты, и потерянной шапки.

Бедная моя шапка, и без того сидевшая на голове неплотно после наших безудержных ласк, и столь же безудержного падения, последнего кульбита с переворотом мне не простила, и теперь улетала все глубже, а мы молча провожали ее взглядами. А красные огни мне, оказывается, не примерещились. Они цепью висели в воздухе метрах в ста под нами. Этакie продолговатые плоские фонари, дающие, правда, не слишком много света. И на одном из них повисла, зацепившись, моя шапка.

— Надень капюшон, — хрипло произнес Анхен, глядя как фонарь тихонько раскачивается, потревоженный ее приземлением.

— Можно мы спустимся и заберем ее? И я хочу взглянуть, что это, — робко попросила я, обрадованная его возвращением. Кажется, он все-таки взял себя в руки, и ни убивать, ни целовать более не намерен.

— Забудь. Нам надо подниматься.

И прежде, чем я успела произнести хоть слово, мы стремительно взмыли вверх. Ну вот что за клятый вампир! То мы божественно неторопливы, а то мечемся, как безумные, то вниз, то вверх, словно сам Дракос за нами гонится. Меня же сейчас точно стошнит! Задыхалась глубоко и часто, пытаюсь побороть подступающие спазмы. Анхен почувствовал, замедлил движение, но полностью не остановился.

— Потерпи еще чуть-чуть, Лариса, — попросил он, — надо улетать. Слишком много тут сегодня... приключений.

И в этот момент я почувствовала, что у него дрожат руки, и мне впервые пришла в

голову мысль, что мы можем и не выбраться.

Но мы выбрались. Тихо, ровно, без приключений. Анхен вынес меня к самой машине, не дав даже шагу ступить на снег. Дверца открылась еще при нашем приближении, и он сразу посадил меня в кресло и пристегнул.

— Все еще боишься, что упаду? — попыталась я пошутить, но он не отреагировал, захлопнул мою дверцу, очень быстро сел на свое место и решительно придвинул к себе панель управления. Его пальцы с безумной скоростью замелькали по мерцающим клавишам, а на экране мелькали с той же скоростью немыслимые закорючки.

В машине было тепло, даже очень, и в этом тепле я наконец-то почувствовала, насколько замерзла. С трудом сдернула с рук перчатки и стала растирать заледеневшие пальцы. Пальцы ног тоже весьма ощутимо стонали от холода, и мне здорово продуло уши во время нашего не в меру стремительного подъема.

— Вот неужели нельзя было поднять шапку? — недовольно буркнула я, поднимая руки к ушам и пытаюсь их хоть как-то согреть. — Заняло бы от силы минуты три.

— Шапку поднять не сложно, — рассеянно отозвался Анхен, не отрывая взгляда от экрана, — вот только носить ее уже нельзя.

— Почему? — ошарашено поинтересовалась я. Хорошая была шапка, новая. — Что с ней такого стало, от того, что она на фонарике покачалась? И что это за фонарики, кстати?

— Плохие, звезда моя, фонарики, недобрые. Шапки у девочек воруют. Иногда вместе с девочками, — он по-прежнему отвечал мне крайне рассеянно, явно не слишком задумываясь над смыслом сказанного. Все его внимание поглощала бегущая по экрану абракадабра. Но вот его пальцы нажали последний десяток кнопок, он резким движением отодвинул панель прочь, и устало прижал пальцы к глазам, тяжело опираясь на подлокотники. Пару секунд посидел неподвижно, затем все же отнял от лица руки и взглянул на меня.

— Все плохо у нас, душа моя. Все до омерзения плохо.

— Что плохо? — не поняла я. — У тебя машина сломалась?

— Ну, мою машину, по счастью, не на вашем заводе делали, чтобы она вот так, от скуки, ломалась, — и только усталость сквозила в его голосе, и думал он по-прежнему о своем. Но вот это осознание безграничного вампирского превосходства над нами, убогими, было у него настолько в крови, что вновь стало противно.

— Но тогда Великий, может, поделится со мной хотя бы ближайшими планами: отвезет ли он меня домой, как изначально обещал, или все-таки убьет, как собирался чуть позже?

Анхен уставился на меня совершенно непонимающим взглядом. Я попыталась плотнее запахнуть порванное пальто.

— А, ты об этом? — в его взгляде отразилось легкое понимание. — Даже в голову не бери. Хотел бы убить — убил бы. А не убил, так значит не очень-то и хотелось.

— Что меня всегда подкупало в вас, куратор, так это ваша всепоглощающая искренность! — попыталась собрать в голосе весь яд, нам который только была способна. В глазах, правда, уже собирались предательские слезы.

Анхен смотрел на меня долгим изучающим взором. Потом взял мою руку и медленно поднес к губам. Даже не поцеловал, просто прижал тыльной стороной ладони, потом столь же медленно провел ею по своей щеке.

— Никак не могу решить, — наконец произнес вампир, не отпуская моей руки, — стоит ли мне быть сейчас с тобой искренним. И нужна ли тебе моя искренность. Ты только маленькая человеческая девочка, хоть и стоящая на самом краю мира...

— Но это ты привел меня на этот край. И даже очень маленькие девочки хотят понимать, что происходит.

— Нет, — грустно качнул головой Анхен, — это только в вопросах «любит-не любит» они хотят понимать. Чтобы знать, по ком дальше плакать. А я сейчас не о том.

— Пожалуйста, Анхен, когда ты перестаешь отвечать на вопросы, мне становится страшно, я не знаю, что и думать, и думаю всегда самое худшее...

— Самого худшего ты, пока еще, не знаешь. Но если настаиваешь — могу рассказать.

Я кивнула. Лучше уж знать, что он там для меня приготовил, даже если это ванна, полная розовых лепестков.

— Нас ждет очень тяжелый год, Лариса. Нас всех. Стихийные бедствия всех мастей, аварии, несчастные случаи, через месяц — полтора начнутся эпидемии, причем всего без разбору...

Я изумленно вытаращила на него глаза. Это было настолько не про то, о чем я боялась и ожидала услышать. Да и вообще все это настолько...

— Анхен, это что, ты там сейчас на ледяной крошке погадал? Или на тех фонариках?

— На фонариках, Лариска, на фонариках. Я ведь не зря тебя к ним не пустил, не красоты ради они там повешены. — Анхен немного помолчал, словно все еще решая, стоит ли мне рассказывать. Решил. — Официально они называются «верхняя граница волны». Это довольно сложный прибор, который не только измеряет уровень смертоносного излучения Бездны, но и способен перемещаться в пространстве, в зависимости от изменения интенсивности излучения.

— Смертоносного излучения Бездны? — изумленно повторила я. Никогда про такое не слышала. Бездна, конечно, смертоносна, но лишь в том плане, что если упадешь, то уже не вылезти. Или нет?

— Да, Ларис. Там, на дне, смерть. Абсолютная смерть. Не выживает никто — ни люди, ни вампиры. Очень мощный источник излучения, не совместимого с любой формой жизни. Землю разорвало до таких глубин, что и осознать не выходит. В которых идут совсем иные процессы. И действуют иные законы. Обратные тем, на основании которых живем все мы, дети солнца. Там — солнца нет. И жизни быть не может. Было множество попыток этот источник излучения ликвидировать. Или хотя бы закрыть. Все они стоили многих жизней. Все они провалились. Невидимые лучи пронзают все, что бы мы ни ставили у них на пути.

— Но погоди, если там все так ужасно, зачем же мы тогда туда спускались?

— Мы не спускались глубоко. Там, где мы были — безопасно. Собственно, красная граница и отмечает уровень, ниже которого не может опуститься человек, не причиняя вреда своему здоровью. Выше — хоть живи, вреда не будет. Есть еще желтая граница. Она значительно ниже. Отмечает уровень начальной опасности для вампиров.

— Но тогда зачем пытаться все это закрывать? Если опасность где-то там, внизу, куда и лететь — не долететь. Проще просто туда не лазить.

— Проще. Но не выход. Дело в том, что Бездна не стабильна. Большую часть времени она дремлет, и хрен бы с ней. Но временами Бездна пробуждается, и тогда интенсивность излучения повышается в разы. Наши приборы, как я уже сказал, не фиксированы в пространстве, они перемещаются, будучи настроены на определенные параметры. Спит Бездна, или активна, но красная граница всегда там, где начинается опасность. Для того и создана. Потому, что чем ближе она к поверхности, тем большие проблемы начинаются на земле. И возможно, однажды она поднимется над Бездной, и тогда все живое на земле

просто умрет.

— Ну, вы-то останетесь. Ведь это наша граница.

— Не завидуй. Мы передохнем от голода в страшных мучениях. Потому и пытаемся — и отслеживать, и блокировать, не жалея ни сил, ни средств, ни жизней.

— А почему ты решил, что проблемы начнутся уже сейчас?

— Потому, что Бездна проснулась. Граница поднимается, и резко. Еще неделю назад она была глубоко внизу. А сегодня мы едва в нее не влетели. Исходя из опыта прошлых пробуждений, нас ждет именно то, что я сказал.

— Но разве ты можешь так определять это на глаз?

— Мне приходилось заниматься этими проблемами. Давно. Но да, все еще могу и на глаз, хотя довольно приблизительно. Но, если честно, я очень надеялся, что ошибся. Что уровень просто не опустился до конца после последнего пробуждения, я все же давно здесь не был. Тогда это не страшно, любая стабильность катаклизмов нам не несет.

— Теперь не надеешься?

— Теперь я проверил, — он кивнул на свои приборы.

— В твою машину заложена такая информация?

— В мою машину заложена способность получать информацию. Из весьма удаленных источников.

Какое-то время мы молчали. Он, видимо, сказал все, что хотел. А я пыталась это как-то осознать. К такому я оказалась не готова, все мои страхи действительно гнездились на уровне «любит-не любит», в этом Анхен был прав. А тут он пророчит нам столь глобальные катастрофы, и вроде как все взвешено и измерено... самой прогрессивнейшей в мире расой, в чьих знаниях и опыте и сомневаться-то нелепо. Но как же не хочется в это верить...

— Но погоди, Анхен, ты же не можешь знать, насколько высоко поднимется этот ваш уровень. Может, это просто резкий скачек — и все.

— Резкий скачек тоже на чем-нибудь аукнется. Любая стабильность хороша, любые скачки — губительны. Но ты права, масштабов я не предскажу. Может, отделаемся массовым воспалением легких, или внезапным обвалом всех мостов. Гораздо больше мне не нравится, что ты потеряла шапку.

— Что? — нет, с ума я сойду с этим вампиром! То он и вспомнить не может, что едва меня не убил, оно понятно, это такое ничто в сравнении с переживаниями за свое кормовое человечество. А теперь выясняется, что черт бы с ним, с человечеством, Лариса шапочку потеряла. Это какой-то, видимо, уже совсем высший разум, нами, смертными, не постижимый.

— Ну ты посмотри на себя: одежда изорвана, волосы всклокочены, шапки нет. Как я тебя родителям возвращать буду?

— Ты мог бы подумать об этом до того, как рвать на мне одежду! — попыталась хоть как-то пригладить волосы.

— Ой, ладно, не припомню, чтоб ты возражала.

— Ты меня специально на этот карниз поставил, чтобы у меня и возразить-то не было возможности!

— Самой себе не лги, красотка. Тебе просто понравилось со мной целоваться, — и, резко дернув рычаг, он начал очередной стремительный подъем.

Но, то ли я уже привыкла к его манере взлетать, то ли просто разозлилась на его подколки, но организм на этот очередной безудержный рывок практически никак не

отреагировал. Зато разум просто кипел. Вот ведь зараза! Ну, поцеловались разок. Так что теперь, меня будут этим изводить и кровь требовать уже не на анализы?

— А вот это не факт, — посмотрела на него с ехидной улыбкой, — может, и не с тобой. Обаяние меня твое вампирское захлестнуло, голос крови отсутствующий активировался — сколько мы с тобой в обнимку-то пропархали! А не было бы у тебя твоей всепоглощающей вампирской ауры — и неизвестно, был бы ты кому нужен. Может, ты только в этом флере и хорош, как проверить?

— Вот даже так? — он смотрел на меня не менее ехидно. — То есть вот настолько наглая, неблагодарная девчонка? Целый день на руках ее ношу, песни ей пою, сказки рассказываю, и все нехорош? И целовалась она не со мной, а со своими мечтами о прекрасном принце!.. Кстати, куда летим: к тебе или ко мне? А то здесь примерно одинаково. Ко мне даже чуть ближе.

Я только посмеялась, и стала смотреть, как мы взлетаем. Ничего он со мной не сделает. Обещал домой, значит отвезет домой. Хорошо хоть, к нему вернулось его обычное настроение. А то все эти разговоры о грядущих катаклизмах...

Зимний день короток, возвращались мы уже в темноте. Смотреть было не на что, и я незаметно для себя задремала. Возможно, даже во время разговора, так как о чем-то же мы с ним еще разговаривали. Кажется, я спрашивала, бывают ли у вампиров принцы. А он смеялся, и говорил, что да, принц Дракос например, известнейший вампирский принц. Правда, никогда не существовавший в реальности, ну да что это меняет...

А проснулась от поцелуя. Дверца с моей стороны была открыта, Анхен стоял снаружи и, склонившись надо мной, целовал меня в губы. А я ему уже отвечала. Даже не проснувшись, уже отвечала. Заметив, что я открыла глаза, Анхен отстранился.

— Добро пожаловать, принцесса, мы прибыли.

— А ты всегда целуешь девушек, не спросив разрешения?

— А зачем, если они все равно согласны? А некоторые так вообще целуются не со мной, а с моим вампирским обаянием.

— Но это подло! Ты должен был сначала разбудить!

— А я и разбудил. А теперь спрашиваю: можно я поцелую тебя еще раз, прежде, чем ты пойдешь объясняться с родителями по поводу порванной одежды?

— Ох, Дракос и вся его свита, и вот что я, по-твоему, скажу родителям? — эта мысль прежде не приходила мне в голову. — Что с вампиром за край Бездны каталась? А там такой сквозняк?

Анхен посмеялся.

— Придумаешь что-нибудь. А про Бездну лучше не говори, и не только родителям. Есть вещи, которые вроде и не секрет, да лучше не знать, — его рука запуталась в волосах у меня на затылке. — Кстати, вот и ответ на твой вопрос.

— Какой вопрос?

— Почему я не спрашиваю. Потому, что когда я спрашиваю, ты либо не отвечаешь, либо не соглашаешься, — и решительно нагнувшись, он вновь поцеловал меня в губы. Поцеловал глубоко, страстно, лаская языком и губами до тех пор, пока дыхание мое не сбилось, мысли не разбежались, а я не ощутила всепоглощающую потребность отдать ему все, и даже немного больше.

А потом он разорвал поцелуй и посмотрел на меня совершенно спокойно:

— И почему ты не соглашаешься?

— Анхен, — шептала я в сладкой истоме, — Анхен...

Он медленно провел по моим губам указательным пальцем и поинтересовался:

— Ты зовешь сейчас меня? Или только мое вампирское обаяние?

Вот ведь гад злопамятный! Резко дернулась от его руки:

— Отстегни меня! Мне давно уже надо быть дома!

— Сейчас пойдешь, — ремни он расстегнул, но с прохода не ушел, так, что выходить мне было некуда. — Хотел сказать тебе две вещи напоследок. Во-первых, я, как ты видишь, отнюдь не жажду тебя убивать, что бы я не наговорил тебе в Бездне. И голову от поцелуев с тобой я не теряю. Ну а там... на то она и Бездна, там возможно всякое. И во-вторых. Не вздумай считать меня своим возлюбленным. Вампиры не созданы для этой роли. Встречайся с мальчиками. Целуйся с ними, отдавайся им — живи. Так, как это принято среди людей. А целовал я многих. И еще многих поцелую, и поверь, не только поцелую. Я люблю чувственные удовольствия, впрочем, как любой вампир. Не вздумай обо мне мечтать.

— Спасибо за столь подробную инструкцию, Великий, — если он хотел меня обидеть, то у него это почти получилось. — Только по-моему, это не я за вами бегаю, а вы мне пройти не даете!

— Прости. Просто я видел, куда заводят излишне розовые мечты. Не сильно хочу повторить.

— В розовую ванну с воздушными пузырьками? Я помню, не стоит так беспокоиться.

— Светоч, как романтично. А я вот помню не розы. Я помню пальцы, которые не могут гнуться, потому, что вместе с венами перерезаны нервы и сухожилия. Помню кафельный пол факультетского туалета, ведро, в котором грязная вода перемешана с кровью. И я знаю, что когда пробуждается Бездна, растет не только число аварий. Растет и количество самоубийств. Спасти удастся не всех. До свидания, Лариса. Более я тебя не задерживаю.

Он отошел в сторону, склонив голову в галантном поклоне. Я выскочила из машины пулей, мечтая избавиться от его общества немедленно. И ошарашенно остановилась. Мы были на крыше. Крыше моего дома, я даже в темноте узнавала окрестности. Но только как я буду спускаться? Все выходы на крышу наверняка закрыты на замок, и я сильно сомневалась, что у Анхена есть ключ.

— А я думал, ты спрыгнешь, — сообщил он мне. — Так бежала. Кстати, юная дева, сумочку не вы потеряли?

Действительно, совсем забыла о своей сумке. И теперь она ехидненько покачивается на длинном ремешке, зажатом в кураторских пальцах.

— Как мне спустится? — холодно поинтересовалась, протягивая руку за сумкой.

— Идем, открою.

Ключа у него не было. Он просто ударил по двери ногой, и вышиб замок. Придержал для меня дверь, какое-то время смотрел, как я спускаюсь по лестнице. А потом развернулся и ушел, избавив меня, наконец, от своего общества.

* * *

Но когда он ушел, из меня вдруг ушли и силы. Ноги подогнулись, и я присела на ступеньку, вцепившись руками в перила. В голове шумело, перед глазами мелькали какие-то пятна... Ну конечно, я ведь даже не обедала, а уж ужинать пора, а тут столько всего на мою

бедную голову! Мог бы хоть до двери проводить, Великий и Всемогущий, как это у приличных людей заведено. А у приличных вампиров — нет, они только одежды рвут, да двери вышибают! И еще целуются со всеми подряд, а чего — сами напросились... При воспоминании о его поцелуях мучительно заныли губы, и все тело отозвалось сладкой истомой. И почти осязаемой тоской по его рукам, которые всегда были здесь, а вот теперь их нет, и совсем.

Да что же это! Решительно встала, собираясь продолжить путь, но меня тут же резко качнуло, и я судорожно вцепилась в перила, чтобы не улететь вниз по лестнице. Вновь опустилась на ступеньку. Дом у нас невысокий, всего четыре этажа, но я-то жила на втором, и как мне спуститься туда в таком состоянии с четвертого, не сломав себе шею, оставалось загадкой.

Какое-то время я сидела, прислонив лоб к прохладному металлу перил, пыталась справиться с силами, мыслями. Потом опять задремала. Очнулась от того, что меня трясла за плечо встревоженная соседка.

— Лариса, ты что здесь делаешь? Что случилось?

Измученно оглянулась по сторонам, не сразу сообразив, где же это «здесь».

— А, нет, все в порядке, просто голова закружилась, я присела передохнуть и задремала... Я пойду, все хорошо, вы не беспокойтесь.

И, прежде, чем она успела еще что-то сказать или спросить, я стремительно побежала вниз по лестнице.

Перед собственной дверью немного отдышалась. Затем постаралась войти в квартиру максимально гордо и независимо.

— Лариса, ты где была? — на шум в прихожую немедленно выдвинулась мама. Вот что ж ей книжку-то не читается?

— В библиотеке, — я равнодушно пожала плечами, торопясь снять пальто прежде, чем мама заметит, что у него не хватает пуговиц.

— Лариса, двенадцатый час ночи, какая библиотека? Я уже больницы и морги готовлюсь обзванивать!

Вот не было мне забот! Какие двенадцать ночи, полчаса, как стемнело... Ничего себе, вздремнула на лесенке. Конечно, учитывая, что с этой учебой последний раз я высыпалась никто уже не помнит, когда. Вот только про лесенку мне никто не поверит. А, пошло все...

— Мама, мне 18 лет, да мало ли, где я была! Тебе не кажется, что моя личная жизнь совершенно тебя не касается?

— Нет, не кажется! — мамочка явно накручивала себя последние несколько часов, и теперь собиралась разразиться скандалом, — тебе ВСЕГО 18 лет, и, пока ты живешь с нами ты обязана являться домой вовремя! Или хотя бы предупреждать, что задерживаешься!

— А так же с кем задерживаешься и где? — усмехнулась я. Вот уж что тут кого-то совершенно не касается...

— Да! И я не вижу в этом ничего смешного! Должна же я знать, где мне тебя разыскивать, если что случится!

— Знать и разыскивать — это очень разные вещи, знаешь ли. Дай я пройду. Мне надо переодеться, я есть хочу. Если тебе так уж надо с кем-то поругаться — ругайся с папой, там наверняка тоже найдется, к чему придраться. А я, в отличие от него, терпеть тебя не подписывалась!

Наверное, я была не права, не знаю. Может, мне надо было найти другие слова, за все

извиниться, всех успокоить, всего пообещать... Но я была такой усталой, такой измотанной приключениями этого бесконечного дня. Мне хотелось простых вещей: поесть, выспаться, ощутить тепло и уют родного дома, а вместо этого на меня сходу набрасываются, как на главную преступницу этого столетия... В общем, я не чувствовала раскаяния. До сих пор не чувствую.

Мама что-то кричала. Что-то о том, что я живу на ее деньги, и на ужин пока не зарабатываю. А раз я смею так с ней разговаривать, то могу и близко к кухне не подходить — там нет ничего моего, а она со мной и крошкой хлеба не поделится, пусть я хоть сдохну от голода.

А я смотрела на нее, и вспоминала, как она толкала меня прямо в руки вампира, глядя на него безумными, преданными глазами. Она была не виновата, я знала это. Но это ничего не меняло. Она предала меня в тот день. И какие-то мои чувства к ней умерли, и я нечего не могла с этим поделать. Она не смогла меня защитить. И никогда не сможет. Так зачем тогда тут орать и размахивать руками, словно от нее хоть что-то зависит?

— Знаешь, — устало сказала я ей, — у меня сегодня было столько весьма экзотических возможностей сдохнуть, что я и помыслить не могла, что придется буднично сдохнуть в собственном доме от голода.

Сдернула шарф, которым до того еще пыталась как-то прикрыть порванную блузку, бросила его на вешалку и попыталась пройти мимо нее в комнату.

— Лариса! — нашелся новый повод для воплей, — Что у тебя с кофтой? Как я должна это понимать?

— Она порвана. И мне все равно, кому и что ты должна. Ты дашь мне пройти, или мне на лестницу пойти прилечь, там мне по любому быстрее скорую вызовут?

— Какую скорую, зачем? Лариса, что происходит?

— Я уже сказала, что происходит. Я устала, я с утра только чашку чая выпила, я от голода уже сознание теряю. Я три часа не могла до второго этажа добраться, боялась с лестницы упасть, у меня в глазах все плывет. Но это же ерунда! Тебе ж обидно, что ты не в курсе, с кем и где я целуюсь! И из-за своего неудовлетворенного праздного любопытства ты готова меня уморить, всего лишит и за все наказать! Да если б ты только представить могла, как я тебя сейчас ненавижу!

К такому она оказалась не готова, и наконец дала мне пройти. Папа едва ли уже спал, просто явно решил не вмешиваться и тихонько отсидеться в спальне. Тоже весьма удобная позиция, можно всегда оставаться хорошим, сваливая все выяснения отношений на жену. Но сейчас я была ему за это благодарна. Еще одного сеанса воспитания я бы точно не вынесла.

А ночью я задыхалась от собственного крика. Все кричала, кричала, не в силах остановится и вздохнуть, потому что мы падали, так безудержно неостановимо падали, в Бездну, вглубь, за огни. Они мелькали перед глазами, красные, желтые, а я кричала, умоляя его остановиться. Но он не хотел. Или не мог. И мы все падали, падали, падали...

Меня трясли за плечи, пытаюсь добудиться, и мать и отец склоняли надо мной встревоженные лица.

— Мы падаем, падаем, — твердила я им, плохо отличая сон от яви, и вновь погружаясь в забытье.

За завтраком все сидели хмурые, не выспавшиеся. Мама, забыв все, что мы с ней наговорили друг другу накануне, поминутно щупала мне лобик и предлагала пропустить денек университет.

— Мам, отстань, я не могу, у меня сессия скоро.

— Не может она, Лида, дружок ее там поджидает, куда она без него, — неожиданно поделился своим виденьем событий папа.

— Папа, какой дружок, ты вообще о чем?

— Да я о том, что кто-то пришел домой, шатаясь от потери крови, а потом всю ночь орал: «Анхен, Анхен!».

— Неправда! — я почувствовала, что краснею.

— Что неправда?

— Он не пил моей крови!

— Нет? Или тебе так кажется? Одежду на тебе кто порвал? Скажешь, не он?

— Да объясните ж наконец, что происходит? — не выдержала мама. — какой еще Анхен, откуда он взялся вообще?.. Он что, вампир? Настоящий вампир попросил у Ларисы крови?! Но что же ты сразу не сказала, девочка моя! Это ж такое событие! Такая честь! А Лизкина мать еще хвасталась, что у нее такая дочка золотая: и красавица, и умница, не успела школу закончить, как ее уже вампиры забрали! А наша Ларка ничуть не хуже, она вон тоже вампиру приглянулась!

Я почувствовала, что меня тошнит.

— Она этим хвасталась?! Что у нее дочь убили?! И ты собралась хвастаться тем же? А ничего, что я жива еще? И крови у меня никто не пил, это папа все нафантазировал. А я — не давала ему разрешения. И не дам!

— Лара, как... как не дашь? Ты что, хочешь нашу семью опозорить? Что мы тебя воспитываем плохо? Да обратить на себя внимание вампира — это уже великая честь! А уж если он снизошел до того, чтобы пригубить... как ты можешь даже рассуждать о таком святотатстве, как отказ одному из Творцов наших!

— Один из Творцов наших обронил как-то мимоходом с великим презрением, что они нас еще здорово недотворили. Я тогда на него за это обиделась, а слушая тебя, понимаю, что зря.

В универ я приехала в отвратительном настроении. И оно не улучшалось. Пары шли, а оно не улучшалось. Сначала я искренне думала, что это из-за матери, из-за отца, который так не вовремя ляпнул о моих вампирских связях. А потом поняла, что причина не в том, мне плевать, кто там что думает. Мне изначально было плохо. Плохо без него. Может, я и звала его ночью. Не помню. Отцу виднее. Но сейчас я готова была орать его имя в голос, лишь бы только пришел, лишь бы только обнял. Мое тело привыкло к его рукам, оно жаждало их, оно без них не могло. Я готова была даже вновь падать с ним в Бездну, лишь бы только он держал меня...

Вампир, вот ведь Дракосов вампир со своим удушающим обаянием! Это просто привыкание, я знала, ничего личного. Сколько он протаскал меня на руках — час, два? Слишком тесный и продолжительный контакт, и вот результат. Умом-то я понимала. Но как же мне было теперь плохо!

Я мечтала встретить его в коридорах, я надеялась встретить его в субботу в больнице, я из последних сил удерживала себя от того, чтобы ворваться в его кабинет. Но дни шли, я его не встречала. Почти неделю я плакала по ночам. Порой вновь просыпалась от крика, мне снилось падение в Бездну. Но постепенно как-то все прошло.

Я стала встречаться с Темой, памятуя кураторский наказ любить человеческих мальчиков. Пару раз мы сходили в кино, разок на танцы. Целовались. Поцелуи его были

бестолковыми и неумелыми, особой радости не приносили, но, раз уж встречаемся, вроде как положено.

Приводила я Тему и домой, порадовать маму и успокоить папу. Артем им понравился, а может, порадовал сам факт, что у меня есть мальчик. Маме будет о чем подружкам рассказать, мол, ее Лариска не хуже других, и на нее внимание мальчишки обращают. А папа все равно смотрел с подозрением, он так и не поверил, что Анхен не пил моей крови, а, видя, как я мучаюсь по ночам, кажется, всерьез опасался, что я кончу так же, как Лиза.

А меня больше пугал другой вариант. Тот, о котором упомянул при прощании Анхен. Я все больше опасалась, что еще пара наших с куратором встреч, и я тоже вскрою себе вены, не вынеся разлуки. Интересно, кто это был? Что за девочка покончила с собой от невыносимой жажды быть с ним? И почему он не выпил ее сам, раз видел, что она уже не справляется с напором его вампирского обаяния? Не подарил ей последней радости — блаженства слияния, если до этого так сильно ее к себе приучил? Анхен упомянул тогда мимоходом, что у ребенка, повстречавшего вампира, выгорает мозг, и его гуманней убить. В тот момент его фраза потрясла меня своей жестокостью, но сейчас, после того отходняка, что я пережила благодаря нашей последней встрече, я была согласна. Да, проще убить. Если вот так, и еще сильнее, когда даже мыслей в голове не остается, только имя его там светится огненными буквами... А ведь я уже не ребенок и, в отличии от той же Лизы, мы с вампиром целовались, не более... Да уж, «хорошо зима, а было б лето...», точнее не скажешь.

И потому каждую свободную минуту я заставляла себя зубрить учебники, отрываясь от них лишь для того, что бы отправиться куда-то под ручку с Темой. Но у него тоже приближалась сессия, самая первая, как и у меня. А к учебе он относился весьма ответственно, несмотря на свой веселый и легкий нрав. Поэтому, под ручку с Темой мы все больше ходили в библиотеку, чтобы сидя рядом и обложившись каждый своими книжками, заниматься самым прозаическим делом: учиться, учиться и еще раз...

— Поехали в воскресенье на лыжах? — решительно отодвинув учебник, внезапно предложил мне Артем в один из непримечательных темных вечеров последней трети декабря.

— С ума сошел? У нас с понедельника зачетная сессия начинается.

— Так не с воскресенья же! Поехали! Большая компания собирается, поедem в район Айдуи, там такие трассы каждый год прокладывают, дух захватывает. Перед началом экзаменов как раз требуется расслабиться и переключиться на что-то нейтральное, чтоб голова отдохнула. Соглашайся!

И я согласилась.

Компания и в самом деле собралась немаленькая. В половину их курса, наверное. Артем попытался меня с кем-то знакомить, но обилие новых имен и незнакомых лиц энтузиазма не вызывали. К тому же, я подозревала, что большинство из них я вряд ли когда еще встречу, так что не стоило и голову забивать. Тем более, что и знакомые лица присутствовали.

— Ларка? — Петерс был явно весьма удивлен. — А ты откуда взялась?

— А я с Артемом приехала, — это что же, Темка даже не сказал, что со мной встречается? — Просто пока одни забывают старых друзей, другие заводят новых.

— Темик, это как понимать? Это ты что же, у меня под носом с моей же девушкой гуляешь? — Петька старательно изображал негодование, которого не испытывал.

— И с чего же она твоя? — Тема отвечал лениво, но по-свойски придерживая меня за плечо. — Я ее лично у того вампира отбил!

— Ты что, была девушкой вампира? — тут же с благоговением встряла одна из стоящих рядом девиц.

— Да слушай его больше, шутит он так, — отмахнулась я от нее. — Девушки вампиров все на той стороне, ни одна не вернулась, знаешь ли.

— Ну, от вампира она, я полагаю, и сама отбилась, — усмехнулся Петерс, — у нее богатый опыт в этом нелегком деле. А вот моей девушкой она была еще в те времена, когда мы с ней пешком под стол ходили. И уж что мы под этим столом с ней делали — родителям и не снилось. После такого я, как честный человек, просто обязан на ней жениться!

— Да вот что ж до сих пор не женился? — заставил-таки меня покраснеть, проходимец — первопроходец. Было это не под столом, а во дворе, посреди разросшихся кустов боярышника, и было нам тогда лет по пять, а быть может и того меньше, но мои первые уроки анатомии — они да, родом из детства. Нашего общего с Петькой детства. Ведь помнит, гад такой!

— Ну, к тебе разве протолкнешься! — если Петька решал веселиться, то веселился уже до конца. — Не успели школу закончить, как у тебя то один вампир, то другой. Теперь вот этого малахольного завела. По рукам идешь, подруга!

— Ах ты!.. — от немедленного смертоубийства Петерса спасло только своевременное прибытие электрички, в которую всей нашей многочисленной компании предстояло как-то втискиваться вместе с лыжами и вещами, никого не потеряв по дороге.

А на Айдуе было прекрасно. Все сошлось — и погода, и природа, и трасса действительно была проложена так, что скучать не приходилось. И даже компания, несмотря на свою многочисленность, — правильная была компания. Все приехали кататься на лыжах, все умели это делать, никто не ныл, не канючил и не скандалил, требуя себе повышенного внимания и пытаясь давить авторитетом. В общем — я целый день получала удовольствие и ни секунды не жалела, что согласилась.

А во время привала, пока жарилось на углях сочное мясо, Петька все же уволок меня в сторону для приватного разговора. Артем попытался было воспротивиться, но Петерс взглянул на него с откровенным презрением, бросив:

— Если ты не доверяешь своей девушке, значит рано тебе еще девушек заводить.

Тема обиделся, но промолчал, и лишь поглядывал на нас издали, нехорошо поблескивая глазами.

Мы с Петькой уселись на поваленный ствол, добредя до него чуть ли не по пояс в снегу. Я ждала от него вопросов. Или предложений, не знаю, для чего-то ж он меня позвал. Но Петька молчал. Ворошил ногами снег, поглядывал на нашу компанию на поляне, и молчал.

— Ну, давай, рассказывай как живешь, — не выдержала наконец я, — с кем встречаешься? А то я так и не поняла, кто из них твоя девушка. Ну, хотя бы потенциальная. Или ты их всех оптом любишь?

— Я тебя люблю, — вдруг совершенно серьезно выдал мне Петерс.

— Да? Как это мило. А что, ты любишь меня только в те моменты, когда видишь с кем-то другим? Уж не знаю, что на тебя сегодня нашло, Петька, но если б любил — что тебе мешало все это время мне позвонить? Или зайти, вряд ли ты забыл, где я живу.

— Не думал, что я был тебе нужен. Ты никогда не воспринимала меня всерьез.

— А ты сам-то воспринимаешь себя всерьез? Хоть когда-нибудь? Я тебя за все 18 лет один раз в жизни видела серьезным. Когда ты балансировал на краю, мечтая о прекрасной вампирше. Что вот она выглянет в окошко, увидит и оценит.

— Неправда. Я хотел, чтоб оценила ты. Увидела, что я не просто шут, что я гожусь... на многое.

— На что? Разбиться, как дурак? Безумству храбрых поем мы песню? Нет, это не ко мне. Бездна, Петерс, мне было так плохо эти полгода! Когда Лиза умерла, я оказалась словно в вакууме, у меня было чувство, что меня в болото засасывает, да один твой звонок тогда — и я была бы твоя. Просто потому, что своей я быть уже не могла. А так меня из тяжелой депрессии вытаскивал светлейший Анхенаридит, а ты хоть знаешь, кто он такой? Хоть отдаленно себе представляешь? Да, вот тот миленький душка-вампирик, что тогда вам в парке пиво разливал.

— Ку...куратор ваш, я так понял, — Петька явно опешил от такого напора.

— Это он в рабочее время куратор. А по жизни — он один из тех вампиров, что убили Лизу. Лично убили!

— В смысле? Она же с тем ушла, ну, с Горы... Я думал он и забрал...

— Он и забрал. Только у них делиться принято. С друзьями. Вот он и поделился.

— И ты... знала об этом? Ну тогда, в парке? Или тебе потом рассказали?

— Знала. Они не скрывали. И Лиза знала, что так будет. И я знала, что Анхен виновен в ее смерти ничуть не меньше Лоу, — меня словно прорвало, и я вываливала на бедного Петьку всю ту боль, что столько месяцев носила в себе. Все, о чем никогда не рассказывала Артему. Может, разозлилась на него за это дурацкое несвоевременное признание. Или наоборот, ощутила родным и близким человеком, который все поймет. Мы же с Петькой всю жизнь знакомы. Мы еще «животами дружили», как наши мамы любили смеяться. — Знаешь, мне была невыносима сама мысль о том, чтобы находится в его обществе, в обществе любого вампира. Только Анхену было плевать, нужен он мне, или нет, дорог он мне или противен. Он просто увидел, что я не могу это пережить, не справляюсь. И потратил на меня несколько часов своего драгоценного вампирского времени. И научил с этим жить, невзирая на то, что он последний, у кого я была готова учиться... И вот теперь, когда кто-то другой научил меня улыбаться, а кто-то третий приглашает на свидания, ты решил рассказать мне о своей любви? Прости, но меня, кажется, Тема уже заждался.

Я спрыгнула в снег и побрела в сторону поляны. С полдороги обернулась. Петька сидел все там же, неподвижно глядя перед собой.

— А знаешь, Анхену ты понравился, — решила порадовать напоследок, — он даже велел мне выходить за тебя замуж, когда ты созреешь мне это предложить. Только боюсь, кто-нибудь другой созреет раньше, — не смогла удержаться в конце. И ушла, уже не оглядываясь.

— Что он от тебя хотел? — ревниво поинтересовался Тема.

— Забудь. Ты что, не знаешь Петьку? Он вечно что-то от кого-то хочет. И вечно не вовремя, — я все еще чувствовала раздражение от нашего с Петерсом разговора. И общаться — ни с ним, ни о нем — не жаждала.

Он тоже более со мной не заговаривал, шутил и смеялся где-то с другими. Почему-то это было неприятно. Я, оказывается, привыкла, что мы с Петерсом в одной компании. А теперь, оказывается, нет. Мы на разных концах одной большой толпы людей.

На станцию мы вернулись часам к пяти. Зимний день уходил, подступали сумерки. И закат уже окрасился алым, расцветивая небо. Но люди на платформе смотрели не на закат. И даже не туда, откуда вскорости должна была прийти электричка. Они все тревожно смотрели вперед по пути следования, туда, где скрывались за горизонтом рельсы, убегая в

сторону Светлогорска. И людей на этой небольшой загородной станции было как-то многовато.

Разглядеть за горизонтом чего-то особенного никому из нас не удалось. Но добрые люди рассказали. Там, где-то за следующей станцией, сошел с рельсов поезд. Колея здесь всего одна, поэтому движение уже часа два, как полностью парализовано, и неизвестно, скоро ли восстановят. Но дело ведь не в движении, дело в том, что там, под грудами искореженного металла, погибли люди. И, судя по слухам, много. И все еще продолжают погибать в ледяном снегу, зажатые между обломков, те, до кого спасатели еще не добрались.

Совещались мы, в общем-то, недолго. Мы молодые, сильные, с лыжами, чего нам ждать? Полной темноты? Сошли с платформы, встали на лыжи и, растянувшись гуськом, поехали вдоль полотна до следующей станции. А там и до места аварии не далеко. Возможно — там все еще требуется помощь и не хватает свободных рук. Так кто, если не мы? Возможно — помощь уже не требуется, слухи обычно здорово увеличивают размеры любого бедствия. Тогда едем дальше, чем ближе к Светлогорску — тем больше вероятность найти какой-нибудь транспорт. Может на каком отрезке электрички пустят, или автобусы до города дополнительные. Да и рейсовые из ближайших пригородов ходят значительно чаще.

Следом за нами потянулись небольшие группки и пары лыжников. Те, кто не решился отправиться в путь в одиночку, но понимал, что на станции ждать особо нечего. Несколько километров, что отделяли нас от потерпевшего крушение поезда, прошли довольно быстро. Место аварии было оцеплено, людей уже увезли, помощь добровольцев не требовалась. С облегчением поехали дальше. Мы бы помогли, мы же люди — а значит без вариантов, но нашу усталость и желание быстрее очутиться дома никто не отменял, а потому хорошо, что справились без нас, теперь у нас только одна задача, и она не из легких. До Светлогорска отсюда — весьма и весьма не близко.

Шли тяжело. Долго. На каждой станции интересовались, есть ли шанс уехать, но пойдут ли электрички — никто не знал, а количество тех, кто хотел бы сесть в автобус, значительно превышало вместимость всех ожидаемых автобусов. Наконец нам повезло. Ребята остановили на шоссе какой-то самосвал, идущий в город, и уговорили-таки водителя подбросить нас. Прямо в кузове. Правда, в город он въезжать с нами отказался, зачем ему проблемы с автоинспекцией, и взял с нас страшную клятву, что мы не будем вставать во время движения. Мы слезно клялись, что будем только сидеть, по возможности лежать, и даже спать, ибо от усталости уже не только ног не чувствуем, но и остальные части тела очень бы хотелось перестать ощущать.

Сидели довольно тесно. И людей-то много, да еще и лыжи место занимают. И Петька оказался совсем рядом со мной. Ну а Темка, понятно, и так всю дорогу со мной держался. Сначала я просто сидела, наслаждаясь возможностью не шевелиться, и в голове было пусто-пусто, только молоточки усталости стучали. Но едва я прикрывала глаза, как всплывали картины аварии: белый снег, затоптанный до черноты, обломки, ошметки, запах гари, лежащие на боку искореженные вагоны с выбитыми стеклами... Вот как он с рельсов сошел, с чего? В голове вертелась какая-то мысль, но я никак не могла ее поймать.

— Дай я тебе шапку, Ларис, поправлю. Сбилась совсем, — Тема заботливо протянул руку. И тут я вспомнила.

— Вы же все геологи, верно? — спросила я очень тихо, так, что кроме Темы да Петьки еще разве что пара человек услышали. — А скажите мне, геологи, кто из вас знает, что такое «красная граница»?

— Я знаю, — спокойно ответил Тема, — это в Бездне. Глубоко-глубоко, почти на дне. Это ты к чему?

— Да так, вспомнила, где я свою старую шапку оставила.

— Где, в Бездне? — заржал Петька. — И что ж ты там делала, мать, с принцем Дракосом встречалась? При твоей любви к вампирам с тебя станется.

— Мою «любовь к вампирам» мы сегодня уже обсудили, мне казалось. С кем и где я встречалась — тоже дело десятое. А вот красная граница — она поднимается. И она не так уж глубоко на дне.

— Да какая граница, ты вообще о чем? — недоумевал Петька.

— Откуда ты можешь это знать? — спокойно возражал Тема, — Одна катастрофа на железной дороге еще не показатель.

— Мне рассказали. Давно, недели три назад. Я тогда не поверила, забыла. Слишком уж страшная выходила история. Да и не до того мне было. А теперь выходит — правда. И этих катастроф с каждым днем станет все больше. И еще болезни. Эпидемии, — я смотрела перед собой расширившимися от ужаса глазами. И вот как жить дальше, зная такое? А если б я была в той электричке? Мы были? А впрочем, что нам электричка, мы же запросто сейчас в этом грузовике можем грабануться, не даром в кузове людей возить нельзя...

— Да что за граница? Куда поднимается? Какие катастрофы? Кто сказал? — Петька не любил выпадать из беседы, а тут он явно был не в теме.

— Есть такая легенда, — ответил Петьке сидящий рядом парень, — Будто в глубинах Бездны скрывается абсолютное зло. Некая отрицательная энергия, способная погубить все живое. А по верхнему краю этой невидимой энергии вампиры прочертили своей кровью границу. Будто бы их кровь обладает особыми свойствами и не может упасть сквозь эти невидимые вредоносные потоки. Ну и якобы временами Бездна исторгает из себя особо мощные клубы зла, и тогда на земле наступает хаос. Вот про это и говорят: красная граница поднялась.

— А по-моему, чушь все это, — включилась в беседу сидящая рядом с Петькой девушка, — бабушкины сказки. Из разряда историй про конец света накануне каждой круглой даты. Ну как можно рисовать кровью по верхнему краю энергии? Бред же полный!

— Про кровь бред, — согласился Артем, — но граница и в самом деле существует. «Верхняя граница волны». И ее подъем действительно сопровождается всяческими бедствиями. Я читал, я про Бездну все, что только можно, перечитал. Красная граница упоминается во многих научных трудах, причем как абсолютнейший факт.

— Ну да, ну да, ты ж у нас геолог Бездны будущий, тебе ли не знать, — согласился Петька. — Вот только зачем ты Лариске-то этой чушью голову забиваешь? Чтоб ее теперь от каждого несчастного случая кошмары мучили? И конец света на ровном месте мерещился?

— Я? — возмутился Тема. — Да мы с ней вообще про Бездну ни разу не говорили! Это серьезная тема, не для хрупких девичьих мозгов. Лара, тебе какой дурак вообще про эту границу ляпнул?

— Да так, — старательно сдерживая нахлынувшее возмущение, отозвалась я. Вот уж чего я не выносила, так это рассуждений о том, чьи мозги хрупче. — Куратор один. Очень глупый однако куратор, да. Не знал, что для девичьих мозгов эти знания — непосильная ноша. Так я ему скажу, чтоб следующий раз с тобой советовался, о чем мне рассказывать, а чего не стоит.

Упс, как их закоротило-то. Ну еще бы. Куратор — читай «вампир», вампир — читай

«непогрешимый». Вот тут и Темочка поспешил извиниться, и остальные прониклись интересом к данной теме, спеша узнать, что ж именно сказал мне вампир. А я вспомнила, что вампир, помимо всего прочего, сказал мне «не болтай», и решила последовать его совету. Не потому, что не могла не следовать. Просто он прав: зачем людей тревожить? Вот я теперь точно знаю, что все это правда, и что? Еще и они узнают, и будут бояться каждого шороха? Вяло от всех отмахалась самыми общими фразами и попробовала задремать.

Разбудили меня уже возле самого города. Водила везти нас дальше отказывался, пришлось вылезать и снова вставать на лыжи. Но тут уже было совсем чуть-чуть. А дальше, наконец, автобусная остановка, и даже мой автобус, и в него даже можно влезть.

— Не провожай, — сказала я Теме, все еще злясь на него за «хрупкий девичий мозг». Он, в общем, и не настаивал, ему ж потом от меня через полгорода до общежития тащиться.

— Я ее и сам провожу, — сообщил ему Петерс, ловко вспрыгивая на подножку. Тема дернулся было за нами, но двери уже закрылись.

— А выходи за меня замуж, Ларис, — выдал мне Петька сразу, как только автобус тронулся. — Если вампир твой нас благословляет, так чего время тянуть. Раз уж ты готова сказать «да» первому, кто предложит, так скажи мне.

— Мне казалось, Артем твой друг.

— Вот и мне так казалось. А он увел у меня девушку. Причем втихую, не говоря ни слова.

— Петя, проснись, я не была твоей девушкой! И он не обязан спрашивать твоего разрешения, с кем ему встречаться.

— Вот и я не обязан! Ларка, приходи ко мне на Новый Год. Будет весело!

— Я с Темой, Петерс!

— Так и приходи с Темой. Я ж не одну тебя зову. Будет компания. Вино, поцелуи, салют, салат — все что душе угодно! У меня родители на всю ночь сваливают, я хозяин вся квартиры аж до рассвета. Ты соглашайся, а Темика я уговорю.

— Уговоришь — придем, почему же нет. А будешь против Темки интриговать — так шиш тебе, вообще общаться с тобой не стану!

— Я — и интриговать? Да за кого ты меня принимаешь? — ну да, ну да, какое искреннее возмущение. — Это ты променяла меня на моего же друга! Ну ладно где-то. С кем-то. Вот хоть с вампиром твоим! Но у меня под носом с моим же одноклассником!

— Я устала, Петя. А ты по третьему кругу пытаешься ту же чушь нести. Шутка повторенная дважды... сам знаешь.

— Это если дважды, — не сдавался парень. — А вот если повторить раз двести, то все поверят, что это правда. Даже ты. И, возвращаясь от него ко мне не будешь чувствовать ни малейших угрызений совести.

— Ни малейших угрызений совести я не буду чувствовать, если ты вывалишься из автобуса на следующей же остановке и всю дорогу до дома пройдешь пешком!

Вот так и препирались, пока не доехали. А дома, уже засыпая, я вновь вспомнила Анхена. Что там советовал мне Великий? Гулять с мальчиками? Да уж, мальчиков для гулянок образовалось — гуляй не хочу. Хоть с тем, хоть с этим. Да вот только и вправду — не хочу, вдруг поняла я. Ни с Артемом, ни с Петькой. Мне бы еще раз, еще хотя бы раз спуститься в Бездну. И пусть потом я буду плакать от того, что все кончилось, мне бы еще хоть раз — ощутить его губы на своих, и глаза его неземные увидеть так близко... Анхен... С этой мыслью я и уснула.

Глава 6

Вампир

Сессия началась. И я поняла, почему студенты ненавидят Новый Год. Вот все на свете люди — любят, а студенты — ненавидят. Потому что для всех, чем ближе Новый Год, тем больше поблажек. Начинаются отгулы, отпуска, короткие дни, беготня по магазинам в поисках подарков и угощения к праздничному столу. А потом у всех праздник — и каникулы. А у студентов перед Новым Годом — зачетная сессия, а сразу после — экзаменационная. А каникулы уже глубоко потом, когда все нормальные люди возвращаются на работу, а дети в школу. И никаких тебе поблажек, отгулов и коротких дней, сидишь сутками напролет над книгами, забывая про сон и еду, и очередная гирлянда, повешенная родней на елку, отмечает лишь, что времени до экзаменов осталось еще меньше.

С зачетами я, впрочем, пока справлялась, проблем не было. Вот только терапевтический уход мы все никак сдать не могли, не в смысле, что бездарны, а в смысле, что зачет все время переносился и переносился. В больнице было не до нас. Сильно не до нас. Анхен не пошутил и не ошибся: красная граница поднималась, и проблемы возникали каждый день. До землетрясений и наводнений пока не дошло, даже мороза особого не было — зима как зима. А вот передвигаться на любом виде транспорта стало реально опасно, самые разные аварии происходили едва ли не ежедневно. Да и без аварий — мама вон на ровном месте упала, сломала руку. В соседнем доме мужик из окна выпал — вроде и не пьян, как, почему? Ну, хоть живой остался, район у нас старый, дома невысокие. А уж с обострением всяческих хронических болезней — вообще беда. Словом — больница переполнена, врачи сбиваются с ног и каждый день ждут новых сюрпризов, не до глупых студентов и дурацких зачетов.

А в газетах — тишь да гладь, да все про праздники, про елки, пара невнятных статей на тему «берегите здоровье» и «Новый Год и алкоголь». А что составы с рельсов сходят, это так, в разделе «изменения в расписании электропоездов». И нигде ни слова про Бездну. Я у родителей поинтересовалась осторожно, знают ли они выражение «красная граница», так они и не слышали никогда, даже папа. Спросила риторически, отчего ж так все вдруг навалилось-то на нас? Папа высказался в том плане, что просто перед праздниками народ голову теряет, вот и результат. Мама рассказала, на работе у нее подружки шепчутся: конец света близко, год такой наступает особенный — 7489-й, ему дано провести черту между жизнью и смертью.

— Да чем год-то вам особый? — смеется папа, — Ладно б был 7500-й, дата красивая, круглая, под нее и концы подбивать, дождались бы уж, нумерологи-футурологи, недолго осталось. Чего заранее себя пугаете?

— Ай, ничего ты не понимаешь, — отмахнулась мама. — И 7500-й твой, он для дураков только круглый, а на самом деле истина глубже в числах спрятана. Вот смотри, если сложить все числа наступающего года: $7+4+8+9$, то получится 28, а если сложить 2 и 8, то выйдет 10. А 1 — это жизнь, а 0 — это смерть, вот и выходит: последняя черта, и не каждому эту черту перешагнуть удастся.

— Ой, не могу, — смеется папа. — А $1+0$ это просто 1, и никакой смерти вам нет, а только кол за глупость и использование математики в антинаучных целях.

Мама на него обижается, она все же верит подружкам, хоть это и антинаучно. А я молчу, потому что про красную границу тоже толком никто не слышал, и потому считают

ерундой, бабкиными сказками. Хотя информация есть, Темка же вот знает. Может, и с маминой нумерологией так же — знание как бы и есть, как бы и не закрыто, но в газетах о нем не пишут, вампиры интервью не дают, вот и выходит, что это просто слухи. По уже понятной мне вампирской логике: меньше знаешь — крепче спишь. Сама же ей следую, с легкой руки одного вампира. Вот спросить бы у него про цифры — есть в этом смысл или нет, да где ж я его теперь увижу? Уж скоро месяц, как он забыл обо мне, завещав вести беспутный образ жизни, а затем выйти замуж за Петьку. Вот что ж не за Тему-то, чем он ему так не люб, кто б мне объяснил.

А зачет по основам ухода нам в итоге назначили на 31-е. Ага, декабря. Да на 16.00. Видно потому как дальше уже переносить было некуда, а препод надеялся, что ближе к празднику все само собой как-то рассосется.

Не рассосалось. Да еще накануне в центре столкнулись два автобуса, что привезли детей в город, на елку. То ли метель там была, то ли туман, никто так и не понял, да и не важно уже. Столько погибших, столько раненых, там совсем невредимыми человека 3–4 осталось, не больше.

— Всем зачет автоматом, давайте зачетки, — заявила нам светлейшая наша Мария. Она появилась через полчаса после назначенного времени, бледная и осунувшаяся, и явно не имеющая ни сил, ни времени проверять у нас наличие каких-то знаний. — Получаете свои зачеты — и дружно идете на четвертый этаж, сдавать кровь. Запасы донорской крови в больнице кончаются, а пострадавшие, к сожалению, нет.

— Но сейчас же вечер, праздник, наверно не принимают уже, — робко пискнул кто-то.

— Это вы себе не ту профессию выбрали, если вам где-то праздник померещился, — устало ответила ординаторша. — Лаборатория давно уже работает до позднего вечера, а то и по ночам. А праздник — вы по коридорам пройдите, оцените, какой тут нынче праздник.

На четвертый этаж пошли все. Лаборатория действительно работала, и перед ней даже имелась очередь. Очень разные люди: молодые, старые, женщины, мужчины. За несколько часов до праздника они сидели в очереди, чтобы сдать свою кровь тем, кому она сейчас нужнее. Да, их кровь пойдет не этим детям, и не сейчас, а пару месяцев спустя. Но и пару месяцев спустя кто-то не умрет, потому, что сейчас эти люди отложили все свои предпраздничные дела, и пришли сюда. Потому что мы люди, а завтра мы празднуем День Рождения Человека, самый главный праздник страны людей. Ведь давным-давно, на заре нашей жизни Новым Годом вампиры назвали тот год, когда на земле появилась новая разумная раса — раса людей.

Я говорю об этом сейчас столь подробно, чтоб вы могли хоть отдаленно понять, что я почувствовала, когда зайдя в кабинет и закончив диктовать анкетные данные, вдруг услышала:

— Мы не можем принять вашу кровь, Алентова Лариса. Зачем вы пришли? Разве вы не знаете, что у вас по базе идет полный запрет на донорство. Ваша кровь безоговорочно закрыта для какого либо использования.

— Что?! — я ушам своим не поверила.

— Неужели вы не знали? Лечащий врач должен был вам сказать, когда обсуждал с вами результаты ваших анализов. Не отнимайте время. Следующий.

Я вышла из кабинета со слезами на глазах и в глубоком шоке. Как же так? Я ничем не больна, перед вступительными проходила диспансеризацию, будь у меня какие болезни — мне б сказали, а серьезные — так и в институт вы не приняли. Что должно быть не так с

моей кровью, чтоб мне поставили такой запрет?!

Кровь! Точно! Мой «лечащий врач» забыл обсудить со мной результаты моих последних анализов. Что за безумные вампирские игры? Что ему там так не понравилось, что он мне не слова не сказал, а из списков потенциальных доноров меня вычеркнул? Куратор, мать его, больше некому!

В полнейшем раздрае решительно двинулась на третий этаж. Ежели здесь такой аврал, так может и Великий присутствует, он же у нас выдающийся врач, куда ж без него! Дернулась в кабинет — закрыто. Спросила у дежурной сестры. Оказалось — здесь он, на операции. Давно, возможно, скоро закончит. Или не скоро. Как повезет. Но можно попробовать подождать.

Ну надо же. Я ожидала, мне предложат уйти и не отвлекать, а тут — «подождите». Что, вроде как вампиров по пустякам не тревожат, а раз пришла, значит по делу? Прислонилась к стеночке, стала ждать. Ждала долго, может, час, может, меньше. Возмущение давно погасло, и много раз уже порывалась уйти, но каждый раз себя останавливала: уже столько прождала и уйду, а он, может, через минуту выйдет.

Дождалась. Он вышел. И даже заметил меня. И подошел. Ну, почти подошел. Потому что на полдороги его перехватила завотделением, и начала рассказывать что-то о том, что мальчику совсем плохо, и надо оперировать прямо сейчас, а больше просить ей не кого, все уже падают с ног, все устали, а кто-то там еще на операции, и он тоже на пределе...

— Мне тоже надо отдохнуть, Танюш, — мягко сказал он гримзе лет шестидесяти, которую и язык-то не повернется именовать иначе, как светлейшая Татяна. — Но я — ладно, я восстановлюсь. Но у меня бригада падает с ног...

— Мы оба знаем, как вы работаете, Анхенаридит. Я сама вам в молодости ассистировала. Вам в бригаду можно смело студентов-первокурсников ставить. Причем с мехмата, они ж все равно под вашим контролем действуют.

— Допустим. Но мне все равно нужен анестезиолог. В человеческой анестезии я не разбираюсь. Совсем. Мой не может больше работать, он двое суток из операционной не выходит, он уже не адекватен, ему нужен отдых.

— Но вы же могли бы его и своими методами обезболить, — не сдавалась завотделением.

— Да? А может сразу подушкой придушим? И он не будет мучиться, и мы все спать пойдем. Вы хоть представляете, что будет с пятнадцатилетним мальчиком, если я стану обезболивать его «своими методами», да несколько часов кряду?

— Анхенаридит, пожалуйста! Мы потеряем его до утра.

— Пойдемте, взглянем, насколько все критично.

И он прошел мимо, и скрылся в какой-то палате. А мне стало обидно до слез. Почти ж дождалась. И вот что теперь делать? Уходить? Ему явно не до меня, у него и посерьезней дела есть. Но пока я раздумывала, он вновь вышел в коридор.

— Мне нужно два часа на отдых, Таня. И свежий анестезиолог. Не знаю. Где хочешь. Этого я допустить до операции не могу, — и он решительно направился ко мне.

— Вряд ли ты заглянула поздравить меня с праздником, — произнес Анхен вместо приветствия.

— Я заглянула спросить, почему ты своей вампирской волей запретил мне донорство? У нас весь курс сдает кровь, одна я не могу. Я что, так смертельно больна? Почему тогда я об этом не знаю?

— Да на тебя не угодишь, принцесса. То у тебя берут, а ты не даешь, то ты даешь, а у тебя не берут...

— Анхен!

— Я устал, Лариса. Я трое суток дома не был. Я есть хочу. Я не способен сейчас рассуждать о чьей-то крови, я способен только ее пить.

— Я тогда, наверное, в другой раз, — попыталась я отступить. Вот мне еще голодного вампира не хватало. До сих пор как вспомню — так вздрогну, как он шипел тогда: «Хочу тебя! Всю! До последней капли!»

— Пойдем, — он тяжело положил мне руку на плечо. — Знаю, что ты меня не угостишь, но мир не без добрых людей. Угостят другие. А ты просто посидишь с нами, подождешь. Я и сам все собирался с тобой поговорить, да времени сейчас, сама видишь, совсем нет. Отпущу тебя сегодня — и потом непонятно, когда еще поймаю. Так что потерпишь, большая уже девочка. А после поговорим.

Выяснить, что «потерпишь» и после чего «поговорим», я уже не успела. Он открыл дверь и завел меня в какую-то комнату. Мда, цветник, однако. Рабочие столы почти все сдвинуты в один большой праздничный стол, накрытый, кстати. И закуски и выпивка в изобилии. Но народ — в основном молоденькие медсестрички — к застолью еще не преступал. При появлении светлейшего хирурга на лицах присутствующих отразилась искренняя радость.

— С наступающим, Анхенаридит! — запел нестройный хор. — Мы так надеялись, что вам удастся вырваться к нам! Мы вас так ждали! Мы еще не пили, правда-правда, — и смотрят при этом на него так игриво, так зазывно.

— Ну, тогда закрывайте дверь, — улыбается им в ответ Анхен. — Кто не успел — тот опоздал.

Дверь за нашими спинами закрывают на ключ. Светлейший ведет меня к столу.

— Присядь пока, Лариса, подожди. Меня накормят, а там и тебя накормят и даже напоют.

В смы-сле? Он что же, собирается, вот прямо вот здесь? Вот прямо вот так? Пить кровь? При всем честном народе? И я, что же, должна при этом присутствовать? Нет, не может быть, я не так поняла, он пошутил!

Анхен, меж тем, оставил меня, отошел и сел на диван. Хороший такой диван, черный, кожаный. Вот только стол, почему-то соорудили не возле него, а у противоположной стены. Девушки, все до единой, столпились вокруг вампира. Обо мне все забыли, чему я была только рада.

— Ну что, девочки, кто готов накормить голодного усталого вампира? — донесся до меня его голос.

— Я! Я! Я! — наперебой засуетились присутствующие, тихонько отпихивая друг друга локтями, стремясь оказаться как можно ближе к голодающему. Одна из них, с косами невероятной белизны, явно не понаслышке знакомыми с перекисью водорода, даже влезла коленками на диван, а там и вовсе попыталась оседлать светлейшего.

— Тише, Алла, тише, — почему-то не возрадовался ее активности оголодавший вампир, — разве я тебя выбирал?

— Но Анхен, позволь мне, пожалуйста, я все тебе отдам, до последней капли! Только позволь, — страстно зашептала ему прелестница, обвивая руками светлейшую шейку.

— Не так быстро, красавица, — руки ее со своей шеи светило медицины убрал, а ее

саму аккуратно сгрузил на пол. И поставил на колени меж своих раздвинутых ног. — Ты меня сперва обогрей, приласкай, — спокойно так расстегнул себе ширинку и положил ее руки прямо туда.

Я поспешно отвернулась. Светоч, какой кошмар! Он что же, вот так, при всех, предлагает ей... Да меня сейчас вырвет от омерзения! Дернулась было к двери, да вспомнила, что они заперли ее на ключ. Не удержавшись, бросила взгляд на скульптурную группу на диване. По счастью, картину мне частично перекрывали спины прочих жаждущих вампирского внимания, но суть я уловила. Голова блондинки ритмично двигалась... на предложенном поприще, пальцы одной его руки впились ей в затылок, с которого давно уже свалилась белая шапочка. Голова светлейшего развратника была бессильно откинута, глаза прикрыты. И тут свободная его рука резко взметнулась, выхватывая из толпы сладострастных обожательниц добычу и притягивая ее ближе. Даже не открыв глаз, вампир перебросил девушку поперек себя в не самой удобной для нее позе и резко впился зубами в тонкую шею.

Девушка отчаянно вскрикнула. От боли, тут невозможно было перепутать. Даже дернулась, но он держал ее крепко. Но уже через секунду крик ее стих, а затем сменился сладострастными стонами. А он все пил ее, не отрываясь, не открывая глаз... потом вдруг резко отбросил, так, что она полетела головой вперед в противоположный угол дивана. И столь же резко и не глядя захватил и притянул к себе следующую. Снова вскрик, стон. Та, которую он отбросил первой, сидела, поджав коленки, в углу дивана, потирая пальцами ранку на шее и блаженно улыбаясь. И вот уже в том же направлении полетела вторая. Едва не ударившись головами, девушки обнялись и затихли с одинаковыми блаженными физиономиями.

А наш выдающийся хирург, похоже, немного ожил. Очи его, наконец, изволили открыться и оглядеть окружающую действительность. Действительность, дробясь чередой лиц, подрагивала и постанывала, страстно желая сдать кровь Творцу и Благодетелю. Или нет, постанывала там белокожая Аллочка. Он взглянул на нее, словно только что вспомнил, и тоже оттолкнул, едва ли не ногой, так, что она навзничь упала на пол, а из глаз брызнули слезы.

На какой-то миг мне показалось, что все, что вот этой чудовищной вампирской грубостью все и кончится, отъелся Великий. Но уже в следующее мгновение, прежде даже, чем голова красавицы блондинки коснулась пола, я сумела разглядеть в открывшийся зазор ЧТО торчит из вампирской ширинки. Меня очередной раз передернуло, и я поспешила отвернуться. И вот это чудовищное, раздувшееся... они своим «достоинством» величают? Мерзость-то какая! Мамочка, зачем я вообще туда смотрела, теперь же ночами эта гадость будет сниться, просыпаться буду в спазмах рвоты и отвращения!

Закрыла лицо дрожащими руками и сжалась на своем стуле. Даже мое полное отсутствие опыта по данной части не помешало мне догадаться, что свои разборки с трудовой молодежью вампир еще не закончил. И действительно, вот уже одна сидит на нем верхом, ритмично подсакивая и оглашая помещение своими хриплыми выдохами и стонами. Через какое-то время он резко пригибает к себе ее голову и впивается зубами в шею. Стоны страсти сменяются резким вскриком боли, девчонка вздрагивает, сбиваясь с ритма, пара мгновений — и ритм убыстряется, и снова стоны сладострастья, а он все пьет, пьет... отбрасывает. Следующую бросает спиной на сиденье, падая на нее сверху, очередную прижимает грудью к спинке дивана, врываясь в нее сзади.

Вскрики, стоны, всхлипы сменяют один другие, как, впрочем и партнерши, и позы, в

которых он берет свои «кровь и плоть». Причем «плоть» он мог брать у одной, а кровью лакомиться у другой, у других, не обязательно из шеи, но даже из запястья, они все умоляюще тянули к нему руки, охваченные всеобщей эйфорией, а он ловил, не глядя, и подносил к губам, и вновь отбрасывал, напившись. Чем больше крови он выпивал, тем активнее становился, тем резче и жестче были его движения, тем более грубо он врвался в очередную плоть, заставляя болезненно вскрикивать свою партнершу не только в миг укуса, но и в миг соединения.

Но они все равно хотели его! Все равно жаждали стать следующей, очередной! Несмотря на резкую боль начала он умудрялся дарить им наслаждение, о чем свидетельствовали их стоны, их выгибающиеся в блаженной истоме тела, их закатившиеся очи.

А я — да, я подсматривала. Отворачиваясь от отвращения, закрывая глаза и затыкая уши, я все равно не могла не слышать — стонов, всхлипов, умоляющего: «меня, меня, пожалуйста», мерного скрипа дивана, и этого омерзительного хлюпающего звука, сопровождающего каждый его толчок... Я не выдерживала, бросала короткий взгляд, выхватывала очередной фрагмент картины, отворачивалась с пылающими от стыда щеками, но отгородиться, отстраниться от этого не могла. В воздухе уже стоял тяжелый запах пота, спермы и крови, пытка чудовищным разнузданным развратом продолжалась. Мне хотелось провалиться сквозь землю, умереть, сгореть со стыда, только не быть здесь, не видеть, не слышать, не ощущать. Чужая похоть наполняла меня таким отвращением — даже не к ним, к самой себе. Словно меня с головой окунули в особо дурнопахнущую грязь, и мне уже вовек не отмыться.

Как, когда и почему все это кончилось, я не знаю. Я сидела с ногами на стуле, сжавшись в комочек и зажав уши даже не ладонями, почти локтями, вся в слезах, которых вовсе не замечала, трясясь крупной нервной дрожью. И голос Анхена, такой спокойный и ясный, вдруг произнес:

— Давайте двигать стол, девочки. А то я так и не успею поднять свой тост и поздравить вас с праздником.

— Вы нас уже поздравили, правда! Это самый лучший, самый сказочный Новый Год, — неслось в ответ.

Стали двигать столы ближе к дивану, передвигать стулья, делить места. А светлейший Анхенаридит ир го тэ Ставэ, весь такой опрятный, спокойный и достойный, словно это и не он сейчас пере... кусал почти десяток девчонок под самыми немыслимыми углами и ракурсами, изволил подойти ко мне. Вот только запах от него шел — смрад, меня аж снова затошнило.

— Что, в прекрасных розовых мечтах это было как-то не так? — тихо поинтересовался, опускаясь передо мной на колени.

— Да как вы смеете!.. За что?! Зачем?! — я плакала, дрожа, и не могла подобрать слов, чтоб выразить ему все отвращение к его поступку.

— Зачем тебя позвал? — невозмутимо отозвался он. — Ну, ты же сама хотела поговорить. Не ждать же тебе в коридоре. А мне надо было поесть. И — да, я так питаюсь. Я же не морщусь, когда хожу с тобой в ресторан.

— Мы не ходили в ресторан.

— Да? А что это было, кафе? Забегаловка? Не в названии суть. Суть в том, что я могу посидеть и подождать, пока ты, или кто-либо другой из людей, поест. Хотя один светоч

знает, насколько отвратительны для меня многие ваши кулинарные запахи, и сколь до отвращения неаккуратно многие твои сородичи принимают пищу. Я же не морщусь, не отворачиваюсь и истерики не закатываю. Почему же ты считаешь возможным столь бурно реагировать на мое естественное желание утолить голод?

— Естественное желание? Утолить голод? Почему нельзя было просто выпить чьей-то крови? Зачем надо было устраивать это... это... Нагонять толпу озабоченных девиц и самозабвенно их удовлетворять? И да, смертельная усталость как-то плохо вяжется с повышенным сексуальным аппетитом!

— У людей, наверно, и не вяжется. Ну а я, возможно, забыл тебе представиться: я вампир, девочка, и для нас секс столь же важная составляющая понятия «утолить голод», как и кровь. Что же до «просто выпить», да, я мог бы просто выпить. Двоих. Мне бы хватило. Вот только выпить бы их пришлось до последней капли. Я был голоден, и мне требовалось очень много крови. И очень много их весьма насыщенных эмоций. Поэтому секс в меню все равно бы входил. Вот только вместо стайки счастливых девчат здесь сейчас лежало бы два трупа. Так тебя устроило бы больше? Больше соответствовало бы твоим представлениям о приличиях?

Я подавленно молчала, ошарашенная его отповедью. Его наезд был столь неожиданным и столь переворачивал все с ног на голову, что у меня даже слезы высохли, и дрожать я почти перестала.

— Пойдем, налью тебе выпить, — он взял меня за руку и повел к дивану. Тому самому, насквозь пропитанному... всем этим. Я хотела было дернуться, но он не пустил. — Девушки, мне нужно два места. Алла, пересядь вон туда, на стул.

— Анхен, пожалуйста, не прогоняй! — она почти заплакала от такой несправедливости. — Пусть уйдет кто-нибудь другой, вон, хоть Верка, ей все равно, где сидеть.

— Я должен повторить? — великосветское удивление. Словно и не он сейчас всех этих девиц и в хвост и в гриву... Хотя Аллу же он... как спустил с небес на землю, так больше и не взял, даже крови ее не пил ни капли... Это, типа, он так ей немилость свою выражает? Особо изощренным вампирским способом?

Алла покорно пересела на стул, я покорно села на диван. На насквозь пропитанный похотью диван рядом с насквозь пропитанным похотью вампиром. Как завзятый хозяин застолий Анхенаридит любезно разливал по бокалам золотистую сливовицу. Посмотрел на меня, вздохнул — и отлил половину моего бокала к себе. А на освободившееся место долил мне водки.

— Я не буду это пить! — возмутилась я. Я вообще водку не пью, а уж так мешать...

— Да куда ж ты денешься, — флегматично возразил он, встал и завернул какой-то красивый тост. Что-то о Первой Звезде, указующей путь, о Первых Людях, вышедших в свете ее лучей из вечного мрака. В общем, за то, чтоб звезды на нашем пути нам всегда светили и никогда не гасли.

Спокойно поставил свой бокал, даже не потрудившись поднести к губам, и обернулся ко мне. Я в тот момент, вежливо смочив губы налитой мне алкогольной жижей, тоже пыталась вернуть бокал на стол. Но он жестко перехватил мою руку.

— Лучше сама, — предупредил он, глядя мне прямо в глаза. Я попыталась сопротивляться, но спорить с вампиром... Одной рукой он пригибал бокал все ближе к моим губам, второй обхватил меня за затылок, не давая уклониться. И все-таки влил в меня свое

пошло до последней капли. Я кашляла, давясь, не в силах продышаться, протянула руку, ища, чем бы запить, и он тут же влил в меня еще и сливовицу из своего бокала.

— Ненавижу, ненавижу тебя, зачем? — бормотала я, борясь с нахлынувшим головокружением, тошнотой (уже не фигуральной, а самой, что ни на есть всамделишной), с тьмой перед глазами. Ну не воспринимал у меня организм алкоголь, нельзя мне было крепкого. Да я на любом застолье водку из своей рюмки выливала в ближайший фикус глядя прямо в глаза того, кто мне ее туда налил. Пока не нарвалась на вампира. За каким-то лядом решившего меня спойть.

Из дальнейшего мероприятия я выпала полностью. Помню только, как Анхен, откидываясь рядом со мной на спинку дивана, просит:

— Спой для меня, Юленька. Помнишь, ты как-то пела? Про старый дом.

— Проклятый старый дом? — пьяно хихикнула я. Ну что еще может сгодиться вампиру?

— Почему проклятый? — не оценил шутки юмора Анхен, — Обычный. Родной. У каждого где-то есть.

Юля послушно запела, подыгрывая себе на гитаре:

— Далеко-далёко, далеко-далёко
Есть дом,
Открывает-закрывает двери-окна
Ветер в нем.
Мочит дождь золу печную,
И траву некошеную,
И тропу нехоженую
До крыльца заросшего.

Возможно, это была не первая песня, которую она пела в тот вечер, и вряд ли последняя, но я запомнила только эту. Может потому, что о ней просил Анхен. Голос у Юльки был высокий, на мой вкус — слишком высокий, но песню это не портило ничуть:

— Облетают сами синие сирени
Там весной.
Прорастают дикие коренья —
Цвет лесной.
Только вот беда —
Синяя вода
Покрывает все дороги,
Все пути туда... [1]

Разбудил меня щелчок выключателя. И вспыхнувший яркий свет. Болезненно моргая попыталась сесть и осознать, где я. Ну да, комната, диван, стол. Стол, впрочем, уже убран, преобразован в несколько отдельных рабочих столов в идеальном состоянии. Комната пуста, все давно разошлись, бросив пьяную меня спать на многострадальном диване. А в дверях стоит Анхен, уже не только переодевшийся в цивильное, но и накинувший пальто со своим

неизменным элегантным шарфиком. Благоухающий свежестью (душ в программу мероприятий явно входил), с ясным взором и открытой улыбкой. Светлейший куратор во плоти. Прекрасный, как вампир. Да, собственно, вампир и есть.

— С Новым Годом, Лариса! С наступившим тебя 7489-м годом!

— Как наступившим?! — попыталась вскочить, но перед глазами тут же все поплыло. — Вот зачем ты меня напоил, чтоб тебе в бездне сгнить, мне ж нельзя водку, мне плохо от нее! Мало мне было твоей гастрономии, теперь еще и голова, и... есть тут где-нибудь туалет?

— Есть. В коридоре. Пойдем, провожу.

Провожать ему меня пришлось весьма конкретно, потому как ноги не держали, а координация отказывала. А в туалете я долго и страшно тошнила, вызывая все новые и новые спазмы, исторгая из себя все, что только можно, лишь бы только исторгнуть еще и отраву. Наконец, вся покрытая испариной, не в силах справиться со слабостью, просто уперлась лбом в ободок унитаза, мечтая забыться вечным сном.

Не удалось. Потому как вампирам что «М», что «Ж» — все едино, им, наверно, только «В» подавай. Не погнушался светлейший за мной в кабинку ворваться, поднял на руки, куда-то понес. В коридоре было хорошо, свет почти погашен, разве что лампочка у сестры на посту светится. И не души.

Меня вернули в ту же комнату, на тот же диван.

— Полежи. И всегда у тебя на алкоголь такая реакция?

— Какая? — злобно зыркнула на этого деятеля медицинских наук. — От алкоголя все люди пьянеют, мог бы выучить за восемьсот-то лет.

— «Все люди» давно домой ушли, праздник празднуют, а выпили они этого алкоголя значительно больше, чем ты. И с унитазом никто из них не делился.

— А я маленькая еще! А ты меня спаиваешь. И растлеваешь! И не поверю я, что так вот просто! Ты это специально, ты все это специально, тебе просто нравится меня мучить! Всегда, с первой встречи! — я залилась бессильными слезами.

— Подожди, я принесу тебе лекарство, станет легче.

Ну да, мы же в больницу играем, вы же у нас доктор, конечно лекарство, сначала отравить, а потом, конечно, лекарство.

А лекарство надо было почему-то непременно колоть, и непременно в вену. И укол был весьма болезненный. Но минут через десять мне полегчало. В смысле совсем. Голова стала ясной, боль и слабость прошли. С удивлением отделила себя от дивана, ощущая, что вертикально я себя чувствую теперь столь же прекрасно, как и горизонтально.

— Что ты мне вколол?

— О, это жуткая смесь, запрещенная к использованию по эту сторону Бездны.

— А если запрещенная, то как она у тебя здесь оказалась?

— Ну, я вечно что-нибудь нарушаю. Кстати, на людях она еще не тестировалась, вот на тебе и испытаем, — и как всегда открытый серьезный взгляд. То ли прикалывается, то ли правда. А лекарство, похоже, и впрямь — вампирское, вон как быстро и чисто подействовало. Да и не колют у нас при отравлении в вену. Скорей желудочное что-то дадут.

Но это уже лирика.

— А Новый Год правда уже наступил?

— Час назад. Ну и где тебя потеряли? Дома? Или у друзей?

— У друзей. Я к Петьке обещала прийти праздновать. Меня ждут давно.

— Вон телефон, звони. Рассказывай про обстоятельства непреодолимой силы. Через час подъедешь.

— На чем? Транспорт уже не ходит.

— Ты настолько плохо обо мне думаешь? Раз уж ты по моей вине так задержалась, я готов отвести тебя в любую точку на карте.

— Да? — решила поймать его на слове. — А тогда можно это будет остров с белым песком посреди теплого-теплого моря?

— Если ты будешь очень сильно настаивать, то можно даже туда. Только учти, это будет билет в один конец, и проживешь ты там весьма недолго. Так что подумай.

Позвонила Петьке. Известие о том, что в больнице мне стало плохо, и я все еще тут, народ скорее напугало, чем порадовало. Мне посоветовали остаться до утра, потом даже собрались идти меня встречать.

— Не надо, меня обещали подвезти.

— Кто это? Знакомая бригада Скорой помощи?

— Да есть тут один, врач от бога. Вот только какого бога до сих пор не понятно, видимо проклятого.

Чуть ли не спиной почувствовала, как вампир при этих словах поморщился. А он что же думает, я ему безмерно благодарна за столь насыщенный Новый Год? Ну подумать только, сколько нового и интересного...

— Твое пальто, Лариса. Забрал в гардеробе, где оно одиноко страдало, украшенное проклятиями гильдии гардеробщиков галактики.

— Зачем? Нам же все равно вниз, — не сразу сообразила я.

— Да я на ваших машинах не езжу, — усмехнулся Анхен, — мне своя милее как-то.

Мы поднялись на крышу. Его машина блестела в свете звезд, все такая же прекрасная, какой я ее помнила. Но восторгом ее вид во мне не отозвался. На душе лежала тяжесть, а где-то глубоко внутри бултыхалась грязь, не растворенная до конца ни алкоголем, ни лекарством. Ни невозмутимым видом этого элегантного вампира — такого знакомого, такого привычного. Словно и не он это все... там...

— Давай присядем, Ларис, — он опустил на какую-то занесенную снегом приступочку и поманил меня к себе. Я послушно села рядом.

Город вокруг нас неистово праздновал. Над всеми дворами взвивались салюты, летели крики «ура», то там, то тут виднелись спешащие куда-то компании. Городской парк с этой крыши был не виден, но подозреваю, что там было в этот час особенно многолюдно и весело. А мы молчали.

— Ты готова меня послушать, Ларис? — все же начал он разговор. Неуверенно, словно так и не решив, а стоит ли вообще начинать.

— Мне ведь не понравится, верно? — почему-то ничего хорошего я от него сейчас не ожидала.

— Тебе никогда не нравится, — пожал плечами Анхен, — ни что я говорю, ни что я делаю. Но с вопросами ты все равно идешь ко мне.

— Я пришла к тебе с вопросом один единственный раз. По поводу того, за что ответственен ты и только ты. И оплатил ты мне за этот поход со щедростью просто царской! Век не забуду! И еще удивляешься, что я не жду от тебя больше ничего хорошего? После всего того хорошего, чем ты меня за один сегодняшний вечер осчастливил? — я, кажется опять расплакалась.

— Перестань уже рыдать, будь так любезна. В чем суть проблемы: тебе не предложили поучаствовать? Так подходила бы сама, мне было все равно, взял бы и тебя.

— Сволочь!

— Думаешь? Знаешь, Ларис, я давно живу среди людей. Последние лет сто я на вашей стороне Бездны бываю значительно больше, чем на нашей. Но вашу убогую, ущербную мораль, хоть убей, понять не могу.

— НАША мораль ущербна? И это мне говорит сейчас существо, у которого она вообще напрочь отсутствует?

— Ваша, Лариса, ваша. Это вы простейшие и естественнейшие эмоции и действия обернули в саван запретного деяния, которое совершать надо непременно в строжайшей тайне, непременно вдвоем и чуть ли не самих себя стесняясь. Что порочного и запретного вы нашли в естественном желании обнять, приласкать, подарить и получить наслаждение? С какого перепугу вы пришли к выводу, что пожелать приласкать можно только кого-то одного, да причем за всю жизнь. Кто и зачем вложил в твою глупую детскую голову, что видеть, как разумные существа дарят друг другу самые яркие и положительные эмоции — отвратительно? Наблюдать за скандалом, за дракой — это нормально, а за тем, как кто-то получает сильнейшее наслаждение — это, по-вашему, аморально!

— Ты все опять выворачиваешь наизнанку!

— Я говорю, что думаю. И действую, как считаю правильным. А теперь о моей отсутствующей морали. Я что, по-твоему, делаю в этой больнице? В распутстве и разврате погрязаю? Так секс с вампирами, смею тебя заверить, и насыщенной, и интересней. И безопасней: там уж точно никого не убьешь, слегка увлекшись кусом. А мальчик я — вот разве что тебе не глянулся — а для соплеменников своих весьма привлекательный, проблем с досугом не возникает. А я безвылазно сижу здесь. В вашей больнице. И спасаю жизни вашим людям. В условиях наступившего кризиса — без сна и отдыха. Понимая, что всех нам все равно не спасти, но кого сможем — по максимуму. Потому, что я могу их спасти, потому, что у меня есть опыт, потому, что я выносливее любого человеческого врача. И пользы от меня — вот в этих, кризисных условиях — тоже, соответственно, больше. Это меня отсутствующая мораль на такие поступки подвигает? Или еще какие отсутствующие у меня качества? Далее. Чем питаются вампиры? Ну?

— К-кровью, — не сразу поняла, чего он от меня хочет.

— Чьей кровью, совесть ты моя глазастая?

— В смысле? В основном — животных своих...

— Ай, какая умная, начитанная девочка. Садись, пять. И питаться нам требуется каждый день. Всего раз в сутки — но каждые сутки. Чтобы держать свою жажду в узде. Чтобы находиться рядом с людьми, и не мечтать вцепиться вам в горло. И не вцепляться в голодном безумии. Знаешь, почему только Высшим вампирам разрешено пересекать Бездну? Потому что только мы в состоянии контролировать свою жажду даже в отсутствии регулярного питания. До рези в животе, до красных кругов перед глазами — мы способны себя контролировать, это наша честь, это наша гордость, это наше право называться Высшими. И эта человеческая страна — наша страна, страна, созданная теми, кто не позволил себе опуститься. Да, волею Богов мы вампиры, но мы — не чудовища. До тех пор, пока мы сами себя уважаем. А мы — себя уважаем. И мы спасаем вас, помогаем вам, порой отказывая себе — во многом. Где, бездна тебя забери, ты видела животных по эту сторону Бездны?! Где они тут пасутся, в подвалах больницы?! Чем я, по-твоему, должен тут питаться,

если у меня времени нет выйти воздухом подышать, не то, что до дома доехать?! И даже при регулярном питании вампиру за один раз нужно очень много крови. Гораздо больше, чем содержится в одном животном или человеке. А вампиру, которого мучает жажда, и того больше. И самое сложное — это не удержаться от укуса. Держаться можно. Долго. Самое сложное — это остановиться, когда ты начал пить. До того, как пить в этом теле станет уже нечего. И чем более голодный вампир — тем сложнее ему остановиться. После какого-то предела — уже не возможно. Даже Высшему. Поэтому пока ты там так трогательно сокрушалась об аморалке, я больше переживал, чтобы все живы остались. И даже не поняли, чем они, собственно, рискуют. И для них для всех это осталось лишь милой сексуальной забавой. И в этом моя гордость. Моя честь. И моя мораль.

Я подавленно молчала. Я никогда не думала о вампирах так. Ну, пьют кровь. Ну, осознали людей разумными, позволили жить. Так сам говорил — у разумных и свободных кровь вкуснее, прямой резон. А тут — гордость и честь. Мы для них — возможность уважать самих себя и не чувствовать себя чудовищами? Но никто и никогда и помыслить не мог, чтоб Мудрых, Прекрасных, Пресветлых вампиров величать чудовищами. Это было какое-то невиданное кощунство, даже для меня. Вампиры всегда были для людей — несущие свет. Свет знаний, свет истины. А сами они себя, выходит... ощущают? Есть в них, значит, осознание некой неправильности — мы не пища... Или он сейчас, от усталости да голода не до конца утоленного, чего-то лишнего мне наговорил?

— Анхен, а как ты стал врачом?

— Давно... у нас только жизнь наладилась, с соседями разобрались, стадами, людьми... Бездна принесла нам подарок. Эпидемия черного мора. Люди умирали сотнями. Прости, я уж всех буду называть людьми, относительно той истории нет разницы, был там разум или нет. Смерть забирала тело. Почерневшие, разбухшие тела, сгнившие изнутри, стаскивали в огромные горы и поджигали. Лечить не могли. Лишь отделяли тех, кто уже заболел, от тех, кто возможно, еще не заразился. Бесконечный смрад. От костров, от гниющих заживо тел. Потом жгли уже живых. Чтоб меньше мучились и не заражали здоровых. Голод. Страшный, мучительный. Еще более страшный от того, что ты понимаешь, что твой народ опять стоит на краю гибели, а ты уже очень большой мальчик, и на тебя надеются... многие. А ты бессилен. Стали бороться. Создали лабораторию, пробовали, искали, создавали. Ошибались, отчаивались. Но, в итоге, победили. Нашли причину, создали лекарство. Победили эпидемию, восстановили популяцию. А я и мои коллеги так и продолжали заниматься вопросами человеческих болезней. В основном тех, что имеют массовый характер. Так что я, прежде всего, эпидемиолог. Ну а хирургия — это уже потом. Когда моя жизнь в очередной раз изменилась, и я переехал жить в Светлогорск. Здесь — это оказалось и нужнее, и интереснее. И важнее. Так что на хирурга я во многом учился у людей. Ну а потом уже и сам стал учить. Как-то так.

— Подожди, ты... ты живешь в Светлогорске? А как же — животные, стада... ты же сам говорил?..

— Мне привозят. У меня здесь дом, специально оборудованный так, чтобы никого не тревожить, соседи и не догадываются. Существует специальная служба сервиса, она решает все вопросы, связанные с питанием. Но, опять же, в больницу я их вызвать не могу, есть определенные границы приличий, хоть ты в них мне и отказываешь.

— А почему ты живешь здесь?

— Видимо, чтобы не тратить по два часа утром и вечером, мотаясь через Бездну. У меня

здесь работа, если ты еще не догадалась.

— Нет, я имела в виду...

— Я понял, что ты имела в виду. Но вампиры крайне редко обсуждают с людьми то, что находится по ту сторону Бездны.

— Даже если это именно то, что привело их на эту сторону?

— Особенно если это именно то.

— И много вампиров живет в нашем городе постоянно?

— Крайне мало. Двое. Остальные навевываются по делам. Бывают, задерживаются на неделю, на две. Но многие и в этом случае предпочитают на ночь возвращаться в Илианэсэ.

— Куда?

— В Город. Люди почему-то думают, что он у нас один и у него нет названия. Нас не так уж мало, чтобы нам хватило для жизни всего одного города.

— Но, он хотя бы столица?

— Столица. И старейший город нашей страны. По мне — так и самый красивый, хотя есть и другие мнения.

— И тебя оттуда изгнали, — пришло мне вдруг в голову. Уж и не знаю, отчего. Видно, песня та вспомнилась. Тоскует о доме — а живет здесь. Тот город красивейший — а живет здесь. Вампиры здесь постоянно не живут — а он живет. И сам сказал, что вечно все нарушает. Вот, видно, донарушался. И кровь он сегодня пил — вряд ли они все до единой контракты подписывали...

— Что? — Анхен расхохотался так искренне, что невольно почувствовала себя дурочкой. — И как тебе в голову такое пришло? Я живу здесь, потому что у меня здесь есть дела. И далеко не все эти дела я готов обсуждать со студентами. А в Илианэсэ я езжу отдыхать. Когда дела мне это позволяют. Или когда дела моей родной страны оказываются важнее дел в стране людей. Кстати, вот как раз сегодня ночью я вас покидаю. Не то, чтобы надолго, но какое-то время меня не будет.

— А как же... завтра же... праздник. Торжественное собрание в университете, нам объявили, что куратор непременно будет выступать.

— Да выступит завтра перед вами куратор, куда ж он денется. Вот Генеральный куратор и выступит, надо ж и ему как-то развлекаться. А я завтра собираюсь спать. В Илианэсэ завтра будет тихо, город практически вымрет. Потому как только ленивый к вам не потащится. Первого января, кстати, самая высокая плотность вампиров на душу населения. Все кураторы по всем направлениям обязаны присутствовать в своих подопечных организациях, являя воочию дружескую заботу и участие. Кстати, единственный день, когда в нашем университете можно лицезреть кураторов всех факультетов одновременно.

— Как же всех, а ты?

— А я возьму, и не приду. Спать хочу, Лариска, хочу спать. Даже вампирам иногда это требуется. Так что вы свой День Голодного Вампира как-нибудь без меня отпразднуйте.

— День кого? — я не удержалась и хихикнула. Никогда не слышала такого названия новогоднего праздника.

— Шутка такая. Вампирская, — усмехнувшись, объяснил мне Анхен. — Потому как «день, когда люди стали свободными, вампиры остались голодными». Боялись многие, что перемудрили мы с вашей Свободной Страной, и в результате на наши земли вернется голод... У нас... был... очень страшный период в истории... многие его помнят. Не все были за вашу независимость, байка про Дракоса не на пустом месте возникла. Принцев, правда,

среди оппонентов замечено не было. Да и принцесса, помнится, не возражала... Но все обошлось: вы живете, мы живем, еще и процветаем. А шутка осталась.

— Принцесса? У вас все-таки есть настоящая принцесса? И принцы?

— Ребенок ты у меня, Лариска. Все-то тебе принцы, принцессы, драконы... Это ж очень давно было. Нет уже... той принцессы, — он вздохнул, вспоминая что-то свое, и явно не собираясь делиться. Но я уже ухватилась, словно за ниточку. Кто ж откажется узнать про принцессу?

— Анхен, ну что такое для вампира давно, ты вон тоже давно живешь... Анхен, а она красивая была? Ну, принцесса.

— Легенды об этом умалчивают, — он равнодушно пожал плечами.

— А при чем тут легенды? — не сдавалась я. — Ты же сам сказал: «помнится», значит, вы с ней одновременно жили. Вот трудно тебе сказать?

— Да, она была красивой, — снизошел он до ответа. — Но среди дев моего народа я встречал и краше. Удовлетворена?

— Почти, — любопытство во мне только разгорелось. — Анхен, а ты был в нее влюблен? Ну, в принцессу?

Я не ожидала, на самом деле, что он ответит. Он на личные вопросы еще никогда не отвечал, а сегодня так и вовсе прямым текстом сказал, что не станет.

— Нет, Лариса, я не был в нее влюблен, — очень спокойно сообщил мне вампир и, положив мне руку на плечо, добавил, — Просто горько... Знаешь, она была очень красивая, а потом... словно лампочку вывернули. И осталась только тьма. А какая во тьме красота?.. Вот только маленькие девочки любят слушать исключительно красивые сказки. Про красивых принцесс. И чтоб непременно с красивым концом.

Он чуть усмехнулся, легонько прижимая меня плечом к своему плечу. В его жесте не было никакого подтекста, вернее, было ощущение, что он подпускает меня сейчас чуть ближе не к телу, к душе.

— А ты мне расскажешь красивую сказку? — поддаваясь своим ощущениям, попросила я. Все-таки он меня уболтал. Заставил забыть обо всем плохом, что еще десять минут назад казалось важным. Над головами у нас горели звезды, такие яркие сейчас, где-то вокруг, бурля и переливаясь, тек праздник по домам и улицам. А я и Анхен, на этой крыше, как на вершине мира, и словно время замерло, и он обнимает меня — чуть-чуть, ни больше, ни меньше, ничего лишнего, пошлого... Да я сама была внутри сказки.

— Красивую? — переспросил вампир. — Красивой сказки у меня сейчас не получится, к сожалению. Придется рассказывать некрасивую. Но это чуть позже. А пока у меня есть для тебя красивый подарок.

Он отпустил меня, сунул руку во внутренний карман пальто и, достав оттуда нечто, вложил это мне в раскрытые ладони.

— С Новым Годом, Лариса! Уже неделю ношу с собой, все надеялся, удастся найти время тебя поздравить. А ты нашла сама. Значит, судьба.

— Что это? — у меня в руках лежал цилиндр белого металла, сантиметров десять в длину и четыре-пять в диаметре. Вся внешняя поверхность его была прихотливо инкрустирована металлическими проволочками различных оттенков желтого, сквозь которые шла причудливой вязью тонкая черная нить.

— Помнишь, в парке ты спрашивала, носят ли вампиры серебряные заколки? Не так давно ездил домой — нашел ее там, для тебя, — он чуть вставил внутрь цилиндра пальцы,

развел их — и цилиндр с легким щелчком распался на две половинки, обнаружив внутри несколько рядов зубчиков, чтоб плотнее цепляться за волосы.

— Так это она? Та самая? погоди, ты же говорил, что она из платины, и инкрустация на ней тоже очень дорогая... Я не могу это принять, это же... ты сам говорил, их делали для Высших вампиров...

— А еще я не раз говорил, что очень не люблю, когда со мной начинают спорить. С колыбели не приучен. Какой уж есть, прости, — он взял из моих рук заколку, встал, обошел меня сзади. И, сведя две моих косы в одну, сколол их на уровне шеи своим подарком. — И если я делаю тебе этот подарок, значит я абсолютно точно уверен, что я могу себе позволить подарить, а ты принять этот маленький сувенир. Совсем не обязательно кому-то рассказывать, кто тебе его дал, и из чего он сделан. Это будет наш с тобой маленький секрет. Мне очень хочется, чтобы ты носила ее, Лариса, правда. В память о нашей прогулке в парке, о полете в Бездну, об этой ночи. Обо всем хорошем, что я все-таки смог тебе подарить, несмотря на твою нелюбовь ко мне и моему народу. Ты примешь его?

Он стоял у меня за спиной, ничем меня не касаясь, и я не могла обвинить его в том, что он заставляет меня принять его дар, гипнотизируя взглядом или подавляя мою волю путем прикосновений. Он, действительно, просто дарил. И, похоже искренне.

— Да, Анхен, я приму, спасибо! Я правда, очень благодарна и польщена, что ты помнишь, о чем мы говорили и... спасибо. И это не правда, что я тебя, или вообще вампиров не люблю, я... просто... есть какие-то вещи, которые я ни принять, ни оценить не в силах, но есть и то, что мне в тебе, например, очень нравится, а уж значение вампиров для нашей жизни и культуры я и вовсе...

— Еще немного, и ты признаешься мне в любви, — прервал мои сбивчивые излияния Анхен. — А еще и дня не прошло, как кричала, что ненавидишь. Ты поаккуратнее с эмоциями, ладно? Для меня будет достаточно, если ты станешь скалывать свои косы моим подарком и, прежде чем сказать или подумать о вампирах какую-нибудь гадость, вспомнишь обо мне... что-нибудь хорошее. Я сейчас очень о многом тебя прошу?

— Нет, я... мне будет приятно носить ее, правда.

— Спасибо. Только не бросай ее где ни попадя. Хоть в сумке носи, если уж на голове надоест.

— Ладно. А у меня нет для тебя подарка.

— Ну вот чтоб у тебя хоть когда для меня хорошее было! — смеясь воскликнул он. — Попробую пережить. Ты не замерзла? Отвезти тебя к друзьям или еще посидим?

— Посидим, — ответила, не задумываясь. Новый год я уже пропустила, да и сколько их уже было и еще будет, а вампир, согласный беседовать со мной в новогоднюю ночь на крыше мира — только один, и эта ночь у меня с ним — одна единственная, второй не будет.

Он вновь сел рядом со мной, и снова легонько обнял:

— Ты только скажи, когда станет холодно, хорошо? А то мне-то просто приятно сидеть здесь в тишине, под звездами. А ты можешь и замерзнуть. Сегодня холодно?

— Нет, совсем не холодно. Смотри, снег почти липкий. А ты изменения температуры совсем никак не ощущаешь?

— Совсем никак. Только через людей. Могу почувствовать, если человеку очень холодно, или очень жарко. Но это когда уже отклонения на грани критических, а так... Что снег, что дождь... Но больше я люблю все же лето: зелень листвы, пение птиц. Осталось от далеких, позабытых времен. А что любишь ты?

— Зиму, наверное. Здесь столько всего: лыжи, коньки, снежные горы, снежные крепости. Новый Год, опять же, самый сказочный праздник.

— А я Новый Год не люблю. Слишком уж он надуманный, официальный. И елка ваша эта. С чего кто решил, что это вечнозеленое дерево, символ «вечно юного стремления к самосовершенствованию»? По мне, так это мертворожденное дерево, оно скорее способно символизировать старость и смерть.

— Правда? А какой же праздник ты любишь?

— Из человеческих? Майский День, конечно. Это и искренне, и красиво, и душевно. Да и береза — дерево замечательное, трепетное, действительно отражает всю красоту юности, с ее мечтами и надеждами.

— Но, Анхен... Майский День — это же... для молодежи праздник, на него даже люди старше тридцати уже почти не ходят. Не думала, что его вампиры посещают.

— Вампиры и не посещают. Это было бы не вежливо, веселье было б уже не то. Но иногда, когда никто не видит... чего не бывает, — он улыбнулся, и так тепло мне стало от его улыбки. Вот только...

— Анхен, я все же не понимаю. Вот ты сидишь тут со мной, рассуждаешь о деревьях и праздниках. А вокруг Новый Год. Неужели тебя никто не ждет, не звали на праздничное веселье?

— Так вампиры не празднуют, это ваш праздник, а из людей... Будь все хорошо, я бы Ингу мою в ресторан отвел, с ней бы и отметили. Мы в том году в «Новый век» ходили, там неплохая программа была новогодняя, Инге понравилось. А в этом году и я из больницы вот только что ушел, да и то — волевым решением, их бы воля, так они меня еще год из операционной не выпускали. И Инга моя уехала, мама у нее заболела серьезно, а там городок маленький, лекарств не достать, да и просто помощь нужна.

— Инга — секретарша твоя?

— Моя. Я с чужими секретаршами не гуляю.

— А со своей, значит, гуляешь?

— А то! — он задорно подмигнул мне, усмехаясь. И уже совсем серьезно добавил: — она ж мне самый близкий человек, Ларис. Ты сама подумай: вот ты, к вампирской ауре практически не чувствительная, и то, проведя со мной рядом пару часов, потом ни один день в себя приходишь. А она обычная девочка, у нее вообще иммунитета нет. И она со мной рядом каждый день. Ты хоть отдаленно можешь себе представить, что она чувствует? Как она меня ощущает? Секретарша вампира — страшная профессия, Лариска, очень вредная для здоровья. И вовсе не потому, что у нее кто-то всю кровь до последней капли выпьет. Вот уж что ни одной из них не грозит. Психика страдает. И сильно. Так что не обижай мою девочку всякими гнусными домыслами. То плохое, что ты можешь вообразить обо мне, я тебе прощу. Но вот за нее — могу обидеться всерьез.

— Но Анхен, я же никогда, я и видела то ее только один раз, да и то мельком.

— Это я так, на будущее. Коль уж речь зашла, чтоб больше к этой теме не возвращаться.

— А... можно...я одну вещь спрошу? — очень нерешительно начала я. — Ну, чтоб больше к этой теме не возвращаться? Мне вот просто сейчас в голову пришло...

— Давай уж свой вопрос. Уж лучше я отвечу, чем ты сама себе чего-нибудь навывдумываешь.

— Да нет, я просто... вот ты же вампир. Куратор. И ни одна девушка на свете не в силах сказать тебе «нет». Ну, ты сам в это веришь. И в секретарши ты мог бы выбрать себе... Ну,

обычно начальники выбирают себе кого покрасивше, поэффектней. А у тебя же любая будет работать с радостью... — я мялась, не зная, как сформулировать. Решит еще, что я «обижаю его девочку».

— Ларис, в чем вопрос-то, говори уж прямо.

— Хорошо. Только чур, я никого не обижала! Вопрос: почему у тебя секретарша такая... некрасивая? Не в смысле уродка, просто — обычная такая, среднестатистическая... Ну, когда идешь к куратору, ожидаешь, что у него и секретарша — нечто настолько выдающееся, сражающее наповал своей красотой, что и слов не подобрать, — выговорила и взглянула на него с опаской, а вдруг все же обиделся.

А он смеялся! Просто ухохатывался, словно я такую глупость сказала несусветную, что вот прям хоть стой, хоть падай.

— Инга моя некрасивая? Среднестатистическая? — Светоч, вот уж не думала, что этот вампир может так откровенно ржать, словно в цирк его сводили. — Ну спасибо, повеселила. Тебе надо почаще позволять задавать вопросы, ты как спросишь чего... А Инга моя красавица. И краше ее я еще не встречал. Я и в самом деле мог выбрать себе самую лучшую. Я и выбрал — самую лучшую. И все кураторы по эту сторону Бездны мне завидуют.

Вот это он что — совсем-совсем всерьез? Да что он нашел-то в ней, я и лица ее уже даже не помню, только волосы эти ее обрезанные, а без волос — какая уж там красота?

— Я объясню, — снизошел вампир, глядя на недоуменное выражение моего лица. — Это просто разница восприятия. Люди видят окружающих плоско, словно картинку в журнале. Вот что на картинке уместилось — то для них и красота, или ее отсутствие. А вампиры видят прежде всего свет, ауру, кровь. Остро ощущая при этом и эмоции, и запах. И уже на это на все накладывается внешняя картинка. Мы каждое живое существо воспринимаем неким сложносоставным цветком, переливами света, цвета, запаха, эмоций и внешних контуров. И та же Инга для меня, да и для любого вампира — это потрясающей красоты цветок, столь яркий, насыщенный и светлый, что и не знаю, с чем сравнить, чтоб было понятней. А вот чтоб увидеть ее такой, как видишь ты, или любой другой человек, это мне надо определенные усилия прикладывать, да только мне оно особо зачем? Даже живя в вашей стране я в человека не превращаюсь.

— А я для тебя — какой цветок? — не смогла удержаться от вопроса. Не все же мне дифирамбы его секретарше выслушивать. Достаточно уже и осознания того, что он вспоминает обо мне, только когда «Инга его» куда-нибудь девается.

— Ты? — он чуть задумался. — Ты цветок экзотический, яркий, генетически модифицированный, я бы даже сказал. И оттого свет в тебе очень неровный. То вспыхнешь красотой, а то обращаешься в ее противоположность. Ты — дитя Бездны, в тебе, как в ней — столько всего понамешано.

— И что же это в Бездне понамешано? — почти обиделась я. — Ты сам говорил, она — изнанка мира, там только смерть и тьма.

— Ну, значит плохо говорил, или ты плохо слушала. Ладно, я все равно обещал тебе сказку. Новогоднюю. Что ж, какой Новый Год, такие нынче и сказки. Слушай. Велика земля наша, и много в ней чудес. Но самое великое ее чудо равно дано лицезреть и людям, и вампирам, — голосом умудренного сказочника начал рассказывать Анхен. — И имя этому чуду — Бездна. Ошибаются те, кто считает ее просто дырой в земле, провалом на месте древней катастрофы. Бездна — это место, где себя нам являют Боги.

— Ты прости меня, конечно, Анхен, это очень красивая сказка, но вот только меня в

школе учили, что богов не бывает. И как-то так хорошо научили, что не знаю, что мне теперь с этим и делать, — не могла не встрять я. Басни про богов и героев я не любила никогда, был у этого сорта литературы какой-то весьма специфический привкус. Легкий запашек полуистлевшего мозга, ибо совершенство разума несовместимо с обожествлением сил природы.

— Ну, видимо придется потерпеть, — невозмутимо отозвался вампир. — Сказка серьезная. В школе настолько серьезным вещам редко учат. Ну а Бездна... Знаешь, Бездна всегда была границей между мирами, Не только между вашим и нашим. Это еще и граница между миром Света и миром Тьмы. Мифическое место нескончаемой битвы Предвечного Светоча с Хозяином Последней Ночи. Каждый день солнце льет свои лучи в Бездну, пытаюсь загнать тьму в ее глубины, но каждую ночь тьма вновь расползается по миру. И потому мы, живущие на краю Бездны, есть создания света, несущие в душах тьму. И, подобно Предвечному Светочу, мы пытаемся справиться с тьмой, и, как и он, мы справится с ней не в силах.

— Давным-давно, когда далекие предки вампиров еще не считали для себя зазорным поклоняться Божествам Солнечного Света и постигать тайны мироздания не только в научных лабораториях, — продолжал светлейший Анхенаридит свой экскурс по мифам древней бездны, — появилось в нашем языке понятие «Перекресток Миров». Таинственное место, трудноопределимое во времени и пространстве. Место, где миллиарды миров тихонько соприкасаются между собой тонкими-тонкими гранями. Место, где будущее встречается с прошлым. Место, где Боги слышат нас, а мы — Богов. В отличии от наших предков, нам нет нужды искать это место. Ибо с тех пор, как с карты мира исчезла одна из великих рек, Перекресток Миров прочно вошел в наш мир и в наши жизни. Это Бездна. Лариса. Наша Бездонная Бездна воистину не имеет дна.

Как-то даже не сразу сообразила, что на все это сказать. Сказка была какая-то... странная. Ни сюжета, ни чудесных приключений. Принцессы с драконами тоже катастрофически отсутствовали.

— А это присказка, Ларис, — понял он мой весьма слабый восторг. — А вот дальше начинается все самое интересное. Появляются главные герои. Вампир и дева. Больше тебе скажу. Конкретно ты и конкретно я. И появляются они — именно в Бездне. Погулять прилетели. Так, забавы ради. Но вампир соединился с девой на границе света и тьмы, и тем потревожил мироздание. Перекресток Миров открылся и Боги дали ответы на вопросы, которых никто из нас не задавал. А вот с ответами придется как-то жить.

Так, все, я шизею с этими вампирскими сказками.

— Анхен, скажи, а вампиры сводят людей с ума после того, как сходят сами, или это как-то одновременно происходит?

— А вот это как повезет. Не нравятся сказки?

— Заумные — нет.

— Хорошо, дитя эпохи просвещенного разума, скажу тебе проще. То, что было с нами в Бездне, из забавной прогулки превратилось в пророчество, и мне оно не нравится.

— Простите, светлейший Анхенаридит, вы врач, вы куратор, вы образованнейший вампир! И у меня просто уши начинают вянуть, когда вы так всерьез начинаете рассуждать о каких-то богах и пророчествах. Вы мне сейчас еще скажете, что наступил год конца света, потому как если все цифры его сложить, то выходит единица, а значит все едино умирать. — Цифры года пересчитывать бессмысленно, его с потолка взяли.

— ??

— Ну, надо ж было от чего-то события отсчитывать, вот и считаем от сотворения мира. А при том процессе, сама понимаешь, никто свечку не держал. Бухнули точку отсчета куда-то во тьму веков — вот и славненько. А вот то, о чем я тебе пытаюсь рассказать — вещь серьезная. И она не изменится от того только, что ты в Богов не веришь, или пророчества читать не обучена.

— А ты обучен?

— У меня всестороннее образование. И родился я задолго до того дня, как вампиры своих Богов прокляли. Я их, честно тебе скажу, тоже проклял, ну так они на то и Боги, что им наши проклятья — что журчание ручейка. Ты потеряла там шапку, помнишь?

— Трудно было бы забыть.

— Она слетела по моей вине и упала на рандэлэ.

— Куда?

— На счетчик. Измеритель. Как ты там его назвала? На фанарик. Красный. Помнишь что это?

— Учитывая, что вокруг творится? Станный вопрос.

— Это была твоя жизнь, Лара, — произнес он очень тихо и очень убежденно. — По моей вине ты окажешься на грани. Между жизнью и смертью. И я не знаю, куда качнется тот фонарик. Я не поднял. С тобой на руках я опускаться туда не мог. А потом... я просто побоялся, Ларис. Побоялся, что вот спущусь — а шапки там уже нет, она упала. Лучше не знать. Вот я и не знаю. До сих пор, и до тех пор, пока...

Он сидел рядом со мной, усталый, сгорбленный. И во все это верил. Я чувствовала это, ощущала, вот как чувствовала, что снег холодный, а дыхание мое теплое. Он был так искренне всем этим расстроен, что мне даже стало его жаль, хотя он — Великий вампир, а я — просто дева. Плохо, оказывается, когда живешь слишком долго. Прогресс идет, а ты за ним не успеваешь. И машина у тебя летает среди звезд, а ты все там боженьку на облачке высматриваешь.

— И все равно глупо, — решительно сказала ему я. — Даже если все это сущая правда, во что я, прости, не верю. Но допустим. Ты старше, тебе виднее. Пусть. Но это моя жизнь упала в Бездну. Что тебе до нее? Ты вампир, я человек. Ты же сам мне сказал, что в год таких как я пару штук лично на тот свет отправляешь. Как нефиг делать, не особо печалюсь. Сам же мне пел: слияние, трам-пам-пам. Ну вот и меня отправишь. В чем твоя печаль? В чем экстраординарность предстоящего события?

— Да сущий пустяк, дорогая. Я, видишь ли, поклялся. Там, в Бездне. Забавы ради присвоил себе имя Древнего Бога и от его лица поклялся. Смешно мне было, Ларка, весело. Вот я и пошутил. А Боги, тем более забытые и проклятые, таких шуток не прощают. Я поклялся тебя защищать, а по всему выходит, что погублю. А я устал, Лара. Я так устал губить всех, к кому почувствую хоть малейшую симпатию. Так устал быть вампиром.

Теперь уже я его обняла. И прижалась щекой к его плечу:

— Ты просто устал, Анхен. Тебе надо выспаться, и в голову перестанет лезть всякая муть. А когда вернешься назад, посмотри внимательнее: да пол университета спит и видит себя вампирами. И я уж не говорю про этих твоих подружек из больницы, на любое унижение готовы пойти, лишь бы их настоящий вампир кусанул.

— А я бы хотел их просто любить... А вынужден убивать.

— Так, стоп, в смысле? А кто мне тут рассказывал про вампирскую честь, про то, что

все должны быть живы?

— Должны, да не у всех выходит. Вот есть там, к примеру, одна хорошая девочка, Алла.

— Блондинка? Крашеная?

— Блондинка. Крашеная. Это ее не портит. Наоборот. Нравятся мне блондинки. А у вас такой цвет натуральным не бывает. У вампиров бывает, а у вас нет. Белый-белый, как снег.

— Ты ж лето любишь.

— И лето тоже. Вот и Аллу — любил. Недолго, правда, кровь у нее не слишком ароматна, чуть приторна, на мой вкус. Разлюбил. Бывает. И у вампиров, и у людей. Обычное дело. Вот только девочка теперь горит. Мозг выгорает безвозвратно. От слишком близкого контакта со мной, слишком тесного, слишком эмоционального. Такое случается при близком общении людей и вампиров. Не со всеми, но бывает. Поэтому долго вампиру с человеком общаться нельзя. Я даже секретаршу себе постоянную завести не могу, каждые несколько лет менять приходится, лишь бы не видеть, как дорогой тебе человек выгорает, тает, оставаясь лишь оболочкой... Есть такое правило: за собой убери. Люди не должны бояться вампиров, не для того мы это государство создавали. И если человек сгорает по моей вине, я обязан лично отправить его на ту сторону Бездны. Хоть слиянием, хоть в стада, хоть на продажу. Вот и Алла — не справляется. Еще недели две я смотрю, как идут у нее дела, и если улучшений не увижу — она отправится писать заявление, что жаждет отдать мне свою жизнь. Она и жаждет. Вот хоть прям теперь. Да только кровь ее мне не вкусна, а значит в слияние я ее не возьму. Горло перережу, подарю друзьям, не знаю, не решил.

Нет, моему состраданию к бедным вампирам точно есть пределы. Я отстранилась от него столь явно, что он даже усмехнулся:

— Не дрожи, тебе не светит. У тебя иммунитет хороший. Не сгоришь.

— Я и не боюсь, — взглянула на него с презрением. — Ты хоть понимаешь, насколько омерзительную вещь ты мне сейчас сказал?

— Не знала, что вампиры убивают? Это вроде было первым, в чем ты нас обвинила.

— Тебе на нее плевать, Великий. Ты сидишь тут, сокрушаешься, что устал людей убивать. А на самом деле — тебя просто процесс утомил. Если б кто другой их за тебя приканчивал — вот было б счастье. Эта Алла из-за твоей минутной прихоти жизни лишается, из-за недоразумения, что волосы в белый цвет покрасила, а ты ее — даже поцеловать на прощание брезгуешь?! Друзьям отдашь на забаву?! Да ты же мразь, Великий!

Я вскочила. Меня опять трясло, из глаз текли слезы, да что ж с того.

— Не смей! — он даже голоса не повысил, а чувство было, что к земле придавил, настолько там ощутимо угроза звучала.

— А иначе что? Убьешь? Ну так убей, тебе можно, ты же вампир! Да и пророчество у тебя опять же удобное. Убей. Знаешь, я все думала, — спешно продолжила я, торопясь договорить прежде, чем он заставит меня замолчать. — Все думала о той девочке, что ты рассказал. Что перерезала из-за тебя вены. Все думала, как же так, она же любила тебя, как ты мог допустить? Если она не могла больше жить, то почему она не умерла, зацелованная тобой, выпитая до последней капли крови? Если так тебе ее жаль, как ты мог допустить, чтоб она умерла просто так, а не задыхаясь в твоих объятьях от блаженства?

Он открыл уже рот, пытаясь что-то сказать мне, но я не позволила ему встрять:

— А теперь я знаю: ей было противно! Она, может, и любила тебя, но ей было противно! Ты был ей омерзителен, и она сбежала, предпочла вылить свою кровь в помойное ведро, лишь бы не в тебя! Потому, что даже самое склизкое помойное ведро по сравнению с

тобой — золотая чаша! И не от любви она с собой покончила, не тешься! От ненависти! Она так сильно ненавидела себя за то, что полюбила такую дрянь, что жить с этим не могла! Кровь в жилах сворачивалась! Вот и вылила, лишь бы не тебе, ублюдку, достаться!

Буквально выплюнув последнее слово ему в лицо, я поняла, что попала. Даже умудрилась ударить его, след от моей ладони не оставил бы на его бессмертном лице такого явственного отпечатка.

— Что, угадала? — злорадно бросила ему вдогонку. — Не провожай. Спасибо за чудный вечер!

Буквально грудью налетела на дверь и бросилась вниз по лестнице. А он так и остался сидеть там, под звездами, среди огней чужого и не нужного ему праздника.

Уже выходя из дверей больницы вспомнила, что так и не спросила у него о том, ради чего, собственно, приходила. Почему он поставил мне запрет на донорство? Что не так с моей кровью? Возвращаться, понятно, не стала.

* * *

Домой добралась уже под утро. Хотя целенаправленно шла именно туда. Шла, рыдала, злилась, останавливалась, пытаюсь отдышаться и успокоиться. Все казалось, сейчас догонит. Догонит и... не знаю, страшно не было. Злость была, и безрассудство безумное: ну, пусть убьет, а мне, быть может, еще удастся его ударить. Хотя бы словом! Как я ненавидела его в ту ночь! За то, что слушала, за то, что поверила и даже пожалела. За то, что он умел так говорить, что казался нормальным. Мудрым, добрым. Любящим. Не влюбленным, нет, любящим нас, людей, как нас в школе про вампиров учили: «и возлюбили вампиры людей, как дражайших чад своих...»

Вокруг праздновали. Веселые, шумные компании постоянно попадались мне навстречу, и одинокая девушка в слезах вызывала и недоумение, и дискомфорт, и желание утешить. Понятно, что ни первые, ни вторые встреченные мной молодые люди сквозь мое отчаянье не пробились, но где-то, как-то... И вот уже меня угощают сидром, и я смотрю, как запускают фейерверки, и меня даже кто-то обнимает. А может, и целует. Помню, что почему-то я оказалась в парке, и шумною толпой мы катались с огромных ледяных гор, и опять были фейерверки, и сидр, и поцелуи. Губы на своих губах помню, лица ни одного. Меня целовали или я целовала? Вот только смеялись все, и я со всеми — ведь праздник же! И все кружилось, кружилось... А потом помню полупустой стильный автобус, возможно уже не первый на своем маршруте. Остановка, дом, подъезд. И Тема на скамеечке. Ждет. Сказать, наверно, что-то хочет. Да не пошел бы он!

— Да, гуляла! — заявила прежде, чем он успел раскрыть рот. — Нашла парней, которые целоваться умеют лучше, и с ними гуляла! И сидр у них вкусный! И горы ледяные! И... видеть тебя не желаю! Никогда! Ни единого более дня! Ни минуты!

И громко хлопнула дверью подъезда. Ну, если этот придурок влюбленный еще родителей мне напугал, и они там морги опять обзванивают...

Родители спали. Тихонько раздевшись, тоже рухнула на кровать. Надо как-то выспаться. Вечером же еще торжественное собрание в университете. Ага, посвященное отбытию куратора ир го тэ Ставэ на родину предков. Ладно, он же нам за место себя другого куратора обещал. Аж генерального. В смысле — всего университета. Ну, посмотрим на генерального.

А то что ж это, уж полгода, как я школу закончила, а у меня только два вампира знакомых. Надо расширять кругозор.

Провалилась в глухую тьму без сновидений, и было мне счастье. А потом, видно, перевернулась во сне на спину, и что-то твердое впилося мне в затылок. Не вполне еще проснувшись, повела рукой: что там за лишняя деталь ко мне в кровать свалилась? Пальцы нащупали холодную гладкость металла, потянули, силясь убрать из-под моей головы эту штуку. И тут же я ощутила, что тяну себя за волосы. И проснулась окончательно. Вспомнила.

Немного нервно отцепила от волос его заколочку и уже даже размахнулась, чтобы запустить ее куда подальше. А потом остановилась. Взглянула внимательно на этот кусок драгметалла. Благо на улице было уже совсем светло, свет зажигать не потребовалось. Строгая простота формы. Изысканная сложность рисунка. Холодная белизна основы. Разбегающиеся по всем направлениям теплые солнечные лучи. И все это словно в узел связано тонкой черной нитью. В голову невольно лезли глупые вампирские сказки о битве солнечных богов с демонами Бездны, что-то было там о созданиях света с душами, охваченными тьмой. Вот как-то примерно это мне в тот миг и примерещилось. Его светлая солнечная душа, мечтающая о листве и птицах, повязанная путами смерти. Обреченная убивать. Сама почти уже мертвая, но все же... все же... Местами, сполохами мелькают золотые лучи, и можно почти поверить. В чудеса. В сказку. В любовь. В Сэлисэна и Елену. Ведь зачем-то он сидел со мной на той крыше. Гулял в парке. Катал в Бездну. Рассказывал все то, о чем, наверно, далеко не всем людям рассказывают. Как он сказал мне тогда? Чтобы я вспоминала о нем то хорошее, что он все-таки смог для меня сделать? Было бы подло утверждать, что хорошего не было. И пусть он мерзавец и негодяй, распутник и убийца. Он просил меня принять этот подарок в память о том хорошем, что я сумела в нем разглядеть. И я приняла. И приму. Вот этот маленький кусочек его светлой души, затянутой черной нитью порока. В память обо всем хорошем, что у нас было.

И я крепко сжала вампирскую заколку в ладонях. И снова уснула, прижимая ее к себе — крепко-крепко. А когда проснулась, решительно заколола ей свои волосы.

— Выспалась, душа твоя беспутная? — приветствовала меня на кухне мама. — Вы зачем с этим негодником Артема обидели? Не хочешь встречаться — так и скажи, что дураком-то парня выставлять?

— Что? — только и смогла выдать я. Артема обидела, да, было дело. Но никаких негодников, вроде, в дом не тащила, одна пришла. Или мне совсем уж память отказывает?

— Что «что»? Поздно дурочку-то строить, знаю я все. Артем ее бегает, ищет, нас на уши поставил: пропала, потерялась, нету! Про больницу что-то. Я в больницу-то сразу позвонила, быстро выяснила, что такая пациентка к ним не поступала, даже с жалобами не обращалась. Хорошо я догадалась Петьке вашему дурному позвонить. Он, конечно, тоже молодец, пытался дурачка со мной разыгрывать. Ну, да со мной не забалуешь, я ж его с детства как облупленного. Признался, что у него ты прячешься. Не хватает духу Теме в лицо всю правду сказать, вот и выдумали всю эту круговерть. Тебе самой-то не стыдно? Артема обманула, нас едва на уши не поставила, еще бы: ночь на дворе, ребенка нет нигде! А если б я не догадалась Петьке позвонить?

А если б Петька не догадался тебе соврать? Вот уж, да уж, был бы праздник! Надо будет хоть позвонить, спасибо сказать, спас семью от убийств и инфарктов.

— Ты хоть с Темой объяснись, нехорошо так. Не по-людски, — продолжала разглагольствовать мамочка.

— Да объяснились мы, он меня у подъезда ждал. Все, что возможно, мы друг другу уже сказали, — странно, еще вчера я и не думала порывать с Артемом. Казалось, мы пара. А сегодня я чувствовала только облегчение от того, что больше не надо с ним видаться, общаться, иметь какие-то общие планы. Я и не заметила, когда он стал меня тяготить, а, оказывается, тяготил.

— А с Петей у тебя что? — не успокаивалась мама. Ну да, ей же мою жизнь надо знать, как свою. Как-то она порой путала, где граница проходит.

— А что с Петей? Благодарность Пете. С занесением в личное дело. Выручил. Даже спас. Кстати, — поспешила я увести разговор на другое, — я тут вчера после зачета куратора нашего встретила. Спросила его про твою нумерологию. Светлейший вампир сказал, что все фигня. Точка отсчета взята условно, так что цифры складывать бессмысленно, они случайные, реальное количество прошедших лет не отражают.

— Да? — заинтересовалась мама. — Ну может, вампирам виднее. А ты что же, вот прям так подошла к куратору и спросила?

— Ну, мы же с ним знакомы...

— погоди, погоди, это что же, тот самый? Ну, который кровь твою? Анхен, верно?

— Да не пил он моей крови, сколько ж можно повторять! Не пил! И не просил даже. Кстати о крови. Где у нас папа?

Мама лишь плечами пожала, мол, не настолько у нас большая квартира, чтоб потерять. Явно слегка обиделась, что я пошла что-то лично с ним обсуждать. А я как-то побоялась при ней, явно она мне не ответит, еще и всполошится по-глупому.

— Папа, а ты не знаешь, в каких случаях ставят запрет на донорство? Полный запрет?

— Мне казалось, это все знают. В случае наличия у человека неизлечимых болезней, которые он может передать через кровь.

— И чем таким неизлечимым я могу быть больна?

— Ты? И не мечтай. Здоровье у тебя железное, нам с мамой даже в детстве жаловаться не приходилось. Так что откосить от сдачи донорской крови на законных основаниях тебе не удастся. Хотя, если честно, я не понимаю, зачем тебе это. Это ж людям, не вампирам. Люди, да тем более тяжелобольные, тебе чем не угодили? Мы что же с мамой, эгоистку вырастили?

— Ты не понял, — я устало вздохнула. — Я не мечтаю его получить. Мне его уже поставили. Полный запрет на донорство. Безоговорочный.

— Как поставили? Кто? Почему? — папа, похоже, был ошарашен не меньше моего.

— Как — молча. Прихожу сегодня в лабораторию, а мне сообщают: «не имеем права у вас взять, ваша кровь закрыта для использования». Представляешь, у всего курса нашего взяли, а у меня — не имеют права.

— погоди, но это же врач должен решать, надо идти к твоему терапевту, спрашивать. Возможно, это просто ошибка какая. Ты когда кровь сдавала последний раз?

— Да ходила я... к врачу, который это решил. Да он все «потом, потом». Ну а потом мы... поругались так страшно, что вряд ли он мне теперь скажет. А я вряд ли пойду еще спрашивать.

— Лариса, ну ты как ребенок. Поругались, не пойду. Это ж с твоим здоровьем проблемы. А если ошибка — так тем более обидно, она тебе полжизни перечеркнуть может. Ну хорошо, не хочешь — давай я пойду, будем разбираться с твоими анализами. Что за врач-то? Из районной поликлиники или из вашей, студенческой?

— Из больницы.

— А больница тут при чем? Вы ж там практику проходите, а не лечитесь. У вас там брали анализ крови?

— У меня — брали.

— Что значит у тебя? Только у тебя? Почему? Так, ладно, не тяни кота за хвост, что за врач, как зовут, где его можно найти? Праздники кончатся, пойдем разбираться. Поругалась она. С врачами не ругаться надо, а решать проблемы, связанные со здоровьем.

— Зовут его Анхенаридит ир го тэ Ставэ, а найти его можно... При желании можно его найти. Вот только потом до конца дней своих будешь жалеть, и что искал, и что нашел, и что вопросы задавал. Не связывайся, папа, не скажет он. Да и вообще, он на меня сейчас злой, наверно, страшно. Я ему нынче ночью столько всего наговорила, он за всю свою вампирскую жизнь, небось, столько гадостей о себе не слышал! — под конец не удержалась, аж рассмеялась удовлетворенно, вспомнив его лицо — словно сапогом ему по физиономии въехали.

— Вампир? — вся папина решительность улетучилась. — Тот самый? А ты точно уверена, что это он?

— Да, он и не отрицал. И потом, это он у меня кровь брал.

— Ты ж говорила, что не брал.

— Я говорила, что не пил. А шприцом из вены в пробирку — да, брал, причем лично. Сказал, что будет делать анализ по своим технологиям, человеческие его не устроят, там каких-то параметров не рассматривается. И теперь — вот. Как думаешь, что это может быть?

— Честно говоря, дочка, я даже не знаю, чем тебя успокоить. Зная его интерес к тебе, могу предположить только одно.

— Что?

— Ты только не пугайся, это не более, чем мои домыслы, я по вампирам не специалист, но...

— Да что?

— Боюсь, он закрыл твою кровь, чтобы сохранить ее для себя.

— В смысле? — не очень поняла я.

— Есть такое понятие, как «экстренное донорство». У вампиров существует своя Служба Крови, их задача — сохранить жизни тем, кого кто-то из их сородичей выпил слишком сильно, не собираясь убивать. В этом случае Служба Крови доставляет на место происшествия так называемого «живого донора», делается экстренное переливание из вены в вену. Иногда донор заказывается заранее, если у вампира есть предчувствие, что он не сможет вовремя остановиться. Но и в случае экстренного вызова они прилетают очень быстро.

— Погоди, а «живой донор» — это кто? Он откуда берется?

— А «живой донор», дочка, это абсолютно любой человек Страны Людей, причем используют его обычно под гипнозом, так, что он даже не знает, что его куда-то возили и он служил донором.

— Как?

— А вот так. Знаешь, что такое Гора Вампиров? На самом деле? Это лаборатория. Всеобщая база крови всех жителей нашей страны. Вампиры не признают наши понятия о группах крови. Для них это очень грубо и примитивно, они в нашей крови ощущают очень тонкие нюансы, и при переливании «своим, любимым» пытаются эти нюансы воспроизвести и сохранить. Поэтому в лаборатории на Горе абсолютно всем жителям нашей

страны, достигшим совершеннолетия, делается анализ по их методикам. Данные заносятся в базу. Когда требуется донор, оператор смотрит, чья кровь максимально подходит пострадавшему, выбирает того, кто территориально ближе, и вот уже человек становится донором, сам о том не догадываясь.

— А при чем здесь я?

— При том, что кровь на Горе ты не сдавала, не забыла?

— То есть меня в базе нет?

— То есть ты в базе уже есть. Твой Анхенаридит позаботился. Твою кровь он наверняка послал именно туда. Вместе с запретом на донорство. Подозреваю, это, в первую очередь, запрет на «живое донорство». Всю твою кровь он явно присмотрел для себя и не жаждет делиться. Я не знаю, какие сказки он тебе рассказывает, но он имеет на тебя виды, и весьма серьезные. Будь с ним, пожалуйста, очень аккуратна. Не спеши за Лизой. Ты мне живая дорога.

— Да не собираюсь я... И потом, все равно не сходится. Если он не хотел, чтоб меня как «живого донора» использовали, так зачем мою кровь в базу посылать? Нет ее там — так и не используют.

— А тебе он как донора искать будет? Если нет в базе твоей крови, то с чем сравнивать? Очень даже сходитя. Он не хочет, чтоб как донора использовали тебя, но для тебя донор должен быть найден в считанные секунды.

Я ошарашенно молчала. Воистину, страна свободы. Чем больше узнаю о вампирах, тем страшнее в ней жить.

— погоди, а ты откуда все это знаешь? — вдруг пришла мне в голову мысль. — Только не говори, что в книжке прочитал, все равно не поверю.

— Да так, — папа вдруг смутился. — Приходилось сталкиваться. Давно. Ты еще не родилась.

— То есть? Ты хочешь сказать... Ты ведь не был «живым донором», иначе ты б не запомнил. Донора искали для тебя, верно? И это была не разовая связь, ты знаешь слишком много подробностей. Ты был... У тебя была... — даже взрослые дочери порой не могут сказать такое в лицо своим отцам.

— Была, — признал папа, тяжело вздохнув. — Мне бы не хотелось вспоминать. Было слишком больно, когда мы расстались. Я бы пошел за ней через Бездну, не задумываясь. Я даже умолял ее об этом. Но она не взяла. Сказала, самое ценное в жизни — это не любовь. Это дети. И у меня они могут быть. Мне потребовался не один год, чтобы понять, что она права. Береги себя, девочка. Всегда помни, что у тебя тоже могут быть дети. А твоему папе станет совсем уж незачем жить, если еще и без тебя.

Глава 7

Палач

Торжества были назначены на пять. Сумерки только близились, но вся территория университета переливалась огнями гирлянд. Все до единой елки вдоль дорог были украшены, а сами дорожки — усыпаны конфетти. Я влилась в факультетские двери вместе с шумной толпой студентов, гардероб был, как водится, переполнен, но настроение волшебного праздника витало над всеми.

Беломраморные ступени парадной лестницы украшало с десяток выстроившихся по бокам нарядных елок, словно указующих нам путь, а на вершине нас ждали распахнутые двери Зала Торжественных Собраний. О, вот и сбылась моя мечта: мои сказочные двери раскрылись, готовые явить свою тайну! Правда, будучи открытыми, сами двери несколько терялись, мне очень нравилась их строгая элегантная красота, а теперь она была не видна. Зато я вошла, наконец, в этот таинственный Зал.

Он был огромен. Деревянные скамьи, расположенные амфитеатром, уходили вверх, почти в бесконечность, оставляя внизу полукружье сцены, где стояла сейчас вереница наряженных елок, а перед ними — стол для почетных гостей и кафедра. И если скамьи и стол были обычные, как в любой аудитории, что было даже несколько обидно, то кафедра, несомненно, приковывала взоры. Она вся была резная, ажурная, это было какое-то немислимое переплетение ветвей, листьев, цветов, казалось, вся она дышит жизнью, цветом, светом, и листья чуть трепещут на ветру, и цветы источают тончайший аромат. А это было всего лишь очень черное дерево, даже и не знаю, какой породы. Но мастерство исполнения — достойно лучших выставочных залов.

Огромный живописный плафон на потолке изображал голубое небо с бегущими по нему легкими облаками. Ну а стены... Стены были просто гимном геометрии, воплощенной в камне. Самоцветы Западных Гор покрывали всю поверхность этих стен, создавая теплый охристый фон, образуя зеленые линии и спирали, расчерчивающие пространство сверху вниз и слева направо. И, словно бы поверх этих линий, шли длинные прямоугольные панно сиреневого цвета. Этот удивительно красивый камень перепутать было невозможно. В наших горах таких не водилось. Лишь далеко на востоке вампирских земель, на берегах Зачарованной реки, было найдено его единственное месторождение. Потому и назывался он Вампирским камнем, или Зачарованным камнем, и был в наших землях большой редкостью, мне разве что ювелирные украшения с ним встречать приходилось. А тут целый зал этим камнем отделан! Красиво. Даже не торжественно, а именно что — красиво.

Мелодичный гонг возвестил начало праздника. За кафедру поднялась декан нашего факультета, невысокая, плотно сбитая Ева Градова. В ее темной косе, обвивающей голову, уже вовсю блестела седина, но движения ее были энергичны, взгляд решителен, голос тверд. На факультете светлейшую Еву любили. Была она принципиальна, но доброжелательна, возникающие проблемы решала быстро, студентов не обижала. Ее встретили аплодисменты.

Декан коротко поздравила нас с началом Нового Года Человеческой Истории, пожелала хранить и преумножать свет знаний, сияющий в наших душах. И представила почетных гостей нашего праздника. Они выходили по одному и занимали места за столом. Вереница каких-то не слишком интересных мне лиц и, разумеется, мой давний знакомец, председатель Общественного Совета университета, зав. кафедрой общей и биорганической химии

профессор Ольховников собственной персоной.

— И наконец, главный гость нашего праздника, Генеральный куратор Светлогорского университета Гоэрэдитэс Варионэстээ ир го тэ Дэриус. Прошу вас, куратор, — светлейшая Ева вышла из-за кафедры, уступая свое место поднявшемуся на помост вампиру.

Все встали. Народ зааплодировал. Почетные гости, так же поднявшиеся, как один, аплодировали особенно подобострастно. Ну, или мне так показалось. Я в тот момент на Ольховникова смотрела. А уж в его подобострастии сомневаться не приходилось. И только светлейшая Ева стояла очень прямо, лишь чуть склонив вежливо голову в какой-то неумовимо вампирской манере, чем очень напомнила мне в тот момент Анхена, и указуя раскрытой ладонью на кафедру.

— Благодарю вас, Ева, — ответный вежливый кивок и теплая улыбка декану, затем вампир поворачивается к аудитории. — Благодарю вас, друзья. Можете сесть.

Подобно уже виденным мной вампирам, он был высокий и стройный. Светловолосый. Не блондин, но светлый, волосы, как водится, до середины спины, распущены, отчего часть прядей упала на лацканы светло-серого пиджака. Цвет глаз с моего места было не разглядеть, лицо приятное, не более. Вот интересно, достопамятный Лоурэфэл помнится мне таким несравненным красавцем, потому, что я его первым из вампиров увидела, или он объективно красивее и Анхена и этого, ир го тэ Дэриуса?

А лицо Анхена явно приятней, чем у генерального, вдруг пришло мне в голову. И роднее. Бездна, я ж его ненавижу вроде как! За что вот только, еще бы вспомнить. За то, что вампир? Пресыщенный вампир, которому даже убрать за собой противно? Жаль, что его сегодня нет. Что мне его Алла? Всех людей не спасти. А уж тех, кто сам спастись не жаждет...

— А где же светлейший Анхенаридит? — группка девчонок слева тоже была не слишком рада замене. Нет, генеральный куратор — это здорово, но мы своего больше любим.

— Спит светлейший Анхенаридит. Вечным сном, — встряла в чужую беседу, и сама опуская голову на сложенные на конторке руки. Ночка была — нда, сама спала бы да спала.

— Как ты можешь?! — до глубины души возмутилась та, что была ко мне ближе. Да и другие смотрели не слишком приветливо. А я, вроде, ничего такого...

— Да правда спит, — дружески улыбнулась девчонкам. — Он же неделю в больнице, без перерыва на сон и отдых, там аврал полнейший. Мы вчера последний зачет там сдавали, вот и встретились. Мельком. И он нам сказал, что уезжает домой отсыпаться, а на праздник генеральный придет... За что ко мне такая нелюбовь?

— Да нет, просто ты так сказала... — девчонка явно пошла на попятный. Но продолжать беседу не стала, ибо вампир начал вещать.

— Сегодня нас собрал здесь особенный праздник. Этот праздник собирает нас вместе каждый год вот уже много-много лет, но от этого он не перестает быть особенным, — голос у вампира был красивый, поставленный. Говорить на публику светлейший Гоэрэдитэс явно умел и любил. И говорить собирался долго.

С удивлением отметила, что декан за почетный стол не села. Представив народу вампира, она вовсе вышла из Зала, плотно прикрыв за собой дверь. Странно, она ж, вроде как, лицо факультета. И куратора нашего нет, так еще и светлейшая Ева нас покинула. Бедные мы бедные, беспризорные совсем.

Вампир всю разорялся о далеких временах, о значении искры разума, мелькнувшей в

чьей-то там голове, о том, с какой заботой и любовью вампиры помогали, помогают и всегда будут помогать, как чиста и бескорыстна их светлая любовь, как дороги мы все им, и как радуются они малейшим нашим успехам...

А глаза его при этом сияли вот тем самым светом любви, переливались бриллиантами нежности, а я чувствовала некий странный дискомфорт. Нет, разумеется, вампир меня не видел, да он и вовсе ни на кого конкретно не смотрел, обращаясь просто к залу, гости в президиуме тоже особо никого не разглядывали, жадно внимая вампирской речи, а мне было неуютно, и с каждой минутой это ощущение усиливалось. Огляделась. В Зале гробовая тишина, все слушают, все внимают, вот только... словно тихий гул, почти на грани слышимости. Да, неприятный такой — даже не звук — отзвук, от него в голове наливается тяжесть, и чувство непонятной тревоги усиливается.

Попыталась сфокусироваться на вампире, и поняла, что он мне тоже не особо нравится. Улыбка у него была... чуть холодновата для тех нежных чувств, в которых он так трогательно признавался. И взгляд слишком уж отстраненный. Он, вроде как, любил нас всех оптом, но никому конкретно свое тепло не дарил.

А Анхен врет лучше, подумалось мне, искренней. И улыбка у него куда нежнее и сердечней, и взгляд более теплый и адресный, даже если он с толпой разговаривает. Он одному подарит лучик света, другому, третьему. Генеральный «любил» нас всех. Анхенаридит — каждого. При этом ввали оба, и словами, и улыбкой, и взглядами, в этом я ни секунды не сомневалась. Любили они нас — вот как конфеты, ни больше, ни меньше. Не только эти двое — все вампиры. Какая там искра разума! Плоть и кровь. И богатство эмоций. А разум — это так, чтоб нам было, чем заняться. И не замечать, что мы для них то корм, то безвольные доноры для корма, то сломанные игрушки, которые надо вовремя убирать, чтоб не отсвечивали. И все мечтают о совершенстве разума, не замечая, что нас просто используют.

Да что ж голова-то так гудит! Вроде ж выпалась. Огляделась снова. Все лица светлые, возвышенные, глаза горят любовью и верой. Никакого дискомфорта ни на одном лице. Но явно же гудит!

Взгляд мазнул по поверхности стен. Вот оно! Сиреневые панно буквально вибрировали, даже воздух возле них, казалось, дрожал. Вот он, гул! Голос вампира создавал какой-то резонанс в этом камне, и он дрожал, гудел, отсвечивал слепящими бликами... Зачарованный камень! Так, стоп. Это что же, светлейший вампир нас всех сейчас гипнотизирует, что ли? А камень усиливает его воздействие на массы?.. Все кураторы, по всем направлениям, вспомнилось мне. Конечно, не забавы ради. Вся наука под их контролем. И, наверняка, правительство. Все жизнеобразующие линии развития. И везде залы Вампирского камня. И торжественные речи о любви и заботе. И вот мы всей страной любим вампиров, а они не только не голодают, но и без десерта не остаются!

Схватила сумку и, под ошарашенными взглядами всего зала, начала решительно выбираться в проход.

— Простите. Извините, — бросала сквозь зубы, протискиваясь мимо чьих-то ног. Уйти отсюда. Немедленно. Я не обязана это выслушивать! Да если б он просто разговоры разговаривал! А это же массовое принудительное промывание мозгов! А я к себе в мозг лезть не разрешала! Почти бегом бросилась вниз по проходу. Жаль, двери только там. Может, будь они наверху, вышло бы менее заметно. А так я выскочила из зала почти под носом у вещавшего куратора. Он скользнул по мне взглядом, но не прервался. Еще бы, занят.

Народ зомбирует в факультетских масштабах! Может, там правила какие есть, типа прервешься — и надо заново начинать.

Закрыла за собой красивые двери ненавистного Зала и бросилась вниз по лестнице.

— Что-то случилось? — окликнул меня женский голос.

Подняла голову. Декан. Светлейшая Ева стояла, облокотившись о перила балюстрады и с интересом разглядывала меня.

— Нет. Да. Я плохо себя чувствую. Голова раскалывается. Не могу там более находиться, простите, — мой поступок был целиком импульсивен, и как объяснять его теперь, я не знала. Сказать декану, что не желаю, чтобы меня зомбировали? Так она меня сразу по скорой в дурдом отправит, потому как ничего подобного нет, и быть не может.

— Подойдите ко мне, будьте так добры.

Подошла. Ну понятно, имя, курс.

— Скажите, генеральный куратор уже закончил свое выступление?

— Нет, еще выступает.

— А вам не кажется крайне невежливым выходить из аудитории во время выступления? Даже если выступает человек. А перед вами выступает сейчас Великий. Который отложил все свои дела, чтобы поздравить нас всех с этим знаменательным праздником. Между прочим, нашему факультету в этом году оказана великая честь. К нам на праздник пришел сам светлейший Гоэрэдитэс Варионэстээ. Между прочим, это один из старейших вампиров, он лично стоял у истоков создания нашего университета. А вы позволяете себе просто взять и выйти, прервав Великого на полуслове, просто потому, что у вас голова от выпитого накануне побаливает? Можно было бы чуть скромнее праздновать! У вас сейчас не каникулы, а разгар учебного процесса. Сессия, если вы забыли.

— Простите, я правда нехорошо себя чувствую, и праздники тут не причем.

— Вот будьте добры дождаться, когда генеральный куратор выйдет, и извинитесь за свое неподобающее поведение лично.

— Да, светлейшая Ева, — я понуро облокотилась о балюстраду рядом с ней и приготовилась ждать. Двери Зала распахнулись почти сразу, но вышел не куратор. Ну да, ну конечно, ну куда же мы без вас! Профессор Ольховников летел на меня с таким лицом, словно собирался как минимум перекинуть через перила.

— Вы как посмели! Выходить! Во время выступления! Самого генерального куратора!

— Тише, профессор, тише, — неожиданно вступилась за меня Ева, — девушка уже осознала свою вину, и готова извиниться. Вам не было необходимости покидать собрание.

— Возможно, это вам бы стоило хоть раз его не покидать! — взбешенный профессор не раздумывая набросился на мою заступницу. — А эту студентку вы защищаете совершенно напрасно! Я прекрасно ее запомнил. Мне уже приходилось из-за нее краснеть и извиняться перед Великими. И тогда она тоже утверждала, что все осознала! И я даже ей поверил. И что теперь? На глазах всего факультета! Так оскорбить неуважением самого Генерального Куратора! Что он подумает о нашем факультете? Такое падение нравов, такое преступное пренебрежение к Отцам и Покровителям нашим!

— Вы, кажется, посмели сделать мне замечание, профессор? — в холодном голосе декана звучало сейчас такое высокомерие, что даже мне стало не по себе.

Но Ольховников особо не растерялся:

— Я не знаю, какие договоренности у вас со светлейшим Анхенаридитом, но к Генеральному Куратору стоило проявить уважение, и остаться его послушать. Такая честь

нам оказана впервые за столько лет! Но если даже декан не проявляет должного уважения, то что можно требовать от студентов.

— Вы сейчас очень сильно забываетесь, профессор. И действительно, пытаетесь рассуждать о вещах, о которых не имеете ни малейшего представления, — накал страстей был такой, что хотелось тихонько отползти и спрятаться за елкой. Светлейшая Ева была не просто в гневе, она, похоже, взглядом сейчас могла убить. — Но я готова принять во внимание, что повышенный эмоциональный фон этого Зала сыграл с вами злую шутку, и потому завтра с утра жду ваших извинений. Пока — в устной форме. Не задерживаю вас более.

Из Зала донеслись аплодисменты.

— Как председатель Общественного совета я хотел бы поговорить с этой студенткой. Подозреваю — бывшей студенткой, поскольку уже второй раз она проявляет чудовищную непочтительность к нашим Отцам-Основателям. Держать такую студентку на факультете — это несмываемое пятно на нашей репутации, — Ольховников попытался говорить спокойно, но было видно, что дается ему это с трудом.

— Ваше право, — декан сдержанно кивнула и ушла в Зал. Ей навстречу вышли еще несколько человек, все из профессорского состава. И все, разумеется, направились к нам. Ну а дальше — даже и рассказывать не хочется. Пытаясь перещегоолять один другого они обвиняли меня во всех смертных и бессмертных грехах, рассказывали о том, что мое исключение из университета — дело решенное, но если у меня есть хоть капля совести, я должна завтра же сама забрать документы. Мой слабый недоуменный писк «за что?» даже не был услышан.

— Не помешал? — вкрадчивый голос раздался прямо у меня над ухом, и я, вздрогнув, обернулась. Генеральный. Похоже, не одна я не заметила, как он подошел. Ну еще бы, в пылу-то воспитательных работ! Сейчас еще и этот так воспитает, что уже и документы забирать некому будет. Как там вчера один пресыщенный вампир разглагольствовал? «Не то друзьям отдать, не то горло перерезать»? Вот что-то из подобного я, похоже и поймею.

— А скажите, дорогие коллеги, — а голос медовый-медовый, прямо стелется, — кто из вас посмел оскорбить декана?! — а в конце угроза уже неприкрытая, и настолько не по теме дискуссии, что не одна я прибалдела.

— Но, Великий, — робко начал Ольховников, — мы просто...

— Вы что думаете, я эмоции чувствовать не в состоянии? Тем более тех людей, за которых я отвечаю?

— Простите, Великий, я не хотел... — растерянно блеял Ольховников.

— Это вы испортили ей праздник? Сейчас идете в Зал, берете слово, и при всем факультете объявляете, что вели себя, как животное...

— Но, Великий!..

— Я сказал — «животное», — генеральный был явно не в духе. Назвать человека животным — да хуже оскорбления не придумать, а уж тем более из уст вампира. — И просите у светлейшего декана прощения. А затем десять минут упоенно рассказываете всем о том, какой она замечательный декан, и как процветает факультет под ее началом. Выполнять.

Ольховников потерянно ушел. Я пораженно смотрела на вампира. Да что он так взъелся-то из-за Евы? Она, вроде, и сама не девочка, за себя постоять в состоянии.

— Далее, — вот теперь, похоже, и до меня добрались. — Это что здесь за самосуд? Я

буквально самый конец беседы услышал, но кажется, вы сочли, что студентка оскорбила МЕНЯ. Так почему ВЫ взялись решать, что ей за это будет? Вы всерьез считаете, что вампиры настолько беспомощны, что не в состоянии сами решить свои проблемы? Я няньку не заказывал.

— Простите, куратор, — все, как один покаянно поклонились.

— Идите в Зал, праздник еще не закончен. А вы, юная дева, извольте прогуляться немного со мной по этому коридору.

Пошла, не ожидая абсолютно ничего хорошего. Это не Лоурел, этот не посмеется. Этот властвовать привык. Вон как всех построил. И это лишь за то, что под руку попались. Что же светит мне, и подумать страшно.

— Интересное у вас украшение, — проговорил генеральный, отведя меня шагов на десять от толпы моих яростных воспитателей. Спокойно так сказал, задумчиво. Я сбилась с шага, остановилась и удивленно уставилась на него. Я жду, когда мне уже голову отрывать начнут, а он заколки мои разглядывает? Хотя верно, что ему моя голова, рабочий момент, а вот заколочка на ней и впрямь — раритет.

— Заметная вещь, — чуть пожал он плечами, тоже останавливаясь, — дорогая. Старинная видимо?

— Вам виднее. Мне говорили, ей лет двести.

— Да, где-то так, — согласился светлейший ир го тэ Дэриус. — Ну, не смею вас более задерживать. Идите, готовьтесь к экзаменам. Надеюсь, с учебой у вас все же лучше, чем с социальной адаптацией.

— А... разве вы не будете меня... воспитывать? — не поверила я своему счастью. Это что же, все?

— Боюсь, у меня нет на это полномочий. Авенэ просил меня заменить его на празднике, не более. В конце недели он вернется и сам решит с вами все вопросы.

— Кто? — не поняла я.

— Анхенаридит, — чуть вздохнул генеральный. — Куратор ир го тэ Ставэ. Я думал, вы в курсе.

— В курсе чего? — опять не поняла я. — А «авенэ» — это имя или звание?

— Это просто слово, — равнодушно пожал плечами ир го тэ Дэриус. — Которое вы уже забыли, — и коротко взглянул мне прямо в глаза. И этот жесткий взгляд так не вязался с равнодушием голоса, что я поймала это, почувствовала, словно вспышку. Глаза его блеснули — и в тот же миг я словно ощутила удар молоточком в мозг. Молоточек отскочил, а я пораженно уставилась на куратора. Вот так они это и делают? Какую-то мелочь ляпнул, не подумав — хоп, стер память ближнему, все чисто. Ведь даже не задумываясь, на автомате, они кроют нам мозги по сто раз на дню, и при этом соловьями поют о нашей свободе! Воистину славен народ вампиров.

— Какое слово я должна забыть, говорите? — интересуюсь елейненько, — «Авенэ»? Такое важное вампирское слово, что не стыдно средь бела дня глазами сверкать?

А вот нехрен мне в мозг стучаться. Спустил бы на тормозах — так я б и сама забыла. А в ответ на попытку взлома я не обязана быть вежливой!

А он, похоже, опешил. Даже челюсть не сразу подобрал. Но ничего, справился. Выразительно обвел меня глазами, чуть усмехнулся:

— Интересные у авенэ девочки, не скучные. Одна, чуть что не так, себе вены режет, другая вампиру готова горло перегрызть... Забавник он у нас. Коллекционер. Повезло вам.

— Чем же, если не секрет?

— Я б убил, — спокойно сообщил он мне, перестав веселиться, — а Анхенаридита вы, похоже, развлекаете. Палку не перегибайте. Чувство юмора ему порой отказывает.

— Палку перегибаете вы, пытаетесь стереть мне память. И угрожая убить за то, что вам это не удалось. У вас, наверное, в школе тройка была по ментальному воздействию на человеческих особей. И скольких вы готовы убить, чтобы скрыть этот прискорбный факт?

— Да как вы смеете! — его аж захлестнуло от моего наезда, и у меня по мозгам дробно забарабанили его молоточки. Интересно, он меня сейчас просто заткнуть пытается, или уж сразу на колени ставит поклоны ему отбивать?

— Светлейший Анхенаридит, которого вы изволили величать забавником, никогда не боялся говорить со мной на равных, прекрасно зная, что вся его вампирская магия не прокатывает. А вы, очевидно, просто трус! Сдерни с вас вампирскую ауру, и что останется? Молоденькой девочки испугались, убить норовите, и лишь потому, что не смогли мне в памяти лишнее слово стереть?

— Светлейший Анхенаридит уже имел очень серьезные проблемы из-за своей излишней привязанности к отдельным человеческим особям. Не подкидывайте ему новых, коль вы так его уважаете.

Пышущий гневом генеральный куратор резко развернулся и пошел прочь, а я устало облокотилась на ближайший подоконник. Ну вот кто меня за язык тянул? Он же вообще со мной связываться не собирался! Полномочий у него нет. Это что же: у генерального куратора нет полномочий отчитать сопливую первокурсницу? Да у него полномочий хватит весь наш университет закрыть и с землей сравнять без объяснения причин. Чушь какая! Отнять меня у стаи профессорских шакалов у него полномочий хватает, полусловом раком поставить весь совет факультета — это запросто, а сделать то же со мной — лапы коротки? Потому что... что? Авенэ не велел? Который Анхен, и формально ему напрямую подчинен. Но знать слово «авенэ» мне нельзя, вернее он думал, что я его уже знаю, и тогда можно, но раз не знаю, то нельзя... нет, вот бред же полный с этими вампирами! А знаю я, что Анхен авенэ потому, что я «его девочка». А «его девочка» я почему? Потому, что у меня «украшение интересное»? Ну, допустим. Допустим, он узнал заколку и сделал далеко идущие выводы. Но все равно выходит, что формально Анхен подчиняется ему, а реально — он Анхену. И все потому, что Анхен — авенэ. Нет, это точно что-то из их вампирской таблицы о рангах. Которую они людям тщательно не светят, только каким-то совсем уж близким, которые по любому узнают.

И что же я из всего этого имею? Только то, что нажила я себе смертельного врага, от которого меня спасает лишь покровительство Анхена. Или видимость этого покровительства в виде новогоднего подарка. Потому как «девочкой куратора» я едва ли являюсь, да он мне, собственно, и не предлагал. А вот что скажет Анхен на мое сегодняшнее «некорректное поведение» одному Светочу известно. Тем более, что он еще и по поводу вчерашнего не высказывался. А ну как приедет авенэ не в духе, и откажет ему «чувство юмора»? Тут уже не просто вылетом из универа пахнет, тут смертоубийство нарисовывается. И едва ли через слияние.

Ладно. Как сказал ир го тэ Дэриус, Анхен вернется через неделю. Глядишь, за это время страсти поутихнут.

Домой пришла как-то очень тихо, едва ли не бочком протиснувшись в комнату. Было тоскливо. И откровенно страшно. Эйфория ушла, мои «подвиги» уже не казались мне самой

такими уж достойными. Вот что я наделала? Меньше, чем за сутки успела восстановить против себя двух самых главных вампиров в моей сегодняшней жизни: куратора моего факультета и куратора всего универа. И это при том, что Ольховников всенепременно вынесет мое дело на Общественный совет, и я схлопочу второе замечание в личное дело. А исключают, как он мне тогда сказал, после третьего. Но любому из двух оскорбленных мной вампиров достаточно только намекнуть, и третьего ждать никто не станет. Они и так уже не особо собирались...

И главное, чего я на них так взъелась? Анхен... а впрочем, уже, наверно, светлейший Анхенаридит, всегда относился ко мне хорошо, пытался как-то помогать, поддерживать. Правда, в своей вампирской манере, и его поддержка всегда приносила мне еще и боль, но он же вампир, он не может измениться, он не в состоянии думать, как человек, действовать, как человек, что он никогда и не скрывал. Напротив, еще пытался быть со мной искренним. А я... еще и радовалась ходила целый день, что сумела причинить ему боль. Ну вампир он, ну не может он не убивать, не жаждать, а когда живешь среди постоянных смертей тех, с кем еще вчера беседовал о поэзии или квантовой физике, наверно, и мир видится несколько иным.

Да вот, собственно, тот же Тема, или дружки его как спросят что-нибудь из серии «а вы трупы резали?», так я смотрю на них с легким недоумением и брезгливостью, дескать, ну что за придурки, а они на меня примерно с теми же эмоциями. Нет, говорю, пока перебираем то, что другие для нас нарезали. «Как перебираете, вот прям руками?» Нет, блин, пинцетом. Хотя если очень спешишь, то можно и руками. И снова я смотрю на них, как на идиотов, а они на меня, как на извращенку.

Вот, наверно, и вампиры на людей смотрят так же. Да, трупы, да, делаем. Жить без этого не можем. Кого можем — спасаем, кого не удастся — убиваем с глаз долой. Вы вон, своих животных тоже на убой выращиваете. Да и, собственно, заповедники у вас тоже есть. И больных и безумных вы там тоже, того...

Вырвавшись из мира грез, обнаружила себя свернувшийся в клубочек на кровати и сжимающей в руках его заколку. И когда я ее снять-то успела? Вот если бы вновь оказаться там, на заснеженной крыше. В тот миг, когда он мне ее дарил. И промолчать. Вот просто промолчать на все то, что мне так в нем не нравится. Да бездна с ней, с Аллой, с убийствами, с б...равыми его подвигами на околюблюбовном фронте. Просто промолчать. И посидеть с ним еще чуть-чуть. И, может быть, он бы даже снова меня поцеловал. Вот теми самыми губами, которыми он кого только, и в какие только места не... Да в бездну! В конце концов, он вампир, ему восемьсот с лишним лет, и если переживать из-за всех, кого он за всю свою жизнь приласкать успел... И какая, собственно, разница, умерли они уже давно, или живут совсем рядом, или вовсе еще не родились. В конце концов, на крыше он сидел именно со мной. И заколку свою, дорогую и некогда очень значимую, он подарил тоже именно мне. Что-то я для него да значу все-таки. Или значила. А если не простит? Что тогда? Нет, что из университета вылечу, это понятно. Но вот как я буду дальше жить? Если совсем без него?

Пройдет? Я каждый раз уговариваю себя, что пройдет. Да вот только поверить в это каждый раз все труднее...

Так, надо все же взять себя в руки, и хоть атлас полистать. Всеж-таки экзамен послезавтра. Это только у школьников в Новый Год каникулы. У нас каникулы будут позже.

Экзамен я сдала на пять. Вот ту самую страшную анатомию, которой нас пугали до

заикания весь семестр. Да можно ее выучить. Если, действительно, все четыре месяца учить, а не на рояле музицировать. Сдавала одной из первых, и потому на выходе была просто атакована толпой взволнованных одногруппников:

— Ну как, что?

— Пять, — слегка пожала я плечами, словно удивляясь, а что еще-то могло быть? Хотя, конечно, красовалась. На самом деле рада была невероятно: все же первый экзамен, первая пятерка. Да еще добрые люди со старших курсов уже нашептали, что на экзамене по гистологии, что начнется у нас со второго семестра, оценку никогда не ставят выше, чем за анатомию. Вот стоит у тебя по анатомии четыре, и хоть ты как отвечай, а выше четверки не светит. А вот если пять стоит, то даже если слегка облажался, все равно пять выведут. Логика, конечно, была. Что толку изучать ткани, если не знаешь, где их, собственно, искать. Но и обидного было не меньше: вот попадется тебе единственный билет, который ты знаешь не особо, и вовек уже не отмыться, что ты не верблюд.

Мне вот, собственно, еще по биологии от троек коллоквиумных отмываться. Да в бездну! Я ее на пять знаю? Знаю. А уж что она там себе о моих знаниях возомнила — это ее необъективность, не более. Прав был Анхен... Анхен, Анхен, Анхен... Я вот еще могу думать хоть о чем-то, что бы не о нем?

Вечером собралась с духом и позвонила, наконец, Петьке. Надо ж поблагодарить, что перед матерью выгородил.

— Ну спасибо, что хоть телефон вспомнила, — усмехнулся в трубку Петерс, — а то вру я твоей маменьке, а сам не знаю, может, твой бездыханный труп уже где-то в переулке остывает.

— Не, Петька, мой бездыханный труп еще побродит тут меж вами до конца недели, а там может и впрямь куда остывать положат.

— Это ж откуда столько оптимизма? Ты что, из-за экзаменов так психуешь? Плюнь, они того не стоят. Все сдавали, и мы сдадим! Прорвемся, мать, не дрейфь!

— Петька, а позови меня в гости, — неожиданно для себя самой попросила я. — Вот прям сейчас, можно?

— С Артемом? — сладко поинтересовался закадычный друг моего детства.

— Без Артема. Поругались мы. Можешь радоваться.

— Да я, в общем-то, в курсе. Только вот что-то уже не радуюсь. Может я себе уже другую нашел, как думаешь? Вот когда ты нас в Новогоднюю ночь так прокинула.

— Петерс, я же уже извинилась за ту ночь. Ну не вышло. Меня обещали подвезти, а потом мне пришлось пешком идти, и я... заблудилась сильно.

— Может, заблудила? — нехорошо так усмехнулся голос в телефоне. — Мне ж Темик рассказывал, какая ты вернулась: пьяная и вся помада по губам размазана.

— А ты мне не муж и не отец, чтоб меня отчитывать! — взъярилась я. Какая там, к Дракосу, помада. Она за ночь явно вся стерлась да съелась. Я ж губы последний раз не помню, когда и подкрашивала. Небось, перед тем, как к Анхену потащиться, вот дернула ж нелегкая. А после, вроде, и не до того было. Бездна, ну почему опять Анхен?! Да что ж мне сделать, чтоб не вспоминать ежеминутно это имя? — Ладно, Петька, я мириться хотела. Ну а нет — так нет, удачно тебе сдать экзамены.

В сердцах швырнула трубку, и потащилась биологию перечитывать. Понятно, что не поможет, так хоть совесть будет чиста.

Не знаю, что мне, в итоге, помогло. То ли пятерка за анатомию, то ли и впрямь —

хорошее знание предмета, не подкопаешься. То ли подкапываться ей в тот день лениво было. Но четыре она мне, хоть и морщилась, но поставила.

Для меня это было — здорово. Ну прямо-таки очень здорово! Мир вновь наполнялся звуками и красками. Если уж я с биологией сумела из своих троек вывернуться, так может, и впрямь, прорвемся?

* * *

Не прорвались...

Дверь мне открыла мама. И лицо ее было не просто белым, а прямо-таки опрокинутым. Словно она уже умерла какой-то невысказанно страшной смертью, но все еще ходит, открывает мне дверь.

— А мы тебя... ждем, — деревянным голосом произнесла она и махнула рукой в сторону гостиной. Вопросы о том, кто именно может меня там ждать, почему-то не возникло.

Сняла пальто и, только вешая его на крючок, заметила, что у меня дрожат руки. Молнию на сапогах расстегнула тоже не с первой попытки. Бездна, надо собраться! Надо хотя-бы войти постараться гордо.

Вздохнула. Выпрямилась. И вошла.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

Он сидел в кресле, очень прямо и очень спокойно. Так, как он это умел: никого не торопя и никуда не торопясь. И первое, что мне бросилось в глаза — сапоги. Высокие, чуть выше колен, сапоги, которые он даже не потрудился снять. Ну да, вампиры на тапочки не размениваются. Черные высокие сапоги. Черные, заправленные в них, штаны. Черная рубашка, вроде даже классического покроя, под костюм. Но ничего человеческого и классического сейчас в этой фигуре не было. Ни в холодном, отрешенном лице, окруженном свободно спадающими черными волосами. Ни в провалах темных, почти черных глаз, где абсолютно ничего сейчас не сверкало и не переливалось. Тьма глядела на меня из этих глаз, и это было настолько страшно, что на мгновение мне показалось, что я забыла, как дышать. Не Анхен. Даже не куратор. Анхенаридит Кортоэзиасэри, ни больше, ни меньше. Даже имя его второе с перепугу вспомнила.

Отец сидел, сжавшись, в самом уголке собственного дивана, обморочно бледный и подавленный. Мать, сквознув бесплотной тенью через гостиную, присела рядом с ним. И их жуткий, жалкий вид заставил меня забыть свой страх и разозлиться.

— Авэнэ изволил вернуться, — произнесла я самым ядовитым тоном, на который только была способна.

— Человек, которому выпадает несравнимая честь обратиться ко мне «авэнэ», — произнес он голосом настолько холодным, что казалось сам воздух превращается в лед при его звуках, — может сделать это только стоя на коленях, и уперев лоб в землю.

— Поклоны вампирам отменили сто лет тому назад, — вернула ему его же слова.

— Для людей, — все так же холодно ответил вампир. — Не для рабов.

— А я — тебе — не раб, — старательно выговорила каждое слово. Как и страдал генеральный, «чувство юмора» Великому отказало. Что ж. Будем помирать с музыкой. Уже не страшно. Когда я смотрю на него и ненавижу — уже не страшно.

— Думаешь? — в застывшем посмертной маской лице не дрогнуло ничего. — Я был глубоко не прав, когда позволил тебе это возомнить. Если ты, с твоей испорченной кровью, еще живешь в нашей стране, то только лишь потому, что я имел глупость тебе это позволить.

— Это не ваша страна!

— Наша. — все то же холодное спокойствие. — Она создана нами, для наших целей, и живут тут те, кто угоден лично нам. И так, как угодно лично нам. Ты же мою благосклонность расценила как вседозволенность. А твои родители за восемнадцать лет не нашли времени, чтобы объяснить тебе основные правила поведения, принятые в человеческом обществе. За что и были наказаны.

— Что? — я аж захлебнулась от ужаса. — Что ты с ними сделал, вампир, возомнивший себя богом?

— Я просто вампир. И я требую уважения. К себе и любому другому вампиру, который попадется на твоём пути. Как твой Создатель. Как твой Учитель. Как твой Повелитель, в конце концов. Потому, что у тебя нет шансов мне не повиноваться!

— Да? И что ты сделаешь? Поставишь на колени и снесешь мне мозг? Или просто убьешь, как советовал твой генеральный приятель? Вы же только на это и способны! У вас же руки опускаются, когда человек действительно свободен, и вы не в состоянии на него давить! Вы не знаете, что вам делать, когда понимаете, что не можете раздавить и унижить взглядом! Что, мучить моих беспомощных родителей, не способных выдержать твой взгляд, было приятно? Ощущал себя богом? Светозарным, несомненно, богом. Самим Светочем, не меньше, верно? А меня тебе остается только убить! Как трусливому мальчишке, который боится, что мама узнает, что он не справился, и напустил в штаны!

— Ну что ты, девочка, — а он по-прежнему абсолютно спокоен, и все мои крики для него — комариный писк, — способы есть всегда. Мы бы просто не выжили, если бы у нас опускались руки из-за любой сиюминутной мелочи. Тебе вскружило голову, что в праздник я дал тебе возможность одуматься, а Гоэрэдитэс не ответил тебе ни слова на твои оскорбления? Открою тебе секрет: он не имел права наказывать тебя. Ты — моя рабыня. И карать, и миловать буду я. Вот только миловать тебя не за что.

— Я тебе не рабыня. Никогда не была и не буду!

— Тот, кто не в состоянии вести себя, как надлежит достойному человеку, переходит в категорию рабов. Довольно! — он встал.

И словно воздух в комнате сгустился, и свет начал меркнуть. Я вновь почувствовала, что мне стало трудно дышать. Взглянула на родителей — их обоих колотило крупной дрожью. Хотела крикнуть ему, чтоб прекратил, но не смогла, настолько подавляюще страшен он был сейчас. Почувствовала, как сами подгибаются ноги. Напряглась из последних сил и устояла. Я человек. И эта моя страна. Не его. Даже если он возомнил себя ее хозяином. Я упрямо смотрела ему прямо в глаза, и во взгляде моем была сейчас только ненависть.

И тогда он заговорил:

— Именем Пресветлого Бога я поклялся защищать тебя. Моя клятва упала на Перекрестье миров, и Незакатное Солнце и Безликая Бездна были мне свидетели. Такую клятву я нарушить не вправе, даже если давал ее не в серьез, примеряя на себя, шутки ради, чужую личину. И потому я не могу осудить тебя на смерть, как требует того Гоэрэдитэс Варионэстэзэ ир го тэ Дэриус, за оскорбления, нанесенные ему лично и, в его лице, всем Создателям рода человеческого. Хотя и признаю правомочность подобного требования.

Взгляд вампира был тяжел и черен, будто сама Бездна плескалась в нем. Он не отдавал

ментальных приказов. Он просто смотрел — и выносил приговор. И во взгляде его была смерть — как и в голосе. Да, он сказал, что не убьет. И признал, что я не вправе жить. Все, чего между нами никогда не было, умирало в этом взгляде вместе с тем, чего не будет уже никогда. Он пришел в мой дом не как знакомый, доктор или куратор. Он избрал себе роль Высшего Судии, он пришел карать за непокорность и инакомыслие. Игры кончились, диссертации обо мне он уже не напишет.

А мне, после сегодняшнего спектакля, вряд ли еще приснятся его поцелуи.

— Но, поклявшись тебя защищать, я обязан защищать тебя даже от тебя самой, — продолжал между тем Великий, и ничто в лице его не дрогнуло и в голосе не изменилось. — Ибо поведение твое порочно и ведет тебя к гибели.

И тут морок схлынул. В мгновение ока исчезли тяжесть и тьма, витавшие в воздухе. Вновь стало возможно нормально дышать. И стоял сейчас передо мной не Высший Судия, не принц Дракос, вылезший из Бездны. Но светлейший Анхенаридит ир го тэ Ставэ. Хоть и в самой темной, из виденных мной, одежде. И в самом мрачном, из тех, что я могу себе представить, настроении.

А он продолжил голосом настолько обычным, настолько уже родным, что я расслабилась и не сразу уловила суть:

— А посему мне придется заняться тем, чем поленились, и совершенно напрасно, заниматься твои родители. Твоим непосредственным воспитанием. Слова до тебя не доходят. Ни в какой форме. Придется объяснять действиями.

Он подошел к отцу, и тот вздрогнул при его приближении. Да что ж он делал тут с ними, светоч всемогущий?

— Дайте мне свой ремень, Сергей. Моя сегодняшняя одежда такого аксессуара не предусматривает.

Отец безропотно расстегнул ремень, выдернул его из пояса брюк и протянул вампиру. Тот взял, спокойно сложил его вдвое, и повернулся ко мне.

— А вот теперь ты побледнела, верно? — проницательно заметил Великий. — Пойдем, покажешь мне, где твоя комната.

— Нет! — я отступила на шаг, с ужасом глядя на отцовский ремень в руках вампира. Он же это не в серьез. Просто напугать, верно? Людей бить нельзя, это противозаконно, это негуманно...

Но уже в следующий миг его рука схватила меня за предплечье.

— Пойдем, Лариса. Время отвечать за свои поступки. Не мешайте нам, — обернулся он к моим родителям. Судя по их лицам, они и не собирались.

Меж тем вампир буквально втолкнул меня в мою комнату и плотно прикрыл за нами дверь. Отпущенная им, я отлетела на пару шагов, с трудом восстановила равновесие, и стала пятиться дальше, пока не уселась на кровать.

— Нет, Анхен, пожалуйста, не надо, Анхен! — в ужасе бормотала я, глядя как он решительно приближается. Не может быть. Он просто пугает. Не может быть. Даже странно, вот только что он пугал меня своей вампирской властью, и мне было не страшно. Ну, почти не страшно. Хоть гордость сохранила. Но вид этого приближающегося ремня из не самого лучшего кожзаменителя вызвал во мне настоящую панику. Нет, он пугает. Сейчас попугает, и уйдет. Так не бывает! Не может такого быть!

Тем временем вампир уверенно подошел к окну и развязал толстый витой шнур, которым была подвязана штора.

«Он что, шторы хочет закрыть? Зачем?» — не сразу поняла я, что он задумал. Но шторы Анхен не тронул. Он выдернул из петли шнур и решительно обернулся ко мне.

— Нет! — слабо пискнула я, пытаюсь отползти, избежать, скрыться. Но тягаться с вампиром в быстроте реакции... И вот я уже придавлена к кровати, а он стягивает мне шнуром сведенные вместе запястья.

— Нет, пожалуйста, нет, мне больно, так больно, Анхен! — я в ужасе вою, давясь слезами, а он, стянув мне запястья столь сильно, что шнур просто впился в кожу, за концы этого шнура привязал меня к дальней боковине кровати. А затем очень резко дернул, распластывая поперек кровати, так, что колени мои со стуком грохнулись на пол. Нет, это не со мной, этого не может произойти со мной!

— Анхен! Анхен, пожалуйста! Я прошу тебя! Я умоляю! Я прошу прощения! Я не буду Я никогда больше не буду! Отпусти меня! Не надо, Анхен!

— Ну видишь, какой действенный способ, — проговорил он, усмехаясь и глядя на меня сверху вниз. А я стою перед ним, униженная, на коленях, привязанная вниз лицом к собственной кровати. И на какой-то миг верю, что его это удовлетворит. Он растоптал меня, унизил, заставил умолять, давясь ужасом и слезами. Слава вампирам! Вечная слава вампирам! Ему же этого хватит, ведь правда же? Ведь хватит? Ведь не совсем же он законченный гад!

Но он продолжает, и мои робкие надежды разбиваются вдребезги:

— А говорила, руки у меня опускаются. Так вот, опускаются они у меня, Лариса, очень тяжело, особенно если держат плеть. Или ремень, что тоже подойдет. И ты это сейчас узнаешь.

И руки его действительно опускаются. Но не с ремнем, а к застежке моей юбки. И, под мой очередной вопль ужаса, нещадно сдергивают с меня и юбку, и все, что было под юбкой. И вот он уже стоит надо мной, рассматривая мои обнаженные ягодицы, а я только рыдаю сдавленно: «пожалуйста, пожалуйста», уже не веря, что он остановится. Вот что сейчас? Изобьет? Или вообще изнасилует? Или и то, и другое оптом? Он же вообще не человек может, забавы у них такие? Что я знаю-то о вампирах, кроме того, что они позволяют о себе узнать? Пожалуйста, ну пожалуйста, пусть все это окажется сном! Ну пожа...

Ягодицы обжигает болью столь резкой и сильной, что способность мыслить я теряю полностью и мгновенно.

— Никогда не смей оскорблять вампиров! — голос холоден и тверд. Ни страсти, ни жалости. Только холод слов и жгущая боль удара. — Никогда! — удар. — Не смей! — удар. — Противоречить! — удар. — Не смей! — удар. — Не подчиняться! — удар.

Кричу. Безумно, безостановочно кричу, уже не помня, кто я, где я, что со мной. Только боль. Она льется на меня обжигающими волнами, одна, другая, третья. И нет больше ничего: ни ночи, ни дня, ни верха, ни низа, ни людей, ни вампиров, только боль, боль, боль. И крик, безумный, безнадежный, захлебывающийся, срывающийся на визг, на хрип...

И уже на пороге полной тьмы вдруг все прекращается. Какое-то время дрожу всем телом, не в силах понять, почему так тихо. Боль не ушла, осталась ноющей, саднящей, но по сравнению с тем, что было, это ничто, это блаженство. Ни ослепляющих вспышек боли, ни оглушающих криков боли... Разве возможен мир, где нет этой раздирающей до костей адской боли?

— Теперь, я надеюсь, мне не будет стыдно за твое поведение? — этот голос вызывает слишком жгучую ненависть. Настолько жгучую, что я вспоминаю: кто я, кто он, где мы. Что

он сделал со мной.

— Теперь мне будет стыдно за твое! — из последних сил шепчу в его сторону, повернув голову набок, так, что даже стало чуть видно его зловещую черную фигуру, стоящую за моей спиной.

— Значит, не доходит даже так? Что ж, твой выбор.

Его рука опускается мне на ягодицы. Скользит, размазывая по мне какую-то жидкость. Кровь, вдруг понимаю я. Он избил меня в кровь!

— Что, — шепчу ему, задыхаясь от пережитого ужаса, — возбуждают только сломленные и избитые?

— Ты же видишь, не возбуждают, — с легким презрением отвечает он мне и вытирает руку о покрывающую мою спину блузку. Потом берется двумя руками за подол — и разрывает ее на моей спине снизу и до воротника. Отбрасывает половинки в стороны. Неторопливо расстегивает крючки лифчика — и столь же небрежным жестом убирает с моей спины все его ляжки.

— Что ж, — заявляет он затем с холодным равнодушием. — Значит буду повторять, пока не запомнишь, — и ремень с глухим свистом опускается на мою спину, — ты будешь меня слушаться!

— Нет! — вновь кричу я, в ответ на его удары. — Нет! Не буду! Никогда! Нет! Нет!

Боль опять обжигает и сводит с ума, стремясь вновь превратить меня в безумную загнанную зверушку. Сознание снова стремиться погаснуть. Не страшно. Уже не страшно. Пусть боль. Боль, боль, боль, я умру в этой боли! Но никогда! Никогда! Нет! Нет! Нет! И вновь срываюсь в дикий безумный крик, и, проваливаясь в абсолютную, непроглядную тьму, уже не помню, ни кто я, ни о чем кричу.

* * *

Они отвязали меня утром. Только утром. Он бросил меня там — истерзанную в кровь, потерявшую сознание, на коленях перед собственной постелью — и ушел, запретив родителям даже заглядывать ко мне до утра. И они не заглядывали.

Лишь утром они осмелились зайти в мою комнату. И, найдя меня, — в полубреду в полузабытьи — отвязав, положили на кровать. Избавили от остатков одежды, попытались стереть запекшуюся кровь. Но спина, как и ягодицы, была одна сплошная рана, и любое прикосновение вызывало жгучую боль, и я вновь начинала кричать, так и не приходя в сознание, и они отступали.

Дальше помню урывками. Помню, плакала мама. Что-то пыталась мне говорить, но слова пролетали мимо серыми безголосыми птицами. Помню отца — безмолвной тенью, где-то на краю света и мрака. Помню манящую тьму, в которую я все погружаюсь, а мне не дают, вновь зачем-то касаясь моей спины, ее дергает и жжет, и я снова кричу (или шепчу): нет, нет! Ласковую прохладу (наверно, это положили лекарство), от которой боль отступает, а приходит спокойный сон.

В себя я пришла не скоро. Когда-то потом. За окном светило солнышко, на спине лежало что-то влажное и прохладное, видимо, мама сделала компресс, и потому боли я почти не ощущала. Вот только очень хотелось пить.

В ответ на мое невнятное бормотание на эту тему, в поле моего зрения появилась рука.

Со стаканом чистой воды. Не мамина, отметила я, но стакан взяла. Меня обхватили за плечи и помогли приподняться. Я сделала несколько глотков, и в голове прояснилось. И я почувствовала, кто держит меня за плечи. Пальцы мгновенно заледенели, и стакан выпал, расплескав недопитую воду частично на кровать, частично на пол.

Он спокойно опустил меня обратно на подушку, затем так же спокойно наклонился за стаканом. Рукава светлой рубахи закатаны по локти, пара верхних пуговиц расстегнута. Серые костюмные брюки, вон и пиджак от них висит аккуратненько на спинке моего стула. И галстук сверху брошен. Волосы, свободно метавшиеся вокруг перекошенного злобой лица, теперь собраны за спиной в строгий вампирский хвост. И лицо такое. Благостное. Доктор у постели больного, не иначе.

— Что, получаешь удовольствие, любуясь содеянным? — горько прошептала я, глотая подступившие к горлу слезы. — Ты просто садист, я всегда это знала. Причиняешь боль и наслаждаешься результатом! Что, теперь на жалость пробило? Какая трогательная забота. — Истерику заканчивай, бедная овечка, — голос вампира был спокоен, даже чуть насмешлив. — И не льсти себе. Мне тебя не жаль. Ты получила ровно то, что заслуживала.

— Что же ты тогда здесь делаешь? И где мама? Мне что, без тебя стакан воды подать некому?

— Мама на работе. Как и папа. Стакан воды ты могла бы взять и сама, не настолько уж ты умираешь. А я — так, просто мимо проходил.

— Мимо — это по улице!

— Мимо — это там, где мне показалось удобнее. Спину твою лечу, чтоб хоть на следующий экзамен встать смогла.

— Как на следующий, а... какой сегодня день?

— Вторник.

— Но в понедельник же... химия, а я...

— А ты ее сдала.

— Как сдала? — растерялась я. — Не помню.

— Главное, что они помнят.

— Ты что же, — ужаснулась я, — вот ради того только... лезешь им в мозг, перекраиваешь воспоминания...

— Как все сложно в твоём воспалённом воображении! — откровенно ухмыльнулся вампир. — Я, Лариса, обычно прошу. Спокойно и вежливо. При общении с нормальными людьми этого хватает. Тебе поставили отлично автоматом за хорошую работу в течение семестра. С зачеткой сама потом подойдешь, тебе проставят. А в ведомости стоит.

— Ты ждешь, что я скажу тебе спасибо?

— Ты? Я не настолько наивен. Но вот извинения твои все еще готов принять.

— Ты?! — я аж задохнулась от возмущения, приподнимаясь, чтобы взглянуть в его лицо. — Готов принять?! Мои извинения?! После того, что ты со мной сделал?! Да ты думаешь, что своими жалкими подачками?! Что я смогу забыть?! Хоть когда-нибудь?! Ты чудовище! Урод! Садист! Извращенец!

— Красивая грудь, — спокойно так прокомментировал он мою попытку встать на постели. Только тут сообразив, что я абсолютно голая, с горящими щеками повалилась обратно в подушки, подавившись всеми не высказанными еще ругательствами.

— Мерзавец, — выдавила в подушку, — мог бы прикрыть. Сидит тут, наслаждение получает.

— Прикрою, — спокойно пообещал вампир. — Минут через десять. Пока лекарство впитывается, нужно потерпеть.

— А не пошел бы ты... со своим лекарством! Я врача не заказывала. Так и скажи, что ты сволочь, и тебе стыдно за то, что ты со мной сделал. А не пытайся тут... доброго доктора разыгрывать.

— Видишь ли, Лариса, — он удобно откинулся в кресле и даже ногу на ногу закинул. Что, и кресло сюда из гостиной приволок? Давно сидит? Или это еще родители поставили, для себя? — Я не считаю себя сволочью, и мне совершенно не стыдно. Более того, я считаю, что был абсолютно прав, и ты получила ровно то, что заслуживала.

— Да?! И чем же я это, по-твоему, заслужила?! Да чем вообще такое можно заслужить?! Бить, избивать беспомощную, связанную тобой девушку, самозабвенно, едва не до смерти! Это где ж ты такое справедливое наказание нашел, радетель Абсолютной Правды?! Что я такого сказала этому напыщенному придурку, что ты явился меня убивать, уничтожая все на своем пути?! Разрядился, как Дракос из преисподней, устроил тут спектакль вампирского могущества, родителей едва до инфаркта не довел, а может и довел, откуда мне знать! А наутро что у нас? Добрый-добрый доктор Анхен мне спинку кремом смазывает? Раздвоением личности не страдаешь? А то, может, тебе самому до доктора пора?!

— Ну во-первых, избитая до смерти девушка, не надо рассказывать вампиру, где смерть, а где ее и рядом не стояло. Вон какие яростные монологи произносишь! Умиряющие, они молчат все больше. А тебе явно лучше с каждой минутой. Живительная сила ненависти, не иначе, — он усмехнулся, но вклиниться мне не дал, — Я продолжу. Я тебя наказал, и на мой взгляд — наказал справедливо. Ненависти я к тебе при этом не испытываю. Что бы ты долго болела и мучилась от бесконечных воспалений — не хочу. Более того, вовсе не жажду, чтоб ты подхватила какую-нибудь инфекцию, сейчас это даже не очень просто — а элементарно. Поэтому — да, вот уже четвертый день я «играю в доктора», потому как мои лекарства лучше, а в местных аптеках их не продают. И, кстати, шрамы у тебя все равно останутся на всю жизнь, чем я очень и очень доволен. Потому что теперь каждый раз, раздеваясь перед мальчиком, ты будешь вспоминать... Отправляясь летом на пляж, ты будешь вспоминать... Даже детям своим, впоследствии, тебе придется объяснять, что это и откуда.

— Я буду вспоминать, что тебя ненавижу, и объяснять наглядно, что все вампиры — сволочи.

— Меня ты и так не особо любила. Мне что нелюбовь твоя, что ненависть. На здоровье. А вот объяснение тебе придется выдумать другое, потому как этому — никто не поверит. Все будут смотреть на тебя с ужасом, и гадать: что ж ты такого могла сделать, что кто-то из вампиров так тебя наказал? Как на преступницу, посмевающую надругаться над их кумирами!

Слезы текли у меня из глаз, и я не пыталась их сдерживать. Мне было холодно, больно, горько. Даже жить дальше уже особо и не хотелось.

— А ты не думаешь, что вчера... или когда там оно было... ты надругался над МОИМИ кумирами? Да, я не в восторге, от того, что вы нас едите, но это самой природой заложено, с этим что ж... Но ваше общество... с его многотысячелетней историей, мудростью, знаниями, с вашим желанием вести по этому пути нас... хоть и подъедая по краям... но если оно все состоит из таких, как ты, чудовищ... Значит, нет его, значит все ложь... совсем все...

Он молчал. Не оправдывался, не опровергал, не смеялся. Но и не утешал. Просто молчал. А я плакала. Тихо и безнадежно. Совсем ничего не осталось. Я не стала ему говорить, что и он тоже был моим кумиром. Да, я плакала из-за него, боялась, ругалась, не

могла понять и принять, но все же он был моим кумиром, моей потаенной, спрятанной от себя самой мечтой. Анхен, Анхен... а теперь... Я по имени-то его больше не могла назвать, даже мысленно. Тот, что сидел сейчас в моей комнате, тот, что сделал это со мной, что смог со мной такое сделать... Это не Анхен. Это какой-то безымянный, неизвестный мне вампир. Ненужный мне вампир. Куда ушел Анхен? Почему его больше нет?..

— А хочешь, я расскажу, как оно видится с моей стороны? — наконец подал он голос.

— Нет.

— Не удивлен. Ты всегда была страшной эгоисткой. Никогда не думала, чем твои поступки могут обернуться для окружающих. Но ты все же послушай. Может, хоть раз в жизни получится подумать головой.

— Я всегда думаю!..

— Только о себе, и даже себя тебе не жаль. Но ты же врач. В будущем. Значит, должна уметь думать о других. Вот и послушай. О других. Хватит уже лелеять свои душевные раны. Не так уж они страшны, как ты хочешь себя убедить.

— Не...

— Помолчи! На той неделе состоялся Совет Вампиров. По вопросам кризиса, который дарит нам нынче Бездна. Уровень растет. Я лично туда спускался за этот месяц неоднократно. Уровень растет, и все наши попытки остановить этот рост пока его только замедлили. В ближайшие недели наши инженеры будут ставить еще одну блокировку, из новейших разработок, есть некоторая надежда, что сработает, но пока они не готовы. В окраинных городах начались заболевания антэррой. Еще не эпидемия, но потихоньку к тому идет.

— Чем?

— Это одна из болезней Бездны, поражает внутренние органы. Любые. Превращает их клетки в собственную противоположность буквально за месяц. Дальше смерть. Специальных лекарств у вас нет, только симптоматические. Снять боль и надеяться на чудо. Чудеса случаются. Один из восьми заболевших — выживает. По самым оптимистичным прогнозам, эпидемия захватит все населенные пункты в районе 50 километров от Бездны. По самым пессимистичным — в районе ста. Светлогорск в эту зону, как ты понимаешь, не входит и близко, но болезнь докатится и сюда. Во сколько раз уменьшится численность населения вашей страны в результате — я даже не хочу озвучивать, хотя и такие подсчеты сделаны.

Я смотрела на него распахнутыми от ужаса глазами, забыв о собственных бедах, как он, видно, того и хотел. Сочиняет? Едва ли. Все, что он говорил о Бездне в прошлый раз, мы уже наблюдаем. Тем более, они же и сами...

— Анхен, погоди, но ваш Город... забыла название... Он же на самом краю. И ваши животные. Если они биологически, как люди... значит, они вымрут практически все, и у вас начнется голод. И вы придете к нам. Вы и прежде-то просто ввалили нам про нашу свободу, а теперь даже иллюзии не оставите. Просто превратите нас... обратно в свой скот, в кормовых животных... Ты хочешь сказать, что это все, конец? Нашей страны больше не будет?.. Нас всех?.. — холодный ужас разливался по телу от озвученной самой же перспективы. Не останется ничего? Совсем ничего? И, вспоминая о нашей стране лет через сто, они скажут равнодушно: «неудачный эксперимент»?

— Не разводи панику. Все плохо, но не настолько. Голода не будет. Элианэсэ хорошо экранирован от Бездны, к тому же большая часть наших животных не там, а дальше вглубь страны. И, самое главное: у нас есть лекарство. Вампиры антэрру лечат. Для наших

животных эта болезнь не смертельная. Тяжелая. Но не смертельная.

— То есть вы... — ушам своим не поверила. — Но как же... Вы просто будете смотреть, как мы будем умирать?..

— Вот из-за этого драка и идет, — кивнул Анхен. — Совет Вампиров рассматривал целесообразность отказа от нашей политики закрытых технологий, согласно которой люди пользуются только тем, что создали сами. Поскольку речь вот-вот пойдет о выживании государства, поднимался вопрос о предоставлении вам наших лекарств в необходимых количествах. Не единогласно, в ходе долгих боев, но все же большинством голосов Совет принял положительное решение.

— Правда? — мне даже тепло в этот миг стало. Так чего ж он меня тут пугает? Значимость вампиров для людей в моих глазах поднять хочет?

— Правда, — подтвердил он мрачно. — Вот только Владыка наложил вето на решение Совета. Имеет полное право. Так что будете помирать. А мы — будем смотреть.

— Но как же? Но как? Но почему?

— А вот по тому по самому. Он Владыка, и своих решений объяснять не должен. Ну а если по сути, почему, собственно и в Совете не все «за». Как и большинство наших лекарств, оно создано на основе крови. Нашей крови. И давать свою кровь людям мы отнюдь не жаждем. Чревато.

— Чем?

— Да девочки потом появляются. Вот вроде тебя. Из которых ничего путного уже не выходит, как не бейся.

— Анхен, ну пожалуйста! Если уж начал объяснять, так объясняй, не издевайся.

— Да не издеваюсь я, Ларка, не издеваюсь. Объясняю. Некогда одна вампирская дева щедро поила твоего отца своей кровью. Уж не знаю, в какие игры они там играли, может, лечила она его, ну а может, просто в порыве страсти баловались. Но влила она в него много. На нем это почти не отразилось. Есть кое-что, но несущественно. А вот во втором поколении, то есть у тебя, мы имеем уникальный результат. Полностью отсутствует голос крови. Более того, на любые попытки внешнего влияния у тебя срабатывает защита и идет неосознанная агрессия. В плане физического здоровья ты получила не много, достаточно высокий иммунитет, не более. По верхней границе человеческой нормы, но все же в пределах нормы. Повышенной регенерации у тебя тоже нет.

Он кивнул на мою спину, и я снова взъярилась:

— Так ты мне спину рассек, чтобы регенерацию посмотреть?!

— За что я рассек тебе спину, я уже раз пять объяснил тебе сегодня, и раза три накануне, — мой вопль оставил его совершенно равнодушным. — А регенерацию твою я давно по медкарте посмотрел. Там по поводу перелома в шестилетнем возрасте довольно подробно все описано. А мораль всей этой басни такова, что вампиры, как ты уже и сама догадываешься, вовсе не бескорыстны по отношению к свободным людям. И крайне заинтересованы в том, чтобы люди продолжали внимать каждому нашему слову с обожанием и верой. Потому как в отношениях с людьми у нас ровно два пути: либо добровольное подчинение, как теперь...

— Оно не добровольное!

— Разумеется. Но вот только людям об этом знать совершенно не обязательно. Потому как ваше мирное симбиотическое существование с вампирами возможно только на тех принципах, что вам были предложены. Поверь, их разрабатывали лучшие психологи, и они

себя оправдывают уже не одно столетие. Так что, либо добровольное подчинение обожаемому вампирам, либо, если голос крови перебить у всех вот как у тебя, — война. Для нас — охота, для вас — на выживание. Мы этой войны не жаждем, навоевались за долгую жизнь. Вы, поверь мне, тоже не обрадуетесь. Лучше любить, чем бояться. Всегда лучше.

— Лучше для вас. А нам зачем безропотно становиться жертвой?

— Вы по любому жертвы. Не идеализируй. А с лекарством дилемма: дать и рискнуть вас потерять или не дать, и превратить ваше государство в государство карликовое. А карликовое государство будет не в состоянии само себя обеспечить, оно очень быстро загнется в своем развитии, учитывая вашу полную изоляцию от мира. Вот это уже будет чистой воды заповедник на полном вампирском обеспечении. На то, чтоб воссоздать здесь то, что мы имеем сейчас, уйдут столетия.

— Нет, погоди, но как же... ты же сам сказал, что эти лекарства вы для своих животных разрабатывали. То есть вы не боитесь, что они перестанут вам подчиняться.

— Так они животные, Ларис. Они не свободны и не разумны. И находятся полностью под нашим жестким контролем. Если сажать на такой контроль людей, то они останутся в своем развитии и обратно превратятся в животных. Людьями могут быть только свободные особи. И, поверь, вы действительно свободны.

— Видела я вашу «свободу» в залах Вампирского камня!

— Так это манипуляция сознанием, а не порабощение его, — он даже не смутился. — Очень разные вещи. Мы даем вам постулаты веры, основные установки, а все остальное вы уже сами. Ментально мы вас не держим.

— Но, лекарство... — какая-то мысль не давала мне покоя. Что-то он сказал... — Ты же сам сказал, та вампирша дала моему отцу очень много крови. В любом лекарстве ее не может быть очень много, даже за весь курс лечения.

— Угу. Вот даже ты это понимаешь. Недопустимо переводить людей полностью на наши лекарства, это без вариантов. Но разово мы можем проколоть всю страну, и не будет никаких последствий. Ну разве что в сотой доле процента.

— Но тогда почему?

— Потому. Резоны Владыки я понимаю, но обсуждать их с тобой не собираюсь. Что до других, то против, в основном, те, кто редко или вовсе не бывает по эту сторону Бездны, и знаком с проблемой лишь понаслышке. Ваша страна им без разницы, и делиться с вами своей кровью они не жаждут. Вот и вспоминают старые вампирские страшилки. Те же, кто непосредственно связан с вашей страной, понимают, что проблема надумана.

— И?

— И вопрос еще не закрыт. Много зависит от того, сработает ли защита, какой реальный размах приобретет эпидемия. Собрать еще один Совет не сложно. Но, чтобы переиграть Владыку и вынудить его изменить решение, нужны очень серьезные аргументы за целесообразность и безопасность предлагаемого решения. Он же у нас тоже, знаешь ли, за торжество добра и разума, — то ли мне показалось, то ли была в его последней фразе некая усталая ирония. Владыку он не обсуждает, но... не фанат. И в Городе не живет.

Да только все это лирика. Благородный борец за людское счастье, ну ты подумай! А как быть с тем, что он сделал с моим счастьем и моей жизнью?

— И что? — мрачно спросила его после долгой паузы, — полагаешь, все это хоть как-то извиняет то, что ты сотворил со мной?

— Извиняет? — он чуть не поперхнулся от изумления. — Да уж, с тобой не скучно. Ее

наказывают за безумие, а она все извинений ожидает!

— Что я сделала, чтоб меня так калечить?! И к чему мне знать все эти ваши вампирские сложности с отсутствующей в вашем обществе совестью? Да люди, не задумываясь, спасли бы! Да если б хоть какая возможность была! Да хоть малейшая! Все бы бросили, от всего отказались и спасли! А вы... аргументы они ждут! Да сколько должно умереть, прежде чем они у вас найдутся!

— Думаешь, я это все не понимаю? — спросил он жестко, мрачно сверкнув глазами, — Думаешь, меня это все не бесит? Я, Лариса, за эту страну в ответе. Я ее, знаешь ли, создавал. Не один, разумеется, для такого нужна поддержка большинства. И активное участие большинства. Но кому-то выпадает руководить. Вот есть у меня такая почетная обязанность. Осчастливлен. И я уехал отсюда на пять дней. Пытаюсь способствовать решению ваших насущных проблем! И что я нахожу по прибытии? Как с цепи все посрывались! Что люди, что вампиры! Безумие всем в головы ударило, что ли? Целый день мечусь из города в город, откручиваю всем головы направо и налево, пытаюсь хоть как-то привести народ в чувство! Оба, бездна их забери, народа! — вот теперь его прорвало. Вот теперь, слушая его импульсивную речь, я чувствовала, что это искренне. Никакого вежливого равнодушия. И глаза горят, мрачноватым, правда, пламенем. И даже жестикуляция появилась. Это у него-то, кому руки нужны, чтоб на подлокотники их складывать.

— А к тебе это я уже так заглянул, до кучи, — продолжал он меж тем свои откровения. — Когда под вечер встретился, наконец, с Гоэрэ, и он меня порадовал, что у меня у самого дела в полном раздрае. Про других молчу, это мы с каждым лично обсудили уже, но ты, моя дражайшая! Какого лешего тебе понадобилось с ним вообще связываться? А уж тем более сыпать оскорблениями? Он же тебе слова лишнего не сказал, я уверен.

— Сказал, — не смогла смолчать я, — одно. А потом решил мне его из памяти стереть. А я его за руку поймала.

— Стер? — спокойно так поинтересовался Анхен.

— Нет, разумеется.

— Так какого дракоса было рот разевать? Что, нельзя было оставить его в полной уверенности, что все у него получилось? В чем твои убытки, что ты его унижить решила?

— А он меня...

— А он вампир, а ты девчонка сопливая! И это хорошо еще, что он так охренел от твоей наглости, что решил меня дожидаться и объяснений потребовать. А мог бы не растеряться, и провести собственное расследование, и ломануться с этим прямиком к Владыке, как у него это обычно водится. И вот тогда бы я тебя, душа моя, — тут он подошел прямо к кровати и, схватив меня за основания волос на затылке, резко вздернул вверх, приближая мое лицо вплотную к своему, картинно благостному в тот момент, но с совершенно черными глазами, — не просто выпорол. Тогда бы я тебя убил. И если бы тебе очень повезло, потому как я бы спешил, то убил бы быстро. В противном случае я собственноручно порол бы тебя не просто до смерти, а до тех пор, пока последняя капля твоей поганой крови не впиталась бы в землю! — тут он, наконец, разжал руки, и я упала обратно на кровать, в ужасе сжимаясь калачиком, и только шепча беспомощно:

— За что? За что?

— Да за то, что ты, моя дорогая, это аргумент против, — вновь очень спокойно заговорил вампир, словно и не было только что этой безумной вспышки. — Очень серьезный аргумент против того, чтобы давать людям нашу кровь. Тем более массово. Ты такая

наглядная демонстрация всех страхов нашего общества, что, пожалуй, тебя и в самом деле стоило бы убить. Потому, что если Владыка до тебя доберется, лекарство ваши люди не получат однозначно. А так у них еще остается шанс.

— Анхен, пожалуйста!

— Что? Да не убиваю я тебя. Пока. Пока предупреждаю. Но предупреждаю очень серьезно. Еще раз откроешь рот, чтобы сообщить какому-нибудь вампиру, что ты не согласна с его мнением, желанием или действиями, убью. Выбирая между тобой и благополучием страны, на создание которой я потратил половину жизни, я выберу не тебя. Что ты при этом думаешь, и как сильно нас всех ненавидишь — твое личное дело. Но изображать изволь то, что все остальные просто чувствуют. Ты услышала меня, наконец?

— Да

Он достал лежащее у меня в ногах одеяло и укутал меня им по самые плечи. Даже бережно, я б сказала. Сам присел рядом на кровать, слегка провел рукой по волосам:

— Прости, — просто так сказал, искренне. Что даже захотелось простить. Вот если б еще спина не болела от каждого неловкого движения. — Мне бы очень хотелось договориться с тобой по-хорошему. Но по-хорошему, к сожалению, не выходит. Когда-то я сказал, что ты не более, чем забавная аномалия. Сейчас это не так. И потому, либо ты осознаешь, как тебе следует себя вести, либо я тебя убиваю. Но я все же надеюсь, что у нас больше не будет поводов видеться, — он поднялся, собираясь уходить. — Лекарство я твоей матери оставил, все инструкции дал.

Застегнул верхние пуговички на рубашке, надел галстук, снял со спинки стула пиджак.

— Прощай, Лариса.

— Анхен!

Он обернулся почти с порога:

— Что?

А я не знала, что. Я понимала, что вот теперь уже действительно — все, совсем, навсегда. И не могла с ним расстаться.

— А свою заколку... ты теперь у меня забрал?

— Зачем? Это был подарок. От чистого сердца. Даже если ты не веришь, что у вампиров есть сердце и оно может быть чистым. Носи, если нравится.

— А?..

Он сжалился.

— Посидеть еще?

Я смущенно кивнула. Он вернулся, и снова присел ко мне на кровать, и даже взял мою руку в свои.

— Вот это и называется «рабство», Ларис.

— Что? — я опешила.

— Я сказал тогда, что ты — моя рабыня, а ты оскорбилась, — вполне доброжелательно начал объяснять Анхен. — Но ничего оскорбительного этот термин не несет. Обозначает лишь сильную эмоциональную привязанность конкретного человека к конкретному вампиру. Возникает естественным путем при тесном эмоциональном контакте. В твоём случае для создания подобной привязанности необходим еще и контакт физический.

— В смысле? — я испуганно выдернула у него руку.

Он рассмеялся:

— Достаточно простого прикосновения, а не то, о чем ты подумала.

— Я не думала ни о чем таком! — вспыхнула я. — Постой. Ты что же, специально... специально меня к себе привязывал? Создавал из меня рабыню?

Сразу вспомнились все его «голову на грудь», «мне надо тебя касаться, я тебя не чувствую»... а уж в Бездне!..

— Да, Лариса, я делал это вполне осознанно. Специально. Надеялся, что на этой привязанности сумею удержать тебя от необдуманных действий. Но увы, с тобой это не сработало. Ментально я привязать тебя не могу, полагаю, это вообще не возможно, там не просто блоки, но блоки агрессивные. Поэтому при любом конфликте «разума и чувств» у тебя побеждает разум, хотя назвать его в те моменты светлым у меня просто язык не повернется.

— То есть ты вот так специально, хладнокровно... — я почти не слушала его, мне было до слез, до горечи обидно. Все его жесты, все слова, все поступки были продиктованы одним единственным желанием — привязать, сделать покорной, послушной. Чтоб не выделялась из толпы. Чтоб безумно их всех любила. Так возлюбила бы его, что через него — их всех. Ну да, они не подавляют, они манипулируют. Как наглядно!

— Ты просто чудовище. Расчетливое, жестокое чудовище. Мне же было больно! Каждый раз было больно, когда ты уходил, а это, оказывается, из-за того, что ты меня за руку подержал? Специально за руку подержал? Не потому, что тебе было это приятно, а намеренно, чтоб причинить мне боль?

— Общение с вампиром всегда причиняет человеку боль, — он просто чуть плечами пожал на мои обвинения. — А иногда еще и смерть. Но где-то между первым и вторым мы успеваем подарить вам еще и удовольствие, которое все это искупает.

— Да? А ты себе не слишком льстишь?!

— А ты себе не слишком врешь? Не забыла, я прекрасно ощущаю эмоции. И при общении со мной положительных у тебя было... Да все б они были положительными, если б ты сумела расслабиться и отключить свою глупую голову. Сама ж себе не даешь удовольствие получать, чуть только станет тебе просто хорошо, как ты сама же себя дергаешь: как так, он же вампир, а значит, мне должно быть с ним плохо! И давай плохое выискивать.

— Ну конечно. А самое положительное было у меня пару дней назад, когда ты тут ремнем махал. Ну извини, что-то не получилось расслабиться!

— Мы это уже обсуждали, Ларис. Ничего нового я тебе на эту тему не скажу. Что до твоей эмоциональной привязанности, то со временем она пройдет. Первое время — да, будет больно. Но потом все пройдет, и ты не будешь уже от меня зависеть. Живи, я больше не стану тебя держать. Не сделаешь глупостей — проживешь долго. Что будет иначе — я уже предупредил. Отдыхай. А мне действительно пора идти. Много дел.

Глава 8

Спаситель

Когда вернулись с работы родители, я сидела на кухне. Не потому, что мне было лучше или хуже, я просто сидела на кухне. Я чувствовала, что меня разбили на мелкие-мелкие осколки — душу мою разбили, разум. Ну а тело — ну болело, конечно, и зверски, особенно сидеть было невыносимо, даже на очень мягкой подушке. Да вот только тело мое и само меня невыносимой болью радовало регулярно лет этак с тринадцати. Так что, что такое боль до потери сознания, я знала. Что такое боль до потери человеческого достоинства — я знала тоже. Это когда тебе уже все равно: как ты выглядишь, что делаешь, и что говоришь, и какого размера голубыми глазками смотрит на тебя любимый мальчик. Все равно, что ты лежишь, скрючившись, на грязном полу случайного коридора, ждешь вызванную тебе случайными прохожими скорую, и на любые попытки посадить тебя на стульчик смотришь, как на попытки убийства. Но это ладно. Это боль сама по себе, тут никто не виноват, просто организм такой никчемный, даже врачи лишь плечами пожимают: «тут лечить нечего, родишь — само пройдет. Пей обезболивающее заранее». Просто боль. Ее пережил — и иди себе дальше, живи да радуйся.

Но когда! Боль! Причиняет тебе! Разумное существо! Намеренно погружая тебя в эту пучину! Да еще существо, что мнит себя на порядок разумнее людей! Вот с этим шоком я справиться не могла. Вот от этого мой разум лежал в руинах, не предпринимая ни малейших попыток самореставрации. Намеренно причинять боль — это не просто жестоко, это вообще за гранью добра и зла. Да, он вампир, да, мы их пища, но... Но вот у нас, собственно, тоже есть пища. Она и мекает, и бекает, и даже кукарекает. Но вот кем будет человек, который возьмет кнут и забьет до полусмерти какую корову или овечку? Вот просто так, чтоб объяснить ей, что она не там дорогу перебежала? Правильно, мразью он будет. Последней тварью, которой и руки-то не подашь, испачкаться побоишься. А он же вампир. Создание светлого разума... Да не было там — ни света, ни разума. Вспомнила его абсолютно черную фигуру, от которой расползалась, растекалась по комнате абсолютно черная аура. Нет, я, конечно, не вампир, ауры видеть не могу, чтоб он не рассуждал там про «кровь во втором поколении». Но то ощущение, что исходило от него тогда, по-другому и не назовешь. Черная аура. Абсолютно черная аура.

«Она была красивой. А потом словно выключили свет», — вспомнилось мне. О ком же это? Ах, да, о принцессе. О той древней вампирской принцессе, которую я, по детской привычке, поспешила представить себе прекрасной. Даже странно, что он ее не любил. Совершенно ж родственные души. У него в тот день тоже — явно «свет был выключен». А сегодня ничего так. В костюме и при галстукe. Поменял, видно, лампочку. А та принцесса, значит... Но это же безумие. Они просто сходят с ума. Тонут в пучине собственной тьмы. Принцесса, выходит, ушла во мрак безвозвратно... При этом он же сам сказал, что это не красиво. Тьма не норма, тьма НЕ красиво. А сам он катится туда же. Он сам хоть понимает, что катится туда же? Что свет у него пока мигает, а после все, перегорит?

Но это частный случай. Один, второй, а... Что я знаю о вампирах? Что мы вообще знаем о вампирах, кроме того, что нам сказали? Может, это у них массовое явление? И мы все во власти полубезумных, а то и просто безумных псевдобогов? Потому они нас и за Бездну не пускают с экскурсиями? А Великие — это те, кто худо-бедно в разуме вообще? А Владыка?

Тот, что единогласно велел нам умирать? Чьи резоны не обсуждаются, хотя вампирам понятны. Да может он тупо сбрендил уже давным-давно? И это и есть самая главная вампирская тайна?

В общем, хорошо, что пришли родители.

— Лариса, ты встала! — обрадованно воскликнула мама. А дальше понеслось: — как ты могла?! Как ты могла нас так опозорить?

— Лида, перестань, — устало остановил ее отец, — ей и без тебя все уже весьма доходчиво объяснили.

Мама поджала губы, но тему оставила.

— Что ты ешь? Лара, ну почему бутерброды? Раз уж ты встала, ну почему нельзя было что-нибудь приготовить? И нам заодно, мне с одной рукой, думаешь, удобно здесь возиться? — она кивнула на свой гипс, который при хорошем настроении ей не очень-то и мешал.

— Да что она тебе приготовит? — вновь не поддержал ее папа. — Потерянное время и испорченные продукты. Ты отдохни немного, а я сам все прекрасно приготовлю.

Ну да, ну да. Вот чего не умею — того не умею. Не умею и не люблю. Не люблю потому, что не умею, или не умею, потому, что не люблю? Вот уж чего не знаю. Мама у меня готовила прекрасно. Даже папа (вот уж чего не часто встретишь) — и тот готовить умел не хуже. Ну а мне у той плиты, вроде как, и места не оставалось. Да я и не рвалась. Не, я, в общем, знала, что, чтоб сварить макароны, их надо бросить в кипящую воду, а никак не в холодную, но на этом мои знания заканчивались, посолить могла и забыть.

А потому я по-прежнему сидела на своей мягкой подушечке (которая с каждой минутой казалась мне все более жесткой), мама ушла в комнату, а папа чистил картошку ловкими уверенными движениями. Говорить не хотелось.

Даже к оставшимся экзаменам готовиться не хотелось, хотя их за меня светлейший куратор точно сдавать не будет. И с химией-то чего он встрял? Ну пересдала бы, подумаешь. Любой экзамен вон — пересдавай-не хочу, аж два раза, кажется. Хотя... химия... Да он просто не хотел, чтоб я на той кафедре светила, у них же Ольховников заведует. Как встретит, да начнет опять воспитывать — и опять вампирам нас разводить. Не очень понятно, почему. Ну да не любят они, видно, чтоб люди в их дела вмешивались. А рьяные борцы за высокую человеческую нравственность как-то не очень просекают фишку в своем фанатичном обожании. Вот когда только я стала «личным делом вампиров»? Или вампира? Одного, конкретного? Нет, стоп, начал-то все Лоу, наш прекрасный среброкудрий Лоу с улыбкой света весеннего солнца и глазами цвета майской грозы. Если верить куратору, дважды вписывал меня обратно в те «рамки приличий», из которых меня все время выносит. А за дивидендами не приходил. Угу, передал другому... Так, стоп. Не о личном. Не о личном, а то я сорвусь. Спокойно. Абстрактно... Другому. Но этот другой с меня тоже — призов и подарков не требовал. Ну, целовал. Да ему человека поцеловать, что мне кошку погладить. Единственный прок вампиру с человека — это кровь. Но крови моей он никогда... Даже тогда, в Бездне, когда он хотел... До сих пор вспомнить страшно, какой ужас я почувствовала, когда всей... душой? кожей? кровью?.. ощутила, КАК он меня хотел. Но не выпил. Ни глотка, даже не укусил. Сдержался. Зачем? Все это время меня к себе целенаправленно приручал. В общем и целом даже не обижал, хорошо относился, доброжелательно. То, что разлука с ним мне боль приносила — так это для него не аргумент и не тема для беседы. С вампирами всегда так — и легкое пожатие плеч. К нашей боли от

себя он так привык, что и думать о ней не вспоминает. Так что сказать, что он целенаправленно причинял мне боль — да ерунда, и в мыслях не держал, оно в комплекте шло. Бонусом. Целенаправленно привязывал — это да. Зачем? Зачем столько возиться? Чтоб я не нарушала приличий, не ругала вампиров и не ругалась с вампирами? Генеральный же сказал: проще убить и не возиться. Он бы и не стал — возиться, в смысле. А то, что этот возится, генеральный, вроде как, особо и не одобряет. Но не вмешивается. Потому что я — девочка куратора. Рабыня куратора, что уж там, просветили. Ну и, как там: «Поел — убери посуду. За тебя убирать не буду». Ну а не поел — так просто следи, чтоб по кухне не бегала. Вот он и следит. Да дракос его побери, все, что он делает, это следит, чтоб вела себя прилично, и жестко пресекает все попытки вести себя иначе! А уж то, что я его с перепугу в садизме обвиняла и прочих извращенных удовольствиях, так это, как оно: многие знания — многие печали. Меньше надо было в Петькиной компании книжки запрещенные читать. Не хочет он меня, никак: ни в голом виде, ни в одетом, ни избитую, ни исцелованную. Сам же сказал: с мальчиками спи. И мечтай — тоже о мальчиках. А он за мной — лишь присматривать собирается. На правах доброго дядюшки. Или не доброго. Как повезет. Он же, наверное, правду мне говорит. Только то ли он так ее говорит, то ли я так ее слушаю, что вечно что-то не то слышу. Наверно, потому что хочу услышать что-то не то. Размечталась, дура, о Сэлисэне и Елене.

— Пап, а она тебя любила, как ты думаешь? — слова вылетели быстрее, чем я успела подумать, а стоит ли спрашивать.

— Кто? — не понял меня родитель, — Мама? Почему любила, она и сейчас меня любит. А я ее.

— Да не мама, — досадливо отмахнулась я, — вампирша та. Зачем ты пил ее кровь?

Папа замер. Мне показалось — просто забыл, что за предметы у него в руках, и зачем он их взял.

— Откуда ты знаешь? — наконец выдавил он.

— Просветили, — пожалала я плечами. Откуда я могу знать, вот с трех раз догадайся.

— ОН? ОН знает? — папа, похоже, просто в ужас пришел.

— Он сказал, ты очень много ее крови выпил. Зачем? И как это вообще — пить кровь? Это же... отвратительно как-то. Ты что, вампироманом в институте был? — представить собственного папочку с вампирским хвостиком и в обтягивающих брючках было сложновато.

— Что еще он сказал? Он знает, кто она? Он что-то ей сделал? Он сказал, что он с ней сделал? — папа, похоже, вообще меня не слушал.

— Да ты чего? — опешила я. — Ничего он не сказал, он про меня все больше, про результаты, так сказать, забав ваших. Чего ты испугался-то так? Это ж меня убьют, ежели я еще хоть слово где не то ляпну. А уж с вампиршей-то твоей что станется? Она ж богиня — твори что хочешь.

— Да нет, малыш. Там и богини огребают. Вне зависимости от пола и возраста. С законом у них строго. И закон у них запрещает... вот то, что ты упоминала.

— Так зачем же было... так рисковать?

— Да умирал я, дочка. Вот так, кроме шуток. И не потому, что она меня выпила, или еще что... Мы тогда и знакомы-то толком не были. Нет, я знал ее, конечно, видел. Боготворил. Как и все у нас, впрочем. А потом... авария была на производстве. Испытания проводили, ну и... рвануло все, а я в эпицентре, — папа вздохнул и присел рядом со мной. —

Я не знаю, зачем она это сделала, не спрашивал. Никогда. Ну а потом — всякое потом было, да и не важно уже. Какая уж там разница, каплю или две, один раз или десять. Нельзя людям пить кровь вампиров, и правильно, что нельзя. Вон как ты теперь мучаешься. Ты прости, я и подумать, я и представить себе не мог. Сам-то я... ради нее... на все... — папа закрыл лицо ладонями и надолго замолчал. — Ты спроси у него как-нибудь, что он сделал с тем, что узнал. Ее... осудили?

Ему это важно. Бездна их всех заberi, лет двадцать же прошло, как минимум, а ему это важно! Он за нее боится! Не за меня. Не за себя. За нее...

— Ее не осудили, — я поняла, что знаю ответ. Мне не говорили, но я знаю. — И не осудят. Он промолчит.

— Что? Ты же сказала, что он не говорил про нее? — папе очень хотелось поверить, но он не мог. Слишком боялся. За нее.

— У них там сейчас... один проект подвешен, — в подробности вдаваться не хотелось. — И я для этого проекта — аргумент против. А ему нужны аргументы за. Поэтому он промолчит. Про меня. И про нее.

— Спасибо, — папа вздохнул.

— Обращайся. Так ты не ответил.

— На что?

— На вопрос. Она тебя любила? Ты вообще веришь, что вампир может любить человека?

— Я это знаю, дочка.

— Знаешь что? По-твоему, выпить человека до смерти — это любовь? Как вон Лизка тогда сказала: высшая форма любви для вампира — смерть?

— Дура она, твоя Лизка, — вдруг бросил в сердцах отец. — Дурой жила, дурой померла. Ну, хоть счастливой. Выпить человека до смерти — это не любовь, это жажда вперемешку с похотью. А высшая форма любви для вампира — вот просто, чтоб ты знала и не путала — это жизнь. Жизнь, подаренная тому, чьей крови ты жаждешь так, что сводит челюсти. Тому, кого ты хотел бы видеть рядом с собой до последнего его дня, но отпустил. Прогнал, потому что знаешь, что от постоянного нахождения в твоей ауре его мозг сторит. И да, она любила меня! Не потому, что спасла, нарушая закон своего народа. Вернее, не только потому. А потому, что сумела отпустить. Несмотря на жажду. Наплевав на желания. Любила, потому, что подарила мне жизнь, отказав себе в блаженстве, которое она испытала бы, вкусив мою смерть! И иди уже, готовься к экзаменам, а то ужина у нас сегодня точно не будет.

Он вернулся к плите, весьма раздраженный, всей своей спиной демонстрируя, что не желает больше со мной общаться. Но он меня не убедил. Все равно не убедил.

— Ты прости, папа. Только, может, проще все. Надоел ты ей хуже пареной репы, вот и прогнала.

— Тебя там не было, Ларис, — спокойно ответил папа. — А я не собираюсь обсуждать с тобой интимные подробности, что бы что-то доказывать. Мне достаточно того, что я знаю. Нет, я ей не надоел. Да, любила. И — иди уже. Иначе с мясом будешь заниматься сама.

Ушла. Вот только готовиться к экзаменам была не в состоянии. Упала лицом в подушки. Значит — бывает. У кого-то — все-таки бывает. А мне — только боль. Только боль...

Я не хотела об этом думать. Я не могла об этом думать. Этого не было. Ничего такого со мной не было. Не происходило. Никаких вампиров в черном. Никогда. Никогда. Никогда.

Мама разбудила меня к ужину. Но есть уже не хотелось. Ничего уже не хотелось. От

папиных откровений стало только хуже. Много хуже. Они там, значит, развлекались, а меня теперь — ремнем по заднице? У них там любовь, а у меня из-за этого — полубезумный вампир с садистскими замашками и невнятными резонами? И он еще мне рассказывает, что принца Дракоса не существует! Да вот своими глазами на днях в собственной гостиной видела!

— Мама! Ты прости меня, мама, я виновата! Я не хотела, чтобы вас из-за меня... так... Что он вам сделал? Напугал? Обидел? Что?!

— Да ничего, дочка, — мама присела ко мне на кровать. — Так, постыдил, что ребенка неправильно воспитываем. Что ты у нас до 18 лет доросла, а не знаешь, как вести себя правильно. Что с людьми, что с вампирами... Стыдно было до безумия. Как же так, я ж тебя всегда учила... а ты вот... так...

— Мама, что значит постыдил, да на вас обоих лица не было! Что он сделал?

— Ничего. Говорю ж — было стыдно перед ним. И страшно. Нет, он ничем не угрожал, ни слова. Просто страшно. Я раньше и подумать не могла, что находиться рядом с вампиром — настолько страшно. Я и близко-то их раньше не видела никогда, если честно. Но те, кто видел — они совсем другое рассказывали. Говорили — обожание чувствуешь, восторг. Желание, чтоб он всегда был рядом, взглянул хоть раз, хоть слово бы тебе обронил... А я только ужас чувствовала. И мечтала, чтоб он больше не смотрел на меня, не говорил со мной, ушел. Может, это я такая неправильная? Может, это из-за меня ты...

— Нет, мама, что ты! Не из-за тебя. Ты правильная. Это он... Он вломился в наш дом в состоянии глухого безумия, перепугал вас... он же это специально! Специально! В его ауре обычно и ощущаешь — вот то, что тебе говорили. Но в тот день у него аура была другая. Совсем другая. А он еще давил. Давил ей, усиливал

— Лара, ну как аура может быть другой?

— Да запросто! Башку снесло от гнева, и вот пожалуйста! И, как я поняла, он даже взъярился-то не из-за меня. Он в таком виде к нам с той стороны прискакал! Проекты там его не приняли! Только там он, видно, вякнуть не может, а здесь — полетели головы!

— Лара, ну вот что ты говоришь! Как ты говоришь! Да у тебя в каждой фразе — вопиющее неуважение. Он же вампир! Великий! Он же тебе объяснял уже всю недопустимость такого поведения.

— Объяснял?! Вот так это, по-твоему, называется? Да он избил меня до полусмерти практически на глазах у собственных родителей! И никто, никто не объяснил ЕМУ всю недопустимость такого поведения!

— Лариса, если он это делает, значит это правильно! Значит, по-другому было нельзя! Он вампир, ему лучше знать.

Поговорили, здорово.

— Мама, я не буду ужинать, я спать хочу. Правда не буду.

— Нет, Лариса, перестань. Я не буду ругаться. Тебе правда надо поесть, где организму силы брать, сама подумай. Вот и доктор сказала...

— Доктор?

— Ты не помнишь? Приходила доктор из больницы, осматривала тебя. Принесла лекарство. Светлейший Анхенаридит ее попросил...

— А разве... я думала, он сам...

— Сам что? — не поняла мама.

— Ну, лекарство вам принес. Оно ж вампирское.

— Ларис, ну ты как ребенок. Вот тебе сам Великий будет лекарство приносить! Мы его с того дня и не видели! Приходила доктор. Светлейшая Ева, не помню фамилию. Спокойная такая, уверенная. Пожилая. Все про внуков своих нам рассказывала. Проказники они у нее. Тоже им вечно достается.

— Ремнем по заднице от светлейшего Анхенаридита?

— Лара, ну как ты можешь, они же дети! Не смешно!

— А мне как не смешно, ты б знала.

— Я понимаю, доченька, понимаю. Когда ты обижаешь вампира, это очень горько. Но ты ведь все поняла, и больше никогда-никогда так не будешь, ведь правда? — мама смотрела мне в глаза так искренне и с такой надеждой, что я сказала ей да. И даже отправилась ужинать. Мы с ней все равно никогда не пойдем друг друга.

* * *

Экзамены я сдала. Один на четыре, другой на пять. Или один на пять, а другой на четыре. Тупо не помню. Даже что за экзамены были — уже не скажу, все словно в тумане видится. Мысль только одна билась: не думать, не думать, не думать. Не вспоминать. Не было. Быть не могло. Приснилось.

Но если вампира в черном мне еще удавалось изгонять из моего сознания, то светлый образ того, кого можно было звать просто Анхен, на все попытки от него избавиться вот разве что язык мне не показывал. Я видела его во сне. Я видела его даже не во сне, в любое время, в любом месте, с широко открытыми глазами. Анхен, Анхен... Почему ты умер, Анхен? Почему тебя больше нет?.. «Но если я войду — и Вас нет, где мне искать Вас? Может быть, и нигде уже нет...»^[2] Цитата в голове вертелась, а вот откуда — вспомнить не могла. Кто это написал? Некрасивая, но невероятно яркая женщина, страстно и бесконечно влюблявшаяся во всех — мужчин, женщин, литературных героев? Или это написала мне в одном из своих писем Лизка, творчество этой поэтессы знавшая едва ли не лучше самой поэтессы, и писавшая сама под сильнейшим ее влиянием? Вся наша школьная переписка просто пестрела цитатами, и не всегда они были в кавычках. Да, мы переписывались. Сидели за одной партой, и переписывались. Писали друг другу длинные письма на четырех — шести листах, обо всем, что только приходило в наши юные головы: о любви и смысле жизни, о долге и предательстве, и, конечно, обо всей прочитанной литературе... Я спросила бы Лизку. Вот просто позвонила, и спросила бы сходу, не вдаваясь в подробности. И Лизка бы мне ответила... Но Лизка ушла от меня — ее убили, выпили до дна: всю ее любовь, всю ее мечту... Вот он, кстати, и выпил. Подсунув мне вместо нее — себя. На образовавшуюся пустоту, на безысходную боль утраты — себя. Чтоб тоже дарить мне боль, так, что сразу и не поймешь подмены. А потом тоже ушел. Его «смелый эксперимент» провалился, он не сумел меня подчинить. Привязать — сумел, да, мастер. А вот подчинить... Вот и ушел, нет — так нет, чего и время терять. А я осталась...

А то чудовище, что заходило на днях поздравить с Новым Годом... Я его даже ненавидеть не могла. Ненавидеть можно... что-то конкретное, осязаемое, что ли. Осознаваемое. А события той пятницы я осознать была просто не в силах. Не влезало оно мне в голову, не помещалось там. Потому как такого — не бывает. Невозможно. Просто не может быть. Вампиры — не такие. Анхен — не такой. Нет, он вампир, и гад, и жестокий,

бесчеловечный убийца. Но не так, не такой, нет! Одно дело убивать ради еды — мы сами убиваем ради еды, даже если просто покупаем мясо в магазине. А потом цинично везем детей в деревню погладить коровку. Здесь — чем мы лучше? Тем, что коровы неразумны? Коровы, готова поверить, так не считают. Но надругаться?! Причинять боль, унижать, калечить?! Это не он. Нет, Анхен умер. Вот в ту Новогоднюю ночь навернулся с крыши головой об асфальт, и умер. Ну и пусть у любого вампира от такого падения даже синяков не останется, даже если его спящим сбросить, и он взлететь не сможет. Умер, нету, кончился! А это — это уже не он.

А потом мне позвонил Петька. Самоуверенный и беззаботный, словно мы и не ссорились.

— Признавайся, что ты делаешь в каникулы, — потребовал сходу.

— Дома сижу, — пожала плечами. Плачу, мысленно уточнила.

— Отменяется «дома сижу», — отрезал беспутный друг моего бесшабашного детства. — Мы с тобой едем на горных лыжах кататься!

— К-куда мы едем?! — я аж поперхнулась, и просто загнулась от гомерического хохота. — Петя, — с трудом выговорила сквозь смех, — ты меня извини, конечно. Но мне сейчас нагнуть больно шнурки себе завязать, а не то, что...

— Ой, Лара, да ходи в развязанных! — Петьку было не затормозить. — Слушай, там шикарнейшая турбаза, туда попасть вообще нереально, народ с лета записывается! А мне совершенно случайно свалилась в руки путевка, знакомые поехать не смогли, за полцены отдали, лишь бы не пропала. Поехали, Ларис! После экзаменов развеемся. Ну, ты же любишь лыжи.

— Петя, я люблю лыжи. Обычные, не горные. На горных я в жизни не стояла, да у меня их и нет. И денег, чтобы их покупать — тоже нет. И ты прослушал главное: я повредила спину. Мне больно даже нагибаться. Лыжи, тем более горные, для меня сейчас — за гранью добра и зла, настолько не мой вид спорта.

— Как повредила спину? — о, Петерс меня услышал. — Сильно? Ты лежишь? Что врачи говорят?

— Не сильно, но болезненно. Хожу, вон, на экзамены ж ходила. А врачи говорят, что до свадьбы заживет. Правда, если сама я до этой свадьбы доживу. А вот чьей свадьбы — не уточняют.

— Тогда кончай меня пугать и придумывать отговорки. Тем более тебе стоит ехать. Горный воздух он того, целительный. Не можешь на лыжах — не надо, там и без них найдется, чем заняться. И, кстати, их покупать не надо, там прокат есть.

— Петька, я не хочу, правда, — какие лыжи, какие турбазы? — И вроде ж ты там себе уже нашел кого-то на Новый год, так вот почему бы тебе с ней и не поехать?

— Ну, как нашел, так и потерял, — отмахнулся Петерс. — Ты в Новый год, помнится, тоже не скучала. На то и праздники. А теперь мы едем с тобой расслабляться после тяжелой сессии.

— Нет, Петька, спасибо, конечно, но без меня.

— Нет, Ларка, всегда пожалуйста, но только с тобой. Ты даже не представляешь, в какое место я тебя зову! Да я ж тебя даже в свадебное путешествие не смогу отвезти никуда, где будет хоть отдаленно столь же шикарно!

— О, так мы в свадебное путешествие? Так чего ж, может сразу и распишемся вот где-нибудь по дороге?

— Распишемся. На придорожном столбе. «Здесь были мы». И рожицу нарисуем. Кончай хандрить, отказа я не принимаю!

В общем, если и не было в тех горах алмазов... ну и далее по тексту. Видно, что-то я сказала тогда на Айдуе, что позволило ему сейчас действовать решительно. Он и действовал. Заявился к нам домой, уговорил маму, папу. И, несмотря на все мои «не хочу», меня в два дня собрали и едва ли не силой запихнули в вагон.

Турбаза называлась незамысловато — «Горная долина». На станции нас (и не только нас, разумеется) встречал автобус, который потом долго петлял головокружительными серпантинами, увозя куда-то ввысь и прочь от малейших признаков цивилизации. А потом мы приехали на место, и я поняла, что ошиблась. Это я просто не знала раньше, что такое цивилизация. И уж турбазой это именовать было ну никак не правильно.

Шикарно? Роскошно? Наверное да, и еще даже более чем. Швейцар у двери, носильщик, портье, предупредительно выдавший нам ключи. Просторный, богато отделанный холл. Я себя почувствовала не то дочерью президента, не то самозванкой, которую перепутали с дочерью президента. А тут оказалось, что у нас еще и номер люкс забронирован.

— Петька, колись, это ж откуда у тебя такие знакомые?

— А-а, — ухмыльнулся Петерс, — оценила? Ты со мной дружи, Ларис, и у тебя такие будут.

— Но это ж, наверно, безумно все дорого!

— Дорого, — не стал скрывать Петька, — безумно. Как я и сказал, я платил половину, и то это было на пределе возможностей. Но родители меня поддержали: сюда даже с деньгами попасть не так просто. А я вряд ли когда стану министром. Такой шанс грех было упускать.

Сопровождавший нас носильщик распахнул двери нашего номера, и я не смогла сдержать восхищенного вздоха. Потому что, если бы мне довелось оказаться в спальне у сказочной принцессы, то она бы выглядела именно так. Обитые тканью стены, огромная кровать под балдахином на резных деревянных столбиках, роскошное трюмо, элегантные мягкие кресла вокруг маленького изящного столика. А на столике в вазе — невероятной красоты лилия. Пять огромных цветков на едином стебле. Насыщенно розовые в середине и белые по краям, с выпуклыми бордовыми крапинками по всему лепестку и почему-то оранжевыми тычинками. Я было подумала, цветок искусственный, да вот только насыщенный аромат тогда откуда? Дотронулась рукой — лилия была настоящей. Обалдеть! Конец января на дворе!

— Турбаза, говоришь? — только и смогла сформулировать.

— Я ж тебе намекал: тут можно и не узнать, что на свете существуют еще и лыжи, — самодовольно хмыкнул Петька.

— Тут же к ужину, наверно, надо в вечернем платье спускаться, — как-то даже испугалась я.

— За такие деньги, — не разделял моих тревог Петька, — туда можно даже в тренировочном костюме спускаться, я уверен. Это ж турбаза, как-никак. Сюда спортом заниматься приезжают, а не моды демонстрировать. Ты лучше смотри, какое шикарное у нас ложе, — Петька с размаху уселся на кровать и закачался на мягком матрасе.

— Да, кстати, насчет ложа, — решила я внести определенность.

— Да, дорогая?

— Нет, дорогой. Не подписывалась. И вообще, я как-то рассчитывала, что кроватей будет две.

— Лар, ну ты ж понимаешь, это ж не я заказывал. И вообще, я девочек не насилую. Вот разве что они меня...

— Не надейся. Ладно, я гляжу, ты уже выбрал свою половину. Значит, моя та. Надо разобрать вещи.

— А может, ну их. Потом разберем. Пошли лучше сначала все здесь разведаем.

— Я устала, Петька. Хочешь — иди, потом расскажешь что и как. А я разберу вещи и посплю. Идет?

Его устроило. Меня тоже. Развалившись на роскошной кровати, я в кои-то веки не думала о плохом. А потом уснула, и Анхен мне не приснился.

Петька вернулся ближе к ужину. Я уже проснулась, но вставать было лениво. Валялась блаженно на своем королевском ложе. На нашем ложе. Нет, вот представить, как мы с Петькой весело скачем на нем, перепутав с батутом — это я могла. А вот как нежно и страстно... нет, бред. Даже не смешно.

А Петька, меж тем, успел везде побывать, все выяснить, и даже с кем-то познакомиться. Кроме лыж тут был и каток, и трассы для санного спуска (с прокатом санок, разумеется), и ледяные горки как для детей, так и для взрослых. В помещении имелся и тренажерный зал, и бильярд, и настольный теннис. И даже шахматная комната. Для самых ленивых, как выразился Петерс. Ну да, с его-то энергией. И бассейн, радостно добавил он. Вот уж куда мне этом сезоне не светит, спасибо добрым вампирам. А еще библиотека. Ну очень хорошая. Да, нам, болезным, самое то. Петьке в бассейн, а мне в библиотеку. Мало я в последние полгода времени в библиотеке провела. Так и буду тут две недели курсировать: библиотека — кровать, кровать — библиотека. Класс! Хотя нет, еще ж надо в столовую трижды в день спускаться, что ж я себе развлечения-то ограничиваю!

Хотя — сгущала я, конечно, краски. Раны мои заживали. Сидеть могла уже и без мягкой подушки (правда, не очень долго), да и спина, если ее не трогать, почти не болела. Лекарство и правда было хорошим. То, которое он даже и не сам мне принес, а передал через какую-то старушеницу с именем Ева, совсем как у нашего декана. Интересно, а почему все же наша Ева не слушала выступления генерального? А он же при этом еще за нее и заступился? И что за Ева приходила ко мне? Как ей Великий объяснял характер проблемы? Что, вот так честно и сказал: избил я ее?

Стоп, сколько можно. Смотрю на Петьку, а думаю опять — о своем, о девичьем. Надо ж к ужину одеваться.

Переодеваться пошла в ванную. Вечернего платья у меня, разумеется, не было. Бриллианты к отсутствующему платью тоже отсутствовали. Оделась просто: блузка, юбка. Блузку, правда, не без содрогания, выбрала черную. Нет, надо как-то привыкать — было. Что ж теперь. Зато вид более строгий. И к настроению подходит. И... да, и лучше оттеняет мою единственную драгоценность. Возможно, у многих тут есть бриллианты. И денег, чтоб купить сюда путевку за полную стоимость, тоже хватает. Зато заколки такой здесь точно ни у кого нет. А уж по ценности — так едва ли найдутся тут украшения подороже.

Переплела заново волосы и, расположив заколку горизонтально чуть выше шеи, пропустила через нее свои косы, одну слева направо, другую справа налево. Все же носить вампирскую заколку с женской прической — есть свои сложности. Вампиры носят ровно один хвост. А девы — ровно две косы, ничего не попишешь — традиции. Вот и приходилось вечно что-то выдумывать.

Почему я все еще упрямо носила его заколку? А вот носила — и все, предпочитая даже

не задумываться. Вот жадная была, неблагородная, не из тех, кто возвращает подарки, особенно дорогие. Прокатит такой вариант? Вот и я не знаю. Не дарили мне как-то раньше дорогих подарков особи противоположного пола, а уж противоположного народа — так и подавно. Те, отношений с которыми даже и не было, ну, кроме того, что я сама себе напридумывала. Подарил — значит мое. Ну, хоть вот этот маленький кусочек металла — мой, раз уж больше ничего себе не присвоить.

Когда Петька начал нетерпеливо барабанить в дверь, интересуясь, насколько глубоко меня смыло в унитаза, я с удивлением поняла, что плачу. Сажу на полу и плачу, позабыв обо всем на свете.

Так что к своему первому в жизни королевскому ужину я спустилась с опухшими от слез глазами. Впрочем, все оказалось не так уж страшно. Без бриллиантов. И одета я была ничуть не хуже большинства присутствующих (ну, на мой взгляд, понятно), и за столик нас посадили вместе с очень милыми ребятами из столицы. Они были постарше нас, но не намного, приехали сюда уже второй раз, и, по их словам, были готовы приезжать сюда вечно, так им все здесь нравилось. Парень был просто фанатом горных лыж, так и сыпал всевозможными терминами, уверенно рассуждая о каких-то совершенно непонятных мне вещах. Я подавленно кивала, боясь, что он догадается о моем полном невежестве, а Петька теряться не стал:

— Не, Кирюха, ты меня, конечно, прости, это все жуть как интересно, да я ни слова не понял. Я, знаешь ли, горные лыжи до сего дня только на картинке видел. Так что, ежели ты тут такой спец — пошли завтра вместе на склон, будешь меня на практике всей этой зауми учить.

— Да запросто! — Кирилл, вопреки моим опасениям ничуть не разочаровался. — Я вон в том году Светку мою так обучил, что она теперь спец получше многих!

— Грубая лесть, конечно, но засчитывается, — рассмеялась Светка и обернулась ко мне: — ты тоже не катаешься?

— Честно говоря, нет. Да я как-то и не готова пока. Страшновато, — тоже уважительная причина.

— Не дрейфь! Это только в первый раз страшно, а потом увидишь — это здорово. Будет жаль, что день закончился.

После ужина был концерт, а потом еще и танцы. Мы так и держались вчетвером, и я просто диву давалась, как у наших новых знакомых на все сил хватает, они ж сегодня еще и на лыжах успели.

— Дома отоспимся! — беззаботно отмахнулся Кирилл, вытаскивая меня на очередной танец.

В номер мы вернулись уже ближе к полуночи, усталые, веселые. Наше неожиданное место отдыха уже не давило на меня своей крутизной, я уже не боялась, что я не соответствую, не впишусь... Нормальное место, нормальные люди отдыхают. Я уже готова была даже подумать, чтобы встать на лыжи. Вот только сил бы еще найти до кровати добраться!

— Ну? — весело произнес Петька, когда за нами закрылась дверь нашего номера. — А ты еще ехать сюда не хотела!

— Передумала, — беззаботно пожалала я плечами. — Уже хочу!

— И? — попытался подсказать мне Петерс, пристально глядя в глаза.

— Что, милый? — преувеличенно нежно проворковала я.

— Как приличные девочки благодарят своих мальчиков за доставленное удовольствие?

— Спасибо, светлейший Петр, за доставленное мне удовольствие. Память о вашем благородном поступке будет вечно жить в моем сердце! — сдерживаясь изо всех сил, я все же сумела проговорить эту тираду серьезно и высокопарно.

— Ладно, проехали, — усмехнулся Петька, делая шаг ко мне. — Благодарю как неприличные.

— А неприличные — не благодарят! — фыркнула я и попыталась пройти мимо него в ванную.

Но он меня поймал. И поцеловал сам, не дожидаясь, когда я «пойму», какой благодарности он от меня требует. И это было... так хорошо, так приятно, словно я умираю от жажды, а он дал мне глоток воды. И я пила его поцелуи, словно нектар. Словно я, как усталый путник, все бродила где-то, но наконец-то пришла домой. И он был моим домом, его теплом, любовью и нежностью. В какой-то момент мы оказались на кровати, и это было хорошо, потому как ноги меня давно уже держали с трудом. Все было хорошо, пока чья-то шаловливая ручка не заскользила у меня под юбкой как-то слишком уж выше колен.

— Далеко собрались, юноша? — отстранившись и прихватив его руку своей, спокойно так поинтересовалась.

— Нуу, — судя по мутному взору, в мыслях своих он уже везде добрался. — Ты ведь, кажется, была не против, — Петька попытался высвободить руку и продолжить.

— Была, — согласилась я, отодвигаясь и отстраняя от себя его жадную пятерню. — Вот до сего момента. А дальше — против. И, если ты не хочешь испортить нам обоим каникулы, вот на этом мы и остановимся.

— Да пожалуйста, — Петька обиженно отвернулся.

А я пошла в ванную переодеваться ко сну. Там только заметила, что пуговицы на блузке он мне расстегнул почти все. И когда успел? Впрочем, ложной скромностью я не страдала. Было приятно, ничего не скажешь. Уж точно лучше, чем с Темкой. И чего я на него тогда бросилась? Вот только... глупо как мы, люди устроены. Вот нам, девочкам, что надо? Чтобы обогрели, полюбили, утешили. А мальчикам надо обладать. Владеть им надо, иначе мужественность они свою не чувствуют. Вот и маемся.

Приняв душ, переделалась в ночнушку, очень закрытую, с длинными рукавами и высоким воротом, специально дома выбирала. И отправилась спать, понадеявшись, что Петька никак не хуже, чем я о нем думаю, и инцидент исчерпан.

Петерс тут же захватил освободившуюся ванную, а когда он вышел, я уже спала. Проснувшись утром, правда, обнаружила, что свою половину кровати Петенька давно покинул и лежит, прижавшись ко мне и легонько обнимая одной рукой. Против таких объятий я, честно говоря, не возражала, в них даже уютней как-то. Поэтому с улыбкой чмокнула Петьку в нос. И с удовольствием смотрела, как открываются его глаза. Довольно маленькие для его лица глаза невыразительного болотного оттенка. Нос картошкой, волосы... Вот волосы у него должны были б быть рыжие, ему б пошло. А были просто русые, одного из тех невнятных оттенков, которые сходу и не знаешь, как обозвать. Но мне он был дорог и такой. Это ж был Петька. Мой Петька. Мы с ним даже родились с разницей в две недели, причем в одном роддоме, да еще у мамы его были какие-то осложнения после родов, и ее долго не выписывали. Так что Петька отправился домой лишь на следующий день после того, как родилась я. Дождался, как любили смеяться наши мамы. Они вообще, как встречались, так и начинали вспоминать бесконечные истории из нашего самого раннего

детства, которые только в их памяти и сохранились.

Ну а мы... Мы отправились на завтрак, а потом — потом окунулись с головой в пучину местных развлечений, так что и не вспомнить уже, что уж там мы в какой день делали. И на лыжи я, не удержалась, тоже встала. Не в первый день, конечно. Но на третий — четвертый... да! И оно того стоило! И свист ветра в ушах, и ты летишь, рассекая снежную гладь! Страх? Восторг? Все смешалось в диком коктейле, и хочется повторить, и еще, и снова. Нет, и падала, конечно, куда ж без этого, и пребольно пару раз падала. А уж снега загребала под куртку — мама не горюй! У нас же с Петькой, в отличии от того же Кирюхи, специальных курток не было, ну там с резинками на нужных местах. И, хотя в местном магазине (а тут был и местный магазин) они продавались, денег на их покупку у нас тоже не было. Катались так, и не заморачивались. И на каток ходили. Правда, тут уж только мы со Светкой, кавалеры наши этого увлечения не разделяли. Подозреваю — не умели, или умели плохо, не хотелось позориться. Но мы и без них особо не скучали. Мы ж туда, собственно, кататься, а для общения нам и времени и места хватало.

А вот в бассейн я с ними не пошла ни разу, как они все меня не уговаривали. Не бывает НАСТОЛЬКО закрытых купальников. Вот и разговаривать не о чем.

Ну а наши с Петькой «постельные сцены»... Постель была, сцен не было. Дальше объятий и поцелуев я была идти категорически не готова. Так и спали, обнявшись, в одной кровати, аки брат с сестричкой. Может, будь Петька постарше и поопытней, и все бы у нас случилось. Но ему, как и мне, еще девятнадцати не исполнилось, наверно, и у него были какие комплексы. В общем, мое «нет» было для него действительно «нет», а не циничным «девочка ломается».

Так и жили. И все было здорово. Долго. Почти все каникулы. До того дня, когда я поспешила. Мы забежали в номер после ужина, чтобы переодеться, а Петька захватил туалет — приспичило ему, видишь ли. Ну, я и решила, что успею, пока он там. Не успела. Я как раз потянулась, чтоб взять блузку, когда его возглас: «можешь занимать» захлебнулся на первом «мо...»

Я судорожно развернулась к нему лицом, но было поздно — он заметил.

— Что это, Лара? — потрясенно выдохнул он.

— Ничего, — нервно отрезала я, пытаясь попасть в рукава блузки дрожащими руками.

— Ничего?! — он в два шага преодолел разделяющее нас пространство и, схватив меня за плечи, развернул к себе спиной, попутно отбрасывая прочь мою так и не надетую блузку. И замер — потрясенный, шокированный, не находящий ни слов, ни даже мыслей, которые можно было бы этими словами выразить. А я стояла перед ним обреченно, беспомощно, и щеки мои горели от непереносимого стыда из-за того, что он узнал мою самую постыдную, самую гнусную тайну. Он думал, что я человек, а со мной, оказывается, можно — вот так...

— Кто. Это. Сделал? — наконец сумел выдавить Петька.

— Тебе оно зачем, Петь? — очень тихо поинтересовалась я. — Думаешь, узнаешь, и станет легче? Ну, вот я знаю. Только что-то мне не легче, уж ты поверь...

— Легче?! Да ты о чем?! Да за такое убивать... Ладно, мы не он, но в суд-то подать надо обязательно! Тот, кто это сделал — он же не человек, он же выродок, ему не место среди людей!

— Правда? — у меня начиналась истерика. Я сложилась от смеха, упав на корточки возле кровати, слезы при этом лились потоком. — Не человек? Ну надо же! Да правда? А ты, значит, в суд? Подашь? На него? Или на меня? Только знаешь? Чем кончится суд? Знаешь?

Меня убьют! Потому, что это я. Не человек. А ему — можно! Можно!

— Лара, Лара, что ты, — Петька упал на колени возле меня, обнял, прижал к себе. Начал укачивать, утешая, целуя меня в волосы, глядя плечи. — Тише, моя девочка, тише. Не надо, не плачь. Ты мне потом все расскажешь. Успокоишься — и расскажешь. Не плачь. Я люблю тебя. Я с тобой. Все будет хорошо, родная моя, все будет хорошо.

Он целовал. Волосы, плечи, шею. Потом его губы скользнули ниже, и я почувствовала, что он целует мои шрамы. Медленно-медленно скользит губами, целуя каждый миллиметр изуродованной кожи. А потом уже я его целовала, и снова он меня, и вот мы уже на кровати, и одежды на нас становится все меньше, и даже когда его руки потянули вниз мои трусики, я его не остановила. Мне хотелось быть с ним. Мне хотелось, чтобы он был во мне. Но вот хотела ли я его? Было не важно. Он целовал. Все шрамы на моей попе, и все места, где не было шрамов. Целовал и ласкал мою грудь, и вновь возвращался к губам. Я отвечала на его поцелуи и целовала сама, лаская его волосы, плечи, спину... И когда он раздвинул мне ноги и встал между ними на колени, я была готова. Я ждала его. И вот он потянул вниз уже собственные трусы... И я увидела ЭТО, и поняла, что меня сейчас вырвет. Потому, что мгновенно вспомнила другое «достоинство», перенесаясь мысленно в Новогоднюю ночь, в больницу. Вновь как живую увидела все это бесконечное, невыносимое непотребство. И даже вспомнила тот омерзительный запах — пота, спермы и крови.

— Нет, — выдавила, отодвигаясь, — нет. Я не могу, не могу!

Петька потерянно уселся на попу, возвращая трусы на место:

— Да ты что, Ларка, я ж не настаиваю... Я думал, что ты хочешь... Что ты готова...

— Нет, нет, нет, — я снова рыдала, сжавшись в комочек и дрожа мелкой дрожью.

— Лара, Ларочка, не надо, не плачь, — Петька осторожно полз ко мне, волоча за собой край одеяла. Очень аккуратно накрыл меня всю и обнял — только поверх.

— Тебя... еще и изнасиловали? — очень тихо спросил через какое-то время. — Это... в Новый год, когда ты не пришла, а я, дурак, еще и наврал?.. А тебя искать надо было. Спасать.

— Нет, Петька, меня не насиловали. Просто заставили... смотреть, как имеют других. И это было так мерзко, так отвратительно... Ты прости, я... не из-за тебя, просто вспомнилось сразу, и... Не могу! Не могу об этом, правда... А себя не вини, ты все правильно тогда сделал, хоть родители не дергались. А это все еще до того было. До того, как я позвонила... И меня бы довезли. Только я убежала. Гадостей наговорила и убежала. А потом заблудилась. Пьяная была. Вот и гуляла. Где-то, с кем-то. Ни одного лица не помню, одни фейерверки...

— Пьяная? — не поверил Петька. — Ты? Ты ж не пьешь.

— Да? — взвилась я. — А кого-то это волнует?! Меня, что же, спрашивают?! А еще я не люблю смотреть, как баб в грубой форме трахают! А еще мне не нравится, когда мне отцовским ремнем кожу на спине рассекают! Когда родителей доводят до состояния привидений! Когда убить обещают за малейший чих! Изнасиловали! Да лучше б меня изнасиловали! Только я ж не нужна! У меня же кровь проклятая! Ее же — только в землю! Только в землю! До последней капли! Ее же даже людям другим нельзя переливать, а то вдруг заражу! — захлебнувшись, наконец, собственными слезами, я замолкла, и только рыдала, рыдала, рыдала. Петька лежал рядом и обнимал через одеяло, но больше уже ни о чем не спрашивал. Видно, просто боялся.

На следующий день на лыжах мы не поехали. И на санках, и на коньках. Просто бродили, подавленные и тихие, по бесконечным дорожкам, и все больше молчали. Петька держал меня заруку, время от времени поднимал на меня взгляд, и вновь отводил глаза.

Думаю, я знала, о чем он хотел спросить. Кто? Кто все это сделал со мной, и помешал ему насладиться любимой девушкой, и этим сказочным отдыхом? А что я могла ответить? Петька жил в мире благородных и добрых вампиров, благодетелей человечества. Зачем разрушать эту сказку? Чтоб он мучился, вот так же, как я? Сегодня я понимала куратора, сказавшего мне при первой встрече: хорошо, когда таких, как ты, большинство. А когда ты одна... Да и убьет, если стану про него гадости рассказывать. Он ведь правда не пошутил.

— Ты меня теперь презираешь? — спросила Петьку. — Жалеешь, что пригласил?

— Да ты что, Лариска, как ты подумать могла? — возмутился Петерс. — Я просто не хочу особо расспрашивать, вижу, как ты переживаешь. Не хочу, чтоб ты опять плакала... Думаю, как помочь. Я так понял, в суд ты на него подавать боишься?

— Смерти моей хочешь? — печально интересуюсь.

— То есть человек он влиятельный... Слушай, а может нам с Кирюхой поговорить? Ну, без подробностей. У него отец знаешь кто? Там и положение, и связи...

— Нет, Петька, спасибо. Не надо ничего. Не поможет Кирюха. Надо просто как-то жить. Дальше.

— погоди, а твой вампир, — не сдавался Петька.

— Что? — думала, сердце остановится.

— Ну, куратор ваш, Анхен. Он же к тебе вроде неплохо относится, ты сама рассказывала. Может, его попросить, чтоб он разобрался? Против вампира никто не пойдет, по-любому. Ты ведь понимаешь, такое нельзя прощать, иначе это не кончится. Не ты, так другой кто пострадает, — Петька горел праведным желанием не то помочь мне, не то отомстить за меня, в общем, что-то сделать. И не замечал, что у меня вот-вот опять начнется та самая истерика, которой он так боялся.

— Он знает. Он обещал. Меня больше не тронут. Не тронут, — только и смогла выдать я, пытаясь сдержать эмоции. Все, что только можно сдержать. — Давай съездим завтра на экскурсию, Петь. Я в холле видела объявление. Ну, там дом-музей Малькова, пещеры. Да и саму Пахомовку посмотрим. А то ближайший к нам городок, а мы и не были ни разу.

Петька идею одобрил, и мы пошли записываться на экскурсию. Петька даже чуть повеселел, вроде. Ну еще бы! Переложил дело защиты моей чести на вампира (тот ведь по-любому лучше справится, верно?), и теперь ему оставалось только меня развлекать. Ну, а уж это Петенька умел.

Кирилл со Светкой с нами на экскурсию не поехали. Они и были уже, да и каникулы кончаются, скоро лыжи чехлить, а уж с Кирюшкиным-то фанатизмом и полдня пропустить трагедия, а тут целый!

Поехали одни. Городок был маленький, весь усыпанный снегом по самые крыши. Домик великого художника тоже был такой маленький, кукольный, словно теремок. А картины так себе. Горы, сосны. Озера, реки. Поля, дороги. Людей он писал редко. Вампиров — так и вообще никогда. Хотя — откуда в Пахомовке вампиры? Тут их, наверно, и не видали отродясь. Это вон меня угораздило в наукограде родиться. А у нас да, куда ни плюнь... И все такие благородные. Девушек вон защищают. От неблагородных маньяков.

Так, нет, стоп, хватит. Что там у нас дальше? Камень, сосна, вода. Очень интересно, очень. Шедевр. Очень великий художник. Певец родной природы. Что вы говорите? Его кровать? И вот стул тоже его? За-щи-бись.

«Известные на всю страну пещеры» почему-то тоже не порадовали. То ли у меня с

воображением что-то не то, не знаю. Ну где там зайчик? Камень и камень. Ну, оплывший, и подтекает там еще чего-то. А это, стало быть, гномик? А почему не наоборот? И все какое-то грязно-серое, мрачное. Сталактиты, сталагмиты, помнись бы еще, что что, гроты какие-то, похожие на маленькие тюремные камеры. И чего мы вообще сюда поперлись, сидели бы в горах, воздухом дышали...

А потом мы вышли к озеру, и я разом перестала бурчать. Потому что вот это действительно было красиво. Огромное, незамерзающее даже зимой, умело подсвеченное прожекторами, оно словно выступало из тьмы. Благодаря подсветке, воды его местами казались синими, местами черными, а края терялись во мраке, сливаясь со смутно проступающими очертаниями скал. И все это было такое недвижимое, завораживающе холодное, завораживающе безмолвное. И мне даже представилось, как где-то там, из-за скал, появляется черная лодка, и бесшумно скользит по этой глади, а в лодке едва различимая фигура с длинным шестом — представитель какого-нибудь сказочного подземного народа, в чьи владения мы вторглись.

— Глубина этого озера... — заголосила над самым ухом гидша, и морок растаял. Шумная толпа людей вокруг, кто-то бросил в воду камень... Выгнать бы вас всех отсюда. Остаться одной. Здесь. Насовсем. Я подошла к самому краю и опустила в озеро руку. Ледяная вода обжигала, сводила пальцы. Но это было приятно. В этом был покой.

— Ларка, ты что, руку отморозишь! Пошли, — и Петька потянул меня вслед за нашей группой. Озеро было последним объектом подземелья. Дальше выход. И сувениры.

Вереница лотков с поделками из природного камня тянулась вдоль всей площадки у входа в пещеры. Здесь было многолюдно. Стояла очередь на вход, ждали своего часа многочисленные экскурсии, бродили среди лотков те, у кого экскурсия уже закончилась. Бродили и мы. А некрасивый белесый камень, оказывается, после обработки становился желтовато-оранжевым, словно слегка прозрачным. А уж поделки из него! Такие гладкие, скользкие в руках, обтекаемые, ни одного острого угла. Я поняла, что пропала, едва увидела их. Поняла, что куплю. И даже не одну. Вот только глаза разбегались, и я все никак не могла выбрать, и все переходила от лотка к лотку, и брала в руки то одно, то другое.

— Да клянусь! Я правда видел вампира! — донесся вдруг до меня звонкий мальчишеский голос. Ага, во сне. Наши мальчишки, помнится, хвастались, что и за Бездну летали.

— Ну ладно, не самого, — сдался мальчишка под напором не верящих одноклассников, — машину. Такую сияющую красную машину! Мы в хоккей играли, а она над нами — прямо над головой!.. А в машине кто, по-твоему, сидел? Человек? Так что видел! Не вру!

Изящная селенитовая белочка выскользнула из моих рук и упала в снег.

— Ларка, ты чего?

— Купи мне ее Петька, ладно? Пожалуйста! — я развернулась и отправилась на поиски говорившего.

Группа ребят лет двенадцати стояла неподалеку. Видно, на экскурсию привезли. Подошла, попытавшись придать лицу подобие дружелюбия. Ну, может же клятый вампир улыбаться так, что ему веришь. Почему у меня не получится?

— Привет! Слушайте, а кто из вас вампира видел? Ну, в красной машине.

— Я видел, — мальчишка смотрел на меня с вызовом. — А что, не веришь?

— Да нет, скорее завидую. А где ты его видел, здесь? Давно это было?

— Да нет, не здесь, дома. Ну, в Усть — Каменке. Это знаешь где? На самом краю, — охотно принялся объяснять мальчишка. — Это у вас тут вампиров днем с огнем не сыщешь, а через нас они летают — только так. От нас же до их Города — рукой подать. Только обычно они высоко летят — не разглядеть. А в тот раз он низко летел — над самой рекой...

Почувствовала, что снова могу дышать. Я уж думала, он его здесь, сегодня, сейчас видел. А уж то, что красная машина не одна на свете, так и просто в голову не пришло. У меня мысли уже были — не возвращаться на турбазу, бежать... А куда сбежишь? Глупо. Захочет — найдет. Да и зачем ему я? Сижу молчу. На лыжах катаюсь, сталактиты рассматриваю. А впрочем... неужели мальчишка и вправду нас видел? Ну, когда мы на Ледяные водопады? Ведь и впрямь — над самой рекой...

— Так когда это было, говоришь?

— Да не помню. Еще до Нового года. Нас же как в каникулы всех сюда перевели, так с тех пор домой и не отпускают. Карантин у нас там. Говорят — до конца февраля еще здесь учится.

— Вас всех — это кого? Весь класс?

— Не, всю школу. Да и не только нашу. Просто другим больше повезло, у меня вон приятель в трешке учится, так их в Устиновск вывезли. Большой город. Не то, что эта дыра.

— Так и Усть-Каменка не столица, — опешила я.

— Вот, а кто-то и в столицу попал. А мы так, шило на мыло променяли.

— Зато здесь есть пещеры, — я продолжала разговор с ним по инерции, никак не находя повода откланяться. Это что же выходит, пока их Владыка давится от жадности, они увозят от Бездны детей. Не поднимая шума, без объявлений в прессе, они спасают наших детей. Да сто раз плевать, что для поддержания популяции, но они их спасают! Не смотрят, не ждут, что-то делают!

— Держи свою белку, — Петька протянул мне бумажный пакетик. — Идем, а то автобус без нас уйдет.

Всю обратную дорогу не могла отделаться от какой-то мысли. Она зудела где-то на краю сознания, не давая покоя, но и не даваясь в руки. Что-то было не так. Слишком гладко. Детей из Усть-Каменки вывезли сюда. В горы. Максимально далеко от Бездны. Ну, логично. Полумеры — они зачем? Спасать так спасать. И мы с Петькой (вот совершенно случайно) едем сюда. Не просто в горы, но в один из тех городков, куда эвакуируют детей из опасных районов. Что из этого следует? Да ничего. В стокилометровой зоне Бездны существует множество поселений, от деревень до городов. Вот и увозили оттуда детей — с крайнего востока на крайний запад, не по диагонали же их возить. Ну а Усть-Каменка на нашей широте, вот мы и встретились. Но ведь мы — на курорт. По случайной путевке, могли хоть на север, хоть на юг. А путевка досталась — строго на запад. Тем же маршрутом, так сказать. Нет, я так с ума сойду.

— А расскажи-ка ты мне, Петька, про своих сказочных знакомых, — ткнула его в бок. А то что это он, неужели дремать собрался?

— Что тебе рассказать?

— Ну вообще... Кто такие, откуда знаешь?

— Да ниоткуда, случайно все вышло.

— Вот с этого момента поподробнее, ладно?

— Как прикажете. Сижу я в столовке перед экзаменом...

— Ты перед экзаменом в столовке сидишь? А я обычно в библиотеке, — не могла не

подколоть.

— А че там? Перед смертью не надышишься. А кушать хочется всегда. Так тебе рассказывать?

— Рассказывай, Петенька, рассказывай.

— Так вот. Народу много, все столики заняты. А я один сижу, Марик со мной не пошел, предпочел под дверью мучиться. Подошла девчонка с подносом, попросилась со мной присесть. Ну, я красивым девушкам не отказываю.

— О, так она красивая была?

— А ты ревнуешь? Приятно. Ну, наверно, девушка как девушка. Веселая такая, общительная. Разговорились. Ну и к слову она и обмолвилась, что с парнем поссорилась, а теперь путевка пропадает, одной ей ехать не хочется, да и не одной тоже. Спросила, не знаю ли я, может, кто захочет купить, хоть за полцены, ей бы хоть часть денег вернуть. Вот, собственно, и все. Потом еще встретились, я ей деньги отдал, она мне путевку.

— Ну а хоть что-то ты о ней знаешь? Как зовут, с какого факультета, курса?

— Зовут Инга, факультет не знаю, не спрашивал, ну а курс — точно не первый, а там кто ее разберет.

— А волосы... у нее такие короткие, обрезанные, верно? — зачем-то еще спросила я. Хотя, чего уж там, далее без вариантов. — Светлые такие?

— Верно, — удивился Петька. — Ты ее знаешь, что ли?

— Видела. Мельком. Однажды. Все больше слышала. Исключительно хорошее, — под конец не удержалась от язвительности в голосе. Случайно она подседа. Угу, конечно. Посидеть больше негде.

— И кто она? — вот бездна, еще и Петьку заинтересовала своим интересом.

— Так. На нашем факультете учится. Кажется. Мы не знакомы, просто... имя редкое. И прическа у нее такая странная. Вот и подумала.

— А-а.

И вот что я должна сейчас чувствовать? Вот и я не знаю. Ничего не чувствую. Ступор. Знаю только, что Петьке сказать не смогу. Никогда. Пусть думает, что это он. Что благодаря ему. Что случайно.

Вспомнилась лилия, что ждала нас на маленьком столике. Она давно завяла и ее выкинули, а жаль. Такую красивую я никогда еще не видела. Говорят, у вампиров в оранжереях любые цветы цветут в любое время года. Хотя — кто говорит? Только сами вампиры. Из людей, что видели те оранжереи, ни один уже ничего не расскажет.

Он обещал меня отпустить... Или это он так отпускает? С Петькой в одну кровать положил? Чтоб быстрее, типа, замуж выходила. И благословляла на поиски алмазов. А уж отыщет мой благоверный алмазы — будем и сами себе... костюмы горнолыжные покупать. Для лучших турбаз страны. Не хочу думать. Не могу об этом думать. Устала.

А с утра решила выкинуть все из головы и наслаждаться. Последние ж дни остались. Ну и в самом деле, чтоб я дома делала? Лежала, плакала да жалела б себя. В конце концов, я могла и не узнать, что это все он. Да если б не тот случайный мальчишка, и в голову б не пришло. Все, решено, спасибо — Петьке, а никаких вампиров я и знать не знаю. Не было. Не знакомы. Да и не задаром все это, Петька деньги платил, и немаленькие.

И мы вновь летели вниз под свист ветра, и снова снег набивался под куртку, потому что вечно мы выбирали для себя не те высоты, не соизмеряя желания с мастерством, стремясь охватить все и сразу. А вечера вновь были долгими, потому как танцевали мы действительно

до упаду. Вот приходили в номер и падали от усталости на свое королевское ложе, и спали до утра, как короли.

И если б спросили меня, как, по-моему, счастье есть? Я б ответила, не задумываясь: да, вот оно, счастье. Здесь и сейчас.

А потом я заболела.

Температура поднялась внезапно, в ночь. Вроде ложились еще здоровой. А проснулась среди ночи в ознобе, и горло болит ужасно, и еще, почему-то, сердце. Попыталась разбудить Петьку, но не сразу нашла его в темноте. Он спал, откатившись на свой край постели, а для меня кровать уже была — море, и я шарила руками, пытаюсь выплыть, и рукам не за что было ухватиться. А потом одна рука моя коснулась холодного металла, и я тянула этот холод к пылающему лбу, и все шептала Петьке: «Помоги мне!». А дальше судорогой свело мышцы, и рассудок ухнул во тьму.

* * *

Потом... где-то совсем-совсем потом появилось ощущение. Горло. Мое горло, распухшее, стянутое пленками, почти чужое. И по нему течет что-то теплое, чуть сладковатое на вкус. Попыталась сглотнуть, и у меня получилось, и это даже не больно. И тогда пришли звуки. Чьи-то гулкие шаги, шорохи, скрипы. Тяжелое дыхание, кашель, стоны. И, где-то вдалеке, слова, сказанные высоким женским голосом. Вернее — звуки слов. Без смысла, без содержания. Чей-то ответ. Другим голосом, тише, но столь же бессмысленно. Глотаю еще раз. Ощущаю свое тело, вытянутое на кровати. Жесткой кровати, сказочным принцессам такие не нравятся. Кто-то сидит рядом, вплотную к руке. Еще и узкой кровати...

— Петька, — хочу позвать его, но не могу произнести не звука. Снова глотаю. Удастся открыть глаза. Вокруг туман, но лицо я вижу. Не Петькино лицо. Ласковые карие глаза, и улыбка — такая искренняя, такая лживая.

— Тише, тише, — шепчут мне его губы. — Это сон, это просто сон. Спи.

Глаза закрываются. Сплю.

— Что здесь происходит? — Голос звучит совсем рядом. Незнакомый, властный, решительный. Женский.

Сон слетает. Глаза открываются легче. Туман почти растаял. Действительно, Анхен, живой и настоящий. Сидит на моей кровати в небрежно накинутом на плечи халате и держит запястье над моими губами. И теплые сладковатые капли стекают по моему языку в горло. Так он меня что, своей кровью??!.. А я думала, кровь соленая... ну, солоноватая... или это у людей...

Анхен улыбается мне и оборачивается на голос.

— Авэнэ? — в женском голосе изумление, почтительность и словно бы извинение за предыдущую властность.

— Добрый день, Альера, — светлейший Анхенаридит невозмутим и доброжелателен, как всегда. — Приятно, что медицина в вашем лице добралась и до этой забытой богами больницы.

Так мы в больнице? Оглядываюсь. Да, причем в переполненной. Моя кровать, как и многие другие, стоит в коридоре.

— Вы льстите мне, авэнэ. К моему глубокому сожалению, я не несу с собой медицину, я

лишь проверяю ее наличие, — она наконец-то подходит ближе, и я могу ее разглядеть. Вампирша. Красивая. Короткие каштановые волосы подчеркивают форму головы. Никаких острых изломанных линий. Весь ее облик — воплощенная мягкость и женственность. Ощущение тепла и света накрывает меня волной. Я чувствую ее ауру поверх ауры Анхена, с которой уже сроднилась. Сладость. Благоговение. Обожание. Нет, никакой разницы вампир или вампирша, эмоции они вызывают сходные.

— Ее отсутствие, — поправляет Анхен весьма невесело. — Вы не подадите мне пластырь, Альера?

На время она пропадает из моего поля зрения, затем возвращается, протягивая ему пластырь. Во взгляде явно читается неодобрение, но вслух она ничего не говорит. Анхен невозмутимо заклеивает рану на запястье.

— В районе вспышка тяжелейшей инфекции, а в районной больнице на десятый день кончается сыворотка. Это вообще как? — продолжает он свой диалог с вампиршей. — Я понимаю, когда мы теряем людей от болезней, которые они и лечить-то не могут. Но вот так, от нехватки лекарств! Я очень надеюсь, Альера, что ваша инспекционная проверка поможет разобраться с вопросом снабжения больниц лекарственными средствами в необходимом объеме. Очень бы не хотелось еще и этим заниматься лично.

— Я тоже надеюсь, что мне это удастся, авэнэ. Мой отчет будет у вас в течение следующей недели.

— Да, конечно, спасибо, Альера. Я был бы благодарен, если б вам удалось справиться с этим чуть раньше. Но торопить не имею права, мне важно качество.

— Я все понимаю, авэнэ, — вежливо кивнув, она проходит дальше. Но почти сразу возвращается.

— Я хотела спросить, Анхенаридит, — нерешительно начинает она. — До меня дошли слухи... Это правда, что принято решение прекратить все исследовательские работы в Бездне и наглухо перекрыть туда доступ?

— Да. Работы по установке саркофага уже ведутся. К концу февраля все должно быть закончено, — его голос спокоен и уверен. Ее же явно мучают сомнения:

— Но... ведь это лишает нас шанса.... надежды... Как жить, когда не остается даже надежды?

— Надо жить будущим, Альера. Нельзя бесконечно стремиться в прошлое. Оно ушло, его не вернуть, — Анхен встает и обнимает вампиршу за плечи.

— Но разве у нас есть будущее, Анхенаридит? — она поднимает на него глаза. Огромные, очень красивые и очень печальные глаза цвета больной бирюзы. А он, едва касаясь, целует ее в губы.

— Надо жить, Альера. И создавать — свое будущее. А не пытаться откапать собственное прошлое, губя при этом все живое вокруг.

Она какое-то время молчит, прислонив голову к его плечу, а он легонько гладит ее по волосам. Потом взгляд ее останавливается на мне, и в глазах появляется удивление. Безмерное удивление.

— Конэсэ? Вы отдали ей конэсэ?

— Подарил, — Анхен тоже смотрит на меня. Во взгляде — теплота, на губах — легкая улыбка. — Это уже не конэсэ, просто безделушка, — вампир склоняется надо мной, и аккуратно укутывает одеялом. — Спи уже, — улыбаясь, шепчет он мне, и вновь оборачивается к вампирше. — Все думаю: может, распилить ее на две половинки, чтоб

удобнее было девичьи косы закалывать?

— Как вы можете так? — вампирша, похоже, шокирована. — Неужели вам совсем-совсем не жаль?

— Мне многого жаль, Альера. Но поддерживать проекты, которые столетиями не дают результатов, уродуя эту землю, я не могу. И я рад, что мне удалось настоять на их закрытии. Мы не можем губить еще и этот мир.

— Но этот мир губит нас, — она отвечает ему очень тихо, я едва ее слышу.

А дальше — не слышу уже ничего. Веки мои потихоньку тяжелеют, и я засыпаю, так и не успев ничего понять.

А проснулась выпавшейся, отдохнувшей, с чувством невероятной легкости во всем теле. Радостная проснулась. И эта радость переполняла меня, пузырилась воздушными шариками. И была она ни от чего — просто радость. Какое-то время лежала, пытаюсь сообразить, где я. Небольшая комната, белая дверь, светлые стены. Подо мной жесткая кровать с железными спинками, рядом тумбочка. У противоположной стены стул и стол. Вся мебель не только очень простая, но еще и не новая. У тумбочки покосилась дверца. Спинка стула выщерблена и облезла. Нда, не «Горная долина», однозначно. А быстро привыкаешь к хорошему.

Смутно вспоминается переполненный больничный коридор, Анхен, вампирша, непонятный разговор. Видимо, сон. Он снова стал мне сниться. А во сне он был хороший, добрый. Улыбался. Вот только поцеловал не меня, а вампиршу. Неправильный сон.

Пытаюсь встать, и у меня выходит. Чуть закружилась голова, но быстро прошла. Подхожу к двери, выглядываю. Коридор, переполненный, больничный. Значит, хоть это не приснилось. Я заболела, и меня отвезли в больницу. Сначала положили в коридоре, а теперь перевели в палату, видно, место освободилось. В одноместную палату. Даже в светлогорской больнице таких палат было не много, и клали туда не каждого. А я точно не в Светлогорске.

Ладно, сначала дело. По больнице полагается ходить в халате, но халата у меня нет, иду так. Прогулка до туалета оставляет тягостное впечатление. Коридор не слишком широк, а коек там довольно много. Душно, тяжелый запах. Все лежат. Никаких бесед, только тяжелое хриплое дыхание, стоны. Сестры не видно.

С облегчением закрываю за собой дверь палаты, подхожу к окну. Пейзаж тоже особо не радует. Первый этаж, за окном кусты, немного видно дорожку, дальше дома. Тоже больничные корпуса, или другие какие строения — не разобрать. Вдалеке видны горы.

Я не чувствую себя больной, ничуть. Но когда лежала там, в коридоре, мне же было плохо. Мне явно было очень плохо, раз я так смутно все помню. Сладковатая жидкость, текущая по горлу. Анхен. Кровь. Нет, не может быть, это просто сон. Вспомнила папочку с его вампиршей, вот и приснилось. А Анхен... он бы не стал, ему зачем. Он меня «отпустил». Избил, а потом «отпустил». Живи да радуйся. Чудовище. Жестокое, коварное чудовище. Как я могла о нем думать, ему радоваться? Теперь вот во сне все время вижу. Хорошим. Ну почему во сне я все время вижу ему хорошим? Ведь это не правда! Мне ли не знать, что это не правда!

Прижалась лбом к холодному стеклу. Нет, за окном хорошо. Солнышко. Снег искрится. И угораздило ж меня заболеть...

А потом распахнулась дверь, и такая волна счастья накрыла меня с головой, что дыханье перехватило. Я даже за подоконник схватилась, показалось — ноги не держат. Даже обернуться не успела, а он уже стоит за моей спиной, прижимаясь ко мне, обнимая меня. Ох,

совсем не в дружеских объятьях, судя по тому, как горит моя грудь под его решительными жадными пальцами. Выгибаюсь в его руках, мечтая, чтоб ласка не была мимолетной, поворачиваю голову, пытаюсь взглянуть в его лицо, но его губы накрывают мои, и мир взрывается, становясь наслаждением. Мир огромен и безграничен, как эти губы, эти руки, это счастье! Мира вовсе нет — там, где кончаются наши сплетенные тела. Блаженство, растекаясь, безумствует в каждой клеточке тела, я оборачиваюсь к нему лицом, мои руки тоже жаждут ощущать его кожу под моими пальцами.

— Анхен, Анхен, — безумно шепчу, когда его губы отпускают мои, чтоб скользнуть по моему телу ниже. Мои пальцы тонут в его волосах, таких густых и шелковистых. Ан-хен! Я не знала, что его имя — вдох и выдох в сладострастной молитве. — Ан... — дыханье перехватывает от восторга, — ...хен, — короткий выдох, и снова со всхлипом вдох.

— Лекарства... — возникшая на пороге сестра при виде нас краснеет, бормочет «извините», и захлопывает за собой дверь.

Я вздрагиваю и отстраняюсь. И мир возвращается. Я осознаю, что сижу на подоконнике, раздвинув ноги, прижимаясь к нему бедрами, рубашка на мне разорвана до пупа... Щеки мои немедленно становятся свекольными, горят даже уши. А он... смеется. Смотрит на меня, и весело смеется.

— С днем рождения, Лариса, — говорит мне Анхен и аккуратно спускает на пол.

— Но у меня... не сегодня, — растерянно отвечаю, пытаюсь запахнуть на груди рубашку.

— С этого года — сегодня, — не соглашается он. — Как ты себя чувствуешь?

— Хорошо, — когда я смотрю на него, я не могу не чувствовать себя хорошо. Как он красив! Как он непередаваемо, божественно красив! Мой вампир, мой бог! И я смеюсь от счастья, видя свет его глаз, ощущая тепло от его улыбки, — просто чудесно!

— Как я люблю тебя такой, — смеется он в ответ, — веселой, беззаботной, любящей!

— Анхен! — у меня аж дыханье от восторга перехватывает, — Это правда ты? Откуда ты здесь взялся?

— Мимо проходил, — беззаботно пожимает он плечами. Фраза кажется знакомой, но когда я слышала ее прежде — не знаю, не важно. Он здесь, со мной!

— Я смотрю, ты не выкинула мой подарок, — он кивает на свою заколку, прицепленную к одной из моих косичек. Смотрю на нее с недоумением. Я же точно снимала ее на ночь. Ну там, на турбазе, перед тем, как заболеть.

— Ты в руке ее сжимала, — видя мое недоумение, объясняет он. — Пальцы судорогой свело, их видно разжать не смогли, чтоб у тебя ее забрать. Так с ней в больницу и привезли. А мне отдала. Так что это я ее тебе на волосы повесил. Просто, чтоб не потерялась, пока ты без сознания, со всеми этими переездами.

— Так это ты меня в палату перевел?

— Я здесь не работаю, — пожимает он плечами. — Просто попросил. Моя девочка не должна лежать в коридоре.

Я снова смеюсь от счастья, глядя в его прекрасное лицо. «Моя девочка», он назвал меня «моя девочка»!

— Я рад, что все хорошо, — солнце светит ему прямо в глаза, отчего его и без того узкие зрачки кажутся просто шелками. — Ты помнишь, что произошло?

— Помню: ты порвал мне рубашку. А мне даже переодеться не во что! И вообще, список испорченной по твоей вине одежды...

— Ну, по-моему, ты мне отомстила, — весело перебивает он меня, сдувая с лица свои

спутанные пряди. Смотрю на него внимательней. Ох, да! Распущенные волосы растрепаны, рубашка выдрана из штанов, расстегнута, и пуговиц на ней — ой! — явно не хватает. Видя мое замешательство, он легко целует меня в губы, затем нагибается и подбирает с пола свою завязку для волос, и убирает ее в карман брюк. — Пуговицы, полагаю, собирать не будем... Но вообще-то я не об этом, — он смотрит на меня серьезно. — Ты заболела, помнишь?

Я киваю. Что-то смутно помнится.

— Плохо тебе было, Ларка, здорово плохо. Я дал тебе своей крови.

Сладковатая жидкость, текущая по горлу. Значит, было. Не приснилось. Он смотрит на меня, чего-то ожидая. Не знаю, что нужно сказать.

— А почему твоя кровь сладкая?

— Сладкая? — он смеется. — Мне трудно судить, я конфеты не ем. Но если ты о том, что она отличается от человеческой, то да, вкус другой. Другой состав — другой вкус. Но раз сладкая, значит, понравилась, верно? — он хитро улыбается. — У людей же сладость — это всегда со знаком плюс.

— Понравилось, — счастливо соглашаюсь. — Мне все в тебе нравится.

Нет, не могу так стоять, хочу прижаться к нему, почувствовать его кожей. Вновь запускаю руки ему под рубашку, скольжу ладонями по спине, прижимаясь к нему всем телом. Он в ответ крепко обнимает меня, прижимает мою голову к своему плечу, гладит по волосам.

— Это эйфория, Ларис. Моя кровь пьянит твой разум, заставляя любить и желать. Моя кровь, отданная тебе, чувствует во мне свое продолжение, и жаждет слиться, вновь обрести целостность...

— Я тоже... жажду слиться, — я понимала его через слово, с трудом. Его кожа была такой нежной под моими пальцами. — Я люблю тебя. Я хочу быть с тобой. В тебе. Тобой.

— Я тоже люблю тебя, милая, — он опять целует меня. Снова легко, едва касаясь, а мне хочется глубже, много глубже. — Я ведь тоже чувствую в тебе мою кровь. Так что — процесс обоюден. Всегда — процесс обоюден. Но ты послушай меня, хорошая моя, пожалуйста, попробуй послушать!

— Только за поцелуй! — я выгибаю шею и тянусь к нему губами. Он улыбается мне, а потом целует. Так, как я и хочу: глубоко, страстно, долго. И я вновь задыхаюсь от восторга, забыв обо всем. А потом он отстраняется, и я чувствую себя рыбой, выброшенной на берег: никак не могу отдышаться.

— Тише, Лара, я же сейчас... говорить уже не смогу. Послушай. Ты сейчас не поймешь, просто запомни: это пройдет. Еще дня три-четыре, моя кровь в тебе растворится — и все пройдет. Схлынет, как наваждение. Снова будешь меня ненавидеть. Даже сильнее, чем прежде. Вот за все эти поцелуи, и за слово «люблю» проклянешь ведь, беспутная ты девчонка.

Я смотрю на него широко распахнутыми глазами. Ненавидеть? Его? За что? Что значит снова? Разве я когда-то его ненавидела? Никогда! Он всегда был моим богом, моим кумиром! Всегда помогал мне, любил меня! Он же сам мне сказал, что любит. Как он может думать, что я могу ненавидеть его, проклинать?

— Не говори так, — молю его. — Пожалуйста, не говори, ты делаешь мне больно! Я люблю тебя! Всегда любила, и всегда буду! Возьми меня! Мою кровь, мою плоть, мою жизнь, Анхен! Я хочу быть с тобой! Всегда!

Он гладит меня по спине. Не как любовник. Как добрый дядюшка дитя неразумное.

— А знаешь, что самое печальное, Лара? — произносит со вздохом. — Наяву ты мне

никогда такого не скажешь. Только гадостей наговоришь с три короба, обольешь вселенским презрением и удерешь, задравши хвост.

Наяву? А мы разве спим? И когда это я говорила ему гадости? Я ему жизнь свою на ладонях протягиваю, а он?

— Так что извини, Ларка, не могу воспользоваться твоим интересным предложением. Ибо сделано оно не в здравом уме и в нетрезвой памяти. Да и не для того я тебя кровью поил, шокируя окружающих. Ты уж поживи, девочка моя. Пока поживи.

Я смотрю на него и не верю. Он отказывается? Он от меня отказывается?

Он берет мое лицо в ладони и целует мои глаза, сначала один, потом другой. Отстраняется и смотрит долгим взглядом. Но видит только любовь, только мольбу.

— Любить? — спрашивает почти шепотом. Я киваю. — Хорошо, но потом я уйду. Возможно, резко и не говоря ни слова. Не обижайся, с вампирами такое случается. Я приду завтра. Слышишь? Я обязательно вернусь к тебе завтра.

А потом он вновь целует меня так, что мир сворачивается до размеров наших тел, и имя этому миру — блаженство. Ноги не держат меня, и он подхватывает меня на руки, и уносит на кровать, и сам ложится рядом, целуя, лаская, нежа. Его руки, его губы скользят везде, даже там, где я никогда не позволяла Петьке, да никому еще не позволяла. Задыхаясь в сладострастной истоме, я все шепчу его имя, вдох-выдох, Ан-хен. Он моя жизнь, моя смерть, мое дыхание. Ощущаю, как его пальцы скользнули внутрь, сначала один, а затем и второй. И это настолько невероятно, настолько непередаваемо! Голова моя мечется по подушке, тело выгибается, умоляя о чем-то большем. А он — уже не целует. Просто смотрит на меня, приподнявшись на локте, не прекращая своей интимнейшей ласки, лицо напряженное, губы сжаты в тонкую линию, сжаты крепко, нижняя челюсть чуть подрагивает от усилий. И когда, вздрогнув последний раз, я обессиленно замираю, обрушившись вниз с острых скал наслаждения, он слегка проводит тыльной стороной ладони по моей щеке, встает и уходит. Как и предупреждал, молча.

Не страшно. Я ведь знаю, что он вернется. Он обещал.

Позднее мне принесли передачу. Ночная рубашка, халат, и огромный букет тюльпанов. Вазы в больнице, конечно же, не нашлось. Но литровую банку медсестры мне пожертвовали.

Глава 9

Садовник

Принесли обед. Задумчиво поковыряла ложкой, но есть не стала. Не хотелось. Лежала и смотрела на его цветы. Красивые. Станный оттенок лепестков, они почти сиреневые, таких тюльпанов я раньше не встречала. И где он их нашел в этом городке, не сезон же. Понятно, в вампирских оранжереях есть и не такое, но до тех оранжерей даже на его машине ни один час лететь. Сиреневые лепестки о чем-то смутно напоминали, что-то видела я еще такое сиреневое и неожиданное... Вампирский камень! Ну да, вампирский цветок, Вампирский камень. Сиреневый цвет напоминал о вампирах. О вампире. О нем! Почувствовала, что краснею, вспоминая нашу встречу. Его губы, его взгляд, его слова о любви... Это ничего, что он ушел. Он вернется. Он завтра вернется, а я подожду. Вот только где же я видела Вампирский камень? Ох, нет, в голове пусто. Зато в сердце тепло. Он меня любит. И он ко мне придет.

Я лежала и улыбалась. Вот только ужин не смогла есть тоже. А когда ковыряла ложкой совершенно неаппетитный завтрак, меня посетили первые сомнения. Это как-то не так. Не правильно. Что-то со мной не то, раз я сутки не могу есть, хотя чувствую себя прекрасно. Это из-за крови, я понимала. Из-за его крови. Вот только во мне же и до того кровь вампиров наличествовала, ну, в каком-то там переработанном виде. Так может у меня теперь с этой кровью перебор, и какие необратимые изменения пошли? А если я теперь вообще есть не смогу? Что же мне теперь, придется кровью питаться?

Когда пришел, наконец, Анхен, я сидела, прижавшись спиной к стене и обхватив руками колени, и с ужасом смотрела на тарелку с остывшей кашей.

— Я не могу есть. Совсем, — сообщила в ответ на его вопрошающий взгляд.

— Так бывает, — спокойно кивнул он, присаживаясь на мою кровать. — Это пройдет.

— Правда? — обрадованно спросила я, перебираясь к нему на колени и обвивая руками шею.

— Правда, — он улыбался, ласково обнимая меня, и все смотрел в глаза, будто пытаюсь в них что-то найти. — Это моя кровь в тебе. Она доминантна, она очень сильно сейчас на тебя влияет. На все в тебе. Твоему организму понадобится еще несколько дней, чтобы полностью ее растворить и переработать. Я говорил тебе вчера, но, кажется, ты совсем не готова была меня слушать.

— Так я не превращусь в вампира?

Он рассмеялся.

— Ой, Лариска, ты в школе что, вообще все уроки вампирологии прогуливала? Мы принадлежим к разным биологическим видам, у нас нет общих предков, и никакие эксперименты с кровью человека в вампира не превращают, как, впрочем, и вампира в человека.

— А если всю перелить? — не сдавалась я. Мало ли, что там в школе говорили.

— Человеку? Умрет, без вариантов.

— А если вампиру перелить кровь человека? Ну, полностью, его откачать, а человеческую залить? — даже и не знаю, зачем бы это могло им понадобиться, но интересно же.

— В вену нельзя, — начал объяснять он столь спокойно и обстоятельно, словно они там

только и делали, что эксперименты по тотальному переливанию крови проводили. — При соотношении 50 на 50 начинается отторжение, да и в меньших количествах ваша кровь нам самочувствия не улучшает. А вот если через желудок... тогда весьма интересно получается...

— Что?

— А не скажу! — он столь хитро улыбнулся, что захотелось немедленно его поцеловать.

— Нет, скажи! — оторвавшись от его губ, я потребовала ответа.

— Ни за что! — смеялся он, падая головой на мою подушку и увлекая меня за собой.

— Тогда буду целовать, пока не скажешь! — удобно устроившись сверху, я преступила к немедленному исполнению своей угрозы. Он не возражал, лишь его руки скользили по моей спине, безбожно задирая мне рубашку все выше. А я целовала его лицо, его божественно прекрасное лицо, столь совершенное в своей красоте, что хотелось рыдать от восторга, что я могу видеть его столь близко, могу гладить его, целовать. Его высокий лоб, который никогда не знал и не узнает, что такое морщины, его черные дуги бровей, его сказочные неземные глаза цвета земли, согретой весенним солнцем, его узкий прямой нос, словно вырезанный резцом гениального скульптора, нежную кожу его щек, никогда не знавших щетины. Его губы, о, бездна, его губы, моя жизнь и моя смерть, моя жажда и мое блаженство!

— Пытка выбрана неправильно, — наконец заявил он, беря мое лицо в ладони и отрывая от себя.

— Тебе не нравятся мои поцелуи? — испугалась я.

— Мне нравятся твои поцелуи. Причем настолько, что если ты немедленно не прекратишь, то я вообще говорить не смогу, не то что на вопрос твой ответить. Кстати, я уже забыл, на какой.

— Я тоже, — счастливо рассмеялась я. Ему нравится! Ему хорошо со мной! — А почему ты говорить не сможешь? И вчера...

— А ты такая наивная маленькая девочка, что не догадываешься?

— О чем? О том, что когда страсть охватывает, стихи не считаешь? Но «люблю»-то можно сказать, даже сгорая от страсти, а не убегать вот так, молча.

— Ох, Ларка ты моя Ларка, — он притянул к себе мое лицо, очень медленно поцеловал в глаза, затем нежно коснулся губ. И снова отстранил, не выпуская из ладоней. — Это у людей страсть. А у вампиров — жажда. И когда она охватывает, ничего уже не сказать, ни «люблю», ни «ненавижу».

— Почему?

— Нечем, — он улыбнулся, чуть пожав плечами.

— Как это? — что-то он совсем меня запутал.

— Да вот так. Вампиры чем кусают?

— Зубами. Ну, клыками, в смысле.

— Да? И где у меня клыки? — Анхен поджал губы, обнажая два ряда ровных белых зубов. Дав мне налюбоваться с этого ракурса, приоткрыл рот, чтоб мне лучше было видно верхнюю кромку. Не было у него клыков. Вообще. В смысле — даже у людей клыки были. Я непроизвольно провела языком по собственному подобному зубу. Ну да, вот он, маленький острый треугольничек, чуть выступающий над остальными зубами. У него ничего подобного я разглядеть не могла. Не поверив глазам, аккуратно провела по его зубам указательным пальцем. Острые. Не клыки, резцы. Палец мне откусить при желании сможет. Но проткнуть кожу, вену... Никак.

— Ты точно вампир? — только и смогла придумать.

— А что, есть сомнения? — он, похоже, здорово развеселился, глядя на мое изумление.

— Появились, — нет, я, конечно, понимала, что он меня дурит, что в чем-то тут подвох, но в чем? В школе о столь интимных вещах не рассказывали, там все больше о роли вампиров в жизни нашего общества... — Ладно, сдаюсь. Где? Клыки, в смысле. Ну, чем ты кусаешь.

Он поймал мой указательный палец и положил на два верхних передних зуба. Провел по ним. Сначала сбоку, потом по кромке. Чуть прикусил. Поцеловал. Легкими поцелуями двинулся вверх по пальцу, начал целовать ладонь.

— Эти? — не поверила я. — Ты смеешься надо мной! Это резцы, они широкие, ими не прокусишь. И вообще, клыки не спереди, они сбоку!

— Только в ваших сказках, — сообщил мне Анхен, оторвавшись от моей ладони. — Вы ж все по себе меряете. А у вас клыки и впрямь сбоку. Мясо рвать. Ну а мы — мяса не едим, и никогда не ели.

— Можно подумать, вы вообще когда-нибудь ели.

— Давно. Никто уже и не помнит. Но с тех пор у нас и остались зубы. Атавизм. Ну и артикуляционный аппарат. А когда охватывает жажда, зубы втягиваются. До конца, в десны. Остаются только эти два. Деформируются так, что ими можно кусать. А вот говорить уже нельзя.

— Как втягиваются? — не поверила я.

— Больно. Но с годами привыкаешь. А уж с веками... А если ты меня снова доведешь своими ласками до белого каления, то я тебе покажу.

— Тебе не нравятся мои ласки?

— Да что ж ты мнительная такая у меня стала, — он резко перевернулся, опрокидывая меня на спину и нависая надо мной. Поцеловал. Долго, глубоко, обстоятельно, так, чтобы и сомнений не возникало. — Нравятся они мне, Ларка, нравятся. Я ж тоже сейчас от тебя пьяный. Вот разве что контролирую себя чуть лучше. И в целом отношусь к тебе гораздо лучше, чем ты ко мне.

— Неправда!

— Да правда. Просто у тебя память сейчас избирательная. А мне настолько не запьянеть.

— Я не пьяная! Я вообще не пью! — обиделась я. — Я просто тебя люблю, а ты мне не веришь.

— Ты как маленькая вампирочка, пьяная от крови, — он нежно гладил мне основания волос и смотрел так ласково, что я просто не могла на него сердиться. — А что тебе алкоголь нельзя, я знаю, я ж тебя поил.

— Когда это? Что-то я такого не помню.

— Совсем?

— Совсем. Ты меня точно ни с кем не путаешь?

— Тебя спутаешь, — он рассмеялся и поцеловал меня в нос. — Это было в больнице, мы праздновали Новый год.

Что-то смутно мелькнуло. Накрытый стол, я сижу рядом с Анхеном, кто-то поет под гитару... Как в тумане все.

— Ты вспомнишь, — успокоил меня Анхен. — Чуть позже. Побочное действие моей крови. Ты меня сейчас здорово идеализируешь, а потому просто не можешь вспомнить обо мне ничего плохого. А я беззастенчиво, — он поцеловал меня в одну щеку, — этим, —

поцеловал в другую, — пользуюсь, — и он вновь приник к моим губам. — И мне даже не стыдно, — сообщил он, оторвавшись.

— Нет, Анхен, погоди, погоди, — мои губы искали его, а руки ловили лицо и зарывались в его шелковистые густые волосы. Мыслей и так было не много, а от его поцелуев и последние разбегались. — Что плохого ты мог мне сделать? Не понимаю.

— Я не специально, — улыбнулся он, глядя на меня своими прекрасными теплыми глазами. — Усталый был очень, вообще соображал с трудом. Не подумал, что у тебя на абсолютно обычные вещи абсолютно нестандартная реакция. А когда увидел, что у тебя стресс, не придумал ничего лучше, чем напоить тебя водкой. Людям обычно помогает. Но девочке со столь высокой долей вампирской крови стало только хуже. Так что опять оказался не прав. Не могу к тебе привыкнуть. Все у тебя не по-людски!

— Это плохо?

— Это трудно. Не могу решить, что мне с тобой делать.

— А какие варианты?

— Да не много вариантов, и все они мне не нравятся.

— А если поцеловать?

— А вот это вариант интересный, — и мы снова целовались, и снова мир был лишь в границах наших губ, в границах наших тел.

— А знаешь, — сообщил он мне, наконец от меня оторвавшись, — у тебя ведь совершенно вампирская реакция на алкоголь.

— Это как? — опешила я. Разве вампиры пьют алкоголь?

— Если я выпью кровь пьяного человека, со мной будет ровно то же самое, что и с тобой в тот вечер.

— О-о, так это поэтому у нас в стране так пропагандируют здоровый образ жизни? — представив Анхена в обнимку с унитазом, я почему-то здорово развеселилась. Как-то я всегда себе представляла вампиров... возвышенной, что ли. Без бытовых подробностей, в общем.

— Вам он тоже весьма полезен. Да вот только привычка какая-то неискоренимая оказалась. Приходится потакать и попустительствовать... А тебя я тогда своим лекарством в норму приводил.

— В смысле «своим»? Ты еще и лекарства создаешь?

— Нет, я их еще и употребляю. Это лекарство не просто создано вампирами. Оно создано для вампиров. Как раз на случай алкогольного отравления через кровь. Тебе подошло идеально.

— Ну вот, а еще говоришь, я в вампира не превращаюсь, — продолжала веселиться я. — А местами я, оказывается, уже вампир.

— Угу, вот только не теми, какими стоило бы, — он лег на бок рядом со мной, оперев голову на локоть, и все смотрел на меня, так задумчиво и, мне даже показалось, печально. — Что мне делать с тобой? Вот скажи мне, что мне делать с тобой, Лариска?

— Любить, — меня сомнения не посещали. Вот только то, что он отодвинулся, мне не понравилось. Я тоже повернулась на бок и прижалась к нему, скользя ладонью по его спине.

— Любить, — он мне улыбнулся, но как-то не весело. — А потом? — его свободная рука гладила мне спину, а впрочем, не только спину.

— А потом укусить, — не задумываясь ответила я. — Я хочу быть твоей. Совсем-совсем твоей.

— Совсем-совсем-совсем... Я не кусаю девочек, не подписавших «Добровольное согласие», — он взглянул мне в глаза неожиданно жестко.

— На кровь и плоть? Ты же знаешь, что я согласна. Я подпишу, когда скажешь. Хоть прям сейчас.

— На кровь и плоть, Лариса, я и сам хоть десяток подпишу. От любого имени, любым почерком. Это формальность, не более. Ради нее и заморачиваться не стоит. Нет, принцесса, мне нужна от тебя совсем другая бумажка.

— Что же ты хочешь?

— Твою жизнь.

Значит, вот как это бывает. Не страшно. Совсем. И почему я раньше боялась? Если любишь, то не страшно.

— Возьми.

— Правда?

— Да. Только обещай мне...

— Что?

— Обещай, что выпьешь. До последней капли. Выпьешь сам, и ни с кем не поделишься. Обещай, что выпьешь, а не прольешь на землю. Скажи мне, что моя кровь не поганая, и ты не станешь проливать ее в землю! — обида, давняя, позабытая, вдруг вырвалась из меня с этими словами, и я рыдала, не в силах успокоиться.

— Значит, ЭТО тебя обидело? — Анхен, похоже, был поражен. — Из всего, что я тебе сделал, ты помнишь только это? Эту фразу?

— Обещай!

— Я обещаю, Ларочка, обещаю, — он перемежал слова поцелуями, и я верила, чувствовала, что он был в этот момент абсолютно искренен. — Ты будешь моей, только моей. И я никогда не пролью твою кровь в землю. Ты прости мне эти слова. Я был зол тогда, себя не помнил. Я много лишнего тогда наговорил и, быть может, сделал. Мне нельзя злиться, Ларка, я потом остановиться не могу. Я знаю, я пытаюсь сдерживаться, но если срываюсь... Тебе повезло, что я не убил тебя в тот день, а ты запомнила эту глупую фразу.

Я обхватила его руками, прижала к себе крепко-крепко:

— Просто люби меня. Я твоя. Вся. До последней капли.

Он любил. Аккуратно снял с меня через голову рубашу и бросил на пол. О, то есть, если за свои деньги куплено, то мы вещи не рвем, снимаем! Да и сам сегодня явно подготовился. Пришел не в рубашке, а в футболке-поло с тремя пуговичками под горлом. В надежде, что хоть эти уцелеют, не иначе. Ладно, можно и через голову.

— Как я люблю, когда ты не в костюме, — прошептала я, целуя его шею, спускаясь дорожкой поцелуев к груди...

— Не в костюме или без костюма?

— Оба варианта вместе.

Я потянулась к застежке его джинсов, но он перехватил мои руки и, заведя их мне за голову, начал целовать меня сам, и мир мой был — Анхен, мой космос, моя вселенная, и имя его было моим дыханием, и жизнь была лишь там, где он меня касался.

Дверь запахнулась. Ну конечно, больница же. Здесь стучать не принято. Санитарка посуду после завтрака забрать решила. Не забрала. Ойкнув, удалилась. Я покраснела. Анхен рассмеялся.

— Пора завязывать с этой любовью вампира и девы, — весело сообщил он мне. — И так

вся больница сутки на ушах стоит. Они и вампира-то первый раз в жизни видят, а тут такой роман! Да у них на глазах! Сэлисэн и Елена горько рыдают в уголке. Теперь лет сто детям и внукам о нашей неземной любви рассказывать будут.

— Ну что ты смеешься? Это же неприлично! Вот что они теперь обо мне подумают?

— Все-то у вас неприлично на ровном месте! Завидуют они тебе. Всей больницей. И чего в этом неприличного? — вопреки разговорам о необходимости завязывать, он явно был намерен продолжать, и я не могла не согласиться с его доводами.

Страсть сжигала меня, я стонала и выгибалась в его умелых руках. Вот только джинсы он так и не снял, и снова взял меня только пальцами, да еще и перевернув при этом на живот, так, что я не могла его даже касаться. Мои руки мяли больничные простыни, я выдыхала в подушку его имя, я умирала от наслаждения... Вот только... если бы... он взял меня... по-настоящему... и еще укусил, это было бы... я не знала, можно ли чувствовать острее, сильнее, чем сейчас, но наверное... иначе зачем... И тут я почувствовала, как его большой палец медленно, но неудержимо врывается мне в попу. Ах, нет! Я дернулась, но он меня удержал, и вновь начал двигаться во мне, заставляя принимать его и там тоже, и это было... не больно, еще не больно, но... ошутимо и, главное, совсем не нужно... но он не прекращал, двигаясь уверенно и энергично... ах! резко даже, но... Анхен!.. если ты так хочешь... если тебе так нравится, то пускай... я приму... я любого тебя приму... ах, Анхен! Анхен!!

Мир рассыпался на осколки, и вновь собрался. Больничной палатой. Больничной кроватью. Простыней, сжатой в моих пальцах. Подушкой под моей щекой.

Анхен потянул меня за плечо, переворачивая на спину. Очень медленно приблизил к моему лицу свое. Убедился, что я сфокусировала на нем свой взгляд. И разомкнул плотно сжатые губы. Рот открылся, и я увидела это. Черный провал. Голые десны. Только спереди, сверху, как он и показывал, два острых и длинных игольчатых зуба. Ничего общего с теми резцами, по которым я водила пальцем. Гадюка. Этот жуткий рот — это челюсти гадюки, по-другому не скажешь. Вот так у них все трансформируется? Разве такое возможно?

Медленно протянула руку и коснулась этих, настоящих зубов вампира. Это были не клыки. Но вот как назвать их, я не знала. Анхен перехватил мою руку, взяв мой указательный палец в свои. Поднес к зубам, позволил коснуться острия. И резко укусил. Я закричала, палец дернуло острой болью. Гораздо больнее, чем когда прокалывают палец для анализа. Он сразу отпустил, лишь слизнул языком выступившую капельку крови. И все смотрел мне в глаза, ища там... Страх? Желание? Я не знала. Я просто позволила своим пальцам запутаться в его волосах, и притянула его голову к своей шее, туда, где билась трепетная жилка, отмеряя последние удары моей жизни.

— Я люблю тебя, — прошептала ему в волосы. — Люблю тебя, люблю тебя, люблю!

Он поцеловал. Очень нежно, едва касаясь. Затем лизнул, скользнул языком от уха и до ключицы. Вновь поцеловал. Оторвал от себя мои руки, положил их на подушку. Встал и отошел к окну. И замер там, вцепившись руками в подоконник и уперев лоб в холодное стекло.

А я осталась лежать. Потерянная, опустошенная. Он не взял. Просил мою жизнь, а сам не взял даже крови. Ненужная. Я лежала, бессмысленно глядя в потолок. Он стоял, упершись лбом в стекло. И время текло мимо нас, ничем нас не задевая.

Потом я шевельнулась. Я вспомнила, что это больница, и в любой момент зайдет кто угодно, а я лежу, обнаженная, поверх одеяла. Нагнулась, подобрала рубашку, оделась. Сняла

со спинки кровати халат, одела и его. Старательно завязала пояс. Подобрала с пола его футболку, подошла к окну, нахлестом бросила на его плечо. Он вздрогнул, стянул ее с плеча одной рукой, но так и остался стоять, упершись лбом в окно и сжимая одежду в кулаке.

А длинные шелковые волосы разметались по его спине, и я не выдержала, обняла его, прижимаясь к нему сзади, зарылась носом в волосы, вдыхая их аромат.

— Ты пахнешь лесом, — прошептала.

И он шевельнулся. Повернулся, обнял, взглянул в глаза.

— Правда?

— Правда. А ты, оказывается, уже можешь говорить? Переборол свою жажду?

— Я Высший. Жажда не управляет мной, я управляю своей жаждой. И если я сказал, что не буду пить твою кровь, пока мы в больнице, пока ты не восстановилась после болезни, не пришла в себя, не подписала все необходимые документы — тебе меня не соблазнить. Никак, — он пригладил мои, наверное, растрепанные волосы, легко поцеловал меня в лоб. — Я люблю тебя, Лариса. Я хочу тебя. Но я себя уважаю. То, что сейчас с тобой происходит... Мне приятно быть с тобой, ты волнуешь меня, возбуждаешь, но это не ты. Это совсем другая девочка, я едва тебя узнаю.

— Но зачем ты тогда говорил... ты просил...

— Я хотел услышать ответ. Могу я позволить себе помечтать? Мы сейчас спим и видим сны, Лариска. А в жизни — все не так, все совсем не так. И я знаю, что ты мне скажешь, когда проснешься. И не знаю, что тебе ответить. Я не знаю, что мне делать с тобой. Правда не знаю.

— А вариант «любить» тебе не подходит?

— Тебе не нужна моя любовь, Ларис. Больше того. Она тебя погубит. Но и без меня тебе не выжить, я уверен. Уже уверен... Тебе понравились мои цветы?

— Да, — ответила без энтузиазма. Он явно не верил в мою любовь, и явно менял тему, не желая даже слушать о ней. — Где ты нашел их в Пахомовке?

— В Пахомовке таких не найти. Мне привезли их из дома. Специально для тебя.

— Из дома? В смысле — оттуда, из Города?

— Из Города. Он называется Илианэсэ, не так уж сложно запомнить. Мне в любом случае каждую ночь привозят оттуда пищу. Попросил, чтоб захватили еще и цветы. У меня там большой сад, один из лучших, наверное, не только в городе, но и в стране. Не самый лучший, конечно, есть еще к чему стремиться, но и гордиться есть чем. Так что эти цветы тебе — действительно от меня, из моего дома, моего сада.

— Спасибо. А та лилия в номере турбазы — она тоже была от тебя?

— Тоже от меня, — он улыбнулся и коснулся губами моего виска. — Лилия хороший цветок, чистый. Ее ты можешь всегда принять, не задумываясь, от любого вампира.

— То есть? — не поняла я.

— То есть дарится от чистого сердца, без намеков и задних мыслей. Без подтекста. Просто цветок.

— А что, бывают цветы «не просто»? И надо хорошенько подумать, прежде, чем их принимать?

Он улыбнулся и чуть отстранился, натягивая на себя футболку, старательно застегиваясь и заправляясь.

— Цветы, Лариска, в культуре вампиров занимают особое место. У вас такого нет. У нас вообще немного разное отношение к живой природе. Изначально было. Сейчас все

несколько упрощается. Но какие-то вещи остались. Отношение к цветам — из их числа. У тебя есть расческа?

— Не знаю, в тумбочке посмотри.

— Ну, что ты не знаешь, что это, я вижу, — заявил он, находя-таки в тумбочке искомое. Вот ведь гад, сам же меня разлохматил! Судорожно провела рукой по волосам, но вряд ли что-то кардинально улучшила. Анхен же невозмутимо расчесывал моей расческой свои черные блестящие пряди, продолжая разговор о ботанике.

— С очень давних времен, уже почти позабытых, каждый цветок наделен определенным смыслом, чувством, эмоцией...

— погоди, но это язык цветов, у нас что-то такое есть, — прервала я его.

— Что-то такое, кто-то где-то слышал, — передразнил он меня, кладя расческу на подоконник и закалывая свой хвост весьма замысловатой заколкой. — Перепевы, отголоски, не более. И значения у вас другие, да и не знаете вы их толком, и никогда не пользуетесь.

Я взяла было расческу, намереваясь и себя привести в порядок, коль уж приспичило ему прихорашиваться, но он отобрал:

— Дай, сам расчешу. Ты ж небось в последний раз еще в Светлогорске причесывалась. Забыла уже, наверное, как это делается.

Да? Хорошо, что тут нет зеркала. Это что ж у меня на голове, если он позволяет себе так высказываться? Покорно повернулась к нему спиной. Не нравится — вот пусть и делает, как нравится.

— В культуре же вампиров знания о цветах и их смысле — у каждого в крови. Мы не просто знаем, мы это чувствуем, поэтому, даже не задумываясь об этом, любой вампир всегда выберет именно тот цветок, который отражает его настроение, его отношение, его чувства и намерения. Любой цветок, подаренный любым вампиром всегда имеет смысл. Поэтому — да, иногда стоит и задуматься.

— Так расскажи конкретно, чтоб мне было о чем задумываться. А то люблюсь я на твои тюльпаны, а может, надо срочно их тебе возвращать.

— Оставь. Я же сказал, это от души. Тюльпаны означают нежность. Хрупкость, быстротечность. Уязвимость. Особенно, когда цветут среди зимы. Не их время года.

— Что-то я не очень понимаю твои ассоциации...

— Даже нежность?

— А почему только нежность? А почему не любовь? И, кстати, что у вас обозначает любовь? Роза?

— Разная бывает любовь. Разные цветы, разные оттенки. Роза тоже в чем-то любовь. Но вот ее надо сто раз подумать, прежде чем принять от вампира.

— Почему?

— Потому, что согласно поверью, с красотой розы может сравниться лишь красота девы. И если кто-то срезал для тебя розу, то лишь для того, чтобы срезать взамен твою красоту. Тебя. Роза означает смерть, Лариса. Достойным ответом на подаренную розу может быть только подаренная жизнь. Держи, — он протянул мне расческу. — Косы плести не буду. Не умею и учиться не собираюсь. Охота вам себя уродовать — так делайте это без моей помощи.

— Тебе не нравятся косы? — я была шокирована едва ли не больше, чем рассказом о розе. — Но это же красиво!

— К сожалению, не одна ты так думаешь. Поэтому приходится терпеть. Основы

традиционной культуры, куда ж деваться. Так что заплетай свою красоту, нам сейчас еще визит вежливости наносить.

— Кому? — удивилась я. К такому я как-то готова не была.

— Да надо попрощаться. Потом поедem домой. Ты вполне здорова, так чего и место занимать.

— К тебе домой? — он все-таки возьмет меня с собой, совсем, навсегда!

— К тебе домой, Лариса. К маме с папой. Я дарю тебе тюльпаны, а не розы. И я не готов передумать.

— Но почему?

— Почему? Наверное, потому, что я не только Высший, но и Древний. Из тех, кто еще сохранил способность любоваться красотой сада, а не только срезать в нем все цветы, на которые наткнешься.

— Древний? То есть ты, все-таки, очень старый? Даже по вампирским меркам?

— Да нет, не старый. Я стал Древним, еще будучи довольно молодым. Так у нас называют тех, кто... видел другое солнце. Понятнее объяснить не могу, прости. Но между нами и теми, кого принято называть Новыми, почти что пропасть. Они уже не растят садов, просто не могут, не чувствуют землю, не ощущают биение жизни. Они могут только брать, создавать у них уже не выходит. Вот и бродят по моим оранжереям мои молодые друзья с садовыми ножницами, выклянчивая мои розы, да еще обвиняют меня, что я жадный, цветочки мои берегу. А я — да, жадный. Потому что все еще умею смотреть, не срывая. Так что пока цветы, мой цветочек, а там посмотрим, как оно обернется... Заплела свои косы? Есть, чем завязать?

— Только заколка твоя.

— Заколи хоть заколкой. Может и впрямь — разрезать ее тебе на две, в одну косу вы же волосы не плетете.

— Не надо! — я даже испугалась. Как это можно! Резать, да по живому! — Ты испортишь узор!

— Он бессмысленен.

— Он красив. Он живой. Он — это ты.

— Вот уж не думал, что ты сможешь это так почувствовать, — Анхен покачал головой, провел рукой по моим волосам. — Ну, пойдem друга твоего навещать.

— Какого друга?

— Да некоего Петю Ковалева. Помнишь еще, кто это?

— Петьку? А где он? Что с ним? — странно, до сего момента мысли о Петьке меня не посещали. Вообще.

— А он, Лариска, на другом конце коридора. Здесь, знаешь ли, очень традиционное размещение палат: девочки налево, мальчики направо.

— Он что, тоже заболел? — испугалась я. — Но ведь все обойдется, ты же ему поможешь?

— Ну, шансов не заразиться у него просто не было. А помощь ему моя не нужна, болезнь не смертельная. Проблема с лекарствами решена. Так что, через пару недель поправится.

— Вампирскими лекарствами?

— Да вашими, обычными. От этой болезни они вполне эффективны. Тут просто была небольшая техническая проблема, но с ней уже разобрались. Не ожидали столь сильной

вспышки инфекции так далеко от Бездны.

— Так мне не нужна была твоя кровь? Не было необходимости?

— Не было бы необходимости, заболел ты, как твой Петька, в легкой форме. Но тебе же надо все до крайности доводить. И отношения, и болезни. Приедешь домой, возьми книжку, посмотри, что такое ИТШ, и сама решай, нужна ли тебе была моя кровь, или это я так, на почве сексуального маньячества поразвлекся.

— А что такое ИТШ? И что ты злишься, я же просто спросила.

— Инфекционно-токсический шок. А я не злюсь, я так. Предвкушаю наши последующие встречи. Пойдем уже к твоему Петьке.

Пошли. Сидевшая на посту сестра не то, чтобы попыталась нас не пустить (это как бы у нее получилось — не пустить куда-то вампира?), но, верная долгу, она все же намекнула на недопустимость разноса инфекции по больнице и за ее пределы. В связи с чем походы из палаты в палату крайне не рекомендованы.

— Я все понимаю, и вы совершенно правы, — мягко произнес вампир, склоняя голову и опуская глаза. — Но, если можно, один раз, под мою ответственность, — голова поднимается, взгляд нежный, просящий, улыбка — сердце потеряешь.

— Да, конечно. Только, если можно, не долго.

— Спасибо вам.

Мы проходим дальше, и я начинаю ржать. Даже не смеяться, а именно ржать. Плечи ходуном ходят, остановиться не могу.

— А ты учишь, Лариска, учишь, — подмигивает мне Анхен, — в жизни пригодится.

Мы останавливаемся у дверей палаты.

— Так, все, успокаивайся. Лариса, бери себя в руки. Мы не в цирк, мы больного друга навещать пришли. Твоего, кстати.

Я честно пытаюсь уgomониться. И почти справляюсь с выражением лица. Но то, что он мог бы ей приказать, просто приказать, а он предпочел улыбнуться, греет душу, и вылезает глуповатой улыбкой на щеки. Я слишком люблю его.

— Глаза вниз. На меня не смотришь. Смотришь на Петю, — продолжает он инструктировать.

— Зачем?

— Затем. У тебя, когда ты на меня смотришь, глаза начинают блестеть абсолютно нездоровым блеском. Сейчас не время и не место это демонстрировать. Идем.

Он решительно открывает дверь и заходит. Я за ним. Ой! Огромная палата, восемь мужиков. Как-то я не рассчитывала...

— Добрый день, мальчики. Вы позволите на пару минут заглянуть к вам в гости?

Мальчики в возрастной категории от 18 и до бесконечности дружно роняют челюсти, подбирают челюсти, в глазах проясняется даже у тех, кому их давно заволкло туманом. Лица светлеют на глазах. В ответ на его теплую улыбку улыбками расцветают все.

— Здравствуйте.

— Конечно, проходите.

— Будем рады.

Смотрю на это шоу, позабыв о цели визита. Анхен тихонько толкает меня в направлении одной из кроватей. Петька! Подхожу к нему, сажусь рядом.

— Неужели мне перед смертью настоящего вампира увидеть довелось! — слышу за спиной восторженный старческий голос.

— У вас очень ровное дыхание для умирающего. И пульс я слышу даже отсюда. Так что, я бы сказал, что перед выпиской.

Мне даже не надо было оборачиваться, я в голосе его все это читала — и взгляд, и улыбку, и заботу, и внимание. Знала, что подойдет и присядет. И чуть коснется руки. Заведет разговор, и будет чутко прислушиваться к ответам. И дед вернется домой в блаженном восторге, и рассказами о прекрасном вампире будет заполнен не один вечер. И не в одном доме.

Даже Петька смотрел сейчас не на меня — на него.

— Это правда Анхенаридит? — сипло произносит наконец. — Что он тут делает? Откуда?

— Да он разве скажет? Как ты, Петька? Выглядишь не очень.

Не очень — это еще слабо сказано. Мраморно-бледный, с синюшным носогубным треугольником и распухшей шеей.

— Да я в порядке. Как ты? Ты ж не только меня, ты, похоже, всех врачей перепугала. Видела бы ты, с какими лицами они тебя в машину грузили.

— Ну, врачей перепугать невозможно, они и не такое видели. Скорее решали, в отделение меня, или сразу в морг везти.

— Эй, ты сама врачом еще не стала, а цинизма уже понабралась, — Петька закашлялся громким лающим кашлем. — Я испугался за тебя, Ларка, правда. Первый день все спрашивал, отвечали: состояние крайне тяжелое. А потом вон и сам слег.

Петька дышал тяжело, и говорить ему явно было трудно. Но во взгляде была радость. Я наклонилась и поцеловала его в щеку.

— Ларка, ты чего, я же заразный!

— Не для меня. Меня вылечили, со мной все хорошо. Выписывают сегодня. Анхенаридит обещал домой отвезти. К тебе вот привел. Нас пускать не хотели, а он уговорил. Он же у нас обая-ательный! — вспомнила сцену в коридоре и вновь пробило на хихиканье.

— Лара, я же слышу, — обаятельный подкрался незаметно. Видно, всех остальных уже успел обаять.

— Так я что, я же комплимент, — все же вскинула на него глаза, и улыбка расплзлась от уха до уха. Поспешно отвернулась к Петьке. Но тот и сам смотрел сейчас только на вампира.

— Здравствуй, Петя! Как твои дела?

— Лучше всех, как и всегда. Только вот кашель совсем замучил, да и сердце порой побаливает.

— Да, с сердцем могут быть осложнения. Ты, когда в университет вернешься, зайди ко мне, я послушаю. Возможно, понадобится хороший специалист, я помогу найти. Обязательно зайди, не запускай. Геологу нужно хорошее сердце, иначе как в разведки ходить? — он улыбнулся, и Петька кивнул, не сводя с Анхена обожающего взгляда. — Вы в поход-то летом идти не планируете?

— Да, думали сплав устроить, — просипел в ответ Петька, здорово оживившись. — Но с маршрутом еще не определились. Либо по Верье, либо по Андае.

— Верья более порожистая, нужен опыт, чтоб пройти без потерь, Андая поспокойней. Но природа красивая и там и там.

— Ты там бывал? — удивилась я.

— Сплавляться не доводилось. А мимо пролетал часто. А сверху многое хорошо видно. Как лодки на порогах переворачиваются — в том числе.

— Здорово, наверно, летать, — вздохнул Петерс.

— Когда-нибудь и люди научатся, — Анхен сказал это так, будто ни секунды не сомневался. И Петька кивнул, соглашаясь. Научимся, мы же люди.

— Петя, я Ларису заберу сегодня домой. Она тебе здесь ничем не поможет, сам понимаешь. Это для меня исключение сделали, а так визитов здесь нет. Лучше уж пусть она дома, под присмотром родителей поживет. А ты мужчина, ты справишься.

— Да, Анхенаридит, конечно, я все понимаю. Мне и самому будет спокойней.

— Можно просто Анхен, мы вроде договаривались. Лариса, я подожду в коридоре, у тебя пара минут, и нам надо уже идти. Всего хорошего, Петя, выздоравливай. Всем скорейшего выздоровления! — и он выходит, и словно свет меркнет. И, судя по лицам, не одна я это чувствую.

Когда я вышла от Петьки, он мило болтал с медсестрой, и, судя по ее взгляду, она готова была болтать с ним вечно.

— И почему ты такой обаятельный? — сотрясаю воздух по дороге обратно.

— Долгие годы тренировок и самоистязаний обязательно дают результат, — неожиданно отвечает он.

— Каких самоистязаний? — поражаюсь я.

— А ты как думала? Я таким не родился. Чтобы быть в ваших глазах «обаятельным», пришлось многое в себе ломать. Перешагнуть через родовую и видовую гордыню, снобизм, высокомерие. Заставить себя видеть в вас личность — в каждом встречном, заставить себя забыть, что вы просто еда, научиться понимать ваши интересы и принимать ваши жизненные ценности. Это далось мне совсем не просто. А теперь — да, большинство вопросов я решаю улыбкой, а не ментальным приказом.

— Но зачем? В смысле: зачем тебе было это надо — себя ломать?

— Трудно объяснить в двух словах. Скажем так: я отчетливо увидел, каким я НЕ хочу стать, хотя у меня есть все шансы. И попытался от этого уйти. Увы, получилось не все. Но что-то все-таки получилось.

— Ты самый лучший!

— Не все с тобой согласятся. Но слышать приятно. А теперь я пойду, принесу твою верхнюю одежду, а ты пока переодевайся, — он завел меня в палату и попытался покинуть.

— погоди! Мне не во что переодеться, меня же среди ночи привезли, я уже в ночнушке была.

— Я ж тебе все принес. Лежит на стуле. Даже не заметила?

— Ой, — на стуле действительно лежал сверток.

— В твоих вещах рыться не стал, хотя с базы чемодан забрал, он сейчас в машине. Просто купил все в ближайшем магазине. До дома доехать можно, а там... не понравятся — выкинешь.

Вот что-то не думала я, что стану выкидывать купленные им вещи, но сообщать ему об этом не стала. Едва за Анхеном закрылась дверь, вытряхнула все на кровать, принялась изучать. Белье обычное, простенькое. Нда, не такое возлюбленным дарят. Но это, видать, подчеркнуто без намеков. «Чистое», что та лилия. А вот размер вполне мой, глазомер хороший. Бежевый свитер, однотонный, гладкой вязки. И... брюки. Нет, они, конечно, женские, но вот только сразу вспомнилась наша школьная директриса, что очень любила

строить нас по поводу одежды. Длинные тирады о том, что приличные девушки носят только юбки, вся школа помнила наизусть. А уж фраза о том, что на девушку в брюках ни один вампир не взглянет, слетала с ее языка столь часто, что стала притчей во языцех. А тут вот... так. Не то директриса у нас ничего не понимала в вампирах, не то на меня кто-то глядеть не хочет.

Впрочем, взгляд, брошенный им на меня по возвращении, все вопросы снял мгновенно. Хотя, понятно, по любому лучше, чем в ночнушке. Одеда принесенные им сапоги, застегнула куртку.

— Вещи все собрала? Идем.

Протянула ему свой жалкий пакетик, забрала цветы из вазы.

— А разве не надо с врачом пообщаться?

— Я уже пообщался. И попрощался. У них и без тебя дел по горло, все будут только рады, если мы как можно быстрее их покинем.

И вновь я сижу в его машине, и она взмывает все выше, выше. А мне уже не страшно, я только смеюсь радостно. Мне ничего не страшно, когда я с ним! И мы несемся над снегами, городами, дорогами. Я не смотрю вниз, я смотрю только на него. И понимаю, что люблю его. Люблю, люблю, люблю!

Мы приземляемся на крыше моего дома. Я смотрю на нее и не верю. Вот что, он сейчас выпустит меня из машины — и все? Все кончится?

— Не грусти. Я все еще с тобой, — он открывает двери, выходит сам, помогает вылезти мне. Достает мой чемодан из багажника. — Идем, поздороваюсь с родителями.

Он спускается со мной на второй этаж, доводит до двери, и уже тянет руку к звонку. Затем чуть качает головой, опускает руку и прижимает меня к стене.

— Дай хоть поцелую напоследок.

Мы целуемся. Целуемся так долго, что не хватает дыхания, но все не можем оторваться — он от меня, я от него.

— Мне надо идти, — он все же отстранился.

— Ой! Цветы помялись, — конечно, я же держала их в руках, но разве о цветах я думала при поцелуе? Несколько лепестков, отломившись, упали на пол.

— Как я и говорил: хрупкость и быстротечность, — Анхен нагибается, подбирает лепестки и кладет мне их на ладошку.

— А цвет?

— Что цвет, Ларис?

— Цвет подаренных цветов что-нибудь значит?

— Конечно. Всегда. Только это уже личные ассоциации. Понятные только дарителю и тому, кому подарили.

Он поднимает руку и нажимает звонок. И я уже не успеваю спросить, что же имел в виду именно он, потому что дверь почти сразу открывается, и на пороге стоит мама, и лицо у нее... странное, я не могу понять его выражения.

— Здравствуйте, Лидия, — вежлив, обаятелен, прекрасен. — Встретил в горах вашу дочь, не смог не подвезти до дома. Тем более, мне было по пути.

Мамино лицо проясняется, на губах появляется неуверенная улыбка.

— Все хорошо, — заверяет он ее, — вот только Петя немного приболел, но я надеюсь через пару недель увидеть его в университете.

Мама, наконец, сдвигается, и позволяет нам войти. Из гостиной подходит и папа.

— Добрый день, Сережа. Я бы хотел поговорить с вами. Всего пара слов, если можно.

— Да, конечно, прошу вас, — папа делает широкий приглашающий жест.

— Благодарю, но лучше вы меня немного проводите. Всего хорошего, Лидия. Лариса, не грусти, еще обязательно встретимся.

— Завтра? — я хватаю его за руку. — Ты ведь придешь ко мне завтра?

— Завтра не получится, милая. Меня не будет в городе. Много дел. Но как только вернусь — обязательно к тебе загляну. Договорились? — он подносит мою руку к губам и целует ее. Затем отпускает ее и выходит. Папа выходит за ним.

Он не возвращается довольно долго. Я успеваю раздеться и отволочь чемодан в свою комнату. И даже найти вазу и поставить туда цветы. Оторванные лепестки зажимаю между страницами книжки и убираю ее в полку, вставив в плотный ряд прочих книг.

И все пытаюсь отмахнуться от мамы, которая рвется узнать от меня последние новости, но я не понимаю, о чем она меня спрашивает.

— Лара, он что, тебя простил? У вас все хорошо?

— За что он был должен меня прощать? Мама, ты о чем? Мы, вроде, не ссорились. Да, все хорошо, он помог мне доехать, и в больнице помог.

— В какой больнице?

— Ну, я же болела. А Анхен приехал и... в общем, теперь я здорова, вот только Петька еще болеет, но Анхен сказал, что с ним все будет хорошо, и он тоже скоро приедет...

Рассказывать маме про кровь и любовь совершенно не хотелось, завтра же раструбит всем подружкам, а это не для всех, это только мое!

К счастью, возвращается папа.

— Что он тебе сказал?

— Да, в общем, ничего. Рассказал, что ты заболела. И как он тебя вылечил. Попросил присмотреть за тобой, пока его не будет. Все же я немного в курсе особенностей вампирской медицины.

— Каких особенностей? Как он ее лечил? Сережа, вы о чем? — мама сгорает от нетерпения.

А мне интересно только одно:

— Он сказал, когда он вернется?

— Через пару дней. Он и сам пока точно не знает. Но, как вернется, обязательно зайдет. Пойдем, Лида, пусть девочка отдохнет с дороги. И я все тебе расскажу.

Я бросаюсь папе на шею.

— Все не надо, — шепчу ему прямо в ухо.

— Все я и не буду, — шепчет он мне в ответ. — Разве я тебя подводил?

Следующие несколько дней помню смутно. Я не грустила, нет. Мне не было больно от его отсутствия. Я знала, что он вернется. И я ждала. Все остальное было просто не интересно. Занятия в универе уже начались, и я честно их посещала. Надеть в универ брюки я бы не решилась, а вот бежевый свитер носила не снимая. Он грел меня, как грела мысль о любви. Его любви.

А потом... я проснулась очень рано, рассвет только занимался. Но и в неярком свете мне были видны тюльпаны. Еще несколько лепестков облетело, подтверждая мысли о хрупкости и скоротечности. Я вдруг поняла, что помню, где я видела Вампирский камень. И знаю ответ на вопрос, на который так и не успел ответить вампир. Вампирский камень, сиреневый цвет — ОБМАН!!!

Прижав руки к ушам я кричала так, что дрожали стекла.

* * *

Я вспомнила. Я все-все вспомнила. Как он бил меня, унижая, растаптывая. Как рвал волосы, обещая убить — за единое слово, не к месту сказанное. Черные провалы его глаз, его ненависть, струящуюся по квартире. Застывшее белое лицо в обрамлении непроглядной тьмы. Смертный ужас, не дающий вздохнуть. Вакханалию крови и плоти в больнице, рассуждения о необходимости смерти надоевших любовниц... Вот он, Анхен. Авэнэ Анхенаридит, что бы это не значило. Во всей красе. И нет другого. Нет и не было никогда. Все остальное — ложь, обман, сиреневые цветы, Вампирский камень! «Забавник он у нас. Коллекционер»...

Я выла от стыда, вспоминая больницу. Как вешалась на него, умоляя о любви, о смерти в его объятиях. Как Алла! Как жалкая крашенная блондинка, которую я презирала, втайне гордясь своим превосходством. Вот мне и объяснили. Доходчиво так объяснили, что я ничто, что со мной тоже можно так — унижить, растоптать, изувечить, а потом заставить умолять о любви и сгорать от страсти! К нему — насильнику, убийце, вампиру! Вымалить собственную смерть! А я еще удивлялась, что он не взял. Да зачем? Убил, и нету. А можно же издеваться. Долго, с наслаждением. «Отпускать», класть в чужую постель, забирать из нее в свою, но и там только мучить. Дарить цветочки с оскорбительными намеками, рассуждать о соловьях и розах, проявлять трогательную заботу о человеке, чью возлюбленную он только что отымел — и морально, и физически. Вот он, вампир! Во всей своей вампирской красе! Любуется он! Цветочками своими! Да тот же Лоу в миллиарды раз честнее: засыпал розами и убил тут же, потому как люди — еда, и нет никакой любви, только жажда и похоть! А этому нравится любоваться. Манипулировать — и любоваться результатами. Годами учился, сам признал, самосовершенствовался. Потому как скучно — приказом. А вот когда все, что ты не захочешь, делается «добровольно», вот тут да, сплошное любование. Есть на чем тренировать созерцательность.

На крик, понятно, прибежали родители. Ничего не могла им объяснить. Даже плакать не могла. Просто сидела, сжавшись в комок на кровати, обхватив руками колени и глядя в пустоту расширенными от ужаса глазами. В ужасе от того, что было. В ужасе от того, что будет. Ведь он придет за мной, он так от меня не отстанет, он придет!

— Он не придет, Лариса, — папа осторожно присел рядом со мной на кровать. — Ты не принесешь воды, Лидусь? У девочки просто кошмар.

Едва ли мама поверила, но послушно ушла за водой.

— Придет. Ты не понимаешь, он еще не наигрался. Вот с делами своими закончит, вернется в город и придет. Он же сам тебе говорил.

— Он говорил мне другое, дочка.

— Что? Но ты же сам... Зачем ты?..

— Я знаю, что такое кровавое опьянение. И я понимаю, что ты чувствовала. И Анхенаридит прекрасно это понимает.

— Ну еще бы! Сам вызвал, сам и попользовался!

— Да что-то слабовато он попользовался, Лар, уж ты прости за откровенность. Он же все что угодно мог с тобой сделать за эти дни, а он домой отвез при первой возможности. И

ушел.

— Да просто занят он сильно. Мир спасает. Кроме него ж некому. Сейчас вернется и продолжит. Делать со мной все, что угодно. И никто мне не поможет: ни ты, ни мама. Даже ты его сейчас защищаешь!

Вернулась мама, протянула мне стакан воды. Как ни странно, прохладная вода успокаивала. Даже если просто держать стакан в руках.

— Все хорошо, Лариса? — мама присела с другой стороны от меня.

— Все плохо. Меня мучают кошмары, и мне никак от них не избавиться.

— Ничего. Ночь уже прошла, а при свете дня все кошмары исчезают.

— Он же не Дракос, чтоб исчезнуть при свете. Некоторые кошмары лишь при свете дня и появляются.

— Я посижу с Ларисой, Лида, ты иди. Поспи, пока есть время.

Мама ушла досыпать. Счастливая. Она никогда не была нужна ни одному вампиру. И вряд ли уже понадобится.

— Он не уезжал из города, Ларис. Нет у него никаких дел. И он не придет. Он прекрасно понимает, что вам незачем больше встречаться.

— Ну вот с чего ты это взял?

— Он мне это сказал. Said, что у тебя будет очень тяжелое пробуждение. Попросил присмотреть, успокоить. Оставил свой телефон на случай экстренной необходимости. И рабочий, и домашний. Просил звонить в любое время. Но сам он не придет, тебе не стоит этого бояться. Он знает, что ты не хочешь его видеть. Да он и сам, как я понял, отнюдь не жаждет с тобой общаться. Так что просто выкинь этого вампира из головы, и постарайся жить дальше.

— Выкину. Непременно. Вот сейчас и начну.

Встала, открыла окно. Вышвырнула туда цветы вместе с вазой. Ваза глухо охнула, разбиваясь о землю. Папа промолчал. Открыла шкаф, стада выгребать оттуда одежду. Свалила в большой пакет все, что он мне купил, от халата и до свитера. Сунула туда же свою расческу, которую он испоганил, вода по своим мерзким лохмам. И вообще держал в руках. Затем оделась и лично вынесла пакет на помойку. С наслаждением высыпала содержимое в мусорный бак.

Вернулась домой, и поняла, что энергия кончилась. Забралась обратно в кровать и накрылась с головой. Спать не хотелось. Вообще ничего не хотелось. Будильник проигнорировала, завтракать не стала, в универ не пошла. Так и лежала до самого вечера. Я не знала, как жить дальше, я боялась жить дальше, я не хотела жить дальше. А впрочем, дражайший вампир зря беспокоился. Сводить счеты с жизнью я тоже не хотела. Просто потому, что для этого надо хоть что-то сделать. А мне не хотелось ничего.

Вернулись с работы родители, заставили меня поужинать. Голод я уже чувствовала, способность принимать человеческую пищу вернулась ко мне на третий день. Вот только прилагать силы, чтоб этот голод утолить, мне сейчас совершенно не хотелось.

Прилагать силы пришлось родителям. Сначала — чтоб заставить меня поесть, потом — чтоб заставить пойти в универ, затем оказалось, что у нас и билеты в театр на вечер куплены. Или в кино. Или на концерт. А тут вот еще выставка открылась очень модного художника. И вот в этом музее мы очень давно что-то не были. А в этом и вовсе не были. Они не оставляли меня одну. Они все время были со мной — то мама, то папа. Уж не знаю, как они там решали проблемы с работой, но работали они в эти дни явно не часто.

Я ходила. Вот куда велели — туда и ходила. В универ — так в универ, в театр — так в театр. Разницы не было. Вот только в субботу в больницу ехать отказалась наотрез. «Хирургический уход»? Нет уж, спасибо. Знала я одного хирурга и его методы ухода за больными. А уж за персоналом родной больницы как он ухаживал — до конца дней не забыть.

Наверное, глупо, но в универе я встретить его не боялась. Его кабинет был далеко, мы в том крыле не учились. А вот в больнице... войти туда после Нового года, да еще на тот самый этаж, и ходить там взад-вперед мимо его кабинета я была просто не в состоянии. Родители настаивали. Уговаривали, упрашивали, кричали, даже волоком тащить собирались. Я не пошла. Лежала на кровати, глядя в потолок, и думала о розах.

Интересно, какие они, розы в его саду? Много ли кустов? И какой высоты? И какого цвета? А Лоу — это тот молодой друг, что бродит там с ножницами? И для Лизки он там розы срезал? Или купил в магазине? А для меня — если бы кто-то из них, хоть молодой, хоть старый, срезали розы для меня — то какого бы они были цвета?

А в воскресенье у нас появилась Регинка. Я не видела и не слышала ее со школы, и подозреваю, родители просто попросили ее зайти. Но визит ее, как ни странно, меня порадовал. Отличница и умница, она теперь училась на мехмате, была старостой группы, являлась членом кучи каких-то студенческих организаций, еще и танцевала в местной студии художественной самодеятельности, и даже ездила вместе с этой студией по каким-то там конкурсам и гастролям.

— Ну вот, а в конце апреля мы едем в Новоград, там будет общенациональный конкурс танца среди студенческих коллективов, это грандиозный праздник, народ со всей страны съезжается! — продолжала делиться своими новостями Регина. И я по горящим глазам ее видела, что она уже там, на этом конкурсе, на этом празднике. А мне почему-то подумалось, что даже если бы я поехала с ней, то никакого праздника там не обнаружила, просто безразмерную толпу гомонящих людей, бестолково знакомящихся с таким видом, будто они теперь друзья на всю жизнь, и забывающих друг о друге уже на утро.

— Здорово, — попыталась изобразить энтузиазм, которого не ощущала. — И что, есть шансы победить?

— Ну, в том же году победили. Правда, еще без меня, но вряд ли я все испорчу, как думаешь?

Нет, не думала я, что испортит. Я, правда, не видела, как она танцует. Но судя по тому, что она вообще все и всегда делала хорошо, с танцами у нее явно был порядок.

— Ну, значит вновь победите. И что потом? Коллектив-победитель Страны Людей соревнуется с лучшим танцевальным коллективом Страны Вампиров?

— Издеваешься? — ну, типа да, если честно. — Людям в этом с вампирами соревноваться бессмысленно. Знаешь, как они танцуют?!

— Не видала. Знаю, как поют. Соловьями. И все о розах, о розах, — я не могла о нем не думать. Даже не думая о нем, я все равно не могла о нем не думать. Мне не было больно, как бывало прежде, я не жаждала его видеть, я даже не тосковала. Вот только не помнить о нем — я не могла. И такая горечь в душе. Такое сожаление о том, как все могло бы быть... Если бы что? Он бы не был вампиром? Но тогда это был бы не он. Если бы наша сказка в больнице была бы правдой? Но он вампир, и все НЕ правда, и просто не может быть правдой, потому как вампиры вообще — воплощенная ложь.

— Никогда не слышала о поющих вампирах, — не поняла моего сарказма Регинка. — А

вот один вампир в нашем ансамбле как-то раз танцевал.

— Как это? Выступал с концертами? — не поверила я. Как-то слабо я себе представляю такого вампира. Люди им не ровня. Они готовы нас поучать, но не водить с нами хороводы.

— Да нет, конечно. Не выступал. Просто станцевал один танец. И станцевал его так, что у всех, кто это видел, включая наших преподавателей, от восхищения просто дух захватило, они до сих пор рассказывают, какое это было совершенство, в себя прийти не могут!

— Да? — стало даже немного интересно. — И с чего это он вдруг сподобился?

— Да случайно, как говорят. Это несколько лет назад было, в общем, совсем недавно, ужасно жаль, что я тогда еще в школе училась. Шла репетиция в Главном Зале. И туда заглянули зачем-то наш ректор с каким-то куратором. Ну и их спросили, чисто риторически, нравятся ли им наши солисты. Ну, в смысле, как они танцуют. А солисты были титулованные, кучу конкурсов выиграла. Так что предполагался ответ «да». Что ректор и ответил. А вампир сказал «нет». У народа почти что шок, как же так? А вампир объяснил: у вас очень четко отработаны все движения, но это еще не танец. Вы пытаетесь изобразить танец страсти, а страсти при этом не испытываете, я ее не чувствую. А танцевать надо так, чтоб весь зал ощущал, что ты сгораешь от любви к ней, а она к тебе. И верил, что еще миг — и ты бросишь ее прямо на пол и овладеешь на глазах у всех.

— Ну да, они же эмоции читают, как книгу. Питаются ими. И врать учатся с колыбели не просто лицом, эмоционально. Они чувствуют то, о чем врут. Проживают это... — я вспоминала людей, в чьи глаза он заглядывал ясным взором. Себя вспоминала. Ведь действительно чувствовал все, что говорил. С каждым — маленький спектакль. Сыгранный и пережитый в собственной душе. А Гоэрэдитэс так не умеет, вдруг подумалось мне. Ну да, этот же учился. Специально учился. Не с колыбели... А история становилась все интереснее. Предметнее. — И что дальше?

— Почему сразу «врут»? — не согласилась Регинка. — Нет, это как искусство, перевоплощение. Прожить в танце целую жизнь! В общем, он сказал, что готов показать, КАК надо танцевать этот танец. И показал. Вот только в партнерши себе выбрал не солистку, а скромную первокурсницу, на которую и внимания-то никто прежде не обращал. Сказал, с чужими партнершами не танцует. И они ТАК станцевали, там ТАКАЯ была страсть! А уж мастерство! Там от эмоций всех просто скручивало! А музыка кончилась, и он совершенно спокойно попрощался со всеми и ушел, даже не глянув на ту девчонку, словно и не ее он весь танец желал столь явно, что все присутствующие стояли красные, как вареные раки.

— «А танец сквозь рощу легко плывет...»^[3] — вспомнился мне детский стишок из любимой книжки. — Хочешь, угадаю, что было дальше?

— Да дальше ничего, — пожала плечами Регинка. — Все в восхищении, изумлении, восторге, пытаются хоть немного приблизиться к идеалу, хоть и понимают, что он недостижим.

— Ну как же, — усмехнулась я. — А дальше эта скромная девочка стала вашей новой солисткой. Разве нет?

— Ну, вообще-то да, — согласилась подруга. — Только это никак не связано. Просто все увидели, как она танцует. Если кто и в состоянии приблизиться в своем мастерстве к вампирам, проживая эмоционально каждый танец, так это она.

— Даже и не сомневаюсь. Не удивлюсь, если он давал ей уроки, — в душе была только горечь от всех этих танцев. — Просто, кто-то соглашается танцевать с вампирами и

испытывать заказные эмоции, и его в солисты. А кто-то нет, и для него — только смерть. Помнишь песенку? «На небе зорька еще алела, а в замке лежало три мертвых тела».

— Никогда не слышала. Это вообще откуда и к чему?

— Это? Из «Вампиров Адской Бездны». Как раз про танцы. Там из Бездны вылезает Темная вампирша и просит юношу с ней потанцевать. Ну а он к невесте очень спешит, отказывается. В общем, до утра все умерли: и он, и невеста, и мать его до кучи. А хочешь, угадаю как ее зовут?

— Кого, вампиршу? — да, не угнаться Регинке за моим хороводом.

— Да нет, солистку вашу.

— Ты что, знаешь эту историю?

— Впервые слышу. Просто я угадала, как звали того вампира, а дальше уже не сложно.

— Да? И как же звали вампира? — похоже, Регинка мне не верит.

— Анхенаридит его звали. И до сих пор зовут. И нет в той истории ничего случайного. Просто «его девочка» не может лежать в коридоре или танцевать в кордебалете. Он сделал ее солисткой и остался не причем. Любой другой вампир просто приказал бы ее назначить. Если вообще позволил бы танцевать. А этот же у нас «забавник», ему нравится манипулировать. Ну и легенды создавать красивые. Чтоб внуки внуков внукам пересказывали.

— Во всем-то ты вечно видишь то, чего нет. И откуда ты знаешь его имя? Да с чего ты вообще все это взяла?

— А ты у Инги спроси. Ее же Инга зовут, верно?

— Даже если так, это еще ничего не значит. Ты просто не видела, как она танцует. Ей ничья помощь не нужна, чтоб доказать, что она лучшая. Мы на майские праздники в универе у нас выступать будем. Вот тогда сама и посмотришь.

Я кивнула. До мая была еще вечность, слово «праздник» вообще не имело смысла, а любоваться на глупые пляски я и раньше-то не любила. А уж Инга его мне и даром была не нужна.

Инга. Все время Инга. Это с ней он празднует Новый Год. Это с ней он танцует на лужайках. Да что ж он нашел в ней такого, что готов даже плясать с ней на потеху толпы?.. Интересно, а какие цветы он дарит ей? И какие сказки рассказывает? Говорит, что любит? Ее и только ее? Или вампиры так не говорят, они всегда любят всех? Или каждой говорят, что любят ее, а все равно любят всех? Вернее, не любят, жаждут...

— Ты вспоминаешь Лизку? — спросила Регинку. Не могла не спросить. Мертвая Лизка была единственным реальным существом в моем сегодняшнем мире.

— Да, конечно. Жаль, что они переехали. Все собираюсь ей написать, да времени вечно не хватает.

Так странно. Моя давно уже умершая Лизка для нее все еще была живая. Где-то жила, что-то делала и была все еще способна получать письма. Сказать ей? А зачем? Она все равно никогда не поедет в Старицк. И не найдет времени написать. Так пусть хоть там, далеко, на самой границе Регинкиной вселенной живет моя наивная, мечтательная Лизка. Интересно, а какого цвета он выбрал ей розы? Цвета крови? Или цвета мечты? А какого цвета бывает мечта?

Регинка что-то еще говорила, а я не слушала, не слышала. Мы расстались, пообещав непременно созвониться, и понимая, что времени на это, конечно, не хватит.

Как-то промелькнула еще неделя. И в субботу я вновь прогуляла «Основы ухода». А

потом прошла и еще одна. По всей стране провели вакцинацию. «В связи с общим ослаблением иммунитета и обострением сезонных заболеваний». Бледно-розовую вакцину вводили в вену, но ни слова о вампирах не звучало. Вроде как — отечественные разработки. Я подозревала, что мне та вакцина без надобности, но никаких особых распоряжений на мой счет не поступало. Лично мне было все равно. Вкололи и вкололи.

Наступила очередная суббота. И я взяла себя в руки, решив, что глупо. Его там нет, а за прогулы меня не похвалят. И ничего, обошлось. Вампирская дверь была заперта. Я, понятно, не дергала, но, проходя мимо, скосила взгляд на щель. Закрытый замок всегда видно. Разглядела и у него. Что почувствовала? Не знаю, наверное ничего. Не припомню, чтоб вообще в те дни что-нибудь чувствовала.

В начале марта вспомнила про Петьку. Вроде должен был уже вернуться, а все не звонит. Позвонила сама.

— А-а, — ответил он равнодушно, — ну и как твой роман?

— Какой еще роман? — опешила я.

— Ну как же, с вампиром твоим.

— Да ты чего, Петя? С чего вдруг?

— С чего? Да вся больница только о вас и говорила! Знаешь, чего я там за это время наслушался?! В каких подробностях?!

Ах, ну да, больница. Сэлисэн и Елена, люблю-не могу. Раззвонили.

— Нет, не знаю. Ты мне расскажи. А вампир мой, как домой в тот день отвез, так с тех пор и не вспоминает. Любит, наверно, очень... Он же меня спас, Петька. Вылечил. До тебя что, не дошло? Умерла бы я, если б не он, не откачали б, — да нет, я не то, что вампира защищала. Скорее, Петьку мне было жаль. Ревнует ведь к этой твари, мучается, клянет свое человеческое несовершенство. А оно того не стоит. Нет ни романа, ни благородного вампира, спасителя дев. На самом деле я и не уверена была, что он меня спас. Будь мне так плохо, так я б в реанимации лежала, а не в коридоре. Ну, подлечил чуток, коль уж под руку попалась. Что ж не полечить, когда там такие побочные эффекты забавные.

— И ты его потом так страстно благодарила, — судя по количеству яда в Петькином голосе, порассказали ему немало. Подозреваю, даже больше, чем в реальности было. Хотя и в реальности было не слишком мало. Ох, мамочка, да как же мне жить-то теперь с этим?

— Я его просто поблагодарила, Петя. Словами «спасибо большое». Я вообще девочка не страстная, мне казалось, ты в курсе, — Петька-то, может, и поверит. Вот как себя бы в том убедить? Чтоб по ночам перестало сниться, как я пуговицы на его рубашке рву? Чтоб не сгорать от стыда, каждый раз вспоминая?

— Да? Тогда откуда столько разговоров? — нет, даже Петька поверить не готов.

— А ты сам головой подумай. Маленький городишка. Вампиров отродясь не видали. А тут появляется Он. И просит для меня отдельную палату. И приходит потом с визитами. И кто что будет тут думать? Что я его студентка, что мы давно знакомы, что он меня к маме с папой повез, с которыми тоже знаком прекрасно? Нет, разумеется, все будут судачить о неземной любви и полете прямиком через Бездну.

— А зачем тебе отдельная палата? — не сдавался Петерс. — Не на пустом же месте разговоры идут, что вам и через Бездну не обязательно, ты и в больнице его неплохо ублажала.

Я его? В нашей насквозь фальшивой любви он даже этого мне не позволил. Не взял. Ни капли. Конечно, мою — только в землю.

— Петька, ты совсем дурак? — всерьез разозлилась я. На Петьку? На себя? На вампира? Не знаю. — Он что, меня своей кровью поил, кучу законов их нарушал, чтоб тут же обратно все выпить? Ладно, идиоты болтают, но ты-то думай, за кем повторять!

— Он? Поил тебя своей кровью? — судя по изумлению в Петькином голосе, он даже о возможности подобного и не слышал никогда.

— А как он, по-твоему, меня вылечил? Волшебные слова произнес? — еще провопила я в запале. И тут же осеклась. — Ой! Петька, мне же об этом, наверное, нельзя говорить, — почти шепотом испуганно выдавила я. — Петька, Петенька, пожалуйста, не говори никому, это нельзя никому говорить! Лучше рассказывай обо мне гадости, говори всем, что мы в больнице с ним трахались, что он пил мою кровь, только не выдавай! Он убьет меня, если станет известно, он правда убьет, он обещал! Я боюсь его, Петька, он не такой! Он совсем не такой, как кажется, — я и в самом деле сидела на полу, сжавшись в комочек и дрожа мелкой дрожью. Мне было страшно. Мне правда было страшно. Я уже не понимала, что говорить, что нет, я просто боялась его — черного вампира с черными, как Бездна, глазами.

Петька говорил что-то в трубку, звал меня, просил объяснить, не верил. Я просто сидела. Трубку из моей руки взял папа:

— Петя? Ты зайди к нам, Петя, я сам тебе все объясню. Это не телефонный разговор, и Лариса не пошутила. Ей и в самом деле сейчас очень плохо, и ей нужна твоя поддержка, а не досужие сплетни.

Петька пришел. Я не знаю, о чем они говорили с папой на кухне, я лежала у себя в комнате, разглядывая обои на ближайшей стенке.

— Это правда? — спросил Петька, зайдя, наконец, ко мне.

— Не знаю. Откуда мне знать, что сказал тебе папа.

— Сказал, что я нужен тебе, а он — нет.

— А ты даже в этом сомневался?

— Я только в этом и сомневался. Ты прости за то, что я наговорил. Я ведь понимал, что они все врут. Это больница, а не дом свиданий. Просто... кто я и кто он? Я ж вижу, он к тебе неравнодушен.

— Ты человек, Петенька, а он монстр. Страшный монстр, который только притворяется Прекрасным и Благородным. И если ты расскажешь кому, что я так сказала, нас уже обоих с тобой убьют. Как насчет того, чтобы умереть со мной за компанию?

— Мы с тобой будем жить, Ларка, — не согласился Петерс, — долго-долго жить. И никакие вампиры нам в этом не помешают. Можно я тебя обниму?

— А разве было когда нельзя?

Он лег со мной рядом, и обнял одной рукой. Я так и не шевельнулась, продолжая разглядывать цветы на обоях. Интересно, как они называются, и по какому случаю дарят их? А если тебе дарят коробку конфет с нарисованными розами на крышке, это считается за намек? Или это можно принять, ведь розу для тебя не срезали?

* * *

Март прошел как-то... Как-то прошел. Жизнь вокруг успокаивалась, похоже Кризис Бездны нас миновал. Опустились фонарики. В газетах запестрели заголовки «Наши дети ждут нас». И вот тут-то и оказалось, что детей этих много. Тех, у кого не осталось

родителей. Вообще родных. Тех, кто провел затянувшиеся каникулы возле синих гор, в то время, как умирали города и селения края Бездны. Всю зиму все было в норме, сезонные обострения, а теперь по предприятиям страны пускались списки. И вроде все как всегда. Мы с классом так пол страны объехали. Договариваются два класса из разных городов, сначала они едут в гости к нам, потом мы к ним. Список класса высылается заранее, чтоб распределить, кто у кого жить будет. А в списке что? Имя, возраст. Так и выбирали: мне Машу. А мне Лену, ой, нет, Дашу, у меня Даши еще среди подружек не было. Иногда удачно получалось, иногда не очень. У нас в семье жили, я во многих семьях жила. Но это ненадолго. Неделя, редко две. Можно потерпеть, в какую семью ни попадешь, какого ребенка ни выберешь. А теперь вот так же — имя, возраст — ставишь подпись, и на всю жизнь твой.

Это не было обязательным, это не заставляли, но как иначе? Если можешь принять — примешь. Так и хочется сказать, что это мы, люди, были все такие замечательные. Но есть подозрение, что это они нас так воспитали. Вампиры. Это у них был просто культ детства. Потому как дети рождались чудовищно редко. Мы бы наверное, просто не вынесли их презрения, если бы не заботились о своих детях. Обо всех человеческих детях, как о своих. И если ребенок по какой-то причине терял семью — ему находили новую. Всегда. Просто сейчас таких детей оказалось много. Слишком много.

И в марте у нас появилась Варя. Я пришла из универа — а она сидит на диване, маленькая серая мышка с огромными голубыми глазами. Я подумала — в садик еще ходит, а оказалось — школьница, девять лет уже. Всю жизнь провела в небольшом поселке. А теперь вот — нет того поселка. Вымер. Весь.

Я смотрела на Варю, и думала о вампирах. О тех, которые спасли детей. О тех, которые не спасли взрослых. О тех, которые могли бы спасти их всех. И даже о том, кто мог бы ничего мне об этом не рассказывать. Какие цветы кладут на могилы? Есть цветок для тех, кого ты хочешь убить. А есть ли цветок для тех, кто по твоей вине просто умер? Владыка? Свалить всю вину на Владыку, конечно же, проще. Он Владыка, он неподсуден. А как оно было на самом деле? Что за саркофаг они там установили? Он же говорил, лучи проникают сквозь все? И что за странная фраза о том, что это вампиры губят землю, проводя в Бездне какие-то там исследования? Разве они исследовали ее не для того, чтоб эту землю спасти? И зачем он целовал ту вампиршу? Прямо у меня на глазах, собираясь рассказывать мне о своей любви?

Март прошел. Прошел в бессмысленных встречах с Петькой, которые все больше меня тяготили. Прошел в попытках не спотыкаться на каждом шагу о Варю, которая теперь тоже жила тут и имела полное право считать этот дом своим, брать мои книжки и делать за моим столом свои уроки. Прошел в однообразных посещениях универа, библиотеки, больницы.

И только каждый раз, проходя мимо его двери (а в иные субботы я проходила мимо нее и несколько раз на дню), я скашивала глаза на замок. Он был закрыт, он всегда был закрыт, и не о чем было и волноваться. Но каждый раз, проходя мимо двери, я помнила, что прохожу мимо Его двери. И самой себе не смела признаться, что мне все же ужасно жаль, что никогда он со мной не станцует.

А однажды скосила глаза — и не увидела язычка в щелке. Открыто. Сердце оборвалось, и даже с шага сбилась. На меня сзади тут же кто-то налетел. И обругал. И я прошла дальше. Мы всей толпой шли куда-то дальше. Вели нас. Для дела. Важного.

А возвращалась уже одна. И у него по-прежнему было не заперто. И я остановилась.

Как-то ноги встали. И потянулась мысленно туда, за дверь. Ведь у него очень сильная аура. А кабинет не большой. И если он там — я, наверно, смогу это почувствовать.

Он был там. Сначала я ощутила это слабо-слабо, дуновением, касанием. И даже сделала шаг вплотную к его закрытой двери, уже не думая, как оно со стороны выглядит. И почувствовала его лучше. Волной. Огромной океанской волной, которую он видел, а я никогда. Волной, которая прошла сквозь меня, сквозь каждую клеточку, даря — нет, не радость, не восторг, не блаженство — покой. словно я вернулась домой, и ничего уже больше не надо. Я оперлась лбом о его дверь, положила на нее ладони, и так стояла, качаясь в невидимых волнах его вампирской нежности, его клятого вампирского обаяния. Долго-долго, не то секунду, не то вечность. А потом застучали по коридору чьи-то шаги, я вздрогнула, опомнилась, и ушла прочь.

Наступил апрель. И Петьке исполнилось девятнадцать. Он позвал шумную компанию, и мы праздновали, праздновали, праздновали... Прошло две недели. И я тоже, вроде как, повзрослела. И даже позвала гостей. Ну, Петьку-то по любому звать. Позвала и закадычного дружка его Марка, и Регинку, и даже пару девчонок с курса, с которыми научилась находить общие темы больше, чем на три минуты — Марийку с Олеськой. И был праздничный стол, и звучали задравные тосты.

А потом позвонили в дверь, я никого более не ждала, и открывать пошла мама. И вернулась довольно быстро с букетом белых лилий в руках.

— Курьер принес, — объявила она. — От кого неизвестно, карточки не было. Но точно тебе.

— Вот я даже не сомневаюсь, — взяла у нее цветы, вдохнула их аромат, слишком сильный и слишком приторный. Затем сломала их пополам, открыла окно и вышвырнула прочь.

«Чистые» лилии медленно тонули в грязной весенней луже, и я любовалась на эту картину с мрачноватым удовольствием. Вот бы и хозяина их — туда же. А лучше — так уж сразу в Бездну. К принцу Дракосу в гости. Родственники ж небось.

Закрыла окно и повернулась к обалдевшим гостям. И зачем я их позвала? Люди ж не цветы, их не выкинешь. Придется еще пару часов терпеть.

Глава 10

Не вампир

Варя сидела за моим столом и рисовала лошадей. Впрочем, теперь это уже был, наверное, ее стол. Она делала там уроки, приходя из школы, читала книжки, рисовала свои бесконечные картинки. И как-то постепенно мои учебники и тетрадки с этого стола исчезли, ее же, напротив, заполнили его весь. Ей явно было там уютнее всего. Повернувшись спиной к этой чужой для нее квартире, чужой и непривычной жизни, она сидела перед окном, из которого лилось на нее весеннее солнце, и рисовала своих лошадок с разноцветными гривами, витая мыслями где-то очень далеко, в своей прекрасной сказочной стране.

А я валялась на кровати, делая вид, что читаю учебник. И все пытаюсь смириться с мыслью, что Варя — это навсегда. Она никуда не уйдет и не исчезнет, а у меня теперь даже комнаты своей нет, потому как решено было, что гостиная останется гостиной, «а девочки прекрасно уживутся вместе». И теперь вся комната — это узкая тропинка от двери до письменного стола, аккуратно между моей кроватью и ее свежескупленным и свежевтиснутым в небольшую мою комнатку диванчиком.

Да, вот теперь-то кое-кому с ремнем-то здесь не развернуться. А впрочем, он же теперь и прийти-то в наш дом не сможет. Здесь теперь Варя живет. А вампиры никогда не заходят в дом, где есть ребенок.

Впрочем, свою квартиру крепостью я от этого не ощущала. Собственная, вернее, наша с Варей комната хранила для меня слишком много воспоминаний о боли и ненависти. И хотя шторы, по моему настоянию, давно сменили, а новые никакими декоративными шнурами уже никто не подвязывал, находиться здесь долго я все равно не могла. Потому и позволяла ей безнаказанно узурпировать все, что когда-то было моим, предпочитая готовиться к семинарам и коллоквиумам на кухне или в гостиной, а еще лучше — приходить домой не раньше, чем закроется библиотека.

— Варь, а ты верхом ездить умеешь? — спросила, взглянув на ее три тыщи пятую лошадку.

— Конечно. У меня ж папа на конезаводе работал, — я и не знала, я никогда ее про родителей не спрашивала. Боялась — больно ей будет, если спросить. А она ничего так. Вспомнила — и не плачет. Хотя... она ж ведь и не забывала никогда. Разве ж забудешь?

— Ларис, а лошади — они тоже все погибли, как думаешь?

— Не знаю, — а вот по поводу животных меня ни вампиры ни люди как-то не просвещали. — Может и нет. Или не все. И их теперь куда-то в другое место перевезли.

— Это хорошо бы. Знаешь, я, когда вырасту, на ветеринара учиться пойду. Чтоб лошадей лечить.

— Только лошадей? А кошечек и собачек как же?

— Их и без меня вылечат. А мне еще лошадок моих искать надо.

— Твоих?

— Ну, не моих, конечно, просто... знакомых моих лошадок. Знаешь, у меня лошадка была любимая, Формула, и у нее как раз жеребеночек родился, Фрегат. И папа мне говорил, что вот я вырасту, Фрегатик вырастит, и буду я на Федьке скакать...

— На Федьке? — не поняла я.

— Ну, он же Фрегат — значит, получается Федька, — пожалала плечами Варя. Что ж непонятного.

— Да? Ну и какого он цвета, твой Федька?

— Гнедой. Как мама.

Да уж, объяснила. Ох уж эти малолетние лошадицы...

— Варя, а гнедой — это какой? Белый с розовой гривой? — я ткнула в один ее рисунок. — Или голубой с зеленой? — я показала на другой.

— Рыжий с черной, — Варя посмотрела на меня так, словно я с луны свалилась. — А ты что, правда не знаешь?

— Откуда? Я на конезаводе не работала. Я вообще всю жизнь о принце на белом коне мечтала, — решила перевести все в шутку, пока она не вспомнила опять о том, что нет уже ни того завода, ни тех, кто на нем работал. — Откуда ж мне знать, кто такие гнедые.

— Белых коней не бывает, — авторитетно заявила Варька. — Зря мечтала.

То-то я гляжу, ко мне вместо принца на белом вампир на черном подъехал. С конями, оказывается, накладка.

— Как же не бывает, я в цирке сама много раз видела, — не спешу соглашаться с ребенком.

— Они не белые, они серые. Коней белой масти не существует! — Варька стоит на своем.

— Почему же они серые, если они белые?

— Потому что! У них шерстинки есть черные, просто их меньше белых, и издали не видно.

Вот уж точно. Шерстинки есть. Черные. И не факт, что у лошадок.

— Варька, а бывают лошади-оборотни?

— Как это? — поразился ребенок.

— Ну, вот она вся такая белая с невидимыми шерстинками, а потом вдруг раз — и черная вся. Теперь ты черные шерстинки видишь, а белые нет.

— Что за чушь! — возмущается Варька. Еще бы, лошадок ее оклеветали.

— А у вампиров бывает. Запросто, — говорю уже скорее себе, чем ей.

— У вампиров нет шерсти, — не понимает меня художница.

— Нет, — соглашаюсь я. — И без нее как-то справляются.

А ночью мне снится Анхен. Белый. Черный. Добрый. Злой. Любящий. Ненавидящий. Дарящий жизнь. Обещающий отнять. Мне снится запах его лилий, одуряющий, тошнотворно-сладкий запах лилий. Ну как может быть «чистым» цветок со столь невыносимым запахом? Какой вампир это выдумал? Страдавший насморком?

Просыпаюсь измученная, разбитая, с головной болью. В комнате душно, но лилиями не пахнет. И откуда взялся запах в моем сне? Собираюсь и еду в больницу. Суббота, чтоб ее. Уход за хирургами.

Ну а дальше — с разбегу, с размаху, сразу — встречаю его. Нет, сначала все так, тихомирно: одноклассники, лекция в стылom нашем подвальчике (блин, ну весна же, тепло на улице, солнышко, а здесь все так же холодно и промозгло, даже кофту из дома таскать приходится). А потом лестница, и мы поднимаемся по ней плотной толпой, болтая о своем, о девичьем. И тут снизу на нас накатывает, приближаясь, волна. Незримая волна вампирского обаяния, не ощутить которую — не возможно.

И разговоры сбиваются на полуслове, и даже шаг сбивается, не у меня, не у одной меня,

у всех.

— Доброе утро, светлейшие студенты, — глаза светлы, улыбка лучезарна. Догнал. Нет, не спешил, не гнался, скользил, изящно и неторопливо, но так по-вампи́рски — быстрее всех.

— Доброе утро! Здравствуйте! — все рассыпаются в приветствиях, и взгляды их полны восторга и обожания. А я стою бледнее тени, и сердце почти не бьется, и вижу только пол под ногами. Пусть он уйдет! Ну бывают же в жизни чудеса! Я не прошу о многом, пусть просто уйдет, и все!

— Лариса, зайди ко мне, пожалуйста, — его голос спокоен и нейтрален, ни тепла ни холода, просто вежливость. Это не просьба и не предложение, просто сообщение о том, чем я буду заниматься прямо сейчас.

— Нет! — я в ужасе дергаюсь, наступаю кому-то на ноги, пытаюсь пятиться.

— Зайди, — он разворачивается и уходит, не вступая в дискуссию, не давя, не приказывая. Вампир. Никогда не сомневавшийся, что его слово — закон, а взмах ресниц — повод возмечтать о смерти.

Ноги ватные, сердце вот-вот вывалится из груди, в лице ни кровинки. Вот как я к нему пойду? Ага, а как я к нему НЕ пойду? Впаяет потом неповиновение его светлейшей вампирской воле и что делать будем? Помирать в страшных муках?

— Лариска, ты что стоишь, он же ждет! — нетерпеливо подтолкнула меня Олеська.

— Ты что, опять что-то натворила? — с подозрением косится Марийка, не забывшая еще, как я его высочайшим соизволением коридоры намывала.

Молчу. Он еще не ушел, он еще на лестнице. Выше нас на пару пролетов, но все еще может нас слышать. Молчу. Одногоруппники смотрят неодобрительно. Во взгляде любого — зависть, от сильной до мимолетной. Их бы кто позвал, хоть какой вампир, хоть зачем. А впрочем, не сомневаюсь: вот конкретно этот вампир предпочтительней любого другого. С его-то вниманием, с его-то улыбкой. Они же не знают про шерстинки. Не знают, что белых лошадей не бывает.

Очень долго стою перед его дверью, собираясь с духом постучать и войти. Смешно, но постучать так и не получилось. Просто вошла.

Он сидел за столом, что-то читая и делая на полях пометки. Поднял на меня голову, взглянул спокойно, без эмоций.

— Присядь, — кивает на одно из кресел у противоположной от него стены и вновь углубляется в чтение.

Сажусь. Сердце колотится, в голове все смешалось — стыд, страх. Хотелось бы прибавить — гнев, ненависть, но это не так. Я чувствую себя слабой, раздавленной. Мне стыдно вспоминать, как я вела себя с ним при последней встрече. Как он заставил меня себя вести. И мне страшно: он действительно может сделать со мной все, совсем все. Захочет — заставит любить, захочет — заставит ненавидеть. Или бояться. Впрочем, бояться себя он уже меня научил.

Что ему нужно от меня теперь? Сидит, работает. Весь углубился в свои бумаги. Совсем-совсем обо мне забыл. Не верю, ни на грош. Жду. Ну он же умеет так ждать — камнем среди потока. Я не вампир, конечно, но почему бы и мне не научиться. Жду. Пытаюсь погасить дрожь в руках. Пытаюсь погасить дрожь в мыслях. Ни о чем не думать, ничего не вспоминать, ничего не бояться. Жду. Рассматриваю его лицо, слегка склоненное вниз. Оно казалось мне бесконечно красивым при нашей последней встрече. Он красив? Вот если

объективно? Не знаю, не могу объективно. Лицо и лицо. Привычное. Родное.

Родное? Вот, бездна, родственничек нашелся! Понимаю, что он делает. Топит в своей дракосовой ауре. Ждет, когда захлебнусь, проникнусь и перестану трепыхаться.

— Что вы от меня хотите? — не выдерживаю.

Он поднимает лицо от бумаг, скользит по мне спокойным, чуть отрешенным даже взглядом.

— Ничего.

— Так я могу идти? — встаю и делаю шаг к двери.

— Нет, посиди.

— Зачем?! Что, так нравится меня мучить?

— Я ж еще и мучаю, — слегка пожимает плечами. — Слова не сказал, пальцем не тронул... Сама ж хотела меня видеть.

— Что-о? Да с чего вы взяли такое? Если вы о том, что творила со мной ваша кровь, то это подло. Я была тогда не в себе, и вы это знаете, — воспоминания жгут меня, и я пытаюсь отгородиться от него этим бесконечным «вы». От него и от себя, той себя, что как заведенная твердила «люблю». «Люблю тебя».

— Знаю. Я о другом. О том, что кто-то стоял у меня под дверью пару недель назад, не в силах ни войти, ни отойти.

Сажусь обратно, закрывая лицо руками. Ну конечно, могла бы и догадаться. Если я чувствую его... вернее, если люди могут чувствовать ауру вампиров не обладая при этом никакими особыми способностями, то уж вампиры-то, со своей способностью чувствовать даже эмоции, да что там — питаться этими эмоциями...

— Мог бы и сказать... что-нибудь, — смущенно выдавила я, не в силах поднять на него глаза. — Раз все равно почуял.

— Не успел. Слишком быстро сбежала.

— Видимо, не слишком спешил.

— Совсем не спешил. Мне было приятно, что ты подошла. Не ожидал.

— Я не подходила, просто мимо шла. Я...

— Не надо. Я ведь потому и дверь тогда не открыл. Не хотел слушать, как ты оправдываешься, врешь себе самой и мне заодно. А эмоции твои были... искренние.

Я молчала. Не могла понять, что ему от меня надо. Чего он хочет? И это было не пару недель назад, кажется, месяц уже прошел. Он по-прежнему сидел за своим столом. Спокойный. Слишком спокойный. Ни эмоций, ни улыбки. Даже взгляд такой... не правильный, не его. В нем не было тепла. Но и холода в нем не было тоже. Ни интереса, ни равнодушия. Просто взгляд. Просто голос. Просто слова.

— Я бы хотела уйти, Анхенаридит, — назвать его Анхеном язык не повернулся. — И это абсолютно искренне. А вы обещали меня отпустить. Еще тогда, зимой, — меня невольно передернуло, когда я вспомнила зиму. — А сами обманули. Я не сделала ничего... Я не нарушала ваших запретов. Я просто живу. Как все. А вы... Вы заставили меня привязаться к вам. Потом заставили ненавидеть. Потом любить. Потом сгорать от стыда. Я понимаю, вам это забавно, вас развлекает, а мне... Может, просто скажете, что вы хотите сделать со мной теперь?

— Научить тебя жить, наверное.

— Что? — я аж поперхнулась. Такого ответа я не ждала. Нет, не правильно. Я вообще от него ответа не ждала. Вернее — просто не знала уже, чего ждать. Запуталась.

— Мне не нравится, как ты живешь.

— Как я живу?

— Никак не живешь. Уходишь в мир теней.

— Неправда. И не важно. И вам-то что за дело, светлейший куратор? Как это может оскорбить Великих вампиров и их обожателей?

— Никак. Это расстраивает лично меня.

— Что вам за дело? Отпустите меня, пожалуйста. Вы же обещали.

— Я не могу тебя отпустить, Лариса. Ты моя. И ты не справляешься, — его голос все так же спокоен. Все так же нейтрален.

— Я не ваша, — в горле возник комок, мешая говорить. Живот скрутило от страха. «Она не справляется» — говорил он о той крашеной блондинке, собираясь ее убивать. Вот так, все, поиграли?

— Ты моя. И я могу позволить тебе роскошь этого не признавать, не ощущать, не соглашаться. А вот себе я такой роскоши позволить не могу. Ты принадлежишь мне, а значит, я за тебя в ответе. Хотя, я полагаю, ты тоже это ощущаешь. Просто у тебя не хватает смелости это признать.

— Отпустите меня. Я не хочу. Я не буду, — почти шепчу, не особо понимая, что.

— Разве ж я держу? Я просто чувствую себя в ответе за тебя, глупая ты девочка. И пытаюсь помочь — там, где это необходимо.

— Помочь?! Так тогда, с ремнем — это помощь такая была?

— Ну а что, по-твоему, это было? — он чуть пожимает плечами. — Твое поведение становилось социально-опасным, надо было корректировать, пока ты сама себя до беды не довела.

— Вот так ты себя успокаиваешь? Корректировать? — разозлившись, я опять забыла все свои страхи. — А по-моему это был откровенный приступ садизма на фоне прогрессирующего безумия!

Его спокойно-нейтральное лицо чуть дрогнуло, и он прикрыл глаза. Помолчал. И у меня возникло чувство, что он мысленно считает до десяти. Затем вновь взглянул на меня. Все тем же спокойным, нейтральным взором. И ответил — совершенно спокойно:

— Боюсь, ты очень слабо представляешь себе, что же собственно такое «садизм» в исполнении вампира. Прости, рассказывать не стану. Подозреваю, твоя детская психика, да со столь развитым воображением, этого не переживет.

— Зато ты, вот уж не сомневаюсь, знаешь об этом не по рассказам!

— Нет, не по рассказам, — вот мы сейчас точно не о погоде разговариваем? А интонации примерно те же. — Было время, меня часто приглашали на подобного рода вечеринки. Меня такое не особо возбуждает, но если кому-то нравится — не думаю, что я вправе осуждать.

— Что ж тогда ходил, если «не возбуждает»?

— А смысл портить отношения из-за людей, которым все равно не жить? Они отдали свои жизни не мне, так не мне и решать, каким образом и как долго им умирать. Решает хозяин. Частная собственность у нас, знаешь ли, неприкосновенна.

— Ты чудовище! Ты хоть понимаешь, что ты мне сейчас рассказываешь?!

— Что? Милые картинки из жизни просвещенного вампирского общества, — он чуть передернул плечами, не в силах скрыть раздражения, встал и отошел к окну. — Абсолютная власть еще никого не сделала прекрасней. Она развращает, разрушает... Мы деградируем,

Ларис, и не смею признаться в этом даже самим себе. И почти ничего нельзя сделать.

— Можно хотя бы не ходить на те вечеринки.

— Я и не хожу. Уже сто лет, как. Что, ты думаешь, я живу здесь у вас практически безвылазно? Надоело на все это любоваться. А вы ужасно похожи на нас — таких, какими мы были... очень и очень давно. Не в мелочах, не в деталях — но похожи, — он не отрываясь смотрел в окно. Мне было так гораздо проще, чем когда он глядел на меня своим прозрачным взглядом. Да и ему, похоже, тоже. Голос перестал быть нейтральным, в нем уже угадывались какие-то интонации. Сожаление? Печаль? Я могла ошибаться. — Вашу страну создавали идеалисты. Мечтатели. По сути — лучшие из нашего народа. Ну, на мой глубоко предвзятый вкус. Те, кто помнит старые времена. Те, кому жаль, что они ушли.

— То есть, вот как ты себя видишь — идеалистом и мечтателем? Прости, что не соглашусь, но для мечтателя, идеалиста и, тем более, защитника, ты слишком жесток. Чудовищно, несоразмерно жесток.

— Да? И в чем ты видишь жестокость? Чрезмерную? Я только и делаю, что пытаюсь тебя спасти, причем порой ломая собственные планы, причем порой от твоей же собственной глупости, — бездна, ведь верит же в то, что говорит, до последнего слова верит.

— Ты. Меня. Избил. До крови, до потери сознания. За пару неудачных фраз. И это не жестокость? Не чрезмерная? Защита это такая была?!

— Я. До тебя. Донес. Простую, в общем-то мысль о том, что хамить вампирам опасно. Что идти против основ государственного устройства недопустимо. Жаль, что на тебя не действуют другие методы, но раз действует этот, то значит, он тоже годится. Важен был результат, а результата я добился.

— Какого? Что я боюсь тебя и ненавижу?

— Это побочный эффект, его я как-нибудь переживу.

— Бездна, да ты вообще понимаешь, о чем мы говорим? Ты причинил мне ужасную, чудовищную боль. Намеренно, хладнокровно. Мне было больно, ты хоть понимаешь это? Ты вообще знаешь, что такое боль? Ты боль вообще чувствуешь?

— Нет.

Простое такое слово. Короткое, категоричное, спокойное. Ответ на вопрос. Констатация факта. Ничего кроме.

— Что за чушь! Ты сам мне говорил о чем-то, что это больно. Ну, хорошо, ладно, пусть не физическую, пусть не свою, но как эмпат?

— Как эмпат чувствую, конечно, почему ж нет, тоже пища. Но твой вопрос ведь не об этом. Ты во мне со-чувствия ищешь. А вот чего нет, того нет. Так как боль я скорее вижу, чем чувствую: небо голубое, трава зеленая, боль... просто боль, бесцветная, чья-то, даже если моя. Я свое на эту тему отчувствовал уже. Вот потому она меня теперь и не возбуждает. Ни на какие эмоции — ни на желание, ни на отвращение, ни на сочувствие. Так что, по поводу той порки: я рад, что это подействовало. Мне жаль, что ты меня теперь ненавидишь. Все.

Он по-прежнему смотрел в окно. Я все так же сидела в кресле. Пыталась как-то осознать то, что он мне сказал. Выходило не особо. Всесильный и жестокий вампир, играющий моей судьбой, как бантиком на веревочке. Или инвалид, лишенный нормальных чувств и эмоций? Сочувствие чужой боли... Что надо пережить, чтобы его потерять?

Понимая, что делаю глупость, встала и подошла к нему. Чуть коснулась руки. Видимо, под воздействием его ауры, под воздействием старательно заложенной привычки, что если

мы вместе, то он всегда совсем рядом, не дальше, чем на расстоянии вытянутой руки. Быть от него так долго на другом конце комнаты ощущалось неправильным. Я коснулась его руки, а он, не оборачиваясь, приобнял меня этой рукой за плечи.

Захотелось выдохнуть и расплакаться. Как это было просто там, в больнице, его любить. Ничего не знать, ни о чем не помнить. Его руки, его губы, его запах. «Но где-то между первым и вторым мы успеваем подарить вам еще и удовольствие, которое все искупает»... Удовольствие? Да, он умел. Но вот только — искупает ли? И как забыть — про первое и второе? Боль и смерть, кажется? Да, боль и смерть.

— Рассказать?

Я непонимающе вскинула на него глаза. Он чуть обернулся ко мне, по-прежнему удерживая за плечи.

— Что такое моя боль, Ларис. Последняя, которую я чувствовал.

Я кивнула. Зря я к нему подошла. Раньше было холодно и далеко. А теперь — слишком близко.

— Это было давно. Для людей. А для нас — не настолько, чтобы забыть. Тогда наш мир рухнул. Такой привычный, такой обыденный, может, даже не всеми любимый. Но он рухнул, погиб, рассыпался прахом вместе с тысячами тех, кто был нам дорог. А мы остались. Лежать ничком на черной ночной земле, выгибаясь в судорогах адской боли, пронзавшей наши тела, перестраивавшей каждую клетку в наших организмах. Наши зубы вжимались в десны, разрывая корнями неприспособленную для этого плоть. Невыносимая жажда, причины которой мы еще не осознавали, мешалась с невыносимой болью, лишала остатков разума, делая невозможным даже попытку самоконтроля. Целый народ, Лара, вернее — те жалкие крохи, что выжили, корчился на выжженной земле, задыхаясь от запредельной боли, не различая уже — своей или чужой. Ведь мы же эмпаты, Ларка, все как один, а боль была такой, что мы не могли закрыться, все щиты слетели, и каждый слышал всех. А самое страшное в этом хоре — один единственный детский крик. Один единственный выживший ребенок из многих тысяч наших детей. У нас прежде рождалось много детей, Лариса. Но ту ночь пережил только один. Кукольно-хрупкий, ему не было еще и пяти. Но он выжил, а даже те, кто были много его старше — нет. И он кричал, Лариса, так кричал, единственный из всех — в голос. Мы взрослые, мы сильные, мы извивались и орали молча. А он, наш единственный малыш, кричал в ту ночь за нас за всех. Долго и страшно, пока не сорвал связки, а потом только хрипел, но этот хрип тоже слышали все. А когда все-таки вошло солнце, мы увидели, что он стал седым. Весь.

Анхен немного помолчал, а потом закончил:

— Вот с тех пор я и не могу — сочувствовать. Любой боли. Не жалко. Никого, даже себя. Кто-то наоборот — ищет боль и пытается в ней утонуть, кто-то — создает и пытается в ней утопить. Кто-то пытается ее избегать — и для себя, и для других. Но никто не остался прежним — ни один из нас.

Увлеченная его рассказом, я не сразу почувствовала, что его рука сжимает мое плечо, пожалуй, слишком сильно. Но смотрит он при этом не на меня — куда-то вдаль, за горизонт, наверное — во тьму той ночи. Невольно повожу плечом, и Анхен, словно очнувшись, опускает руку.

— А тот малыш? Мальчик? Что стало с ним? — почему-то это было очень важно.

— Вырос.

— Вырос каким?

— Добрым. Светлым. Даже романтичным, я бы сказал.

Это почему-то обрадовало. Было бы жаль услышать, что несчастный мальчик вырос в самого кровавого и жестокого садиста в истории. Хотя, добрый и романтичный вампир — это вообще как? В каком смысле?

— Это не значит, что он не убивает, — ответил Анхен на незаданный вопрос. — Он вампир, как и все мы. Но он не ищет боли и не стремится ее причинять. Знаешь, его мать была жрицей Предвечного Светоча, и ей удалось сохранить свет в душе своего сына. Хотя он, конечно, скорее Новый, чем Древний. Из тех, кто срезает чужие розы, не слишком умея ценить жизнь...

Новый, Древний... Что-то он говорил уже об этом...

— Так это и было... «второе солнце»? А Древние — те, кто пережил ту ночь?

— А Новые — те, кто родился после, — подтвердил мою догадку Анхен. — Кто не знал иной жизни и иного мира. Дети Древних, рожденные на крови.

Мысленно прокручиваю в голове учебник истории, и не могу понять, с какими событиями можно соотнести его рассказ. Не выходит, никак. Да еще в пределах последних восьмисот лет.

— Мне кажется, или в учебниках об этом не пишут? — почти шепотом спросила его я.

— Не пишут, — тоже очень тихо согласился Анхен, поворачиваясь ко мне и глядя прямо в глаза. — А ты ведь у меня умная девочка, и понимаешь, что не все из того, что я тебе рассказываю, стоит пересказывать другим.

— А зачем ты рассказываешь об этом мне?

— А кому еще? Из всех людей ты единственная не питаешь излишних иллюзий. Ну подумаешь, сдерну еще одну. Думаешь, это так приятно — всегда и всем лгать? Всегда видеть вокруг глаза, затуманенные наведенной любовью?

Отстраняюсь.

— Тогда, в Пахомовке, тебе было неприятно? — говорить об этом очень стыдно, но не спросить я не могу.

— Не совсем правильное слово, — Анхен вновь отворачивается к окну, опираясь руками на подоконник. — Правда в том, что я к тебе привязался, Ларис. Ты стала мне дорога. В общем неудивительно. Сама подумай: со многими ли я могу позволить себе быть близок, зная чем оборачивается для человека близость с вампиром? Тех, кто становится мне дорог, я вынужден отталкивать, держать на расстоянии, прогонять навсегда. А с тобой — можно было просто быть, не опасаясь, что это тебя погубит. Это... неожиданно и приятно, хотя терпения на твои выходки у меня не всегда хватает. Ты все же — не слишком умная девочка, уж прости за прямоту. А в Пахомовке... Моя кровь — это как прививка, Ларис. Сначала прививается болезнь, а потом ты ее перебарываешь, и не болеешь уже никогда. Поэтому — да, твое поведение было типичным поведением человека, у которого выгорает мозг от слишком тесного общения с вампиром. И это не слишком приятно, ты нравишься мне живой. Но я знал, что это временно, это пройдет. А за возможность безнаказанно тебя целовать — можно и потерпеть, — он оборачивается ко мне и впервые улыбается — коварной улыбкой соблазнителя, и даже подмигивает. Но тут же вновь становится серьезным.

— Анхен, — наверное, надо спросить, раз уж он готов отвечать, раз уж он нынче белый и пушистый и готов уверять меня в своей искренней симпатии (знать бы еще, зачем ему это, опять привязать пытается?). Только спросить почему-то очень страшно, и я умолкаю.

— Что, Ларис? Уж лучше я отвечу, чем ты сама себе напридумываешь.

— Ты тогда просил у меня мою жизнь. Мою подпись под соответствующим документом. А потом — отговорился как-то, вроде и не нужна. Ты можешь сказать мне честно, что это было? Ты пошутил? Передумал? Или... я подписала, а теперь не помню, ты как-то память мне стер?

— Видишь ли, Лариса, — Анхен взял меня за руку, и отвел обратно в кресло. — Присядь.

Начало мне уже не понравилось. Вампир сел напротив, теперь нас разделял маленький стеклянный столик.

— Ты почти угадала, — продолжил он спокойно, а меня словно ледяной иглой в сердце кольнуло. — Одна проблема: я не могу стереть тебе память. Если бы мог — то сделал бы именно так, как ты предположила.

— Но это же... подло, — только и смогла выдохнуть я.

— Зато решило бы массу проблем, — он только пожал плечами. — Был еще вариант, проще. Подготовленный договор лежал у меня в машине. Ты подписала бы, не задумываясь. Залетели бы в юридическую контору по дороге, оформили все официально. И никаких манипуляций с памятью. Вот только... очнувшись, ты сошла бы с ума от ужаса, могла бы глупостей понаделать, в том числе непоправимых. Я и так-то за тебя опасался... Так что — нет, ты ничего не подписывала. И да — я хочу, чтобы ты этот документ подписала. Без всяких шуток.

Я смотрела на него расширившимися глазами. Вот и приплыли. Его искренняя привязанность и симпатия, рассказы о несчастных вампирах на заре времен, или как там они это называют... А ему просто жизнь моя нужна. Ни больше, ни меньше.

— И... что теперь? — еле выдавила из себя. — Будешь бить, пока не подпишу? «Добровольно»?

— Нет, бить не буду. Попробую объяснить. Хотя мы и говорим об одном документе, в виду мы имеем совершенно разное.

— Да, конечно. Я — смерть, а ты — «слияние».

— Не угадала. Я имею в виду рабство.

— Что-о??

— Не настолько страшно, как звучит. Ты отдаешь мне свою жизнь. Это не значит, что я тебя убиваю. Это значит, что твоей жизнью отныне распоряжаюсь я и только я.

— Да, я помню: не то в стада отдать, не то друзьям, не то горло перерезать. Ты рассказывал, спасибо.

— Я тогда говорил о критическом случае. О человеке, который сгорел и подлежал вывозу из Страны Людей. Тебе сгореть не грозит, и я говорю о другом.

— Кстати, что с ней стало? — перебила я его.

— С Аллой? Подарил.

— Ей жизнь?

— Ее приятелю. Жизнь для нее была уже невозможна. Ты выбираешь не те примеры. Контракт с ней заключался действительно «на смерть», по факту необходимости ее устранения. То, что я предлагаю тебе, называется «кабальный договор», и он заключается «на жизнь», просто за эту жизнь отныне отвечаю я. Этот контракт не подлежит оглашению, в твоей жизни ничего не меняется, ты живешь, как жила. Но, поскольку ты принадлежишь мне, ни один вампир без моего разрешения слова тебе сказать не в праве, не то, что делать с тобой что-то. Более того, ты выводишься и из-под действия человеческого законодательства.

Становишься неподсудна. За любые правонарушения, от мелких до тяжчайших. За тебя отвечаю я. А со мной, поверь, мало кто готов связываться. Даже среди вампиров. Ты теряешь избирательное право и возможность заниматься политикой, но вряд ли это твоя стезя. И все. Пойми, я просто хочу тебя защитить. С твоим дурацким характером и невоздержанностью на язык ты рано или поздно нарвешься. Я не собираюсь убивать тебя или ограничивать твою свободу, я просто страхую тебя от неприятностей, которые ты так умело огребаешь.

— Красиво. Складно. Вот только я не вещь и не рабыня, и становиться ей не собираюсь. Да, сейчас ты, возможно, не собираешься меня убивать, но где гарантии, что завтра тебе не сорвет крышу и ты не передумаешь? Я неподсудна для людей, но что позволит мне избежать твоих наказаний, а с их чудовищностью я уже успела ознакомиться? Без твоего слова ни один вампир меня не тронет, но что помешает тебе разрешить кому угодно сделать со мной что угодно? Какие ты даешь гарантии, предлагая мне все это?

— Мое слово.

— Маловато, ты не находишь? Мой ответ — нет. Что теперь, будешь пытаться, пока не согласишься?

— Да светоч меня упаси. Я бы хотел, чтобы ты подписала. Я буду рад, если ты передумаешь. На этом все. Настаивать я не стану. Расслабься, не надо так дрожать. Нет у меня на тебя никаких коварных планов.

— Если это все, я пойду?

— Посиди. Это все, что касается ответа на твой вопрос по поводу контракта на жизнь. А я собирался с тобой говорить совсем не об этом.

— Может быть, в другой раз? У меня практика сейчас идет.

— Так сиди и практикуйся. Общаться со мной без резких перепадов настроения. Да пойми ж ты наконец: я тебе не враг, я не собираюсь тебя убивать, я не хочу причинять тебе зло.

— Конечно, зачем убивать, интересней над живой издеваться...

— Да не издеваюсь я над тобой! И прежде не было, и в будущем не собирался! Что ты себе ерунды-то напридумывала? Помочь я тебе хочу, неужели так сложно в это поверить?

— После всего, что было? Представь себе, сложно. Тебя это удивляет?

— Да, удивляет, и весьма. Меня вообще удивляет в тебе способность все переворачивать с ног на голову. Послушай меня, пожалуйста. Я тебе простую вещь сейчас скажу, попробуй ее услышать.

— Ну?

— Перестань переживать свои отношения со мной. Какие б они ни были — пошли их в бездну и разгляди уже, наконец, людей вокруг себя. Не самые плохие люди тебя окружают, между прочим. Научись их любить. Начни уже интересоваться их делами, их чувствами, их интересами. Сама займись чем-нибудь для души, найди себе хобби, в конце концов... И переспи ты уже с Петькой, дракос тебя раздери!

— Че-го? — уже с самого начала его тирады челюсть у меня все сильнее тянуло вниз, а уж от последней его фразы я и вовсе выпала в глубокий нерастворимый осадок.

— Да вот то самое, что я всегда тебе говорил: тесное общение с вампирами плохо сказывается на человеческой психике. Даже если не брать в расчет наше подавляющее ментальное воздействие. Мы просто ярче. Любой из нас. Уже даже тем фактом, что принадлежим к более древнему, более могучему народу, что живем в разы дольше любого из вас. Поэтому, начиная общаться с вампиром — регулярно общаться, а наше с тобой общение

вполне попадает в эту категорию — человек постепенно выпадает из мира людей. Нет, он живет вроде все там же и все так же, — но ему не интересно. Он словно отстраняется от жизни, все его мысли — о вампире, о вампирах, он уходит в мир снов и фантазий, и чем дальше — тем необратимей. И, несмотря на всю твою невосприимчивость к ментальному воздействию, сейчас это происходит с тобой.

— Нет! Это не правда, с чего ты взял? Я вовсе не думаю о тебе постоянно, можешь не надеяться! Просто ты обидел меня, оскорбил, такое трудно забыть, даже будь ты человеком, это не имеет никакого отношения...

— Пе-ре-стань, — он говорил спокойно и чуть устало, словно с упрямым ребенком, не желаящим признать очевидное. — Разница сейчас какая, человек я или вампир, думаешь ты обо мне с любовью или из-за оскорбленного самолюбия? Я вижу результат. И он очень схож с тем, что бывает с людьми, не обладающими твоими способностями. Что происходит конкретно в твоей голове, как конкретно на тебя это все влияет, и какие отличия твоей ситуации от стандартной — я не знаю, у меня нет достаточного количества фактов и возможности их анализировать. Да и желания, если честно.

— А как же твоя диссертация? — не могла не поддеть я.

— Разберемся с диссертацией. Сначала с тобой, а потом и до остальных вопросов руки дойдут. Что касается тебя. Вполне готов с тобой согласиться: ты думаешь обо мне не более, чем о человеке, если бы этот человек сделал для тебя то же, что и я. Но эффект выходит ровно тот же самый, так что послушай моего совета. Поверь, вампиры этой проблемой занимались, ведь для нас это и в самом деле проблема. Если живешь среди людей — всегда бывают те, кто дорог, те, кому ты ни за что не захочешь причинить непоправимый вред. Да, вампиры в Стране Людей убивают, и ты это знаешь, и я этого никогда не скрывал. И я убиваю — без повода, вот просто так, под настроение. Но я никогда и никого не тронул в университете. Или в больнице, где я работаю. Или на улице, где я живу.

— Ну конечно, а как же Алла? — в больнице он не убивает.

— Вот далась тебе эта Алла! Алла — это вынужденная мера, а я сейчас говорю об убийстве без повода, об охоте, о жажде. Мы вампиры, мы можем притворяться кем угодно, но нам себя не одолеть. Так вот, любой вампир убьет случайного встречного, незнакомца. А тех, кто ему дорог, он будет стремиться защищать. В том числе, от себя самого. И потому давно уже выяснили, что самой лучшей защитой от стремления человека, увлеченного вампиром, уйти в мир теней являются сильные эмоциональные привязанности на человеческом плане. Дружба, любовь, страсть, интерес, увлечение — чем больше, разнообразнее, сильнее, тем лучше. Надо раскидывать крючки и цепляться, якорить себя, заставляя, если не выходит само. У людей очень слабая психика. Летит от малейшего сквозняка. Так что кончай хандрить и займись уже самовосстановлением. Неужели ты любишь меня больше, чем себя?

— Я тебя НЕ люблю!

— Вот и займись... делом. Заканчивай ходить по коридорам, как лунатик.

— Спасибо за ценный совет, светлейший куратор. Всенепременно им воспользуюсь. Теперь я могу идти?

— Иди, — отозвался он столь легко и равнодушно, что мне стало жаль уходить еще прежде, чем я дошла до двери. Впрочем, это не значит, что я остановилась.

Но его рука легла на дверь в тот же миг, что я потянула за ручку. Я изумленно обернулась. И тут же оказалась прижатой спиной к двери. Его руки крепко держали меня за

плечи, а его темные очи цвета земных недр были так близко... Слишком близко. Как и губы.

Я не хотела, нет, я пыталась отстраниться, но я была щепкой, а он — лавиной, и его губы сметали все мои «нет» грубо, властно, требовательно. Я плавилась, я тонула, я погибала, а он целовал, целовал, целовал.

— Зачем ты... не надо... пусти...пожалуйста, — сбивчиво шептала я, пока его губы скользили поцелуями по моему незащитному горлу, а руки сжимали мое тело, не позволяя отстраниться, сбежать, вырваться.

— Зачем ты не отдалась своему Петьке, глупая ты девчонка, — внезапно выдохнул он мне прямо в ухо, — зачем ты меня мучаешь?

— Я не... ты сам.... - сбивчиво шепчу в ответ, пытаюсь собраться с мыслями. — И вообще, может я уже давным-давно ему отдалась, тебе откуда знать? — пытаюсь оттолкнуть его, но ничего не выходит.

— Смеешься? Девственная кровь — это не то, что можно не почуять или перепутать. И твоя еще не пролита.

— Да тебе-то что за дело? Пусти меня! — я отчаянно пытаюсь вырваться, но его руки бесстыдно скользят по моему телу, прожигая даже через одежду.

— Это хороший якорь, Лариса, поставь его, — бездна, ну как можно столь сладострастно лапать и при этом уговаривать отдаться другому? — Или я возьму все себе.

Моя блузка мнется под его наглыми пальцами, я бьюсь, словно рыбка в рыбацких сетях, а он вновь ловит губами мои губы, заставляя забыть обо всем, сгорать и умирать в его жадных объятиях, задыхаться и забывать, что мне нужен воздух.

Отстранился.

— Напугал? — практически спокоен. Или совсем спокоен?

— Да, — и это искренне. Ноги у меня дрожат, хорошо, что под спиной дверь. — Доволен?

— Нет. Прости. Сорвался, — он аккуратно заправляет мне за ухо выбившуюся из прически прядь.

— Совался? Верится с трудом.

— А во что тебе верится.... без труда?

— Власть свою... утверждаешь. Или проверяешь. Или упрочиваешь. Сам же говорил: тактильный контакт — единственное, чем ты можешь меня держать.

— Нашла о чем вспомнить, — Анхен невесело как-то усмехнулся. — Сжег я его, Ларка, все, нету. Одна была на тебя ниточка, и той не стало.

— Как сжег? — нет, сейчас голова точно треснет. Столько всего на меня вывалить, да за одну беседу.

— Кровью, принцесса, кровью. Как еще? Ты сама вспомни, как ты себя после полета в Бездну чувствовала? Что это было — боль, да?

— Боль, — согласно кивнула я, отчетливо вспоминая, насколько физически мне было плохо от разлуки с ним.

— А когда мы расстались... на этот раз, ты чувствовала подобное?

— Нет, — удивленно отозвалась я, только теперь сознавая, что ведь действительно, и близко ничего подобного не ощущалось.

— Надо ли напоминать, какой контакт был более... тактильным?

— Не стоит, — пробормотала сквозь зубы, отчаянно пытаюсь не покраснеть.

— Не буду, — улыбнулся Анхен. И неожиданно выдал: — А давай мириться, Лар.

— Мы... вроде не ссорились, — слегка опешила я от такого поворота.

— Вроде нет, — согласился Анхен. — А осадок остался. Знаешь, я привык просчитывать свои действия на результат. Я никогда не задумывался над тем, кто и что там подумает в процессе. Ведь я любого всегда заставлю думать и чувствовать то, что требуется мне. Мне очень трудно привыкнуть к мысли, что с тобой так нельзя... так не выходит. Я понимаю, тебе все это тяжело. Но мне... тоже не просто.

Я медленно склонила голову. Если это не извинения, то что это? Других я точно не получу. Я не знаю, нужен ли он мне в качестве друга (да и какая, к дракосу, между нами может быть дружба), но иметь его своим врагом я точно не хочу.

— Мир? — переспросил он.

— Да. Хорошо. Ладно.

— Тогда обними меня.

Я нервно вскинула на него глаза. Да что опять за нафиг?

— Просто обними. Я не собираюсь тебя больше смущать. Тебе так легче станет. Возможно, мне и не привязать тебя к себе прикосновением, но успокоить тебя я все еще могу, — он протянул руку, и я позволила ему привлечь меня к себе. — Закрой глаза, — шепнул он мне, прислоняя мою голову к своему плечу. Просто закрой глаза и ни о чем не думай.

Это и впрямь оказалось просто. Так просто и так приятно. Одной рукой он обнимал меня за талию, другая неторопливо скользила по волосам. Очень нежно и аккуратно, касаясь едва-едва. Я плыла, качаясь на волнах его вампирской магии, и все казалось неважным, несущественным, не стоящим нервов и, тем более, слез. Было хорошо, так хорошо, словно я пришла домой, в тот сказочный, заповедный дом, какой редко встретишь в реальности: где тепло, и свет, и уют, и все ждут и любят только тебя, и понимают до конца, даже не высказанное, и нет никаких проблем, только любовь, и мир, и покой. Нет, я понимала, что это наведенное, что это магия, что это чары. Но было хорошо, и я позволяла ему околдовывать себя. Его халат немного пах лекарствами, размыто, едва-едва. А сквозь запах лекарств пробивался его запах — запах хвои в сосновом бору, куда никогда не заглядывает солнце, запах черники в сыром подлеске, и легкий аромат медуницы, нашедшей где-то солнечный луч.

— Так странно, — прошептала я, не вполне сознавая, что давно уже сама обнимаю его за спину, и отнюдь не жажду разрывать объятий, — ты весь такой урбанизированный, цивилизованный, до мозга костей городской житель... а пахнешь лесом.

— Ну, наверное, не слишком-то городской. Или не до конца урбанизированный, — даже не поднимая головы и не открывая глаз я почувствовала его улыбку.

— Не смейся.

— Я не смеюсь. Но знаешь, за сотни лет мой запах сравнивали с тысячью разных вещей. А про лес говоришь только ты. И, кстати, уже не впервые.

Я смущенно вжалась в его плечо, подозревая, что он имеет в виду Пахомовку. Что я там только ему не наговорила!

— Не надо, — его рука ласково лежала на моих волосах. — Мне приятно это слышать, правда. А хочешь... покажу тебе кое-то?

— Что покажешь?

— Воспоминание.

— Как это? — поднимаю голову и недоуменно смотрю ему в лицо.

— Это не сложно. Только если ты не будешь меня отталкивать. Так показать?

— Н-наверное. А что...

Он кладет палец мне на губы.

— Просто смотри мне в глаза и не закрывайся, и все получится. Знаешь, никогда не показывал этого людям. Никому... Это было давно, Лариса. Так давно, что сохранилось только в моей памяти...

Я смотрела в его глаза, позволяя его голосу обволакивать меня, словно пеленой. И глаза его были Бездной, и Бездна была — всем.

Сначала я почувствовала запах. Листвы, нагретой солнцем. Травы, смятой чьими-то проворными ногами. Ароматы цветов ворвались в мое сознание, закружив хороводом, их было так много, и они были такие разные, но казалось, что я с легкостью различаю их все. А потом я осознала, что у каждого дерева свой запах, и я могу чувствовать их на многие километры. А потом мне показалось, что я слышу, как бьются сердца деревьев, и бежит под корою сок, словно кровь по венам. Как тихонько вздыхает трава, вытягиваясь вверх еще на самую малую капельку. А потом я услышала пение птиц, и чье-то дыхание, и легкое скольжение в листве. Детский смех, женский голос, какая-то песня. А вдали еще голоса, и слов не разобрать, как не вслушивайся, только легкость, беззаботность, счастье. А потом пришли краски, и я увидела, наконец. Этот лес, где деревья-великаны тянулись ввысь, до самого солнца. Это солнце, льющееся сквозь листву и слепящее так, что не проморгаться. Какое-то движение в листве — полет? скольжение? бег? — где-то сбоку, обернешься — и нет уже ничего. Край светлых одежд, медовые пряди волос, так близко, что обернись... и снова вокруг только лес. И птицы поют. А ребенок смеется, а дева зовет. И даже у солнца есть запах.

Возвращаться оказалось сложнее. Я даже не сразу осознала, что он закрыл глаза, и из сознания ускользают запахи и звуки, и только солнце все бьет по глазам, но это уже только в моей памяти.

— Что это было? — смогла наконец спросить.

— Мой дом. Моя родина. Так, как я это помню.

— А почему деревья такие большие? Это ты был ребенком?

— Такими я их сейчас вижу. Все же память — это не то, что было. Это всего лишь то, что мы сумели сберечь в душе. Ты иди, Лариса. А то тебя и в самом деле потеряют. Да и у меня еще есть дела.

* * *

До своей группы я добрела в состоянии очень глубокой задумчивости.

— Что хотел от тебя куратор? — тут же набросилась Марийка.

— Не знаю, — честно ответила ей я. Мне б самой сесть где-нибудь в уголок, да подумать, что это вообще было и чего он действительно хотел.

— Как не знаешь? О чем вы вообще разговаривали так долго? Или ты опять ему что-нибудь ляпнула и он тебя на каторжные работы отправил?

— Да нет, я временами понятливая. Сидела, кивала, соглашалась. За это мне подарили конфетку и рассказали сказку. И вот что мне делать-то, Маш? Что ему на самом деле от меня надо?

— Откуда ж я знаю, ты ж не рассказываешь. Но почему-то мне не кажется, что он разглядел в тебе задатки великого хирурга и собирается лично учить всем тонкостям профессии.

Ну, этого-то мне тоже не казалось.

Придя домой, долго рылась в шкафу, обшаривая ящики с одеждой, пока в глубине одного из них не нащупала холодный металл небольшого цилиндра. Вытащила на свет. Долго разглядывала, держа на раскрытой ладони.

Заколка. Всего лишь заколка для волос, ценой в половину Светлогорска. Да нет конечно, преувеличиваю. Дорогая, но не запредельно. Да и вряд ли бы я когда решилась нести ее в ломбард. Я и выкинуть-то ее не смогла. Только сунула с глаз долой как можно дальше в одежный ящик, и постаралась не вспоминать, чтобы... не пачкать. Своей ненавистью, отвращением, отчаяньем. Воспоминаниями обо всей этой омерзительной истории «про кровь и любовь». Потому, что... ну есть же, ну бывает же, ну должно же быть что-то святое, что-то чистое, незапятнанное... Ну должно же быть что-то хорошее и в моей глупой судьбе. А там, на нагретых солнцем досках на берегу Большого пруда, едва знакомый вампир, так старавшийся быть похожим на простого мальчишку, неожиданно подробно ответил на мой вопрос «носят ли вампиры серебряные заколки». А потом не забыл. Нашел. Подарил. И попросил помнить только о хорошем. А я, наверное, слишком старательно выполнила его просьбу. И, глядя на замысловатые узоры, вспоминала городской парк, и как я гналась за ним на велосипеде. И Ледяные Водопады, где его руки были — опора и защита. И даже звездное небо новогодней ночи, когда оказалось вдруг, что помнит он обо мне, что есть у него для меня подарок. А все остальное — все черное, гадкое, чудовищное, все, что может и было действительно настоящим — с этой заколкой у меня не ассоциировалось. Не связывалось. Не прилипало. Это была вещь — из тех времен, до кошмара. Мой... символ веры, если угодно. Веры в то, что все-таки есть, бывает, возможно что-то хорошее — в нашей жизни, в моей судьбе, в одном конкретном вампире. Должно же быть.

В доме было тихо-тихо. Все ушли. Варьку выгуливают. Не то в зоопарк ее повели, не то в цирк. А я сидела за своим (бывшим своим) столом, и все смотрела на желтые нити, замысловато расчерчивающие серебристую поверхность, и вспоминала солнечные лучи, льющие сквозь листья. Воспоминание. Никогда и не думала, что можно вот так... Не просто образ, даже звук, запах, мне кажется, я даже ветер ощущала. Что это было? Что он показал мне? Почему? Потому, что я сказала, что он пахнет лесом? И он показал мне — лес, давний, не забытый, по которому он тоскует. Свой дом? Домов я там не разглядела, только шепот листвы и ароматы трав. Странно, а почему не крови? Там были люди (или вампиры), хоть и не видимые за листвой, но я не слышала стук их сердец, не чувствовала аромат их крови, а, наверно, должна была. Ведь это было его воспоминание. Вампира. И почему я не смогла разглядеть ни одного лица? Он не хотел показывать мне? Или сам через столько лет уже не может их увидеть, не может вспомнить? Это воспоминание — из детства? Это он тот ребенок? Или это... его ребенок? А та дева с волосами цвета меда — его мать? Сестра? Возлюбленная? Или все это — просто собирательный образ счастливого мира? Показал — и тут же выгнал, чтобы не отвечать, не объяснять. Или уже пожалел, что показал?

Зачем он звал меня вообще? Учить жить? Оправдываться? Мириться? Или вновь привязать к себе еще сильнее, а то старые связи ослабли, а если верить ему, так и порвались? А вот, кстати, вопрос: а можно ли ему вообще верить? С одной стороны, в каких-то вещах он явно честен, или просто не понимает, что они отвратительны и их стоит скрывать. Вот зачем

он мне вновь начал рассказывать, что порой убивает людей просто «под настроение», или о посещении садистских вечеринок, которые он даже и не осуждает? И... ведь прямым текстом же сказал, что многие вампиры в своих забавах с людьми жестоки настолько, что сам он рядом с ними просто белый ягненок. Что общество их, которым нас с младых ногтей учат восхищаться, деградирует. Зачем мне такая честность, я о ней не просила. Если вампиры не могут меня обмануть, это вовсе не значит, что я хочу знать о них всю правду. Мне так только страшнее жить.

И вот, кстати, о страхе. Что это было насчет контракта? Что он на самом деле хочет? Убить, выпить до дна, раз уж просит жизнь? Или действительно «защитить»? Нет, мне такая «защита», чтоб добровольно рабыней его становиться, и в гробу не мерещилась, но что он на самом деле хочет?

Нет, я не понимала его, решительно не понимала. Может, потому, что он вампир, а у них мозги как-то совсем по-другому устроены. Может, он прав, и я действительно, не слишком умная девочка. Может быть. Вот только заколкой его я вновь заколола свои волосы. И даже если это означало, что я вновь собираюсь наступить на те же грабли, опять позволив себе привязаться к нему, что ж. Да и кого я, в самом деле, обманываю. Я уже к нему привязалась.

А на улице звенела весна, летела во все стороны птичьими трелями и солнечными бликами, а на воскресенье Петька запланировал грандиозный пикник в весьма обширной компании, и я в кои-то веки была действительно рада, что мы куда-то едем. Меня не раздражала толчея в электричке, и бесконечные песни под гитару, и люди, чьих имен я попросту не в состоянии запомнить. Мне было легко. Так, словно неподъемный груз, что все давил мне на плечи, наконец-то сброшен, и от того даже простая ходьба кажется мне почти полетом.

— Что с тобой произошло? — удивлялся Петька.

— Что? — смеялась я.

— Ты вся словно светишься.

— Это солнце светится. Весна! Петька, а у солнца бывает запах?

— Конечно, и даже вкус. Помоги колбаски нарезать, есть ужасно хочется.

Ну конечно, у нас же равноправие! И поэтому девочки режут колбаску, а мальчики кучкуются в сторонке, бурно обсуждая свои мальчишеские дела космического, несомненно, масштаба.

— Да Гошу выбираем главным, и спокойно идем на третью категорию! — доносятся до меня их особенно яростные вопли.

— Да далась вам третья, у нас половина народа и четвертой не ходила!

— А может по пруду на лодке покатаемся, и хватит уже?! Там сукотища на вашей четвертой! Я в Турцентре отчеты брал: там и лодку-то порвать не обо что!

— Да может те, кто эти отчеты писал, просто по берегу прошли? А потом насочиняли, какие они brave?

— Боишься, так и не ходи! А у нас Гоша третьей ходил, Васька ходил, а еще Кирилл со Степычем пойдут, у них тоже опыт есть! Можем официально регистрироваться на третью категорию, по всем правилам имеем право!

— А по уму?

— А если такой дурак, то и оставайся!..

Ну, понеслось-поехало, походники — байдарочники. Все мысли лишь о том, как

побурнее провести предстоящее лето. Желательно, с порогами, перекатами и водоворотами. И чтоб кто-нибудь головой о камни приложился, а то ведь и вспомнить будет не о чем.

— Лариска, я тебя медсестрой записал, на тебе лекарства, — обрадовал меня Петерс по окончании их «малого государственного совета». — Ты ведь с нами? — все же поинтересовался.

— А то, — когда это я отказывалась от безнадежной авантюры? Тем более, мне же велено насыщать жизнь событиями по максимуму. А то ведь решит, в самом деле, что только о нем, Великом, и мечтаю. Зазнается...

А потом пришел май, а он всегда приходит волшебю — Майским Днем. Его праздновали на улицах, площадях, в парке. Но самый грандиозный праздник устраивал, конечно, университет. Бесшабашный праздник юности, весны, любви, новой жизни, стоящей на пороге. День влюбленных и мечтателей, день упоенных собственной неукротимой энергией, способной свернуть горы. День тех, у кого все еще впереди, у кого на все хватит сил, времени, таланта.

Он запомнился мне сумбурно. Множество веселого, гомонящего народа, какие-то конкурсы, призы, подарки. Петька выиграл для меня в тире огромного плюшевого медведя, и я таскалась с ним в обнимку, ругая Петьку за такую тяжесть, но ни за что не готовая с ним расстаться. Еще было огромное Майское Дерево, и мы завязывали на него ленточки, мечтая об исполнении желаний. Или нет, Дерево было потом, а сначала — танцы.

Наш прославленный балетный коллектив, снова выигравший, по словам Регинки, главный конкурс страны, давал на широкой зеленой лужайке целое представление. И, заслышав первые аккорды, мы с Петькой рванули туда сквозь толпу, ведь я же обещала Регинке посмотреть, ну, или почти обещала. А теперь мне действительно захотелось ее увидеть, да и не только ее, чего уж скрывать.

Самой мне, возможно, и не хватило б нахальства протолкнуться в первые ряды, а вот Петерсу нахальства явно было не занимать, и «лучшие места в партере» были нашими. Удобно усевшись прямо на траве (и порадовавшись, что рядом нет мамы с ее неизменным «не сиди на земле, простудишься»), мы приготовились лицезреть.

Сначала появились пары. Юноши и девы в национальных костюмах. Неторопливые народные напевы, неторопливые движения. Хороводы, заходы-расходы, обмен партнерами. В общем, если бы не Регинка, я б, наверное, заскучала. А на нее смотреть было приятно. И даже интересно. Нет, не потому, что она танцевала как-то особенно. Как все, не лучше и не хуже. Но просто — это же была наша Регинка, и потому каждая ее улыбка, каждый взгляд, каждый жест были особо значимыми, подлежали переживанию и расшифровке: что тут от танца, что от нее, что ожидаемо, что — для нее самой — неожиданно. Кто ей больше нравится, в конце концов: ее первый партнер, второй или, может быть, тот, к кому она перешла вот теперь?

И тут всю эту пастораль перебила совсем другая музыка — стремительная, яркая, волнующая, и в круг танцующих, ставший вдруг максимально широким и рассыпавшийся на отдельные пары, влетела она. Прекрасная юная дева в летящем белом платье с обнаженными руками. На голове — венок из огромных искусственных ромашек с золотыми лентами, струящимися вдоль спины, путающимися в ее светлых распущенных волосах, коротких, неприлично коротких для человеческой девы. Но впрочем, она и не была сейчас — человеческой девой. Она изображала... Вот кого? Майский День — это праздник прихода весны, и традиционная тема всех майских танцев — это Весна, пробуждающая природу от

зимней спячки. Но она — стремительная и воздушная — была сейчас не Весной.

— Лариска, смотри, это же Инга! — восторженно воскликнул Петька, дергая меня за руку. — Ну помнишь, я у нее еще путевку на турбазу покупал, я тебе рассказывал!

Я помнила, кто такая Инга. Более того, я знала, что солистка здесь она, и я ждала ее выхода. Но вот теперь — не узнавала. Понимала, что это она — и не узнавала. Где та девушка за секретарским столом, показавшаяся мне невзрачной серой мышкой? Глаза ее сияли, даруя свет, тепло, любовь, щеки покраснелись от быстрого танца, на губах играла счастливая улыбка. Она была так красива сейчас, так невероятно, потрясающе прекрасна, что даже я, при всех моих весьма сложных чувствах по отношению к этой девочке, не могла ею не восхищаться.

Она словно скользила над поляной — ловкая, изящная, гибкая. Ее танец завораживал — совершенством движений и бесконечностью любви, переполнявшей ее сейчас столь ощутимо, что, казалось, она просто проливает ее на нас — каждым взглядом, каждой улыбкой, каждым жестом. И в ответ на ее улыбку, улыбкой озарялись все. Не только парни и девы в народном хороводе, которым это по роли полагалось, но и зрители, вся эта огромная толпа веселых (а местами и излишне веселых) студентов, взирающих сейчас на ее танец с восторгом и обожанием.

И я, наконец, поняла, кого она изображает. Нет, не Весна, пробуждающая природу, но Светозарная Дева, возлюбленная дочь Предвечного Светоча, пробуждающая ото сна человеческие души и зовущая их к подвигам и свершениям.

Ну, вернее, не совсем человеческие. Люди никогда не поклонялись Солнечным Богам, это были древние боги вампиров, которых они почитали в бесконечно далекие темные времена, когда обожествлять силы природы было проще, чем творить и созидать. До нас «божественные истории» дошли в виде сказок, мифов и легенд, которые читают в младших классах наряду со сказками про бабу-ягу и скатерть-самобранку, и относятся примерно так же. Но суть все, конечно, знали. Предвечный Светоч, персонификация солнца, податель всех благ (жизни, света, любви, мудрости, далее по списку), шлет на землю свои лучи. И, собственно, Светозарная Дева — это солнечный луч, посылаемый в утешение и в награду. Луч, проникающий в самое сердце, и способный прогнать холод и тьму даже из самого темного и замерзшего. Ну а тот, кто примет в свое сердце Светозарную Деву, становится Истинным Принцем Света, способным, по воле Предвечного Светоча преобразовать наш мир к лучшему. Этаким культурным героем, несущим в костный мир прогресс, процветание и победы.

Вот примерно это нам сейчас и показывали. Было только немного странно, что абсолютно вампирскую сказку ставили на исконно человеческом празднике, а Светозарная Дева в лице Инги вербовала Принцев Света среди людей, которые за всю свою историю без всяких там солнечных лучей прекрасно обходились.

Но танец был совершенен, а музыка лилась, и звенели в общем хоре колокольчики. И я не сразу поняла, что колокольчики — это не из динамиков, они «живые», и звон их сопровождает каждое движение Ингиных рук. Ее запястья охватывали ленты, узкие полоски ткани — белые, золотые, алые — причудливо переплетенные между собой и обшитые маленькими колокольчиками. И оттого от этих лент, от этих рук, таких гибких и пластичных, от этих пальцев, ловко прищелкивающих порою в такт, невозможно было отвести глаз. А танец все длился, и я уже не чувствовала ни ревности, ни зависти, просто любовалась ей, как и все вокруг.

В какой-то момент я обвела взглядом толпу, словно желая убедиться, что все разделяют мои восторги, и взгляд невольно зацепился за фигуру мальчишки, стоящего чуть поодаль, на небольшом холме, почти скрытого в тени большого клена. Сначала я даже не поняла, чем он меня зацепил. Типичный вампироман-первокурсник. Кричаще-алая рубашка, хоть глаз выколи, сексуально растегнута аж до середины груди, ее широченные рукава небрежно закатаны по локоть. Руки засунуты в карманы невероятно узких штанов. Нет, вот непонятно даже, как он туда руки-то втиснул, настолько тесно эти штанишки «обжимали» фигуру. Ноги, конечно, красивые, стройные, можно и подчеркнуть, но все равно не представляю, как они ходят-то в таких узких. Как у них все там... не отсыхает и не отваливается, по-другому не обругаешь. Волосы, понятно, забраны в хвост, модные черные очки на глазах, все как положено. Тут таких красавцев томных не один десяток бродит, чем же этот-то меня так зацепил? Обернулась еще раз, всмотрелась пристальней. Далековато, конечно, но что-то... Словно видела его уже где-то...

Бездна, да это ж Анхен! Челюсть у меня ухнула вниз, я невольно вскрикнула, зажала рот рукой и отвернулась, склоняясь к самой земле и трясясь от истерического хохота. Светлейший вампир Анхенаридит ир го тэ Ставэ, изображающий студента, изображающего вампира! Аттракцион из серии «лучше один раз увидеть». А ведь я ж, пока его... ножками любовалась, на лицо-то и не смотрела особо. Да видно и не только я. Еще бы, когда такую шикарную фигуру столь провокационно выставляют напоказ... Да, это вам не серые костюмы классического покроя...

— Ларка, ты чего? — недоуменно покосился на меня Петерс.

— Да так, знакомого увидела. Неожиданно.

— И в чем прикол?

— В наряде.

Петька недоуменно смотрел, требуя объяснений, а я только отмахнулась, смотри мол, на сцену. Он не особо возражал. Пялиться на красивую талантливую девочку, оказавшуюся, к тому же, его знакомой, было ему в тот момент куда интереснее, чем разбираться с моими заскоками.

Я тем временем решила еще раз взглянуть на «вампира в маскарадном». Может, слишком громко я над ним хохочу? Слух все-таки у кого-то не человеческий. Он стоял все там же, в той же небрежной позе. И, чуть улыбаясь, смотрел на сцену. На нее, только на нее. Ну конечно, а я еще удивляюсь. Это же «его девочка». И его любимые сказки о старых богах. В которых один старый вампир все еще верит. Еще бы, если он жил в одно время со жрицей Предвечного Светоча. Понятно, откуда репертуар. И понятно, что кто-то, кого и вообще здесь нет, «ну совсем-совсем не причем».

Стало как-то тоскливо. И противно. Праздник кончился. Я подтянула к себе колени и уткнулась в них носом. Смотреть на «любимую деву вампира» не было больше ни сил, ни желания. Вот она, его любовь, его мечта. Его Светозарная Дева. А я так, зверушка для приручения. Интересный экземпляр. «Цветок экзотический, генномодифицированный». Для опытов.

Раздались аплодисменты. Я решила было, что это все. Но нет. Нашу красавицу еще и избрали Королевой Мая. Единогласно. Под восторженный вой и улюлюканье. Я оглянулась, как там наш Король, радуется? Под деревом никого не было, и, сколько я не вертела головой, но разглядеть такую приметную алую рубашку так и не смогла.

А народ уже выстраивался в очередь. По традиции, Королева Мая благословляла

влюбленные пары и выдавала им длинные разноцветные ленты, которые затем необходимо было повязать на Майское Дерево — огромную раскидистую березу, стоящую посреди лужайки. Завязав ленты загадывали желания и целовались. Считалось, что поцелуй под Майским Деревом сулит счастливую совместную жизнь.

Впрочем, в очередь к Майской Королеве вставали не одни влюбленные. В этот праздник никто не желал быть обделенным, а потому благословлялась не только любовь, но и дружба, и, конечно же «поиск и ожидание».

Очередь дошла и до нас, и конечно, Петька полез «упрочивать знакомство»:

— Инга, душа моя! Не знал, что ты так танцуешь! Кстати, спасибо за те путевки! Ты подарила мне больше, чем просто каникулы, — и Петька демонстративно поднял повыше мою руку, зажатую в его ладони.

— Ну тогда поздравляю вас, дети мая, — Инга улыбалась тепло и открыто, протягивая нам ленты, и колокольчики на ее браслетах мелодично позвякивали. — И не забудь поцеловать свою подружку под Майским Древом, а то потеряешь! — озорно бросила она Петьке.

— Я держу крепко, — не смутился Петерс. — А сама-то как? Помирилась со своим парнем?

— А она и не ссорилась, — не выдержала я.

Петька взглянул недоуменно, а Инга подмигнула и рассмеялась.

— Вот и ты не ссорься.

Так, вот это она сейчас о ком?

— Инга, а куда пропал Анхен, что-то я его больше не вижу? — бросила пробный камень. Она вообще в курсе, что он здесь?

— А, так он ушел уже, — королева сердца вопросу не удивилась. — Он всегда уходит сразу после концерта, не хочет мешать нам веселиться.

— Эй, ну вы чего там застряли? — недовольно поторопили нас из очереди, и Петька дернул меня за руку в направлении Майского Дерева.

— А при чем здесь вообще Анхен? Разве Инга его знает? — недовольно поинтересовался Петька, высматривая, куда бы пристроить ленточку.

— Ну как тебе сказать, Петя. Вообще-то это тот самый парень, с которым она якобы поссорилась, — настроение было не ахти, и я совсем забыла, что не собиралась ему об этом рассказывать.

— Анхенаридит? — не поверил Петька. — Но он же вампир.

— Что ничуть не мешало тебе меня к нему ревновать. Так, отстань, дай желание загадаю.

Желание? А чего я, собственно, хочу? Никак не удавалось собраться и сосредоточиться. Потому что на самом деле в тот момент мне отчаянно, до неприличия, до безобразия хотелось быть Ингой. Королевой Мая, королевой сердца. Вот того самого, вампирского сердца. И всех сердец вокруг. Я повязывала ленточку и все пыталась мысленно сформулировать что-то более достойное, более приличное. Но хотелось, чтоб он смотрел на меня. Не на нее, на меня. На меня, как на нее.

Петька облапил меня и попытался поцеловать. Я раздраженно оттолкнула его и пошла прочь, волоча за лапу своего белого медведя. Медведь, если честно, тоже уже здорово надоел. Слишком уж большой, в карман не засунешь, никуда не пристроишь. Так и броди тут с ним.

— Лара, да ты чего? — возмутился Петька. — Это ж традиция такая! Ну, чтоб желание сбылось.

— А ты не будь суеверным, как старая бабка. Глядишь и само сбудется.

Наверное, мы б успели поссориться. Прямо тут, у Дерева. Но на нас налетела Регинка.

— Привет! Ну как? Супер, правда?

— Регина, ты истинная королева этого бала! — Петька заявил это с максимальной серьезностью. — В сравнении с тобой все прочие меркнут.

— Ай, да ну тебя, все б тебе смеяться, — отмахнулась Регинка от его комплиментов. — Идемте же, сейчас начнутся танцы!

— Опять танцы? — скривилась я. — Да сколько ж можно!

— Да нет, не выступления, просто танцы. Для всех.

— Не ребята, это без меня. Я не танцую.

— А я танцую, — Петька видно здорово обиделся на отказ ритуально целоваться. — Королева, позвольте вас пригласить?

Королева, в смысле, Регинка, похоже, только об этом и мечтала. Подхватив Петьку за руку она умчалась с ним на поляну и смешалась с танцующей толпой. Ну и ладно, зато не поругались. А я и в самом деле не слишком-то любила все эти народные танцы, хороводы и кадрили. Обняла крепче своего медведя и прислонилась спиной к ближайшему дереву. Пусть оторвутся, а я пока успокоюсь. Что, в самом деле, из-за какого-то вампира настроение себе портить.

Один танец сменялся другим, Петька все не возвращался. Зато мелькнули в толпе белое платье и золотые ленты Майской Королевы. Видно, закончила со своими «почетными обязанностями» и присоединилась к танцующим. О, и даже возглавила с каким-то парнем очередное псевдо-танцевальное действие. Кажется, это называлось «Змейка».

— И со мной не потанцуешь? — вкрадчивый голос раздался прямо над ухом. Я дернулась и обернулась. Вампир, изображающий студента, изображающего вампира, стоял прямо у меня за спиной. И как подкрался-то только? Что-то было с ним не так, даже если не считать дурацкого «маскарадного костюма».

— А я тебя не чувствую, — потрясенно выдохнула я.

— А никто не чувствует, — весело согласился он. — Иначе какой смысл наряжаться?

— А как это?

— А секрет. Так ты идешь танцевать?

— Не, я не умею. Да и вообще, я медведя сторожу.

— Ну, знаешь, — Анхен решительно отобрал у меня медведя, — этот яшень тоже прекрасно может его посторожить, — и решительно засунул игрушку между ветвей. — Пойдем. Здесь никто не умеет танцевать и, кроме тебя, это никого не смущает.

Он протянул мне руку, я взяла ее... и словно током тряхануло. Вся сила его вампирской ауры обрушилась на меня враз, целиком, мне показалось даже, что я сейчас захлебнусь, настолько это было резко.

— Почувствовала теперь? — усмехнулся он.

— Ага, — потрясенно выдавила я. — А это так на всех, или только на меня?

— На всех, на всех, — весело успокоил он, затаскивая меня в толпу танцующих. — Пока за ручку не возьмешься — никто не чувствует. И не узнаёт.

Танец уже начался. Все пары, выстроившись в ряд за «головой» — Ингой и ее кавалером — прыжками и подскоками двигались замысловатыми петлями по поляне. Но конечно,

Анхен не стал пристраиваться в хвост, а ловко затащил меня прямо в середину «змеиного тела» и, переплетая со мной руки требуемым образом, решительно повел в этом безумном танце.

Не, я не лукавила, что танцевать не умею. Ноги у меня то и дело путались, но кавалера это, похоже, не смущало, он держал меня крепко и мы летели все дальше. Во время одного из «змеиных извивов» мы почти столкнулись с Ингой, и я еще успела увидеть удивление на ее лице, но танец тут же разнес нас. Я взглянула на Анхена, на губах его играла улыбка, а глаза были скрыты за черными очками, так что и не разберешь, что за взгляды он там прячет. А танцевал он... да обычно, как все, разве что в ногах, в отличие от меня, не путался.

— А мне рассказывали, что ты танцуешь просто божественно, и весь танцевальный кружок от тебя без ума, — не смогла не сообщить своему партнеру.

— О, об этом еще рассказывают? Не зря старался, — рассмеялся вампир. — Так цели разные, принцесса. Тогда — выпендриться, сейчас — не выделяться.

— Да что ты вообще здесь сегодня делаешь? Не вампирский же праздник.

— А я сегодня и не вампир, если ты не заметила, — он откровенно веселился, несясь со мной в круговерти стремительного танца. Никогда прежде я еще не видела его... таким.

— Да ты ж просто пьян от всеобщего веселья! Эмоции из народа тянешь, — догадалась я.

— Не тяну, просто ощущаю, — по сути обвинения он не возражал. — Не самое плохое опьянение, между прочим. Даже тебя накрыло. А то стояла, расстраивалась...

— И вовсе я не расстраивалась!

— Что, Петька бросил?

— Тебе-то что? Мирить побежишь и опять в постельку к нему подкладывать?

— Вот нужны вы мне. Не хотите — не надо, — мы промчались еще несколько шагов, и он добавил, — себе заберу.

— Кого?

— Тебя. Или Петьку. Я еще не определился.

Он все смеялся, и было так хорошо, и совсем-совсем не страшно. Жаль вот только, что и не взаправду.

— Зовут-то тебя нынче как? Антоном, небось?

— Ну а если знаешь, так чего и спрашивать? — вот так и хочется сказать, что глаза его лукаво блестели. А не знаю, что там с глазами. Не видно за очками-то.

«Змейка», наконец, кончилась и начался «Ручеек». И вот уже бежит коридором из поднятых рук красавица Инга, Королева Мая. Ну конечно, увела Анхена. Который нынче Антон. Нырять в тот же коридор, отыскиваю Петьку и забираю его у Регинки. Хватит, поигралась. И мы встаем следующей парой за Ингой и Анхеном.

— О, привет, прекрасная Королева, — Петька явно очарован Ингой и не прочь продолжить знакомство. — Выбрала своего Короля?

— Да нет, — легкомысленно поводит плечами красавица, — выбираю еще. А сам-то как, поцеловал подружку под Майским Деревом?

— А он не успел, — нагло влезает в разговор Анхен. — А кто не успел — тот опоздал.

— Мы знакомы? — Петька неприязненно смотрит на вампира в упор. И не узнает.

— Нет, — сегодня-не-куратор явно веселится. — Антон.

А руки не подает. Демонстративно держится обеими руками за Ингины пальчики.

— Петр, — Петька тоже не рвется подавать наглецу руку.

К счастью, очередной бегущий по «коридору» парень выбирает Ингу, и они уходят назад, а Анхен вперед. Петька молчит, похоже все еще на меня злится. Придумать, что ему сказать, не успеваю. Совсем-и-не-вамфир, пробравшись под всеми руками, отнимает меня у Петьки, бросая ему на ходу насмешливое «ну извини», и утекает со мной ручейком в конец «очереди», а Петька вспыхивает, но вынужден идти вперед, ведь игра же. Почти не сомневаюсь, что следующим ходом он отнимет меня у «Антоня» назад.

Да вот только мы не останавливаемся за последней парой. Анхен волочет меня дальше, за толпу наблюдающих, обступившую участников довольно плотным кольцом. И еще дальше, за тех, кто любит бег в мешках, и за тех, кто толкается у палатки с выпечкой. Дальше мы заворачиваем за угол корпуса и идем по дорожке к выходу с территории университета.

— Эй, а мы далеко? — решаюсь поинтересоваться у похитителя.

— В город, — бросает он, не останавливаясь. — Пошалили и хватит. Еще узнает, в самом деле, кто-нибудь, выйдет не слишком здорово.

— Да тебя же Петька в упор не узнал. Ни в лицо, ни по голосу.

— Так на Петьку я блок персональный кинул, чтоб без шансов. А делать такое со всеми присутствующими — это мне придется вместо развлечений прикладной менталистикой заниматься, а мне оно надо? Не, Лариска, вся афера держится на природной наглости и старинных вампирских уловках.

— Вроде способности скрывать свою ауру? А это любой вамфир может?

— Любой. Это не сложно. Но практического смысла особо не имеет, разве что вот так, позабавится.

Мы вышли за калитку и пошли вдоль по улице. Скорость он, наконец, сбавил, и теперь мы, казалось, просто гуляли — еще одна обычная пара среди празднующей всю молодежь. Хотя — девушки-то на него заглядывались. А он подмигивал им без зазрения совести, заставляя скромных краснеть, а тех, кто посмелее — расцветать улыбкой.

— Как полагаешь, их привлекаю я или мое отсутствующее вампирское обаяние? — самодовольно повернулся он ко мне. Нет, я, конечно, знала, что он злопамятный, но не настолько же.

— Их привлекают твои до безобразия обтягивающие брючки и полурасстегнутая рубашка цвета вырви-глаз.

— Ну, брючки конечно да, дань местной эпатажной моде. А рубашка, между прочим, настоящая, не людьми пошита.

— И куда же можно ходить в такой дивной рубашке?

— Ну, на Совет Вампиров, например. Или на прием к Владыке.

— Издеваешься?

— Ничуть. Алый — это один из официальных цветов моего Дома. Правда, на Совет Вампиров приходится застегиваться, — его палец столь провокационно скользнул по собственному вырезу, что я почувствовала, что почти краснею.

— Ты что, соблазняешь меня, что ли?

— А зачем? Ты и так моя.

Я остановилась и выдернула у него руку.

— Я не твоя. И если хочешь казаться человеком и участвовать в человеческом празднике, бросай свои вампирские замашки.

— Ключевое слово — «казаться», принцесса, — он обошел меня сзади и взял за плечи. — Потому, что я все равно вамфир, — шепнул он мне прямо в ухо и, наклонившись,

прикусил за шею. Не сильно, обычными, не вампирскими, зубами и в том месте, где и близко нет кровеносных сосудов. Но след, подозреваю, останется.

— Ну вот что ты творишь посреди улицы? — нет, страшно совсем не было, я чувствовала, что он просто развлекается. — На нас же смотрят все.

— И что? Я в костюме вампира, так почему бы мне не вести себя как вампир?

— Вампиры себя так не ведут. Они, знаешь ли, все глубоко солидные, серьезные и высокомерные создания.

— Да? Упущение.

Он упорно не желал быть серьезным. И я тоже не могла, ну никак не могла воспринимать суровую реальность. Я велась на его игру в мальчика Антона, бесшабашного вампиромана, потому, что в такого мальчишку я б, наверное, могла влюбиться. Мы долго бродили по улицам, и он покупал мне пирожки с газировкой в каком-то ларьке, а потом мы сели на автобус и поехали в парк. А там тоже всюю шел праздник, гуляло множество народа и стояло, все увешенное ленточками, Майское Дерево.

И я не могла не вспомнить тот праздник, который мы покинули.

— Анхен, признайся, это ж ты придумал сюжет про Светозарную Деву.

— Нет, Лариска, не придумал, увидел, — он улыбнулся чуть печально. — Почти пять лет назад, в беспросветно дождливый летний день. Я тогда ужасно спешил, меня ждали неотложные дела, надо было улететь в Илианэсэ. И, пробегая по университетскому коридору, бросил взгляд в окно. А там стояла длинная очередь абитуриентов, пришедших подавать документы. Вся такая серая и насквозь промокшая. И среди этой серости я увидел глаза. Яркие-яркие, глядящие прямо в душу... В общем, это был самый быстрый прием на работу в истории университета. Кажется, я уложился за десять минут... Она была моей Светозарной Девой, Лариска. Все эти годы. А танец — нет, я не причем. Для меня это был сюрприз, в прошлые годы они танцевали другое. Подозреваю, это подарок. На прощанье.

— Почему на прощанье?

— Не бери в голову, принцесса, у нас же сегодня праздник! Идем, — и он потянул меня прямо под увешанное лентами дерево. — Полагаю, ленточку ты уже повязывала и желание загадала.

— А ты?

— А я вампир, и свои желания привык исполнять сам, — и он прижал меня спиной к стволу, и приник в поцелуе, и я не смогла сопротивляться. Если и было у меня в тот момент желание, то только одно — чтоб поцелуй не кончался.

Но он кончился и, о ужас, послышались аплодисменты. Ну еще бы, посередине праздника целоваться под Майским Деревом! Конечно, нас приняли за влюбленную парочку, обменивающуюся обетами вечной любви.

— Тебе не кажется, что твоя шутка несколько затянулась? — недовольно поинтересовалась я у вампира.

— А вот тебе жалко? Я еще никогда в жизни не целовался под Майским Деревом.

— Что, даже с Ингой?

— Тем более с Ингой. Идем.

На летней эстраде продолжается какой-то концерт, и мы некоторое время стоим наверху, глядя вниз, на маленькую отсюда сцену. Что-то поют, что-то танцуют. Больше всего из того концерта мне запомнилась рука Анхена, лежащая у меня на талии, да его голос, шепнувший:

— Пойдем отсюда. Что-то устал я уже от людей. Слишком много эмоций.

И мы ушли. В ту заросшую, почти лесную часть парка, где нет ни аттракционов, ни ларьков с мороженым. Мне не хотелось уходить далеко от воды, и мы брели берегом Большого пруда, пустынным, как и тогда, осенью, когда мы гуляли здесь с ним впервые.

Близился вечер, и я уже тоже порядком устала, и хоть разговор между нами тек, он совсем не запомнился.

Помню, как он сидел на ветке какого-то дерева, низкой и толстой, идущей параллельно земле, и слегка покачивался на ней, прислонившись спиной к стволу. А я спустилась к самой воде, и опустила руки в ее прозрачную прохладу. Было так приятно ощущать ее текучесть, плотность и неуловимость.

— И охота тебе руки пачкать, — лениво бросил мне Анхен со своего места.

— Разве ж я пачкаю? Ты что, не любишь воду?

— Не моя стихия. Иди лучше ко мне. Я, кажется, вижу твоих родителей.

— Где?

— Поднимайся, я покажу.

Берег здесь был довольно крутой, и мне пришлось схватиться за ветки, чтобы подняться к тому месту, где сидел, лениво покачиваясь, вампир-который-сегодня-не-вампир. И, пользуясь его указаниями, я действительно разглядела на том берегу маму, папу и Варьку.

— Твоя новая сестра?

— Ну почему сразу сестра? Хотя, мы ж ее вроде как удочерили, наверное. Знаешь, трудно назвать чужого человека сестрой.

— Почему? Разве ж это плохо, когда есть сестра?

— Когда есть — это одно, а когда она вот так внезапно возникает... А у тебя есть сестры?

— Были. Две. Младшие. Сейчас уже нет. Только кузина. Но она живет на дальнем-дальнем востоке, а я на самом, что ни на есть, дальнем западе.

— Вот только не говори, что вы друг от друга так разбежались, — хмыкнула я. Раньше он мне про семью вообще ничего не рассказывал.

— А знаешь, что самое смешное, — отозвался он почему-то совсем без улыбки, — ты не первая, кому пришло это в голову. Очень заезженная шутка. Не повторяй ее, ладно?

— Как скажешь, — я попробовала присесть на ту же ветку, но двоих она не выдержала, сильно качнулась вниз. Пришлось встать. Вредный вампир намека не понял, место не уступил. Да, в общем, не больно-то и хотелось.

— Анхен, — вспомнила я, — меня Варька спрашивала. Там, где эпидемия зимой была, животные тоже погибли?

— Да, Ларис. Там погибло все. Мертвая земля. Сейчас снимают огромные пласты, сбрасывают в Бездну, позднее будем укладывать на это место новые, с наших неосвоенных территорий.

— Весь край Бездны? И на сколько километров вглубь?

— Да нет, к счастью, не весь. Километров сто вдоль границы, а вглубь — в самом широком месте чуть больше пятнадцати километров.

— Ты, вроде говорил, что может быть сто вглубь... То есть, все еще было не так страшно?

— Я говорил про эпидемию, а там были вещи и похуже. В этой мертвой зоне — трава не растет, деревья все мертвые. Там не то, что никто не выжил, там ничто не выжило.

— Погоди, там, тогда, в больнице... ты что-то говорил той вампирше про эксперименты, которые губят землю. Так это был такой вот эксперимент?

— Не думал, что ты слышала. И было бы лучше, если б не слышала, — Анхен немног помолчал, но потом все же решил продолжить. — Официально никакие эксперименты в Бездне не велись. И не ведутся. Впрочем, сейчас уже действительно не ведутся. Прикрыли лавочку. В связи с явной угрозой для жизни планеты, ни больше, ни меньше. Следы последнего пытаются замести. Вот только Дня Перехода в этом году не будет. И никак не удастся придумать, чем его заменить...

— Чем заменить? Рейдом по школам со скляночками для анализов. Там же ради базы крови весь сыр-бор.

— Да нет, глупая ты девочка, кровь на анализы взять не сложно. Только ты себя год назад вспомни. Разве ты туда кровь сдавать ехала? Ты ехала за чудом, за мечтой. Как и твои одноклассники.

— Да что-то разбились мои мечты. Вот об тебя да об дружка твоего. А школьникам выжженную землю покажите. К вопросу о роли вампиров в нашем обществе.

— Злая ты, Лариска. Ты не вампиров, ты людей не любишь. Людям надо дарить красивые мечты, тогда им хочется жить и тоже творить что-то прекрасное.

— Людям не нужны ваши иллюзии!

— Они нужны даже тебе. Иначе ты бы со мной здесь сейчас не сидела. А тебя привлекает во мне именно иллюзия. Иллюзия человека, которым я не являюсь.

— Я знаю, кем ты являешься! — ну вот умеет же он на ровном месте испортить настроение. — Ты мне уже демонстрировал. В подробностях. И вообще, ты сам меня сюда утащил. Я из-за тебя... медведя потеряла.

— И не только медведя. Но вот только если б тебе со мной не нравилось — давно б сбежала.

— Намекаешь, что мне пора?

— Нет, вот теперь погоди, — он взял меня за руку и притянул к себе. Не обнял, просто рядом поставил.

— Что? — не поняла я.

— Просто постой спокойно две минуты.

К концу его фразы я уже догадалась. К нам приближалась компания. Не слишком трезвая, слишком шумная и явно агрессивная. В общем, хорошо, что я с вампиром.

— Воркуем, голубки? — нас окружило пятеро. Самый младший едва ли старше меня, самый старший — старше, но не на много. Уже не школьники. Еще не мужчины. На лицах — глумливые усмешки, перегаром несет так, что хоть вешайся. Один из компании лениво поигрывает ножом. Даже странно, что пальцы все еще ловкие.

— Воркуем, — невозмутимо отзывается Анхен, все так же лениво покачиваясь на ветке. — Может, вы дальше пойдете? Парк большой.

Бездна, у него же аура скрыта. Не чувствуют они его — вампиром. Так, пижон с девчонкой в весьма уединенном месте. Я вцепилась Анхену в руку. Не то, чтобы я боялась за себя или, тем более, за него, но ситуация была весьма неприятной.

— Пойдем, — с кривой усмешкой соглашается тот, что с ножом. — Вот ты нас сейчас на выпивку профинансируешь, и мы пойдем.

— А я без денег, — не-то-чтобы-вампир улыбается так легко и искренне, словно приятеля встретил. — Не поверишь — последние на мороженое девчонке потратил.

— Последние ты явно на шмотки свои потратил, — злобно бросает худой блондин с давно не мытыми волосами. — Что-то ты смелый больно. Думаешь, нарядился вампиром, так к тебе и могущество вампирское придет? Одной левой нас раскидаешь? — он отвратительно хохотнул, остальные с удовольствием заржали.

— Зачем? — в голосе откровенная скука. — Ладно, ребята, приятно было познакомиться. У нас с подружкой тут еще дела.

— И у нас, — хохотнул первый. И резким движением дернул меня на себя, в одно мгновение обхватив за плечи и приставив нож к горлу. — Деньги, быстро, пока у меня рука не дрогнула!

— Зря, — Анхен даже не дернулся меня спасти. Просто очень медленно поднял руку к очкам, словно собираясь их снять...

— Быстрее, сука, — блондин со всей силы двинул ему кулаком в челюсть... Ну, в смысле, в то место, где только что была челюсть. Кулак просвистел в пустоту, нападавший потерял равновесие и рухнул, ударившись грудью о ветку, на которой уже никто не сидел. Но еще прежде, чем он упал, нас ударила, накрывая, вампирская аура. Нож у моего горла дрогнул, державшие его пальцы начали разжиматься.

— Замерли! — голос вампира был очень тихий, почти шепот, но по натянутым нервам бил, как крик. — Опустит нож, отпусти девочку.

Игры кончились. Небрежно держа черные очки в опущенной руке, посреди замерших истуканами отморозков стоял вампир. Нет, глаз его было не разглядеть в густой тени деревьев, но блестели они весьма нехорошим блеском, а тишина была гнетущей, и аура его разве что дымом не клубилась, хоть и невидимая.

Он протянул ко мне руку, и я подошла, и прижалась к нему, утыкаясь носом в плечо, ища защиты в нем — от него же самого. Потому что в этот миг я его боялась больше, чем любых пьяных придурков.

— Спустились к пруду, вошли в воду и поплыли на тот берег, — меж тем приказал вампир совершенно ровным голосом. — Молча, — добавил затем, хотя тишина стояла и так — просто гнетущая.

Судя по звукам, они выполняли его указание. Я отважилась оторваться от вампира и взглянуть. Да, сползали — сваливались с кручи, не останавливаясь, не раздеваясь заходили в воду.

Даже не пойму, что я почувствовала в первый момент: облегчение или разочарование. Он что, их отпускает? А я уже представила, что сейчас здесь будет море крови и оторванные головы. А они, значит, просто купанием отделаются?

Я смотрела, как они, словно зомби, идут в воду. В одежде, в тяжелых ботинках, тот, что держал меня, по-прежнему с ножом в руке. Постепенно до меня начало доходить.

— Анхен, вода же холодная. Это май, сейчас слишком рано для купаний.

Он молчит.

— В ботинках плыть невозможно, пусть хоть разуются.

Молчит.

— Они же пьяные. Переохлаждение, судорога...

Он по-прежнему молчит, глядя как они погружаются по пояс, по грудь, начинают плыть.

— Анхен, а если они плавать не умеют? Тут слишком широко, этот пруд и летом на трезвую голову не каждый переплывает. Анхен! Анхен, они же утонут!

— Как повезет, — вампир равнодушно пожимает плечами. — Что тебе до них?

Я смотрю, как они плывут. Кто-то вырвался вперед, рассекает водную гладь уверенным кролем. Не спешу за него радоваться. Знаю я, как мужики кролем плавают: двадцать гребков туда, двадцать назад, и все, выдохся. А впрочем — хотя бы умеет. Может и доплывет. Остальные плывут медленнее и вовсе не так ловко. Но вроде плывут. Ах, нет! Самый последний вдруг дернулся, ушел под воду, взмахнул руками, выплыл, закашлявшись, и снова над водой лишь рука.

— Анхен, он же тонет! По-настоящему, на самом деле!

— А ты думала, я пошутил? — он просто стоит и смотрит.

— Анхен, пожалуйста, все, хватит! Он же правда сейчас утонет! Ну пожалуйста, его же еще можно спасти! — я оборачиваюсь, но вижу лишь равнодушные, и бросаюсь сама — туда, к воде. Здесь недалеко, я доплыву, я еще успею.

Он хватается меня за руку:

— Нет.

Я вырываюсь, рыдаю, что-то кричу. А в воде только плеск, другой, и совсем уже ничего нет. Я видела мертвых. Я достаточно насмотрелась за этот год на тяжелобольных, на умирающих, в больнице всякого хватает. Но вот так, стоять и смотреть, как тонет на твоих глазах человек, которого можно спасти, которого ты мог бы спасти, которого послали туда — тонуть, умирать...

— Как же можно так, — меня трясет, я захлебываюсь рыданиями, — он же еще мальчик был, он же тебе ничего не сделал, просто стоял... ну ладно тот, с ножом... или другой... но ему за что умирать?

— Значит, не там стоял, — пожимает плечами вампир. — Мы не в суде, Ларис, а я не судья. Мне не интересно выяснять степень их вины. Мне вообще они не интересны. Доплывут — свободны, нет — надо было меньше пить и больше спортом заниматься.

— Но... ты же мог сразу их прогнать... пока они ничего еще не сделали... ты же вампир, твое слово — закон... а ты специально... дожидался...

— Я что, воспитатель в детском садике, рассказывать им, как вести себя надо? Это им папа с мамой должны были объяснить. А отпустить... Мы ж не на необитаемом острове, принцесса. Найдут другую парочку, парня побьют, девчонку изнасилуют. Если смогут. А не смогут — так тоже побьют. О ком рыдать-то тут? Идем, и так весь вечер испорчен.

Он взял меня за руку и решительно потянул от воды. Я бросила последний взгляд на пруд. Они еще плыли. Но их было только трое. И не разглядеть — кто...

Вампир, которого уже даже наряд не делал мальчишкой, решительно тянул меня в чашу.

Глава 11

Собственник

Он тянул меня напрямик через заросший до состояния небольшого лесочка парк, упрямо игнорируя все тропинки. Временами по сторонам мелькали компании, облюбовавшие ту или иную полянку для пикника, слышались голоса, смех, бренчали гитары. На тропинках, которые мы, почему-то, упрямо пересекали наискосок, виднелись прогуливающиеся пары, родители с гомонящими детьми, собачники с милыми и не очень песиками. Городской парк был отнюдь не безлюден в этот праздничный вечер. И в голове все никак не укладывалась картина только что произошедшего. И все еще происходящего там, откуда мы столь поспешно уходим. Мне только что приставили к горлу нож. И, будь со мной Петька — никто бы не спас. Не вмешался бы, не вызвал Силы Правопорядка. Не от черствости и порочности, нет. Просто никто бы не заметил. Так же как сейчас никто из сотен гуляющих в окрестностях пруда не видит, как тонут в нем уже не бандиты — молодые мальчишки. И вовсе не потому, что им вампир глаза отвел. Просто у каждого свои дела. Нам все кажется, что если мы на виду — то с нами ничего не случится. Если что — нас заметят и спасут. Не спасут. Не заметят.

Я все еще нервно вздрагивала, покорно бредя за ним, и все спотыкалась о бесконечные коряги да упавшие ветки. Если б он не держал меня за руку — наверное сто раз упала бы. Вернее — просто никуда бы не шла. Мозг был не в состоянии отрешиться от произошедшего и сформулировать дальнейшие цели и задачи. Может и неплохо, что сейчас за меня кто-то решал. Вот только...

— Анхен, а куда мы? Если на выход — то нам либо правее, либо левее, так мы только в забор упремся.

— Ну, мы же не станем искать легких путей? — пожимает плечами вампир и не меняет направления.

Вскоре выходим к границе парка. Как я и предупреждала — забор. Вдоль него широкая ровная дорожка. Направо пойдешь — попадешь к выходу на улицу Яковлева, налево пойдешь — будет выход на проезд Гончарова. Упрямый вампир тянет меня прямо к высокой кованой ограде. Почти не примериваясь и не тормозя ловко проскальзывает между прутьями. Руку мою так и не отпускает и, обернувшись, явно ожидает того же подвига от меня. На глаз не кажется, что здесь слишком уж широко. Но раз уж он пролез, я, что же, застряну? Пролезаю. Да, давненько я сквозь заборы не лазила. Думала, вышла уже из того возраста. Но, судя по некоторым, тут главное не возраст, главное — фигуру сберечь.

Мы оказываемся на старинной улочке, уныло тянущийся вдоль парковой ограды. По эту сторону улицы — забор и парк, по другую — сплошная вереница трехэтажных домов, постройки не то прошлого, не то позапрошлого века. Ни магазинов, ни ресторанов, ни других каких общественно-значимых мест. Только жилые дома, плотно пригнанные один к другому. Остановки автобуса тоже не видать, она видно где-то ближе к выходу из парка, к перекрестку.

— Ну и смысл был нам сюда выбираться? — недоумеваю я. — Все равно ж теперь вдоль забора идти. Только уже не по парку, а по пыльной улице.

— Вдоль забора не пойдём, есть предложение интереснее, — по-прежнему крепко держа меня за руку, Анхен решительно направляется через дорогу.

— И куда же мы идем?

— Ко мне домой.

Ой! Я застываю столбом и пытаюсь выдернуть руку. Вампир резко дергает меня на себя, крепко обхватывает за талию и приподнимает над землей.

— Ларис, а давай ты свои эмоции не посреди дороги будешь демонстрировать, — спокойно заявляет он мне, продолжая движение к тротуару. — Тут, конечно, машины редко ходят, но ходят. А поскольку сегодня праздник, сама видела, трезвые нынче не все. В том числе и за рулем.

— Анхен,пусти! Я не пойду к тебе домой!

— Почему? — он ставит меня на тротуар, но из рук благоразумно не выпускает. — Вот скажи мне честно: что такого я могу сделать с тобой у себя дома, чего не мог бы сделать в любом другом месте?

— А зачем же ты тогда меня туда ведешь?

— А куда мне тебя сейчас вести? Ты устала, продрогла, проголодалась. Перенервничала излишне. Пойдем, — он улыбнулся открыто и искренне, — посмотришь, как я живу. Разве тебе не интересно? Ужином накормлю.

— Откуда у тебя ужин?

— Для тебя найду. Идем, — он потянул меня за руку к ближайшей арке, перекрытой глухими серыми воротами. Открыл калитку в одной из створок, поманил в прохладный сумрак.

— Анхен, ну... все-таки не надо, правда, — остатки моего благоразумия последний раз попытались упереться. — Нехорошо молодой деве ходить в гости к одинокому мужчине.

— Про мужчин не знаю, вам, людям, виднее. А ко мне нормально. Все будет хорошо, я обещаю, — он вновь улыбнулся, нежно, ласково, чуть провел пальцем по моей щеке.

Сама я шагнула. Может — на улыбку его купилась, хоть и знала, что улыбаться он может по любому и абсолютно искренне, может и впрямь — любопытство одолело, в доме вампира побывать, хоть и на этой стороне, ну а может — просто расставаться с ним не хотелось. Ну вот вырву я сейчас руку, уйду — ведь просто дверь закроет, даже провожать не пойдет.

Я вошла в прохладу этой арки, и калитка закрылась за мной, отсекая от почти безлюдной улицы, от родного города, от мира людей. Я пошла за вампиром. Добровольно.

Арка вывела нас в небольшой внутренний двор. Уютный и зеленый. В центре — журчащий фонтан, беседка, затерянная меж роскошных сиреневых кустов с которых, похоже, никто и никогда не обрывал ветки. В городе сирень еще не цвела, ну, по крайней мере, мне цветущая еще не встречалась, а здесь весь двор тонул в ее цветах и ароматах.

Зелень газона растревожена множеством знакомых и не очень соцветий. А над яркими цветами прямо в воздухе, на высоте не более метра над уровнем земли, висят удивительные сияющие шары.

Позабыв обо всех вампирах на свете, я замороженно подошла к одному такому шару, аккуратно, стараясь не помять цветочки, опустилась перед ним на колени. Шар светился, словно маленькое солнце. Небольшой, сантиметров 15 в диаметре, он был, казалось, просто сгустком энергии, не имеющим оболочки. Медленно протянула к нему руку.

— Аккуратно, не обожгись, — как ребенку, честное слово. Не обожгусь. Я чувствую исходящее от него тепло. Очень ласковое, хочется погреть озябшие руки.

— Анхен, а что это? Зачем?

— Зачем миру солнышко? — улыбнулся он. — Освещать и согревать. Двор небольшой и всегда в тени. Приходится исправлять, иначе растениям будет тоскливо.

— Но это же вампирские технологии. Разве их можно использовать вот так, открыто, в городе?

— А я не в городе. Я во дворе. А это мой двор, и мой дом, могу себе позволить.

— Весь дом твой? И весь двор?

Он кивнул. Я удивленно огляделась. Замкнутый прямоугольный дворик имел только один выход, тот, через который мы вошли. Две стороны его (справа от арки и прямо напротив) образовывали глухие стены каких-то строений, не имевшие со стороны двора ни окон, ни дверей. С двух других сторон дворик окаймлял вполне обычный трехэтажный дом, построенный в виде буквы «Г». Въездная арка располагалась в самом конце его длинной стороны. Ближайший подъезд был совсем рядом с аркой, дальше шли еще два, ничего особо примечательного, разве что тяжелые рольставни в самом углу, словно там вместо жилых помещений был устроен гараж. Вот только асфальтовой дороги туда не шло. В этом дворе вообще не было асфальта, лишь земляные тропинки среди травы и кустов, рассчитанные на пешеходов, не на транспорт.

— Но зачем тебе такой большой дом? — недоумевала я. — Ты живешь здесь один?

— Нет, Ларис, не совсем. Я хозяин этого дома. Но здесь так же проживает целый штат тех, кто занимается решением моих бытовых проблем.

— У тебя есть... прислуга?

— Разумеется, — он искренне не понял моего удивления.

— Люди?

— Нет, конечно, вампиры.

— Как... вампиры? Но вампиры же... — я совсем растерялась. Вот такие гордые и высокоразвитые могут быть... чей-то прислугой?

— Низшие вампиры, малыш. Пойдем уже в дом. Это солнышко рассчитано на то, чтобы согревать цветы. На девочку его не хватит.

— Нет, погоди, какие Низшие, ты же говорил, им нельзя через Бездну?

Нет, одно дело — в гости лично к нему, но идти в дом, кишмя кишаций вампирами...

— Нельзя, нельзя, они и не ходят, — смеется Анхен.

— Куда не ходят? — нехорошее чувство, что меня в чем-то провели, охватывает все сильнее.

— На улицу, — радуется меня вампир. — Видишь ли, принцесса, мой дом — это нечто вроде официальной резиденции вампиров в Стране Людей. И потому он не принадлежит городу. Он является частью Страны Вампиров... Добро пожаловать через Бездну, дорогая!

От ужаса я забываю дышать и даже пытаюсь упасть в обморок. Он подхватывает меня, прижимает к себе, гладит по волосам, целует в лобик:

— Ну что ты, глупая, что ты? Я ж пошутил. Это просто мой дом. У меня в гостях регулярно бывает множество народа. И все они благополучно возвращаются домой. И ты вернешься. К маме с папой. И в университет. И выучишься на врача. Будешь работать, выйдешь замуж, нарожаешь кучу детей... Хочешь кучу детей?

— Пока хватает одной свежеприобретенной сестры, — я тихонько начала оживать. — Ты правда пошутил?

— Правда, правда. Идем. Надо еще ужин тебе заказать, чаем напоить, согреть, успокоить. Куча дел, а мы на улице стоим, — он тихонько повел меня в сторону ближайшего

подъезда.

— А там правда нет никаких вампиров?

— Нет, моя хорошая. Только ты и я. Больше никого. А сейчас так и вообще никого, мы ж еще не зашли. Надо исправлять.

Он открыл дверь, и мы вошли в дом. И мир не рухнул. Да, в общем, ничего страшного. Просторный холл, слева — вешалка для одежды. На ней висит его плащ и, прямо за ручку, зонтик. Две двери по сторонам, справа закрытая, слева открытая. Впереди — лестница наверх. На стенах черно-белые фотографии старого Светлогорска.

Анхен тянет меня в открытую дверь. Там кухня. Обычная человеческая кухня, с холодильником, плитой, стандартной кухонной мебелью.

— Зачем тебе? — удивляюсь я.

— Я ж говорил — у меня часто бывают гости. Они и пользуются, — пожимает плечами Анхен. — Правда сейчас здесь ничего съедобного нет, разве что заварка да несколько засохших баранок. Но с твоей помощью мы это исправим.

Он открывает один из шкафчиков, действительно свободный от продуктов, достает оттуда ресторанное меню и протягивает мне:

— Выбери, пожалуйста, сразу, что ты будешь, я позвоню и закажу, а то они раньше, чем через час все равно не привезут.

Кушать хочется здорово, и потому я не отказываюсь и не в чем себе не отказываю. Указанные в меню цены выглядят несколько фантастично, но если он может позволить себе иметь целый дом, то вряд ли я его разорю, даже если закажу все, что есть в меню.

— Анхен, а где можно... умыться? — интересуюсь, разобравшись с будущим ужином.

Он указывает мне за лестницу. Там находится еще одна дверь, не замеченная мною ранее. Взгляд, брошенный в зеркало, без обиняков раскрывает мне, что умыться — это действительно самое лучшее, чем мне стоит сейчас заняться. Праздничных перипетий этого долгого дня моя тушь не вынесла, уютно расположившись под глазами, да обозначив кое-где, каким именно маршрутом текут слезы, удирая из моих глупых глаз. Да и косы изрядно растрепались. Самый подходящий вид для похода в гости. Хотя — я ж не напрашивалась, сам настаивал. И вообще — вампиры, они иначе видят, сам говорил. Ага, цветочки им везде мерещатся. Экзотические.

Прежде, чем проводить меня наверх, Анхен обращает мое внимание на ту дверь, что осталась закрытой:

— А здесь находится моя кухня, принцесса. И ходить туда, вот уже без всяких шуток, ни в коем случае нельзя. Разумеется, если ты не хочешь потерять статус человека и стать просто едой. Потому что если и есть в этом доме невозвратная граница — то только вот этот дверной проем. Не заходи. Ни-ког-да. Договорились?

Я послушно киваю. Я вообще не думаю, что в этом доме меня потянет на исследования. Тем более, после его шуток. И не шуток. Но спросить все же решаюсь.

— А там... твоя еда? Животные, которыми вы питаетесь? Или кто-то... им на замену?

— Моя еда, Ларис, — спокойно улыбается Анхен. — Обычные кормовые животные. Никаких замен. Я же говорил, я живу здесь постоянно, и мой дом оборудован всем необходимым для моей комфортной жизни. В том числе и помещениями для содержания животных. И у меня есть собственная служба сервиса, которая следит за их содержанием, по необходимости привозит из-за Бездны новых, увозит использованных. Кстати, в службе сервиса действительно работают Низшие вампиры, и часть из них постоянно живет в этом

доме. Но ты никогда никого из них не встретишь, потому что им запрещено появляться в тех комнатах, которые предназначены для приема гостей. И тем более они не имеют права выходить в город.

Он ведет меня вверх по лестнице. Поднимаюсь я не спеша, рассматриваю висящие на стенах фотографии. Улицы и площади родного города. Такие, какими они были когда-то. Фотографии крупные и достаточно четкие. Можно разглядеть булыжник мостовой, прочесть вывески в витринах магазинов. Извозчики, пролетки, дамы неизменно в головных уборах. Этим фотографиям лет сто, а то и больше. Для меня это древность. А он тогда едва ли ощущал себя моложе, чем теперь.

— Анхен, а правда, что вампира невозможно сфотографировать? — вспомнились мне многочисленные школьные байки на эту тему.

— Правда. Если кривыми руками и на плохую камеру — то ни в жизнь, — усмехается мой спутник. — А профессиональные фотографы на заре фотографии славились высококачественными вампирскими портретами.

— А у тебя сохранились твои фотографии тех лет?

— Сохранились, и не только мои. Изобретение фотографии нас в свое время заинтересовало. Это человеческий способ создания изображений, мы им никогда не пользовались. Было любопытно и многие вампиры тогда соглашались позировать для человеческих фотографов. Хочешь посмотреть?

— Конечно!

— Я поищу, — улыбаясь кивает он.

Лестница выводит нас в коридор. Пара дверей направо, пара дверей налево. «Комнаты для гостей», — бросает про них Анхен не задерживаясь. А в гостиную двери нет, просто арочный проем в конце коридора. Комната просторная и светлая. Из нее ведет еще три двери. «Там кабинет, там моя спальня, а вот туда не ходи» — объясняет их назначение хозяин. В центре — пара мягких диванов по сторонам от низкого деревянного столика. В углу возле окна — камин, и еще один диван развернут прямо к нему.

— Анхен, а камин настоящий? — в домах с камином мне бывать еще не доводилось.

— Конечно. Хочешь, зажжем?

Я хочу, и забравшись с ногами на диван, смотрю, как он, потянувшись, отодвигает заслонку, а затем садится на корточки и начинает складывать в камин дрова. Его спина частично закрывает мне обзор, и я пропускаю момент, когда он зажигает огонь. Вроде только что клал в камин последнюю чурку, и тут он уже отходит, садится рядом со мной, а камин уже пылает, все дрова горят ровным ярким пламенем.

— Ой! А как это ты его так зажег?

— Сказал «Елочка гори!» — смеется вампир, обнимая меня одной рукой за плечи.

— А это елочка? — позволяю ему притянуть меня к себе и даже кладу голову ему на грудь. Хорошо мне с ним, уютно, ничего не могу с этим поделать.

— Нет, принцесса, это береза. Майский день же. Вернее вечер, — он легонько дует мне на волосы, затем целует в макушку. Я жмурюсь, глядя на языки пламени. День был долгий, почти бесконечный, и теперь навалилась усталость.

— Неправильный у тебя камин, — лениво замечаю я, — улицу греет.

— Да мне разве жалко? Пусть греет. Мне же не для тепла. Мне просто нравится смотреть сразу и на огонь в камине, и на ветер за окном. Да и труба посреди третьего этажа не торчит.

— А что у тебя на третьем этаже? Страшная вампирская тайна?

— Да нет. Там гараж. Единое помещение без внутренних перегородок, крыша раздвигается, чтоб можно было влетать-вылетать.

— Что, целый этаж гараж? Сколько ж у тебя машин?

— У меня немного. Но есть еще машины технической службы, есть еще машины моих гостей, которые временами меня навещают. Этот дом действительно используется в качестве резиденции, и порой здесь бывает очень много вампиров.

— Анхен, но если это резиденция, то ты тогда кто?

— Я? Хранитель огня в камине.

— Не смейся. Я же вижу. И слышу. То, что ты порой говоришь, то, как к тебе относятся другие вампиры. И еще этот дом... Не похоже на рядового куратора одного из факультетов.

— То есть пытаешься обвинить меня в несоответствии занимаемой должности?

— Смейся сколько хочешь. Не тот масштаб. Есть подозрение, что другая у тебя должность.

— Да? Я весь внимание. Какая же?

— Ну откуда же мне знать? Я у тебя хотела спросить.

— Ларис, но если б я рвался отвечать на этот вопрос, то наверное моя должность была бы указана на моей двери большими-пребольшими буквами.

— Но почему... она не указана?

— Видимо потому, что ваше почитание вампиров и так уже дошло до степени идолопоклонства. И я не знаю, какую проблему я не мог бы решить в качестве куратора одного из факультетов. А все остальное — это наша внутренняя иерархия, и людей она не касается.

— Ну меня-то трудно обвинить в идолопоклонстве...

— Да, и потому ты сейчас здесь, со мной, — он вновь поцеловал меня в макушку, затем обхватил рукой косу и потянул вниз, заставляя запрокидывать подбородок. Его губы дразняще коснулись моих и тут же отстранились. — И я готов рассказать тебе все, но лишь при одном условии, принцесса, — его глаза слишком близко, его губы шепчут в миллиметре от моих. Я нервно сглатываю, я чувствую, что готова на все, лишь бы он поцеловал меня.

— Что за условие?

— Кабальный контракт, принцесса. Ты подписываешь, и все мои тайны — твои.

— Не дожدهшься! — очарование уходит. Я отталкиваю его, отодвигаюсь в самый угол дивана.

— Я и так рассказал тебе уже слишком много. И это действительно не здорово, что у меня до сих пор нет от тебя этого документа. Пойми, ты все равно принадлежишь мне, и нам обоим будет спокойнее, если это будет оформлено официально.

— Никогда! И спокойнее мне будет, когда ты перестанешь уже требовать мою жизнь на блюдечке с голубой каемочкой!

— На бумаге с гербовой печатью тоже подойдет. Да пойми ж ты, мне не требуется ничье разрешение, чтобы убить тебя. Или кого-то другого, как ты могла сегодня убедиться. Подписав документ ты становишься членом моего Дома. Ты получаешь мое официальное покровительство.

— А кто спасет меня от тебя?

— Никто, и ты это знаешь. Неважно, подпишешь ты или нет. Ты все равно моя.

— С какого момента, очень хотелось бы знать?

— С тех пор, как я так решил.

— Ты полагаешь, этого достаточно?

— До сих пор хватало.

— А вот сейчас не хватает! — я решительно встала с дивана и отошла к окну. За окном зеленел парк. Деревья, деревья, деревья, сплошной стеной, сколько хватало глаз. — Я никогда не соглашусь быть твоей собственностью, что бы ты там себе не возомнил!

— Да? А кем ты согласишься быть, глупая ты девочка? — он тихонько подошел сзади, ласково беря меня за плечи, привлекая к себе. — Я же чувствую, что я тебе нравлюсь, тебе приятны мои прикосновения, мои поцелуи. Так оставайся со мной, Ларис. В моем доме. В моей спальне. В моей жизни.

— Ты предлагаешь мне стать твоей... любовницей?

— Смешное слово. Очень человеческое. Но оно предполагает равенство, которого между нами нет и быть не может. Я предлагаю тебе просто остаться, признав, наконец, мое право распоряжаться тобой.

— У тебя нет такого права! — я отстраняюсь, вновь отступая от него, от его ласковых рук, от его дыхания на моем плече. — Ну почему, ну почему ты все время все портишь?!

— Что я порчу, дурочка? Твои иллюзии? Я вампир, ты человек, по-другому не будет. Ты — моя, Лариса. Я чувствую это каждым кончиком нервов. И я не просто вижу — я чувствую, что тебя тянет ко мне. Перестань выдумывать слова. Просто признай, что ты моя и останься.

— Знаешь, что самое отвратительное? — печально отозвалась я, разглядывая деревья за окном. — Будь ты человеком, такими словами ты звал бы меня хозяйкой к себе в дом, женой, возлюбленной. А ты зовешь меня стать твоей рабыней, твоей собственностью, твоей вещью.

— Знаешь, что самое отвратительное? — усмехнувшись, повторил он мой вопрос, оставаясь на месте и не пытаясь удержать меня. — Будь я человеком, ты не задумываясь ответила бы «да». А я Высший вампир, глава одного из знатнейших Домов моей родины, и я предлагаю тебе, маленькой человеческой девочке, защиту и покровительство своего Дома. И для тебя это не слишком достойное предложение! Поверь, это куда больше, чем быть чьей-то там женой.

— Даже твоей?

Он тяжело вздохнул.

— Лариса, мое семейное положение ни тебя, ни кого-либо из людей не касается. Ты всего лишь человек, и ты не можешь быть мне ни женой, ни возлюбленной, между нами пропасть куда шире Бездны, но я согласен любить тебя, заботится о тебе, а ты придираешься к словам и печешься о собственном статусе! Для человека в жизни вампира статус может быть только один: либо ты принадлежишь какому-то конкретному вампиру, либо любой желающий вправе срезать тебя, как розу.

— Я не буду твоей собственностью! — я делаю еще один шаг от него, от окна, от всей этой нелепой сцены, и упираюсь спиной в пианино. Прежде я его в комнате не замечала, а сейчас... весьма удачно. — Ты играешь? — спешу сменить тему, с каждой минутой становящуюся все более неприятной и опасной. — Может лучше сыграешь мне что-нибудь, вспомнив, что обязанность хозяина развлекать гостей, а не продавливать под свои интересы, — с каждым словом я скольжу вдоль инструмента, отступая от вампира все дальше.

Он спокойно стоит у окна, с усмешкой наблюдая за моими маневрами.

— Сбегаешь, значит? Ну что ж, побегай. Я не очень спешу. А про это, — он кивает на фортепьяно, — могу тебя разочаровать: я на нем не играю, более того, я терпеть не могу звуки, которые издает этот монстр. Слишком громкие и грубые. Такое чувство, что бьют прямо в мозг, причем отбойным молотком.

— Ну вот, а я уже представила себе одинокого вампира, скрашивающего себе пронзительно-печальными мелодиями долгие лунные ночи, — я так обрадовалась, что он согласился сменить тему, что готова была нести любую чушь, лишь бы не возвращаться «к нашим баранам». — Зачем же тебе тогда инструмент?

— Ну уж точно не для того, чтоб скрашивать ночи путем направленного удара звуковой волны в мозг, — нарисованная мной картинка Анхена здорово развеселила. — Ночами я либо сплю, либо скрашиваю их куда более интересными способами. Кстати, может сегодня ты все же ко мне присоединишься? На пианино играть не будем, — и он подмигнул мне весьма недвусмысленно, вновь сруливая на опасную дорожку.

— Ты так и не ответил: зачем тебе пианино? — его интересные предложения из чувства самосохранения решила не услышать.

— А это не мне, принцесса, — чуть пожав плечами, Анхен прошел и сел на диван. — Я его для Инги в свое время купил. Она в детстве музыкальную школу заканчивала.

— Инга жила здесь, с тобой? Или... живет?

— Жила. Ей тогда... помощь нужна была. А ближе меня у нее в этом городе никого не оказалось. Родственники далеко, а в общежитии — там жить хорошо, весело, а болеть... Где-то полгода жила у меня, потом вернулась в общежитие. Она бы осталась, а я прогнал. Люди горят, находясь слишком долго рядом с вампирами. А я не хочу, чтоб она сгорела. Хочу увидеть ее детей, внуков, правнуков... Знаешь, она готова остаться со мной. До самого конца, до разрушения, до гибели. А погибнет она быстро, мы оба это знаем. А вот тебе ни хрена не будет! Даже проживи ты со мной до глубокой старости! И ты не согласна. Гордость тебе не позволяет! Статус тебе не тот!

— Так ты меня вместо нее себе прикарманить хочешь? С ней не выйдет, так со мной получится?

— Почему вместо? Что за глупые человеческие предрассудки? Она — это она, ты это ты. Это только люди придумали выбирать кого-то одного. А я вампир, у меня кровать широкая.

— Да что ж ты все про кровать да про кровать! Может это тебя с голоду не туда заносит? Так пошел бы перекусил, ты ж у нас вампир обеспеченный, полный дом свежей крови. Не обязательно на гостей бросаться.

— Я пока не бросаюсь, принцесса. Я пока терплю, — он оказался рядом со мной слишком быстро. Вроде только что на диване сидел, и вот я уже прижата к стенке, его рука, впившись в волосы, отгибает назад мою голову, его губы шепчут возле самого уха, затем скользят вниз, целуя в шею. Мое сердце бьется, как сумасшедшее. Мне страшно, но его близость все равно приятна. «Поцеловать или укусить?» — шептал он мне безумно давно, при нашей первой встрече. Сейчас не спрашивает, сейчас просто целует, овладевая моим ртом властно, требовательно. Его руки жестко, до боли сжимают мою грудь, а я таю воском в его руках, подчиняясь его напору, его неколебимой уверенности, что он может делать со мной что угодно в любой удобный ему момент времени.

Внезапно его острые, как иглы, зубы пронзают мою нижнюю губу, и это так больно, что кажется, даже искры из глаз сыпятся, я пронзительно кричу, но даже дернуться не могу, его

тело прижимает мое тело, его руки фиксируют мою голову. Я чувствую, как он медленно всасывает мою кровь, и боль уходит, отдаваясь мучительным зовом внизу живота, вырываясь неясным стоном, почти согласным, почти покорным...

Он отстраняется. Какое-то время смотрит в мои затуманенные глаза, продолжая удерживать мою голову. В его глазах, таких безнадежно-черных, только жажда, и если сейчас он укусит — по-настоящему укусит — то ужин мы заказывали напрасно. Мгновение длится мучительно долго. Наконец он закрывает глаза, а когда открывает — его взгляд уже чуть более осмысленен. Он чуть улыбается мне, не разжимая губ, ласково проводит пальцами по щеке и выходит в коридор.

Я медленно съезжаю вниз по стенке, и так и остаюсь сидеть, нервно обхватив колени. Слышу, как он спускается вниз по лестнице, затем хлопает дверь. И я понимаю, что не входная. Та самая, запретная. Становится зябко, никакой камин не спасает. Связалась с вампиром, безумная девочка. И все вроде здорово и красиво: пляски на лужайке, цветы во дворике, огонь в камине. Вот только на дне пруда искать теперь трупы тех, кто помешал ему «культурно отдыхать», а я сижу с прокушенной губой на полу в чужой гостиной, потому, что кому-то резко захотелось крови. И есть подозрение, что не просто перекусить, а конкретно моей крови. Хорошо, что в доме есть животные. При мысли о том, что он мог бы не заморачиваться походом на «кухню», а просто отогнуть мне голову назад и выпиться зубами в шею, становится совсем не здорово.

Но он же ушел. И вообще, я уже столько раз бывала с ним наедине. Глупые страхи. Надо взять уже себя в руки и признать очевидное. Он вампир. Не добрый пастырь, как нас учили в школе. Высокомерный и безжалостный. Каждый день пьющий чью-то кровь. Да, животных, он неплохо обеспечен животными. Но ведь бывает еще десерт... А меня, кажется, пустили на аперитив... И ведь при этом он мне нравится. Не мальчик Антон, «каким он мог бы быть», это трусливый самообман, не более. Мне нравится вампир. Меня тянет к нему. Я боюсь его до дрожи, и все равно... В его объятьях мне хорошо так, как никогда не было с Петькой.

И, кстати, о Петьке. Нельзя же врать ему вечно. Я не его девушка и никогда ей не была. Он дорог мне как друг, но он-то ищет во мне совсем иного...

Телефонный аппарат стоит на тумбочке, словно ожидая меня. Решительно подхожу и набираю пять знакомых с детства цифр. Подходит Петькина мама, но мои опасения напрасны. Петька дома и даже берет трубку.

— Как ты могла? — только и произносит он.

— Прости, Петя.

— Ты действительно ушла с ним? С этим хлыщем? С Антоном? — имя он буквально выплевывает в трубку.

— Я сейчас у него дома, Петя. Ты ведь понимаешь, что для нас с тобой — это конец.

Мне в ухо бьют короткие гудки. У меня больше нет парня, у меня больше нет друга. На что я променяла его? На огонь в камине и весьма неясные перспективы. Мне надо бежать из этого дома, пока хозяин слишком занят, чтобы остановить меня. А я не бегу. Сворачиваюсь калачиком на диване перед камином и смотрю на огонь. Вспоминаю, как в детстве мы жгли костры с папой. Он всегда устанавливал в середине нечто вроде башенки, и говорил, что это замок, окруженный неприятелем. И маленький замок горел, его невидимые защитники сражались отчаянно, но огонь всегда побеждал.

Видимо я задремала. А проснулась от того, что Анхен осторожно взял меня за руку.

— Пойдем, надо поужинать. Ты ж небось с утра голодная.

Он сидит передо мной на корточках, волосы распущены, алую рубашку сменила скромная серая футболка, да и штаны модели «мальчик-красавчик» уступили место чему-то более удобному и не пафосному. Он смотрит на меня спокойно и прямо, словно ничего и не случилось. А может, по его меркам — ничего и не случилось, а я не совсем безумна, чтобы возвращаться вновь к столь опасной теме.

— А ужин уже принесли? — он кивает. — А можно я поужинаю здесь? — камин давно прогорел, но в гостиной по-прежнему тепло, и так не хочется тащиться куда-то вниз...

— А я потом буду спать с головной болью и раскрытыми настежь окнами? У меня кухня отделена от жилых помещений не совсем случайно.

— В смысле? Тебе не нравится запах человеческой еды?

— В основном нет. Он тяжелый и большей частью неприятный. Терпеть могу, но не более. Пойдем, пока все не остыло.

Я послушно спускаюсь с ним на кухню и сажусь за накрытый стол. Он достает из шкафа два хрустальных бокала и графин, полный темно-красной жидкости.

— Ты ведь не откажешься выпить со мной за твой первый визит в мой дом? — лукаво поглядывая на меня, он разливает жидкость по бокалам.

— А это что?

— Что за вопрос? Кровь, конечно, — он неторопливо подносит свой бокал к лицу, демонстративно вдыхает аромат. — Вернее, напиток на ее основе. Кровь слишком быстро свертывается, требуется специальная обработка...

Я нервно сглатываю.

— Ты же не думаешь, что я стану пить кровь?

— Ну, просто чокнись со мной и сделай глоток. Прояви уважение к хозяину дома, не так уж сложно.

Я послушно чокаюсь, и замороженно смотрю, как он подносит свой бокал к губам и делает глоток, не отрывая от меня глаз. Затем еще один...

— Нет, прости, я не стану это пить, — я решительно ставлю бокал на стол.

— Не любишь морс? — чуть выгибает он бровь.

— Что?

— Морс, принцесса. Обычный, ягодный. Из ресторана принесли вместе со всем прочим, — он спокойно отставляет свой бокал. — Как же просто тебя развести. Ну ты взгляни: и цвет не тот, и консистенция. Я уж не говорю про то, что у вампиров в принципе нет традиции застолья.

— Но ты же пил, я видела.

— Жаль тебя разочаровывать, но напиток на основе клюквы не относится к числу сильнодействующих ядов. Вкус, конечно, весьма специфический, но ради того, чтоб увидеть у тебя подобное выражение лица, можно и потерпеть, — он откровенно потешается.

— Ты!!! — я даже слов подобрать не могу от возмущения. Развел, как ребенка. Или... разводит? Очень внимательно смотрю на жидкость в бокале, взбалтываю, нюхаю. Похоже, действительно морс. Осторожно делаю глоток. Морс, просто морс.

— Ну, ты же ждешь от этого дома чего-то особенного, вампирского, — пожимает он плечами, — а мне и предложить-то особо нечего. Приходится импровизировать.

Я демонстративно опускаю взгляд в тарелку. Представить себе что-то более «вампирское», чем вампир, пытающийся заявить на тебя свои права, мне как-то сложно. Ужин проходит в молчании. Анхен просто сидит и ждет, пока я закончу. Затем составляет

посуду в мойку и вновь уводит меня наверх.

— Значит, ты полагаешь, что как хозяин я должен развлекать тебя светской беседой, а не приставать со всякими глупостями?

— Ну, раз уж на фортепьяно ты мне не сыграешь... Кстати, а может твоя Инга просто играла плохо, а инструмент тут не причем? — не смогла удержаться, совсем позабыв, что критиковать святую Ингу мне категорически не рекомендовано.

— Конечно, она играла плохо, — Анхен неожиданно соглашается, не выказывая признаков недовольства. — Пальцы не слушались, не попадали по клавишам, а она сидела и плакала, не в силах сыграть простейшую мелодию. Я нанял ей учителя и назначил им уроки в девять утра, а сам сбегал на работу. Впрочем, вечерами она тоже играла. Тренировалась. Она упорная, у нее в итоге получилось... Но дело не в Инге. Я не совсем дикий мальчик, в консерватории бывал, игру тех, кто считается мастером своего дела, слушал, и не раз. Мне просто не нравится сам инструмент, кто бы на нем не играл.

— Зачем же тогда ты покупал его, терпел ее игру в собственном доме?

— Ей было это нужно, — он пожимает плечами. — А я был перед ней виноват.

Моя челюсть с грохотом трескается об паркет, кажется, даже разваливаясь пополам. Это что ж он такого натворил, что признает себя виноватым? И даже готов был искупать это с явным дискомфортом для себя, любимого? Я была уверена, что он мнит себя полностью непогрешимым.

Анхен отворачивается.

— Ты, кажется, хотела взглянуть на старые фотографии? Пойдем, поищем, — он открывает дверь кабинета, предлагая следовать за ним.

Захожу. Большой письменный стол у окна, все стены от пола до потолка занимают книжные шкафы. Книги рассматривать неохота, смотрю в окно. За окном цветет сирень. У нас тоже за окнами растет сирень, один из кустов мама с папой лично сажали, когда только в этот дом переехали. Но почему-то только ленивый не считал своим долгом отломить ветку-другую для личного пользования. И стоит она у нас каждую весну вся ободранная, лишь на самой макушке, куда без стремянки не дотянуться, горят последние цветущие кисти. Интересно, а за попытку обломать сирень в вампирском дворе обламывают только руки или начинают сразу с шеи?

— Иди сюда, — зовет меня Анхен. Он сидит на коленях перед одним из шкафов, нижняя створка которого открыта, и перебирает стоящие там папки. Наконец одну из них вытягивает. Я тоже опускаюсь на колени рядом с ним, и он протягивает ее мне, аккуратно завязанную на веревочки. — Держи. Это работы выдающихся мастеров своего дела, в первую очередь они ценны именно этим. Фамилии авторов этих портретов все до одной сейчас можно найти в учебниках по истории фотографии. Ну а на фото — есть вампиры, а есть и люди. Даже интересно, сумеешь ли ты увидеть разницу.

— Но ты-то там есть?

— Поищи. Едва ли я сильно изменился.

Развязываю тесемки и открываю. Первый портрет, разумеется, женский. Глаза вполне человеческие, лицо напряженное. Ну да, они ж для первых фотографий чуть ли не по полчаса неподвижно сидели, им даже подпорки для головы специальные делали. Спросить, кем была для него эта женщина? Ага, и услышать в ответ «я ее скушал», как в том анекдоте про дракончика? Молча откладываю фото в сторону. И на меня смотрит Лоу. Лоурэфэл Сэвэрэасис ир го тэ Аирис, никогда не забыть мне это имя. Смотрит легко, даже с неким

вызовом, словно и не замирал он на полчаса не моргая. Серебристые локоны выются по плечам, на губах легкая полуулыбка. Красив. Сказочно красив. Анхен по сравнению с ним так, деревенский увалень. Но этот вызов, эта полуулыбка, это самолюбование! Все пальцы ж, небось, розами исколоты.

— Анхен, а он хоть что-то хорошее в жизни сделал? Ну вот хоть что-нибудь?

— У нас с тобой слишком разные представления о том, что такое «хорошее», — спокойно отозвался вампир, глядя на фотографию. — Для меня ответ «да» без раздумий и без вариантов. А вот что предложить тебе — даже и не знаю. Он никогда не жил в Стране Людей, никогда здесь не работал. Все его дела и интересы — в границах нашего мира. Так что удивить тебя историей о том, как он спас бабушку из горящего дома, увы, не смогу. Он сюда приезжает не так уж часто и исключительно развлечься.

— Да, помню я его развлечения, — раздражено откладывая фотографию в сторону. А со следующей на меня снова смотрит Лоу! Другая поза, другая одежда, иначе раскрашен задник, но все та же самодовольная рожа! — Да что ж ты нашел-то в этом самовлюбленном эгоистичном хлыще?!

— Я не нахожу его эгоистичным, — пожимает плечами Анхен. — а что до самовлюбленности, то будь ты хоть вполтину так же красива, как он, ты бы тоже часами крутилась перед зеркалом и разбиралась в приличных шмотках.

— Ах, вот даже так? — я с омерзением отбрасываю фотографию, а на следующей снова он! — Слушай, может это любовь? — поднимаю я глаза на вампира. Я-то думаю, что у них за отношения, а тут, блин, пол папки портретов.

— Ну, тебе виднее, вон как разволновалась, аж щеки горят, — перевел стрелки хозяин дома. — Так ты только намекни, и я устрою ваше счастье, он вон тоже о тебе спрашивал.

— Да иди ты... — я возмущенно отбрасываю очередной фотошедевр.

— Тихо, не мни, они ж в единственном экземпляре сохранились, — Анхен решительно отнимает у меня все фотографии. — Я ж тебе не для этого дал. Вот, смотри, — пролистнув несколько снимков, он выкладывает передо мной один. — Надеюсь, с этим ты не успела поругаться? Или с этим? — рядом ложится еще один лист.

Рассматриваю. Оба мужчины, оба мне не известны. Справа человек, слева, похоже, вампир.

— И? — недоуменно интересуюсь. — В каком месте восторгаться?

— Найди десять отличий.

— Между человеком и вампиром?

— Нет, конечно. Между фотографией и фотографией.

Пытаюсь понять, чего он хочет. Смотрю на снимки. Одинаковые рамки с печатью мастерской. Тот же фотограф. Одинаковые позы, очень похожий фон. Но фото мужчины выглядит более цельным, что ли, здесь более гармоничное распределение светотени. На фото вампира очень хорошо видно лицо. Выделяются кисти рук. А вот одежда вышла темноватой и невнятной, ее явно прорисовывали от руки, скрывая огрехи. Фон словно немного сдвинут, а фигуру окаймляет очень четкий темный контур.

— Это что, наложенное изображение? Фон снимали отдельно?

— Да, — кивает Анхен, — что еще?

— Лица, — то же, что я заметила на фотографиях Лоу и той девушки, — у человека лицо очень напряженное, у вампира спокойное. Но это, наверное, к особенностям расы.

— Нет, это тоже к особенностям техники. Легенды о том, что вампира невозможно

сфотографировать, во многом правдивы. Наша аура практически засвечивает пленку. Поэтому требуются специальные фильтры, и очень небольшая выдержка. В таком режиме не только невозможно сфотографировать одновременно человека и вампира, но даже фон приходится накладывать отдельно. Держи, — он протянул мне обратно всю папку. — И не бросайся больше карточками. Сейчас ты уже ни одного вампира не заставишь сфотографироваться. Да и нет уже тех мастеров.

— Почему не заставишь? — не очень поняла я, медленно перебирая фотографии. Лица попадались сплошь незнакомые, особого интереса не вызывали, что люди, что вампиры.

— Муторно и не практично. У нас есть свои способы получения изображений. Это тогда, как новинка, как забава. Да и то... Почему ты думаешь, тут так много фотографий Лоу? Ему просто было не лень часами позировать. Экспозиция подбиралась экспериментальным путем, из сотен снимков лишь штук пять удачных, а на каждый снимок параметры меняются. Ни один взрослый вампир не стал бы тратить на это свое время. А Лоу тогда был совсем мальчишка, только-только получивший право посещать Страну Людей, ему было все интересно. Вот на нем и экспериментировали.

— Как мальчишка? — не поняла я. — Ему же сейчас, вроде, 350?

— Угу. А тогда было чуть более двухсот. А именно в двести лет вампир достигает совершеннолетия и, при соблюдении определенных условий, может получить статус Высшего.

— А до этого он Низший?

— Младший. Это дети Высших или тех Младших, что в силу ряда причин остались в этом статусе навсегда. Низшие вампиры рождаются и умирают Низшими.

— Как у тебя все таинственно: в силу ряда причин, при соблюдении определенных условий. Какие причины, какие условия?

— Сдал экзамен на зрелость, способность принимать на себя ответственность за свои решения и контролировать собственные поступки — стал Высшим. Предпочел пойти под чью-то руку, готов платить за сытое бездумное существование ограничением в правах — остался Младшим. Будешь смотреть еще?

— Ну, я, вообще-то, на тебя хотела взглянуть. А ты подсунил мне Лоу, кучу незнакомцев и лекцию по истории фотографии.

— Мои там тоже где-то есть. Полистай еще.

Нашла и его. Строгий костюм. Строгое лицо. Далекый. Холодный. Не то легкое презрение губы кривит, не то высокомерное снисхождение.

— Ты что, одолжение делал, когда сфотографировать себя разрешил?

— Что-то вроде.

— Мда, с таким Анхеном я не пошла бы танцевать.

— Жаль еще больше разочаровывать тебя, принцесса. Но во-первых он никогда не позвал бы тебя танцевать, а во-вторых обращалась бы ты к нему исключительно «светлейший Анхенаридит» и приседала в глубоком реверансе.

Я обернулась и внимательно взглянула на него. Нет, вроде не шутит. Стала перебирать снимки дальше, нашла еще несколько его портретов. Холодность и высокомерие просто резали глаз. На всех.

— Царь, просто царь. Неужели ты действительно был такой?

— Не нравится?

— Нет.

— Вот видишь, как плохо копаться в старых бумажках. Не всегда находишь то, что ищешь.

— Но почему ты был таким? Тебя здесь узнать-то с трудом можно.

— А что изменилось? Я тебе и сейчас не нравлюсь.

— Нет, это неправда, ты мне... я...

— Тебя ко мне влечет? — цинично подсказал он, невесело усмехаясь. — И что это меняет? Я могу взять тебя здесь и сейчас, прямо на этих фотографиях, и это и близко не будет изнасилованием. Вот только придя в себя ты первым делом попробуешь перерезать мне горло.

Дракос, ну почему мы опять говорим об этом? Ведь проехали ж уже! Пытаюсь уйти от сути, прицепившись к словам:

— На этих фотографиях? А кто только что вопил, что я помяла его драгоценного Лоурэла? Не, ты сначала их ленточкой перевяжешь и в шкаф уберешь.

— Не боишься, что я расценю твои слова за приглашение?

— Больше боюсь, что ты не станешь ждать приглашения, — очень боюсь, если честно. И он прав — даже не процесса, а того, что потом... что не будет уже никакого потом, даже если выживу. — Отвези меня домой, пожалуйста. Я очень устала.

— Фотографии собирай. Чтоб я мог перевязать их ленточкой. И поедешь домой, раз уж тебе так сильно этого хочется.

Послушно стала сгребать с пола снимки, удерживая папку в одной руке. И конечно не удержала. Фото посыпались из нее, словно листья в листопад. Скользя по моим коленям они плавно опускались на пол, одно за другим, пока папка не опустела. Анхен вздохнул, забрал у меня пустую папку и начал спокойно складывать в нее выпавшие фотографии. Я потянулась помогать, и замерла над одним из снимков. Взяла его в руки, пригляделась внимательней. Действительно не показалось. Черноволосая вампирша смотрела на меня с портрета таким знакомым до боли взглядом. А впрочем, не только взгляд. Разрез глаз, брови, этот тонкий нос... Вот только губы не похожи, у нее очень маленькие, сжатые в тонкую короткую линию.

— Твоя сестра?

— Кузина. Давай, я уберу.

— Нет, погоди, я хочу рассмотреть.

Он чуть поджал губы, но отнимать не стал, продолжил складывать другие снимки.

А я смотрела на этот. Чем-то он тревожил меня, никак не могла понять чем. Сильное родственное сходство? Бывает. Что-то еще.

— Анхен, а что, раньше вампирши носили длинные волосы?

— Нет, никогда. Ара носила в те годы. Скорее как вызов, презрение к общественным устоям. Сейчас не знаю, я лет сто ее не видел.

— Ее зовут Ара? А полностью?

— Ларис, тебе зачем? Ты никогда с ней не встретишься. Давай карточку, ты вроде домой спешила.

— Погоди. Никак не могу понять.

— Что именно?

— Что не так с этим портретом.

— Какой-нибудь фильтр каким-нибудь образом что-нибудь искажает. Она тоже жутко любила экспериментировать. Собственно, она туда Лоу и притащила, когда ей надоело

самой позировать.

— Да нет здесь искажений. А она по возрасту ближе к тебе или к Лоу?

— Ко мне.

— А Лоу ей кто?

— Никто.

— А у них был роман?

— Лариса! Оставь ты их в покое и отдай уже снимок.

— А у тебя с ней был роман?

— Десять минут назад ты утверждала, что роман у меня был с Лоу.

— А был?

— Верни. Мне. Фотографию.

— Да что ты так переживаешь, я ничего с ним не сделаю, мне просто интересно.

— Мне не интересно.

— Ну погоди же ты секунду, — да что такое в самом деле? Сам же дал мне эти фотографии, а теперь так жаждет скорей отнять. В задумчивости перевернула карточку. А там оказалась надпись. Чернила сильно выцвели, но все еще можно было прочесть: «Прекраснейшей Авенэе с огромной любовью. Красильников и Краюхин».

— Вспомнила! Все хотела тебя спросить, а слово выскочило. Тебя ж они называли «авэнэ», верно? Что это значит-то хоть?

— Вот говорил я дураку, что ты и сама все забудешь, просто не надо внимание акцентировать, — усмехнулся Анхен. — Да ничего особо не значит. Вежливое обращение, не требующее добавления имени. Ближайший аналог — это обращение к вампиру «Великий». Просто это из древнего языка. На нем написаны наши самые ранние священные тексты, в быту он не употребляется уже тысячи лет как. Используют, когда хотят особо подчеркнуть уважение к собеседнику. «Авэнэ» — мужской род, «авенэя» — женский. Что еще тебя интересует? Красильников и Краюхин — совладельцы ателье, где был сделан снимок. Любила она их в ответ долго и страстно недели две как. Лоу тогда еще стишок по этому поводу сочинил:

«Прекраснейшей авенэе сегодня отдал я сердце,

Оно как живое билось в умелых ее руках...» Дальше не помню. Зато помню, что потом ему пришлось очень быстро бегать, еще быстрее летать и крайне старательно прятаться, — вампир улыбался, вспоминая об этом.

А мне почему-то не казалось, что это было смешно. Особенно тем фотографам. По какую сторону Бездны она их любила? Сердце в руках... кровь...авенэя...

Задумчиво перевернула фотографию обратно. И напоролась на ее взгляд. Вот оно. Вот что привлекло меня изначально. Не портретное сходство, оно только сбило. Взгляд. В глазах ее клубилась непроглядная тьма. Абсолютная чернота безумия. Точно такая, какую я видела в глазах вампира, попросившего моего отца одолжить ему ремень. Все словно вернулось вновь. Нелепое слово «авэнэ», страх, боль, крик. Ненависть.

— Она была безумна, верно? — почти прошептала я, чувствуя, как горло сжимают спазмы. — Пытала людей и получала наслаждение. А ты смотрел, да? Вот тем холодным высокомерным взором. Каким ты смотришь со старых фотографий. Каким ты смотрел, как тонут в пруду мальчишки, — я не глядела на него, мне не надо было видеть его лицо, чтоб получить подтверждение. Я знала и так. Видела в черноте ее взгляда. — А потом что-то случилось. Что-то достаточно страшное даже для тебя. И ты сбежал, и решил измениться.

Только всем твоим улыбкам грош цена. Хочешь знать, как ты на самом деле выглядишь? — я бросила ему столь желанное для него фото, — один в один. Вот точно такие были у тебя глаза, когда ты избивал меня. Это было не наказание, не урок. Это было твое безумие, вырвавшееся из-под контроля! Ты сходишь с ума, как твоя сестричка. Просто сходишь с ума, и пытаешься замаскировать, изображая чувства, которых не испытываешь. Что у вас там, на самом дальнем востоке? Сумасшедший дом?

Резкий звук заставил меня умолкнуть и поднять на него глаза. Звук разрываемой бумаги. Очень бледный, со сжатыми губами, он рвал ее фото в клочья. Мельче, мельче, мельче, затем наконец разжал руки и позволил ошметкам высыпаться вниз. И только затем взглянул на меня. И взгляд его был — еще хуже, чем на старых фотографиях.

— Ты хотя бы понимаешь, что именно ты мне сейчас сказала? В чем ты пытаешься обвинить меня и мою семью? — он не повышал голоса, в его словах почти не было эмоций. И это было очень неестественно. И жутко. — Ты пришла в мой дом и считаешь себя вправе оскорблять меня? Да ни один вампир никогда бы не осмелился сказать мне такое в лицо, — он встал и, резко схватив за плечо, вздернул меня на ноги. — Назови хоть одну причину, по которой я должен терпеть подобное хамство?

— Это правда, и ты это знаешь! И когда ты пришел в мой дом, ты не ограничился оскорблениями! И я едва ли когда смогу это забыть!

— У тебя полминуты, чтоб убраться отсюда! Дальше я ни за что не ручаюсь.

Его глаза прожигали во мне дыру. Я пятилась, пытаюсь на ощупь отыскать дверь, и недособранные фотографии лежали между нами Бездонной Бездной. Не перешагнуть. Не перелететь.

Он, наконец, отвернулся, и я осмелилась повернуться к нему спиной и выскочить вон.

* * *

Придя домой долго рылась в ящиках своего письменного стола. Нет, я искала не фотографии. Старые тетрадки. Те, в которые я переписывала Лизкины стихи. Стихов у нее было много, я переписывала только те, что мне особенно нравились. И даже их накопилось не на одну тетрадку.

«Мне очень нужно, чтоб меня любили.
Такой, какая есть. Несносной, романтической,
Капризной, глупенькой, эгоистичной,
Чтоб все на свете за мой голос позабыли!..»*

Это стихотворение я совсем не помнила. Не слишком оно было удачным с точки зрения поэзии. А сейчас вот наткнулась, и чуть не расплакалась. Ей так хотелось любви. Совершенной, прекрасной, возвышенной. Кто может быть прекраснее вампира? Тем более — такого прекрасного вампира. Вот только... Это не он позабыл ради нее все на свете. Все было ровно наоборот. Было ли это счастьем, Лизка? То, что ты приняла за великую любовь?

«Мне снился старый и заумный муж,

И первая лесная земляника,
И на моих ресницах светлых — тушь,
И озорная дочка Анжелика...»

Ничего этого уже не будет, Лизка. Никогда. Ни мужа, ни дочери, ни земляники. Мерзкий вампирский ублюдок! Развлекаться он сюда приезжает! Она была жива, моя Лизка! Наивная, мечтательная, поэтичная. Жива, пока не повстречалась с ним! Я все-таки плачу. Слезы каплют, и чернила растекаются. Нас так долго заставляли писать перьевыми ручками, что мы привыкли, и писали ими не только на уроках. Надо было писать шариковой. Она бы не растеклась. Но кто же знал, что я стану плакать над стихами.

Вытираю слезы и листаю дальше. А вот это я уже помню. Еще бы, ведь оно посвящено мне, хоть и называется «Незнакомцу»:

«Если можно, взгляните нежнее,
Улыбнитесь полоской зарниц,
Ей привычней без Вас, но нужнее
Трепет Ваших недлинных ресниц...»

Кто он, мой Незнакомец? Неужели я такая же дура, как и Лизка? Неужели я тоже умудрилась влюбиться в вампира? В это жестокое равнодушное чудовище? В это безумное чудовище?..

Дракос, ну зачем я ему все это наговорила? Да пусть это хоть двести раз правда, зачем было бросать это ему в лицо? Я никогда не научусь, я никогда не поумнею! А он никогда не сможет измениться... И никогда меня не простит...

Следом за тетрадками вытянула на свет несколько толстых самодельных конвертов. В них я хранила ее письма. Открыла одно наугад. «Из моих глаз скоро выплеснутся все слезы, тогда как традиционная меланхолия не позволяет выражаться по-человечески. Пойми, это будет похоже на мое пятое письмо, а нельзя и глупо дважды наступать на одни и те же грабли. Считаешь ты меня виноватой или нет — вот в чем вопрос. Если нет — я тебя не пойму, придется объяснять, а если да — тем более. О Светоч! Виновата я или нет? И я хочу, чтобы на этот вопрос ответила именно ты». Самое страшное — я не помнила, о чем это. Судя по дате, это было три года назад, и это было для нее безумно важно, и я наверняка ей что-то ответила, и наверняка пространно, и вряд ли иносказательно... Но я не помнила, о чем. Совсем. Это было давно. Это было вчера. Впереди была целая жизнь. Пара лет.

Какая-то бумажка. Меньше тетрадного листка. Разворачиваю, читаю. О, это Лизка смеется. Помню. Дело было у нее дома, и я попросила уточнить, кем же она меня считает. И она написала. Простым карандашом на обрывке листочка: «Во-первых: Ты презренная и бессовестная, т. к. а) не написала сочинение; б) не сделала географию. Во-вторых: Ты солнечная дева из класса светозарных, т. к. а) в Тебе еще осталось небесное стремление делать людям гадости не думая; б) Ты милостиво не сказала Петерсу ничего плохого за эти выходные»... И никуда не деться. Спасибо, Лизка. Моя долбаная прямолинейность. Желание высказать все-все как оно есть, невзирая на обстоятельства. То, что терпели от глупой девчонки в школе. То, что во многом восхищало Лизку. То, что теперь оборачивается для

меня бедой, а я не могу измениться! Лизка сто раз права: я не из желания оскорбить, не из наглости, не из самоуверенности. От отсутствия паузы на «подумать»! Дура, дура, дура...

Наконец отыскала самое дорогое. Пухлая тетрадка в 48 листов с замусоленными уголками. На обложке красивым Лизкиным почерком выведено одно слово: «Лариса». Это книга. Первая и уже навсегда единственная книга, написанная пятнадцатилетней девочкой ко дню рождения подруги. Обо мне. Для меня. Девочки — так признаются друг другу в любви. Даже для себя не называя это любовью. «Есть вещи, которых не пишут», — написала она на развороте как эпиграф.

Она была очень талантлива, моя Лизка. Могла бы стать известным поэтом, писателем. Мечтала стать историком и изучать древнюю историю вампиров. И стала бы, и ее научными монографиями зачитывались бы, как художественной литературой. Были и легенды Великих всегда манили ее... Заманили. А он все так же любит себя в очередное зеркало, да выбирает наряд, в котором прибудет к нам «развлечься» в очередной раз!

— Что это за тетрадки? — спросила, не выдержав, Варька, глядя, как я бездумно листаю исписанные каллиграфическим почерком страницы.

— Память. Все, что осталось мне от моей самой лучшей подружки.

— А что с ней стало? Она тоже умерла?

Я вспомнила, что у этой девочки умерли все. Даже лошадки. И не смогла сказать «да».

— Нет, она встретила свою мечту. Свою самую большую любовь. И улетела мечте во след. И где-то там, в прекрасном саду, где цветут только розы, она сама превратилась в цветок, что распускается раз в году на самом прекрасном розовом кусте. И ее возлюбленный, проливая горькие слезы, целует ее лепестки. Потому что если в течение ста лет он каждый день будет проливать на цветок хотя бы одну слезинку, то она вновь возродится девой, и останется с ним уже навсегда.

— Как же он будет проливать слезы каждый день, если цветок цветет раз в год? — прицепилась Варька. Вот ведь вредный ребенок! Я ей такую легенду придумала, а она...

— А что случилось на самом деле?

— Так и случилось, Варь. Она полюбила вампира. И улетела с ним через Бездну.

— Счастливая. А ты когда-нибудь видела вампира?

— В университете. Но только издалека. Знаешь, на них лучше смотреть издалека, тогда они кажутся гораздо красивее, чем они есть на самом деле.

— А на самом деле, что же, некрасивые?

— На самом деле у них зубы торчат.

— Как это? — поразила Варька.

— Давай нарисую.

Немного разгрела на столе (увы, Варвара тоже не была аккуратисткой), нашла клочок не изрисованной еще Варькой бумаги и изобразила. Наверное, все же Лоу, хотя кто знает, сам бы он себя вряд ли узнал. Но я постаралась, чтоб вышло красиво. И рубашечка с рукавами-парусами, и длинные полы камзола, и сапожки выше колен. И да, кудри. Кудри его развевались по ветру, превращаясь почти в облака. Мечта. А потом с удовольствием пририсовала ему гадючьи зубы. Дли-и-нные — длинные, до середины груди. И кровь, что с них все капает и капает, аж целая лужа внизу натекла.

— Держи. И никогда не забывай, что на самом деле они вот такие. И не вздумай в кого из них влюбиться.

— Ну вот, испортила такую картинку, — вздохнула глупая девчонка. — А ты можешь

мне такого же, но без зубов нарисовать?

— Вампиров без зубов не бывает, дурочка. Думаешь, поцелуй вампира — это вечное блаженство? Только в сказках. А в жизни это оказывается очень больно, очень стыдно и совсем не красиво. А потом вообще умираешь, а ему даже не жаль. Он стишки сочиняет. Веселые.

— Ну и с чего ты все это взяла, если никогда их не встречала? — я могла быть ее сестрой, могла не быть ей, но верить мне в данном вопросе она не собиралась.

— Зато она, — я кивнула на Лизкины тетрадки, — встречала. Очень близко. И она все это поняла. И рассказала мне. Только было уже слишком поздно. Он все равно ее убил.

— Может, и не убил. Ты же сказала — увез через Бездну. А что там, на той стороне Бездны? Ты не знаешь. И никто не знает. Может, она все еще жива. И гораздо счастливее нас.

Мне бы ее детскую веру.

Вот только идея с зубастым вампиром оказалась навязчивой. Да еще рисовала я всегда неплохо. Даже в художественную школу пару лет ходила. Потом бросила, правда, увлечение оказалось недолгим. Но вот сейчас меня как проняло. Сидела на лекциях и калякала. День за днем, уже какую неделю. И красавца-мерзавца Лоурэфэлушку, и напыщенного, как индюк, Гоэрэ, и милейшую кузину-черноглазку. Ну и, конечно же, Его, светлейшего и непогрешимого, во всех возможных видах и образах. Улыбочку помилее, клыки померзительней...

Первой заметила мои художества Марийка. Смотрела-смотрела, потом не выдержала и расхохоталась.

— Слушай, если он это увидит, — она безошибочно ткнула пальцем в нарисованного Анхена, — ты будешь мыть не только больницу, но и весь Светлогорск. Причем возможно — зубной щеткой.

— А ты ему не показывай. А то боюсь, если он это увидит, мытьем не обойдется. А устроит он мне примерно следующее, — я парой штрихов изобразила столб, полуобнаженную деву, прикованную к нему наручниками и, конечно, его — с длиннющим хлыстом в когтистых лапах, глаза вытаращенные, изо рта не только клыки до колен торчат, но и пена капает, на ногах когти аж сапоги прорвали. Ну да, те самые, черные. А ведь как у Лоу на Горе, пришла вдруг мысль. Но додумать я не успела.

— Не, ну это ты переборщила! — хохотала Марийка. — Чтобы наш вежливый, благовоспитанный куратор, да в зверство впал? Из-за каких-то рисунков? Да ни в жизнь не поверю.

— Из-за рисунков не знаю, не пробовала еще, — веселье выходило несколько истеричным и на глубоко не одобренную Великим и Ужасным тему, но остановиться я уже не могла. — А вот если слегка наехать на этого, — я ткнула пальцем в весьма недурно получившегося Гоэрэ с павлиньим хвостом, — мигом озверееет. Субординация.

— Светлейшие девы может и со мной поделятся причиной веселья? — нависший над нами профессор Лимеров явно нуждался хоть в чем-то, что могло бы его развеселить. Потому как был он мрачнее тучи. Причем не только сейчас, а вообще всегда. Сухонький, невысокий, не слишком-то солидного возраста, он, вероятно, чувствовал себя не особо уверенно, и потому крайне болезненно относился к проявлению невнимания к своей персоне.

— Простите, профессор, — мы быстренько опустили глазки долу, я еще и тетрадку с

перепугу захлопнула, вместо того, чтоб просто страницу перевернуть.

— А что это вы тетрадку закрыли, лекция не закончена пока, — тут же прицепился Лимеров. — Вы ее вообще пишете?

— Да, профессор, конечно.

— И я могу взглянуть?

— Простите, но это моя тетрадь, профессор. И то, что вы читаете у нас лекции, не дает вам права обыскивать мои личные вещи, — запомнит, понятно, и на экзамене будет валить, но, как говорил один вампир, были бы знания. А вот если заглянет в тетрадку...

— Да как вы смеее разговаривать со мной в таком тоне! — он аж побелел от негодования. Уважающий себя человек (или вампир, не смогла не расширить свою мысль я) просто выгнал бы после такого взащей. А этот, видно, не достаточно себя уважал. И готов был добиваться этого уважения от других — любой ценой. — Немедленно отдайте мне тетрадь!

Дальше последовала абсолютно безобразная сцена. Я вцепилась в тетрадь, он вырывал, с остервенением выкручивал ее у меня из рук, разгибал пальцы... Вырвал, понятно. Всю измятую, почти изорванную.

— Вы же мне палец сломали! — я очень надеялась, что это не так, но больно было, словно это правда.

— И что же у нас тут такого секретного? — добившийся своего профессор меня не слышал, он развивал успех. — Что, из всей лекции вы услышали только название? Ну похвально, что сумели услышать хоть его.

— А это единственное, что вы внятно нам сообщили! — терять мне уже вообще было нечего. Ладно, третья передача с комиссией, уж там-то он меня завалить не сможет. — А все остальное я в учебнике прочитаю. Там как-то попонятней написано. И окончания слов не проглочены.

Он пошел красными пятнами, но продолжил листать злополучную тетрадку. А я так надеялась, что он взбеленится и швырнет ее мне в лицо.

И долистал. Аж глазам своим сперва не поверил. Перевернул страницу. И еще. Вернулся назад.

— Ну вот вы и попали, — на лице его появилось выражение мрачного торжества, он совершенно успокоился и пошел обратно к своему столу.

— Вы забыли вернуть мне тетрадь.

— Ну что вы, — усмехнулся он, — я не забыл. Я вообще ничего не забываю.

Надо ли говорить, что тетрадь он мне так и не вернул. Даже за обещание пересказать ему все его лекции, от первой до последней. Признание, что я полностью, во всем и повсеместно была глубоко неправой. И готовность возместить ему моральный ущерб любыми материальными ценностями.

А через пару дней меня вызвали на внеочередное заседание Общественного Совета. В общем, я была уже большой девочкой, и понимала, что меня ждет. У меня уже было два замечания в личном деле из-за проявленного неуважения к Великим. Или одно? Интересно, зимой они мне впаяли побег из аудитории во время кураторской речи? Или вмешательство куратора отменило их благие намерения? Даже если так, сейчас припомнят. У них ведь полная тетрадь моих замечательных рисунков. Которые иначе, чем злобными карикатурами, не обозвать даже при очень большом желании. Похоже, сессию мне сдавать уже не придется. Отучилась.

— Что ж, все в сборе, предлагаю внеочередное заседание Общественного Совета Светлогорского государственного университета считать открытым, — объявил незнакомый мне профессор. Странно, у них же Ольховников был председателем. Сменили уже? Или это не председатель сейчас выступает? Вон Ольховников, тихо в уголке сидит, слово брать не рвется. Из знакомых лиц еще заметила Лимерова, явно собирается показания по делу давать. Узнала пару оставшихся для меня безымянными персонажей, яростно ругавших меня в Новый Год. С удивлением увидела светлейшею Еву. Интересно, она тоже член Общественного Совета, или ее как декана позвали, все же на ее факультете безобразие учинилось?

Меж тем главный успел коротко поведать собравшимся мою «биографию». Первый раз попала в поле зрения Совета... второй раз была замечена... и вот теперь вопиющий случай...

Слово предоставили профессору Лимерову, тетрадку пустили по рукам, разумеется, не забывая изображать негодование увиденным.

— Простите, мы не опоздали? — дверь отворяется и появляется... Гоэрэдитэс ир го тэ Дэриус, собственной незабвенной персоной. И даже не один. Вслед за ним в аудиторию вливается светлейший Анхенаридит ир го тэ Ставэ во всем своем вампирском великолепии.

Пока весьма удивленные этим визитом советники уверяют вампиров, что только их и ждали, ну, вернее, если б только предположить могли, что они почтут своим вниманием, то, конечно б, ждали, аж до посинения, а так посмели начать без них, но готовы переначать... в общем, пока все расшаркивались, я пыталась понять, мне-то что ждать от этого визита. Генеральный меня ненавидит. Анхен... с ним я тоже умудрилась расстаться весьма и весьма некрасиво. Вдвоем-то они зачем пришли? Для любого варианта действий достаточно одного. Любого.

— Ну что вы, мы ни в коей мере не хотели бы мешать, или как-то прерывать ваше заседание, — светлейший Гоэрэдитэс улыбнулся уголками губ, — и уж тем более влиять на решение Совета. Но, как мы слышали, вопрос касается вампиров. И потому, нам с коллегой было бы крайне интересно присутствовать на данном заседании. Разумеется, если никто не возражает.

Ну вот кто бы им возразил? Они уселись где-то в дальнем ряду, дали отмашку, дескать, продолжайте-продолжайте, нас тут и нет совсем. И понеслось. Лимеров самыми черными красками расписал мое неподобающее поведение на лекции и мои непотребные художества. Затем было предложено высказываться. В присутствии Великих высказаться хотели все. Где-то после второй обличительной речи светлейший Гоэрэдитэс поднял руку.

— Да, светлейший куратор, — с готовностью откликнулся председатель. Я сжалась, ожидая приговора.

— А можно нам тоже взглянуть на рисунки? — невозмутимо поинтересовался генеральный.

Злополучная тетрадка мгновенно перекочевала в вампирские лапки. Все замерли, ожидая реакции.

— Да вы продолжайте, продолжайте, — милостиво разрешил Гоэрэ.

Они продолжили. Понятно, о недопустимости, о высоком звании студента, то есть существа мыслящего, способного достигать вершин знания, фактически венца творения, а я позорю, порчу, пятно на чести, самым своим существованием в этих стенах оскорбляю Великих...

Я глянула на Великих. Они ржали. Не над речами, они их, казалось, и вовсе не слушали.

Они рассматривали мои рисунки и ржали, разве что пальцами не тыкали. Анхен что-то тихо сказал. Гоэрэ поднял брови. Анхен опустил глаза, подтверждая. Или настаивая. Затем достал из кармана ручку, перевернул несколько листов в тетрадке и что-то там застрочил. Гоэрэ поглядывал на его деяния и посмеивался. Потом они опять ржали. Вдвоем.

Непонимающе взглянула на декана. Может, хоть она понимает, что происходит? Заметив мой взгляд она чуть улыбнулась и опустила глаза, совсем как Анхен минуту назад. Хотя видеть его не могла, он сидел у нее за спиной. Ее жест очень хотелось прочесть, как «все хорошо», но что ж хорошего: все выступающие ратуют за мое исключение, вампиры ржут, как лошади...

Длилось это долго. Подозреваю, если бы кто-то не приперся поразвлечься, все кончилось бы гораздо быстрее. Но в присутствии Великих высказаться хотелось всем. Такой шанс продемонстрировать любовь и преданность упускать было бы глупо. Хотя нет, светлейшая Ева молчала. Просто сидела и спокойно ждала, когда все это закончится. Ей предложили высказать свое мнение, она невозмутимо ответила, что не хочет быть пристрастной, дело касается чести ее факультета, и потому согласится с любым решением Совета. Хотя чего уж лукавила, понятно же, что решит этот замечательный Совет.

Наконец слово снова взял председатель:

— Что ж, подведем итоги. Полагаю, двух мнений тут быть не может. И все же, как того требуют наши освященные веками традиции, ставлю вопрос на голосование...

— Одну минуту, пожалуйста, — Генеральный куратор встал и неторопливо двинулся к председательскому месту. — К сожалению, мое время немного ограничено, да и результаты голосования мне ни коем образом не интересны. Но мне хотелось бы сказать два слова перед уходом, если вы не возражаете. Спасибо, — Гоэрэ встал за креслом председателя и внимательно оглядел собравшихся. — Мне очень понравились рисунки этой студентки. Они остроумны, талантливы, а главное, предлагают свежий взгляд на проблему взаимоотношений людей и вампиров.

Гробовая тишина и ошарашенные взгляды. И я из общей картины не выбиваюсь. Что за бред? Да в жизни не поверю, что ему понравилось. И какой-то такой свежий взгляд? С такими зубками взаимоотношения напрашиваются только одни. Те, о которых они предпочитают умалчивать.

— Ваше человеческое уважение к нам, вашим старшим братьям, всегда было высоко. И это оправданно. Невозможно отрицать значения народа вампиров в деле создания образованного и просвещенного человеческого общества. Но невозможно и не заметить, что с течением лет это уважение все больше превращается в обожествление. Но мы не хотим быть богами, мы хотим остаться вашими старшими братьями, вашими учителями. Хотим быть для вас живыми, а не застывшими в вечности идолами. И что может больше соответствовать этой задаче, как не те дружеские шаржи на народ вампиров, которые так талантливо и с такой любовью создала эта студентка.

Чувствую, что подступает истерика. Еще немного, и я начну хохотать, размазывая по щекам слезы, и даже врожденный талант вампиров переворачивать все с ног на голову, меня не спасет.

— Впрочем, талантливые и остроумные художники встречаются не только среди людей. Мой коллега сделал в ходе этого заседания несколько набросков присутствующих здесь профессоров. Вы ведь позволите нам всем взглянуть, Анхенаридит? Полагаю это неплохая основа для небольшой брошюры, которую университет выпустит... ну, скажем, к сентябрю.

Вампиры глазами людей и люди глазами вампиров. Немного юмора, как мне кажется, пойдет только на пользу великой дружбе между нашими народами. Собственно, на этом у меня все, не хочу более мешать вашему заседанию. Коллега, вы хотели бы что-то добавить?

— Да нет, я полностью с вами согласен, — светлейший Анхенаридит тоже поднимается и направляется к выходу. — Вот только один вопрос. Частный. Со следующего учебного года мне понадобится новая секретарша. Хочу взять себе эту студентку. Ева, вы не подскажете, по современным правилам, она может просто перевестись с дневного на вечерний? Или ее проще исключить, а потом принять сразу на второй курс вечернего, как и положено секретаршу куратора, без экзаменов?

— Согласно действующим на настоящий момент положениям, равно возможны оба варианта, — невозмутимо отозвалась декан. — Но первый вариант избавил бы нас от лишней бумажной волокиты.

— Это все, что я хотел узнать, — кивнул Великий. — Ах, да, рисунки, — и он положил на длинный общий стол заседающих мою тетрадь. На открытом развороте радовали глаз изображения всех выступавших на этом долгом мероприятии. Нарисовано было мастерски. Вот только дружеским шаржем это можно было назвать еще с большей натяжкой, чем мои художества.

Я все-таки рыдаю. Или хохочу. Едва дождавшись, когда вампиры невозмутимо выплывут из аудитории, я складываюсь пополам, закрыв лицо ладонями и тону в безудержном смехе. Или плаче. Он все-таки меня спас. Я не знаю, зачем, я не знаю, чего мне будет это стоить, но из универа меня теперь точно никто не прогонит.

Меня отпускают минут через пять. Может, даже раньше. Что-то говорят, пытаюсь сохранить лицо. Я плохо слышу, я все никак не могу успокоиться. Оказывается, я в самом деле уже со всем попрощалась. Со своим будущим, со своей мечтой, со своей судьбой. Я в самом деле верила, что это конец.

Анхен ждет неподалеку от двери. Один. Генеральный уже ушел. Подхожу, чувствуя себя нашкодившей собачонкой. Меня все еще трясет, и нет сил смотреть ему в глаза. А он молча обнимает и прижимает к себе, и я утыкаюсь носом в его плечо и закрываю глаза. И позволяю себе не быть. Стать невесомой пылинкой в волнах его ауры, молекулой воздуха, тенью вздоха. Он слегка поглаживает меня по голове и просто ждет, когда мои плечи перестанут вздрагивать.

— Пойдем, горе ты мое, — со вздохом мученика он отстраняет меня от себя и, чуть приобняв, подталкивает в сторону ближайшей лестницы. — Разговор будет серьезным. Это фарс закончился, а беседа еще не начиналась.

Глава 12

Инга

Всю дорогу до медицинского факультета он молчит. Просто идет впереди меня, не оглядываясь и даже не сомневаясь, что я следую за ним. Он прав, куда ж я теперь денусь. В университете меня отныне будут терпеть ровно столько, сколько согласен будет терпеть дорогой куратор. А вытерпит ли он меня еще пять лет? И что за бред по поводу секретарши? А Инга его ненаглядная куда денется?

Но он молчит и не оборачивается. И я молчу, волочась за ним, что собачка на веревочке. До факультета. До этажа. До кабинета. До стула возле его стола, куда мне молча указали сесть.

— Ну? — холодно интересуется наконец, усевшись в свое начальственное кресло и складывая руки на столешнице, — и что мы будем с тобой делать?

— Не знаю, — не поднимая на него глаз, отвечаю я. Откуда ж мне знать, что вы собираетесь со мной делать? Вот только чует сердце, не брошюру совместно издавать.

— Вот и я не знаю, — огорошивает он меня признанием. — Что это за безумие с рисунками?

— Вашими? — язык мой — враг мой. Был, есть и будет.

— Вашими, — никаких эмоций. — Что за неумная жажда творчества?

— Простите. Это было глупо.

— Я в курсе, что глупо. И что «простите»... Кто ж тебя простит-то, если не я? Я ж говорил тебе, предупреждал: люди никогда не прощают тех, кто идет против толпы, кто оскорбляет их кумиров. Помнишь, я рассказывал, был некогда человек, который, как и ты, не поддавался ментальному воздействию? И вампиры ему, как и тебе, совсем-совсем не нравились.

Я кивнула. Да, что-то такое он мне говорил. Мол, единственный случай.

— Рассказать, что с ним стало? Вампиры его не тронули. Нет, общались, понятно, проверяли реакции, возможности воздействия. Но кровь не пили, не убивали, за Бездну не увозили. Оставили в естественной среде. Тоже, во многом, эксперимента ради: посмотреть, на что способен подобный индивид. Оказалось — ни на что. Только вызвать раздражение и гнев. Его растерзали. Огромной толпой, среди площади, под одобрительные крики тех, кто уже не имел возможности к нему протолкнуться и лично поучаствовать. Знаешь, что значит растерзали? Размозжили голову, переломали все кости, оторвали руки, ноги. И преподнесли все это нам. В подарок. Ожидая похвалы.

Я молчала. Мне очень бы хотелось сказать, что это неправда, что люди на такое не способны, что их наверняка вампиры заставили. Но не могла. После сегодняшнего Совета — не могла. После того, как мою голову несколько часов торжественно преподносили в подарок вампирам...

— Вы ради этого и сидели там так долго? — имея в виду сегодняшний Совет, а не стародавнюю историю, спросила я. Но он меня понял.

— То есть что-то все же начинает доходить? — усмехнулся он. — Значит, не зря сидели. Люди по природе своей шакалы, Лариса. Способные разве что раболепно стелиться под тех, кто сильнее. И в этом раболепии доходящие до абсурда. До затаптывания своего в угоду чужим.

— Не все.

— Нет? Приведи пример.

— Ева. Декан.

— Не смейся. Она просто лучше знает, откуда дует ветер. Я знаком с Евой сорок с лишним лет. И я за многое ее люблю и уважаю. Но она всегда была прагматична до мозга костей. В любой ситуации умела подстроиться и обернуть все к собственной выгоде. Заметь, она не сказала ни слова. Хотя знала, зачем я пришел и, смею тебя заверить, догадалась, чем кончится мероприятие. Могла бы вступить за тебя, оказалась бы глубоко права. Только тогда бы она противопоставила себя коллективу, и на нее стали бы смотреть косо, а ей это зачем? Могла бы согласиться с коллективом, но тогда она противопоставила бы себя мне...

— Ты хочешь сказать, своего мнения у нее нет?

— Есть. Она считает, что ты ведешь себя глупо, но понимает, что в личные конфликты между вампиром и человеком вступать не надо. Она не раболепствует, она живет в тех обстоятельствах, какие ей предлагает жизнь. Отталкиваясь от них, а не пытаюсь их поломать. Вот поэтому она декан, а тебя исключают из университета.

— Так меня же, вроде, не исключают.

— Нет. Потому что в ближайшие несколько лет у меня будет самая отвратительная секретарша, которую только можно себе представить.

— Почему это?..

— По кочану это. Сейчас, кстати, Гоэрэ за «спасибо» придет. Чем расплачиваться будешь?

— Что? В каком смысле?

— Он натурой берет.

— Анхен!!!

— Что? Когда к начальнику приходит посетитель, он зовет секретаршу, чтобы она угостила их чаем, верно?

Я киваю.

— Так вот вампиры чай не пьют. А угощать надо.

— Нет! — я невольно обхватываю себя руками за плечи. — Это неправда, ты специально меня пугаешь!.. Я не соглашусь, ты знаешь, я никогда на такое не соглашусь! Я лучше уйду из университета и всю жизнь буду двор мести, только не так!

— Вот поэтому я и говорю: у меня будет самая паршивая секретарша за все время моей работы среди людей.

— Нет, стой, погоди. Ты что, действительно собираешься взять меня к себе секретаршей?

— Считай, уже взял. От меня пойдешь сразу к своей любимой Еве, писать заявления о переводе тебя на вечерний и о приеме на работу. Она знает, подскажет, что да как.

— А как же Инга?

— А что Инга? Она в любом случае дорабатывает у меня до конца года и уходит. На шестом курсе уже надо работать по специальности. Вопрос о ее трудоустройстве в городскую больницу уже решен.

— То есть, теперь она будет помогать тебе в больнице?

— Она педиатр, Ларис. И будет работать в детской больнице. Инга уходит навсегда, — он встал и отошел к окну. И продолжил, любясь пейзажем. — Не просто с этого места. Из моей жизни, Ларис, совсем. Я же говорил тебе: людям нельзя слишком долго быть рядом с

вампирами. Пять лет — это очень долго. Честнее было бы отпустить ее еще год назад. Но надеюсь, еще и сейчас не слишком поздно. Она справится. Она обещала.

Я могла видеть только его спину. Он молчал и не спешил оборачиваться. А ведь он любил ее, подумалось мне, действительно любил.

— Ингу ты, небось, не заставлял подписывать никаких контрактов, — вырвалось у меня.

— Не заставлял. Просто подsunул вместе с другими бумажками, когда на работу принимал, и она подписала, не глядя.

— Что?

— А ты думала? — он отвернулся, наконец, от окна и взглянул на меня. — Любая секретарша, вернее, любой человек, работающий лично на вампира, подписывает кабальный контракт. Это придумано не мной, это придумано давно, и поверь, для этого есть причины.

— Но... ты же сказал, ты ее отпускаешь. Совсем. То есть, контракт разрывается?

— Нет, он пожизненный.

— Но как же тогда?

— Имею право распоряжаться своей собственностью по своему усмотрению. Даже так. Если возникнут проблемы, требующие моего вмешательства — буду решать. До тех пор она вольна жить так, как ей заблагорассудится. Я тебе миллион раз все это объяснял. Что тебе, примеров из жизни не хватало, чтоб меня услышать? Хорошо, давай еще пример приведу: любезная тебе Ева.

— А она здесь причем?

— А она тоже была когда-то моей секретаршей. И, соответственно, подписывала кабальный контракт. Потом ушла работать в больницу. Лет через двадцать вернулась в университет читать лекции. К тому времени никто уж и не помнил, что она когда-то работала на меня. Затем стала зав. кафедрой, а потом и деканом. Нет, я ей не помогал. Ей это просто не требовалось. У нее для подобной карьеры и способности были, и личные качества соответственные. Она счастлива в браке, у нее двое детей, трое внуков. Неплохо для безвольной рабыни, ты не находишь? А для мертвой рабыни так и еще лучше.

— Я все равно не подпишу! И поить твоих гостей кровью я тоже не стану!

— Разберемся. Теперь то, что касается непосредственно работы, — он вновь вернулся за стол и продолжил, властно глядя мне в глаза, абсолютно безапелляционным тоном. — Я готов не давить на тебя с контрактом. Я готов прослыть самым невежливым вампиром по эту сторону Бездны, потому как не предложить гостю крови своей секретарши — это проявить верх неуважения. Но я требую, чтобы работа выполнялась идеально. Беспрекословно. Неукоснительно. Ты забываешь свои хамские замашки, тренируешь перед зеркалом любезную улыбку, и бываешь неизменно вежлива со всеми, что у меня в приемной, что в любом другом уголке университета. За несоблюдение моих распоряжений буду бить. Ты меня знаешь. Буду, — мрачно пообещал он, не отрывая от меня глаз. Причин не поверить у меня не было.

— Но Анхен, я же не умею, я не знаю ничего, — испуганно пискнула я.

— Вот поэтому ты идешь и записываешься на курсы секретарей-референтов. Адрес я тебе дам. И с июня приступаешь к занятиям. Кстати, чем быстрее и аккуратнее ты научишься печатать на машинке, тем больше времени у тебя будет оставаться на учебу. А чему не научат на курсах — научу я. Я не требую того, что человек не может или не умеет. Я требую только беспрекословного повиновения и четкости исполнения того, что я поручаю.

— Но в июне у меня экзамены.

— Экзамены у тебя с утра. А занятия там по вечерам. А готовиться к экзаменам надо было в течение семестра, как тебе, вероятно, рассказывали все до единого профессора. И это не мои проблемы, если ты их не слушала.

— Я слушала. И вообще, у меня нет проблем с учебой. И если мне объяснят, что надо делать, я способна работать и четко, и ответственно, меня не надо запугивать.

— У тебя с поведением проблемы есть. И лучше ты у меня сразу будешь запуганная до заикания, чем мне и вправду придется брать в руки ремень.

— Так может, ты просто не будешь брать меня секретаршей, если я несу тебе одни проблемы, и ты заранее считаешь меня полностью никчемной?

— Нет, дорогая моя, самостоятельно ты уже пожила, хватит. При отличной учебе умудриться меньше, чем за год, вылететь из университета — это надо особый талант иметь. Отныне будешь сидеть вот здесь, у меня под носом, и я буду контролировать каждый твой шаг. И каждый вдох и выдох. Потому как у меня уже даже фантазии не хватает, что еще ты выкинешь! Худ-дожница. Не справишься с работой секретарши — отволоку к себе домой, посажу на цепь. Еще вопросы есть?

— Нет... Анхен, я извиниться хотела. Ну, за то, что я наговорила тебе тогда, у тебя дома. Я...

— С перепугу или из благодарности? — насмешливо перебил меня вампир.

— Что?

— Извиняться передо мной вздумала. Раньше за тобой такого не водилось.

Ответить я не успела. Открылась дверь, и вошел Гоэрэ. Кажется, я побледнела, потому как генеральный удовлетворенно усмехнулся.

— Я смотрю, воспитательный процесс в разгаре, — лениво заметил он, присаживаясь на край переговорника. Здорово. Анхен слева, этот справа, до двери по любому не добежать. Одна надежда, что пошутил мой любимый куратор, позабавился.

— Да нет, мы уже закончили, — невозмутимо отзывается Анхенаридит. — Лариса, выйди, подожди в приемной.

Я поспешно вскакиваю, но не успеваю сделать и шага, как Гоэрэдитэс хватается меня за плечи и разворачивает к Анхену лицом, — не так быстро. По-моему, за девушкой должок.

— Не за ней, — все так же спокойно отвечает мой будущий работодатель, — за мной.

— Так отдай, — генеральный неторопливо проводит ногтем по моему горлу, от уха к ключице и обратно.

— Смеешься? Я и сам ее еще не пробовал, — Анхен по-прежнему сидит в своем кресле, спокойный, как удав. А мне хочется выть от ужаса и отвращения. Как вещь. Они обсуждают меня, как бутылку сливовицы.

— Ну так давай уже попробуем. Сколько можно тянуть?

— Попробую я ее сам, когда у меня будет для этого настроение. Отпусти ее. Давай не будем создавать мне старых проблем с новой секретаршей. Она мне живая интересней.

— Ты слишком к ним привязываешься, это не идет тебе на пользу.

— А ты сбегай, сообщи об этом, — Анхен вдруг резко подается вперед, опираясь широко расставленными руками о столешницу и упираясь взглядом в Гоэрэ. Но голос не повышает, наоборот, говорит еще тише, — для моей пользы.

Гоэрэ вздрагивает, руки у него опускаются:

— Ты не можешь меня в этом обвинять!

— Могу я многое, — голос Анхена по-прежнему тих, а улыбка нехорошая, змеиная. —

Но такой старый и мудрый вампир, как ты, не станет ссориться со мной по столь ничтожному поводу, верно? Лариса, выйди и попроси Ингу к нам заглянуть. Или ее кровь тебе уже не сладка? — вновь оборачивается он к генеральному.

Я вылетаю за дверь, не дожидаясь окончания беседы. Сидящая за своей конторкой Инга поднимает на меня спокойный ясный взгляд.

— Они просили тебя зайти.

Инга молча встает и заходит в кабинет, не забывая плотно прикрыть за собой дверь. Я обессиленно сажусь в ближайшее кресло. Это не может быть правдой. Только не это. Не так. Светоч, мне каждый раз кажется, что я знаю о них уже все плохое, что только можно. И каждый раз я ошибаюсь.

За дверью тихо. В какой-то момент мне слышится болезненный женский вскрик, но, может быть, показалось. Инга выходит минут через десять, может, пятнадцать. С тем же спокойным, непроницаемым лицом, с каким и входила.

— Вампиры пьют кровь, а девочки чай, — дружелюбно произносит она в ответ на мой слишком пристальный взгляд. — Ты выпьешь со мной чаю, Лариса?

Отказаться было бы невежливо. Я смотрела, как она ставит на плитку чайник, такая спокойная, светлая. Интересуется, что я предпочту: конфеты или печенье. Ставит чашки на маленький столик. И все пыталась понять — было там что-то в кабинете, или не было? А если было, то как же она вот так — спокойно, светло, без эмоций? Чаем меня угощает.

Инга чуть наклонилась, наливая мне чай, и волосы скользнули с ее плеча, открывая шею.

Был там укус. Два укуса.

— Тебя это пугает? — спокойно спросила она, заметив мой взгляд.

— Да, — сглотнула я. И, не выдержав, уточнила: — Они же берут... не только кровь?

— Только кровь они не берут никогда, — спокойно подтвердила Инга. — Как и одну только плоть. Не верь тому, кто скажет обратное. Для них это физиологически невозможно. Теряют контроль, не могут сдерживаться. Вампиров надо принимать такими, какие они есть, это главное, чему научила меня эта работа.

— Но как ты можешь так спокойно... принимать их? Это же... отвратительно!

— Да, с человеческой моралью не совпадает, — Инга чуть пожала плечами и улыбнулась. — Но им на двоих две тысячи лет, их уже не переделать. Надо просто любить.

— Что?

— Просто любить кого-то больше, чем саму себя, — очень серьезно сказала мне Инга, глядя на меня своими ясными серыми глазами, — больше всех норм и запретов, и всего, чему учили тебя в детстве. И тогда ты все сможешь. И сделаешь так, как надо любимому. И это будет для тебя столь же просто и легко, как и для него. И с ним тебе всегда будет просто и легко.

— Но это... это не правильно! Раствориться в другом и потерять саму себя? Я так не хочу! — возмутилась я. — Я тоже личность! Я человек, и у меня свои представления о нормах и морали! У меня свои желания, в конце концов! И я хочу, чтоб и со мной тоже считались!

— Тогда он тебя сломает, — пожала плечами Инга. — Ты человек, да. Но он вампир. И он не станет считаться. Не умеет считаться, — поправила она. — Он может быть благодарным. И он всегда будет очень щедр в своей благодарности. Но считаться с мнением, которое не совпадает с его, он физически не способен. Просто нет в мозгу такой извилины.

И ты ее там не прочертишь.

— Зачем ты говоришь мне все это?

— Затем, что я ухожу. А ты остаешься. И он уже решил, в каком качестве. Не хочу, чтоб ты повторяла мои ошибки. Возможно, если б мне когда-то сказали то, что я говорю тебе, мне было бы легче. Хотя — не знаю, сумела бы я услышать. Я была так наивна тогда. И так влюблена. Я бы не поверила, что белое может быть черным. Тебе проще, ты знаешь, что оно черное.

— Не уверена, что от этого мне проще.

Я пила чай, заедала печеньем, и не чувствовала вкуса. Я смотрела на Ингу, такую спокойную и улыбочивую, и вспоминала, как позавидовала ей в Майский День. Как захотела стать ей, заменить ее. Похоже, случилось самое ужасное, что только могло случиться: мое желание исполнилось.

Вот только я оказалась к этому чудовищно не готова...

* * *

Дома названивал телефон. Трубку брать не хотелось. И так понятно: это мама. Или папа. Скрыть тот факт, что меня вызывают на Совет, я не смогла. Да и как тут скроешь. Сказать, что я проходила все дни до Совета в депрессии, это все равно, что смолчать. Меня просто выворачивало в ожидании неминуемого. Родители поддерживали, как могли, но и сами, понятно, переживали. И от переживаний наговорили мне немало весьма нелестного. И даже правы были, кто ж спорит. Да вот только правота мне их была в тот момент...

И теперь кому-то из них так не терпелось узнать новости. Ну вот выгнали меня. Или пожалели. Что изменится? Почему я должна сообщать об этом прямо сейчас? Они за меня переживают! Здорово! Я польщена! Супер! Но когда мне и самой так плохо, почему я должна немедленно кого-то информировать, утешать... ой, нет, блин, радовать! Если это мамочка (а это ведь она), то радовать и выслушивать восторженные рассуждения на тему «как мне (и ей) повезло!»

Какое-то время смотрела на трезвонящий телефон, потом наклонилась, и выдернула провод из розетки. Я вас вечером всех пораую, ладно?

Улеглась в кровать, накрылась с головой одеялом. Я так устала за этот безумный день, что ноги не держали. Но и сон ведь не шел. Все лежала в душной темноте, и картины произошедшего крутились перед глазами. Он взял меня себе. Все-таки взял. Нет, я не подписывала его дурацкий контракт, но я написала заявление о приеме на работу. И теперь я (сбылась мечта идиотки) — его девочка. И что теперь? Меня бросят на стол и... Мне ж не вырваться. Не сбежать, не закричать. И в суд на него не подать, хоть с контрактом, хоть без. Бросить универ? Сбежать, уехать? Ну, не будет у меня высшего образования, так что? Что, те, кто без высшего образования, хуже живут? Счастья в жизни не видят? Ну и что, что все знакомые, родители, родственники институты заканчивали. Найдутся другие знакомые, не хуже.

Вот только... Я вытянула из волос его дурацкую заколку. Так ведь и ношу. Вот и сегодня надела. Ни на что не надеюсь, как талисман, на удачу. Ну а что? Я ж хотела, чтоб из универа не выгнали. Не выгнали. Стиснула в руках холодный цилиндр, со вздохом прижала к груди. Холодный. Красивый. И блестят золотистыми лучиками замысловатые узоры. А черная нить

все тянется, тянется...

Ведь он мог бы меня уговорить. Найти правильные слова, кучу правильных слов и жестов, и я отдала бы. И кровь, и плоть. Так, как он целовал, никто и никогда меня не целовал и не поцелует. Так, как я в его руках горела, мне, я уверена, ни в чьих уже не гореть. Он мог бы не убивать при мне, не... питаться, не рассказывать всякие гадости. Мог бы просто поведать мне о своей безумной любви и неутолимой страсти. Я б поверила. Не с первого раза, так с пятого. Не устояла бы. Отдалась. А он... словно нарочно! Только я с одним хоть как-то сумею смириться, так он все дальше, дальше...

Специально ведь Гоэрэ позвал, чтоб оказаться ему должным. И Ингу они при мне — специально, я уверена. Чтоб знала, чего ждать. Готовилась. А я вот теперь лежу, и не могу избавиться от навязчивых мыслей. Вот зовут меня в кабинет. Я вхожу и... что? Как? Молча на стол опрокидывают? Или на колени ставят? Или... всевозможные варианты, один отвратительней другого, все крутятся перед глазами, и никак от них не избавиться. А они как, если вдвоем? По очереди? Или сразу? А если сразу двое, то это как? И ведь не отбиться, вон Гоэрэ сегодня за плечи держал — шелохнуться невозможно. Если бы Анхен... Но Анхен же меня ему не отдал. И даже вроде как обещал, что со мной этого делать не будут. Сказал, что готов прослыть самым невежливым вампиром. Сказал, что просто хочет дать мне возможность закончить универ. И вообще, если бы он хотел взять меня силой — давно бы уже взял, что б ему помешало? Для этого меня не надо делать секретаршей. Так может, действительно, он меня просто защитить хочет? Приглядеть, чтоб не обижали? Может, он меня и в самом деле все еще из той Бездны спасает? Ну, где ему пророчество померещилось. Кто его знает, с его богами и героями. И знакомыми в должности жрицы.

Что мне делать? Поверить и остаться? Это проще. Для этого вообще делать ничего не надо. Просто плыть.

Меня разбудили к ужину. Да, действительно, не ворвались с криком прямо из прихожей: «ну как ты?!!» Дали выспаться. Даже Варька, придя из своей секции, сидела где-то как мышка и меня не тревожила. Может, гулять ходила. Она, вроде, друзьями во дворе уже обзавелась.

Ну а за ужином, понятно, надо было отвечать.

— Тебя выгнали? — очень тихо спрашивает мама, и по голосу понятно, что она уже смирилась с неизбежным.

— Нет, — хочу ее порадовать, но добавить в голос радости не могу. — Перевели на вечернее.

— Но... Но это же здорово! Лариса, чего ж ты такая мрачная? Я ж думала, уже все... — мама заметно повеселела, и начала бодро обдумывать открывшиеся перспективы. — Да улыбнись, что ты? Ну подумай, дневное. И на вечернем люди учатся! Зато ты сможешь работать, с деньгами нам поможешь, сколько ж можно тебя содержать. Надо только подумать, куда тебя пристроить. Сереж, как думаешь, у кого лучше спросить по поводу...

— Меня уже пристроили, — прервала я ее творческий поиск. — Сегодня написала заявление. Первого сентября в девять ноль-ноль обязана быть.

— Где ты обязана быть? — неодобрительно посмотрела на меня мама. — Куда тебя там пристроили?

— Се... — смотрю на Варьку и исправляюсь, — лаборанткой на кафедру.

— Лаборанткой? Лариса, да ты в своем уме? И сколько ты будешь получать в качестве лаборантки?

— Не знаю, — вот уж действительно. О деньгах речь не шла. Речь шла о том, что у меня есть все шансы регулярно получать ремнем по попе. И зубами в вену. И еще кое-чем кое-куда. Нет, он же обещал. Мучительно пытаюсь отогнать от себя навязчивые мысли. Видимо краснею, потому как мама принимает мою мимику за роспись в собственной глупости и некомпетентности.

— Ну вот сама же видишь! Как вообще ты можешь принимать такие решения не посоветовавшись с нами? Не подумав?

Мысленно представляю, как чинно говорю куратору: «спасибо, я подумаю». И слышу в ответ очень популярное объяснение того, когда именно мне следовало думать.

— Ты не поняла, мама, — надо, видимо, уже заканчивать этот балаган и объяснять. Как ни противно. — Я не принимала решения. Его приняли за меня, на Совете. И звучит оно так: я учусь в университете ровно до тех пор, пока работаю на этой работе. В тот день, когда я увольняюсь (или меня увольняют) — я вылетаю.

— Что? Лариса, ты прости, но это бред. Это незаконно, они не имеют права заставлять тебя работать где бы то ни было!

— Нет. Они и не заставляют. Они меня выгнали. У меня три дисциплинарных нарушения, вполне законно. Но если я занимаю эту должность, то они обязаны принять меня обратно. Без экзаменов. И учить. Так что у меня действительно нет выбора.

— Что-то я никогда не слышала, чтоб лаборантку принимали в университет без экзаменов. Скорее наоборот, на эту должность всегда шли те, кто вступительные экзамены завалил, — не унималась мама.

Я не выдержала.

— Папа, да объясни ж ты ей уже!

Отец, как у него это водится, весь ужин молчал и не вмешивался. Но я не сомневалась, что он знает, кого берут в университет без экзаменов. Чей выбор настолько непогрешим, что и тестировать-то избранных недостойно.

— Это он за тебя вступился, верно? — тихо спросил меня папа. Я кивнула с глубоким вздохом. — И что он хочет взамен?

— Я не знаю. Я не знаю, папа. Я так боюсь, — уткнувшись ему в грудь, я, наконец, расплакалась.

— Что «объясни»? — недоумевает мама. — Сережа, что происходит?

— Потом, Лида. Давай все потом.

Дни шли, а мне по-прежнему было тревожно. Иногда я ему верила, ну, в смысле, верила, что все будет хорошо. Ну и — разве ж мне всегда не хотелось видеть его чаще? Теперь буду видеть каждый день. И не надо гадать, когда она, следующая встреча, состоится ли вообще, или он давно забыл о моем существовании. А иногда я вспоминала парковый пруд в Майский День, Новый Год в больнице, отцовский ремень в его руке и Ингу с двумя укусами на шее. И понимала, что не стоило мне соглашаться на его щедрое предложение. Ой, не стоило. Но куратора я больше не встречала, и так и металась — от страха к надежде.

Однокурсники, меж тем, прознали о моей... стремительной карьере. Меня поздравляли, мне завидовали. Со мной хотели дружить. Я вмиг стала такая популярная-популярная. Аж противно. В прошлую сессию мне забыли сообщить об изменении времени зачета. А вот так. Новость пустили по цепочке, а мне не нашлось желающих позвонить. Пришлось потом индивидуально сдавать. Зато теперь не было отбою от желающих занять мне очередь в столовке, сообщить последние новости и пригласить совместно пойти... ну хоть куда-

нибудь. А уж дать мне переписать лекцию какую пропущенную... да я могла конкурс устраивать: у кого самый читаемый почерк, у того и возьму.

Порой это злило, порой это нравилось, порой это было удобно, но от терзаний и страхов меня не избавляло. И уже в июне, сдав пару экзаменов (ах, нет, автоматом мне не поставили, спрашивали, и еще как спрашивали. Ну, хоть не обидно, не зря учила), я все же не выдержала и пошла к нему. Ну пусть он мне скажет. Ну хоть что-нибудь пусть мне скажет. Ответит пусть по-человечески... по-вампирски пусть ответит...

— А его нет, — сообщила мне Инга, поднимая голову от какой-то книжки. — Он вообще летом в Светлогорске редко бывает, разве что серьезное случится. А так он в отпуске до сентября. Где-то за Бездной.

— Неплохой у куратора отпуск. А ты?

— Я? Да тоже в отпуске — в учебном. Он, знаешь ли, всем работающим на время экзаменов положен. Просто мне здесь к экзаменам удобней готовиться. Привычней. Да ты заходи. Будешь чаю?

— Ну... если я тебя не отвлекаю. Тебе ж, наверно, не слишком-то приятно со мной общаться.

— Почему? — в серых глазах удивление, похоже — искреннее.

— Мне казалось, ты его любишь. Вернее, ты сама об этом говорила. А я теперь занимаю твое место.

— То есть, ревновать, что ль, должна? Ну прости, разучилась как-то. Поживешь лет пять с вампиром, так и ты разучишься. Это — не про них. Не для них. Там вообще — другие немножко принципы.

— Это как?

— Так налить чаю-то?

— Налей, — не стоять же, в самом деле, у нее над душой. А если Инга не против пообщаться, так кто мне и ответит, если не она.

Я уселась в мягкое кресло, а Инга поставила на плитку чайник. Стала сервировать для нас столик, а я смотрела на ее действия с несколько новым интересом: насчет крови — дело темное, а вот чай посетителям подавать точно придется.

— А ничего серьезнее в этом кабинете не водится, — прокомментировала Инга, выставляя на стол вазочки с конфетами и печеньем. — Знаешь, нелепо так: чайник есть, а я даже бутерброды сюда принести не могу. Запах! Анхен абсолютно не выносит запах человеческой еды. Хуже, чем на запах еды он реагирует только на запах алкоголя. Приходится ходить в столовую.

— Что, и за алкоголем тоже?

— Об алкоголе вообще забудь, — отмахнулась Инга. — Сейчас, вспомню, как это дословно, — она назидательно подняла вверх палец, — «Алкоголь можно употреблять только в пятницу вечером, и то, если тебе прямым текстом сказали, что ни в субботу, ни в воскресенье ты не понадобишься». Вампиры чувствуют его след в твоей крови. Даже через пару дней, даже на расстоянии.

Ну, хоть не сопьюсь. А то чувствую, что потянет с таким начальником. Водку я, конечно, пить не могу, но вот сидр... или те дивные слабенькие коктейльчики, что мы пили с Петькой на турбазе... Эх, Петька, Петька. Он не сможет стать для меня возлюбленным. Но вот как друга мне его не хватало. В детстве было проще...

— А что с субботой и воскресеньем? За сверхурочные-то хоть платят?

— Нет. Тебе просто платят. За все. Знаешь, как он объяснял? Секретарша куратора не может брать в долг или жить от зарплаты до зарплаты. Это тень на лицо куратора. Она должна давать в долг и забывая спросить об отдаче. И не в чем себе не отказывать. Так что деньги у тебя будут, за это даже не переживай.

— Да у меня больше мама переживает. Говорит: как ты могла, да не посоветовавшись, да на такую низкооплачиваемую должность...

— Ты ей не сказала, что ли?

— Сначала нет. Настроение было жуткое. Не хотелось ее восторгов.

— Знаешь, а я ведь тоже своим не сказала. До сих пор.

— Но ты-то почему?

— Ну, как бы это объяснить? Я ведь родом из очень маленького городка. Отсюда, из Светлогорска, его и городом-то смешно называть. Но официально — он город. Сосновая Гать. Едва ли ты слышала. И вампиры там — это даже не сказка, это что-то вообще запредельное. Ну, как инопланетяне или реликтовые динозавры. И тут я заявляю: а я у одного такого работаю! Да я ж сразу сама попаду в раздел реликтовых. И схлопочу памятник при жизни. Ну, из серии «наш знаменитый земляк». И все каникулы буду стоять на табуреточке и рассказывать о том, «какой он, настоящий вампир». А все, что я могла бы сказать об Анхене, это либо очень личное, либо не для людей, либо ложь. Вот и молчу, а они за меня просто радуются. За меня, а не за свою знаменитую землячку.

Какое-то время мы молчали. Пили чай. Я ее понимала. Или личное, или не для людей, или ложь. Точнее не скажешь. Ради этого они придумали контракт? При тесном общении правда вылезает. И человек должен знать, что он во власти. В полной власти. И молчать. И работать.

— Тебе когда-нибудь было с ним страшно, Инга? По-настоящему страшно?

— Да. Знаешь, за эти пять лет столько всякого было. И плохого, и хорошего, и такого, о чем маме и под пыткой не рассказывают. Но я ни от чего бы не отказалась. И ничего бы не стала менять. И если б можно было вернуться назад, я б хоть сейчас... сначала, — голос у нее дрогнул, а в глазах блеснули слезы. Но она сдержалась. — Но вот один день... если б я только могла... я бы вычеркнула его совсем. Второй раз мне его точно не пережить.

— И... что случилось в тот день? — осторожно поинтересовалась я. Я видела, что ей тяжело вспоминать, но она сама начала, а мне надо было знать. Надо было как-то... готовиться.

— В тот день он меня убил.

Я взглянула, не понимая.

— Выпил? Слишком много, почти до смерти?

— Нет, — улыбнулась Инга, — это-то как раз не страшно. Ты же не осознаешь, не контролируешь, просто в какой-то момент отключаешься. А потом просыпаешься, и в жизни он тебе не скажет: с реанимацией тебя возвращали, или просто дали выспаться. Улыбается так нежно и спрашивает, что на завтрак заказывать. Знаешь, когда я первый раз у него проснулась, он меня спросил, с чем мне пиццу заказать. А я эту пиццу тогда в жизни не ела и не знала вообще, с чем она бывает-то в природе...

— Погоди, — про то, как она проснулась у него в постели, слушать я была решительно не готова. — Ты говорила, он убил. В каком смысле?

— В прямом. Взял нож такой длинный, охотничий, размахнулся и всадил. По рукоять. Столешницу насквозь пробил, не то, что меня. Но самое страшное — даже не это. Самое

страшное в тот момент было — его глаза. Холодные, равнодушные. И в них — смерть. Ни ненависти, ни любви — просто смерть. Как удар молнии: ни за что, ни зачем, просто. И ты понимаешь, что убивает, что это смерть, а ему — все равно. Он тебя убивает, но ему это — все равно. Безразлично.

Она закрыла лицо руками, вновь погружаясь в свой кошмар и не стремясь делить его со мной. А я поверить не могла. Ингу? Его ненаглядную, на все согласную Ингу? Про которую слова не скажи? Да он что, совсем безумный отморозок?

— И... что он сказал, когда ты очнулась?

— Ну, — Инга отняла руки от лица и даже немного улыбнулась, — если коротко, то что он хирург, а они придурки, особенно если думали переиграть его на его же поле. На самом деле он спас меня тогда, — пояснила она, видя мое глубокое недоумение. — И от смерти, и от кое-чего пострашнее. Ножик ведь не его был, он его из ручек одних шаловливых вытащил. И ударил, так, чтоб жизненно важных органов не задеть. Сам же потом и зашивал. Он же на самом деле — специалист очень высокого класса. Он в больнице только за самые сложные случаи берется, от которых уже все отказались. И спасает. Ну а здесь — говорит, было не сложно. Только вот в тот момент — я верила, что это смерть. Ему тогда вообще все поверили. Даже Владыка.

— Кто? А причем здесь?.. Ты полагаешь, смерть секретарши какого-то куратора настолько значительна, что аж Владыке донесли?

— Владыке донесли другое. И он приехал лично убедиться, что это не так.

— Куда приехал? Владыка же никогда не бывает на этой стороне Бездны.

— А что еще вампиры никогда не делают? — усмехнулась Инга. — Знаешь, я тебе все это рассказываю, потому что много чего о тебе знаю. Анхен поведал. Ты ему весь год покоя не даешь, только о тебе и думает. Бесится страшно. Не слушаешься ты его и голову себе заморочить не даешь. А он к такому не привык, ему чтоб только по его было надо. Так вот ты-то должна понимать, что не всему, что общеизвестно, стоит верить. Ну а Владыка. Официально — нет, конечно, не бывает. А реально — приезжал. Анхен тогда с утра весь белый был. В этом крыле все лекции отменил, с этажа вообще всех до единого выгнал, не выбирая выражений и не считаясь с должностями и званиями. Я тогда понять не могла, чего он. Вампиров к тому времени много видела, и все они были вполне... корректны. Потом поняла. Все, кого я встречала раньше, не могли сказать Анхену «нет». Что бы он не пожелал. А те, кто приехали в тот день — там большая была свита — им уже Анхен не мог сказать «нет». И это было страшно, Ларис. Очень страшно. Даже не то, что меня унижали и мучили так, что если б не Анхен — сама бы о смерти молила. Страшно, когда он стоит, и говорит «да». На все, с чем, как ты знаешь, он не согласен, говорит «да». Говорит так, что ему верит даже Владыка. А они все эмпаты, а Владыка так и вовсе прожигает тебя насквозь, словно душу выворачивает, так, что в тебе тебя вообще не остается... И только уже потом понимаешь, что все его «да» — это все равно «нет», потому что он продолжает делать по своему, а в тот момент...

Инга наливает себе еще чаю, и долго молча пьет его, глядя куда-то за мое плечо. Я тоже молчу, пытаюсь хоть как-то переварить услышанное. Работать на престижной должности мне хочется все меньше.

— Инга, а зачем, — наконец решаюсь на следующий вопрос, — зачем он вообще приезжал? Ну, Владыка?

— А, Анхена женить, — очнувшись от невеселых дум, как-то совсем уж буднично

сообщила Инга. — Давай еще чаю подолью.

— Владыка? Лично? Поперся через Бездну его женить? — я аж чашку от такого чуть не потеряла.

— Ну, зачем он вообще через Бездну поперся, мне не докладывали. А с Анхеном беседа была об этом. Там смысл, что Анхен из очень древнего рода, весьма уважаемого, но почти вымершего. А наследника нет. И, учитывая что у вампиров вообще с рождаемостью проблемы, Владыку крайне встревожили слухи о том, что авэнэ Анхенаридит не только не делает попыток завести наследника, но и излишне внимателен к людям, особенно к девам, особенно ко мне... Гоэрэ, сволочь, донес. Жаль, за руку его не поймали, а то бы его род точно без наследника загнулся! — неожиданно злобно и хищно закончила она. Впервые при мне кто-то назвал вампира сволочью. А уж услышать такое от милой покорной Инги было и вовсе удивительно.

— Не думала, что услышу такое от тебя, — честно призналась я ей.

— При свидетелях не повторю, — усмехнулась Инга. — Вот только... ты секретаршу его видела? Присмотрись, когда встретишь. Она же не человек. Совсем. Полностью в его власти. Под жесточайшим контролем. У нее ни мыслей своих не осталось, ни желаний. Только его воля. Исполняет, что велят. Всё. Анхен сказал, они работают у него до смерти. Ну, в смысле, пока может функционировать — функционирует, а потом он ее убивает и новую берет. И тоже — под полный контроль и до полного вычерпывания ресурса. С точки зрения вампирской этики — вполне себе нормально. Это Анхен у них извращенец: позволяет жить, да еще и заботится, чтоб смысл жизни не потерялся. Он говорит, он такой не один, а таких, как Гоэрэ не так и много. Может быть, не знаю.

— А Анхен всегда говорит правду? — скептически подняла я бровь.

— Да нет конечно. А всю правду, подозреваю, он и вовсе никогда не говорит. Вот только, он же очень одинок на самом деле. Надо же ему с кем-то разговаривать, о ком-то заботится. Вот и привязывается... излишне. Ты его не обижай, Ларис. Ты ему нужна.

— Я его обижаю? — у меня от такого чуть слезы на глаза не полезли. — А что он со мной творит, это нормально, да?

— Что он с тобой творит? Как нянька за тобой целый год по университету бегает. И не только по нему, насколько я знаю. И до сих пор даже не укусил. Словно не вампир, а мальчик-колокольчик.

— А за тобой он долго бегал?

— Вообще не бегал. Я ж не ты. Я с первого взгляда в него влюбилась. И готова была — на все и сразу, лишь бы любил. Я вообще не понимаю, как ты можешь смотреть на него — и не любить.

— Он убивал при тебе?

— Да.

— И как ты можешь — с убийцей?

— Не сложно. Сложней с убитым.

— ??

— Это когда тебя на лодочке с вашей новой знакомой выкатывают, она щебечет о чем-то миленько, а ты ей улыбаешься, и не знаешь, она утром из вашей постели сама встанет, или он еще ночью ее мертвое тело на пол скинет, чтоб место не занимало.

— Вот даже так...

— А если ему любви хочется, а меня пить нельзя, я еще после прошлого раза не

восстановилась? — пожимает плечами Инга. — Привыкаешь. Так ко многому привыкаешь.

— Я не смогу...

— Вот и мне так когда-то казалось. А теперь вот сижу и думаю: как мне дальше-то жить? Без него. Я уже и не помню, как они живут, просто люди. Хорошо вот ты заглянула, я хоть поговорить о нем могу. Об Анхене, а не о светлейшем кураторе. Кому еще я смогу рассказать такое? Может, прав Гоэрэ: надо убивать?

— Прекрати! Анхен сказал, ты ему обещала!

— Обещала. Сам детей не заводит, а я должна. Пятеро детей, десять внуков...

— А почему он... ну, не женится, детей не заводит?

— Не знаю. Не говорит.

Мы все пьем и пьем чай. На душе от этого разговора муторно, подозреваю, и у Инги тоже. Но она ведь права. С кем еще мы можем поговорить о том, о ком не думать не можем. Ни она. Ни я. От себя не уйти.

— Инга, ну вот ты мне объясни, — наконец не выдерживаю я, и пытаюсь сформулировать то, что давно меня мучает. — Ну вот если ты говоришь, что я ему интересна... ну, интересую как-то... Ну почему он мне не врет? Зачем все это показывает? И тогда, с Гоэрэ, и в больнице та еще была сценка... Ведь не может не понимать, что меня все это от него отталкивает... Он что, не хочет меня? Ну, крови моей, плоти? Зачем он делает все, чтоб я его боялась и не могла согласиться?

Инга долго на меня смотрит, и я краснею под ее взглядом. Что я сейчас наговорила? Я что, действительно жалуясь на то, что вампир не создал мне условий ему отдаться?

— Я думала, ты знаешь, — наконец отвечает Инга. — он просто боится.

— Чего боится?

Очень спокойно она расстегивает пуговицы на манжетах. Тяжелые пуговички тянут легкие рукава вниз, обнажая запястья. Перечеркнутые тонкой бледно-розовой линией.

«А я помню не розы» — сказал мне тогда куратор... А я думала, она умерла... и в Новый Год еще тогда наговорила... Как раз, когда он просил Ингу его не обижать... А он ее, оказывается, и сам...

— Ты мне расскажешь? — прошу ее я.

— Если хочешь, — она вновь застегивает манжеты, пряча страшные шрамы. — Простая, в общем, история. Про красивого вампира. Совсем как ты мечтаешь. Я влюбилась в него с первого взгляда, а он носил меня на руках, и называл единственной и неповторимой, — Инга мечтательно улыбается, вспоминая то счастливое время. — Длилось где-то неделю. А потом к нему зашел Гоэрэ, и мне объяснили, что такая у них традиция. Молча заходишь в кабинет, молча делаешь, что велят. Чашки с чаем, они ведь не разговаривают. Я не хотела, плакала... А он сам меня на него... ему... в общем, держал. И присоединился... А потом я нашла у него скальпель. Вытянула из чемоданчика с инструментами. Дождалась, пока он уедет. Даже сходила на первую пару. Потом пошла в то крыло, где у вечерников нет занятий. Надеялась, до утра никто не заглянет. Заглянули. Говорят, все равно уже было поздно, и скорая бы не успела, но кто-то сообщил декану, а она дозвонилась до Анхена. И он успел. Вынес своей машиной окно в ближайшей аудитории, припарковался прямо там, вышиб двери, которые какой-то дурак закрыл. Захватил по дороге двух девиц из любопытных, тренированным вампирским нюхом определив, что их кровь подходит. Прямо там на месте они с Евой и раны зашили, и кровь мне влили. Ева мне потом рассказывала, она у него спрашивает: «ты у студенток-то согласие спросил?» А он ей: «завтра спрошу. Не отвлекайся». Нет, им потом,

конечно, грамоты дали, премии, путевки в санаторий. Но спрашивают вампиры, действительно, только если у них время есть на разговоры и надо паузу заполнить... Ну а меня он тоже увез... в санаторий. Взял отпуск на два месяца, ни на минуту не оставлял одну, рассказывал, как сильно меня любит. Одевал, раздевал, кормил-поил с ложечки, даже в туалет водил. У меня ж пальцы не шевелились, совсем ничего делать сама не могла. Мог бы сиделку нанять. Выхаживал сам. И одновременно учил. Всему, что должна мочь и уметь его девочка. И с людьми, и с вампирами. С кем прикажет, когда прикажет, сколько прикажет. Благо у меня был стресс, шок, и полная беспомощность. И у него получилось. Я стала такой, какой он хотел. Я забыла, чему меня мама в детстве учила, что хорошо, что плохо, что такое ценность жизни, что такое цена. Я просто была его. Такой, какая ему нужна. А вот теперь... надо как-то возвращаться назад. А я уже не очень помню, как оно, если по-человечески.

Мне вспомнилось, как она танцевала в Майский День. Как смеялась, даря всем тепло своей улыбки. Как звенели колокольчики на браслетах. А под браслетами, значит... вот так. Цена любви вампира.

Мне так не сплясать, я неуклюжая. Ис-крен-ня-я. На том и поймали.

— Я так не смогу. Я не смогу, Инга. Что же мне делать?

— Да не переживай так. Сейчас же лето. Живи, радуйся. Целое лето впереди. А потом — да просто прими ты уже его таким, какой он есть. И его не мучай, и сама не мучайся. И ошибок моих не повторяй. Ты спрашиваешь меня только о самом плохом. Но ведь было же хорошее! Знаешь, сколько было у нас хорошего? Такого, что ни с кем другим и никогда уже?.. Целая жизнь! Эти пять лет для меня — целая отдельная жизнь, и никогда и ни с кем уже моя жизнь не будет так насыщена и прекрасна.

Мы сидели с ней долго. Очень долго, но я так ничего и не решила. Она что-то рассказывала мне — о полетах среди гор, поездках верхом, путешествиях в другие города, и везде он был с ней — заботливый, внимательный, умный. И я опять ей завидовала и начинала ревновать. И мне вновь начинало хотеться, чтобы все это было со мной. Вот только хочу ли я знать, с каким стуком падает на пол мертвое тело? Хочу ли я отключаться в его объятиях, каждый раз не зная, удастся ли очнуться?

Но зачем заходить так далеко? Разве должность секретарши автоматически делает меня его любовницей? Разве нельзя сохранить дистанцию? Я спросила у Инги. Она не знала. Она никогда не думала об этом. Она просто делала так, как хотел он. Если бы он просил ее умереть — она бы умерла. Но он просил ее жить, и она собиралась выполнить его просьбу.

Но я же не она, твердила я себе, я же не она. У меня другая история. Но все никак не могла уйти от нее, словно была в мире истина, которую она могла бы мне поведать. Наверное, просидели бы и до ночи, но мне надо было идти на курсы, на которые меня один вампир пристроил. Осваивать смежную профессию. Если университет все же придется бросить, должна пригодиться.

* * *

После последнего экзамена наши решили отмечать окончание первого курса. Широко, с размахом. А я не пошла. Ну и пусть думают, что зазналась. Мне хватило месяца их любви и года нелюбви. Пока я была одной из них, я не особо их интересовала. Теперь — меня все меньше интересовали они. С сентября у меня будут совсем другие однокурсники. Ну а

праздновать... Во-первых, у нас еще почти месяц практика. Ну а во-вторых, вот лично мне — что праздновать-то?

Отстав и «потерявшись», я бродила одна по летним улицам. Светило солнце, было довольно жарко. Мои курсы располагались неподалеку от Городской Управы, в одном из переулков, что сетью оплетали центр города. Путь туда был неблизкий, но автобус ходил исправно... Да только не поехала я на автобусе. Я любила бродить по родному городу пешком и не боялась расстояний. И заблудиться я не боялась тоже. Я вообще не понимала, как это можно — не прийти туда, куда ты изначально задумывал. Всегда нутром чуяла — где оно, то самое «туда».

И вот сейчас неспешно брела улицами и переулками, порой срезая дворами, знакомыми и незнакомыми, безошибочно угадывая по поведению прохожих, где может быть «короткий путь». Будучи ужасно стеснительной с детства, я до сих пор ненавидела обращаться к посторонним людям с вопросами, вроде «а как пройти», «а где находится», «а когда начнется». И научилась находить ответы сама. Я даже «вы сейчас выходите» в переполненном автобусе никогда не спрашивала. Это же видно и так: готовится человек к выходу, или нет — жест, взгляд, движение... Я любила свой город. Я любила бродить по нему, никуда не спеша. Подозреваю, что я любила сам город даже больше, чем людей, что в нем жили. Или мне это кажется сейчас.

Этим странным бесконечным летом, когда моя жизнь, казалось, была подвешена на тончайшей нити прямо над Бездной, и не понять, куда дунет ветер: к людям? К вампирам? Когда мне уже не о чем было говорить с людьми, а все знакомые мне вампиры вызывали безотчетный страх. Когда только каменные стены домов, да асфальт тротуара и остались неизменными. Когда лишь солнце, ласкающее меня с небес, я могла подозревать в бескорыстии. Я любила лишь этот город. Такой красивый и гармоничный. Такой родной и надежный. Такой с детства каждым камушком мой.

Я вышла к Управе. До начала занятий была еще куча времени. И я решительно направилась в парк. Прошла по главной аллее, прямой, как стрела, и оказалась у Большого пруда. Здесь было шумно и многолюдно. Ожидаемо, впрочем. Коляски, велосипеды, пони, люди. Идущую параллельно пруду аллею пересекла, словно оживленную магистраль. Миновала багеты, карусели и детские площадки. Обошла призывно дымящие шатры забегаловок. Старательно глядя под ноги, пересекла широкую зеленую лужайку, сплошь устланную разноцветными покрывалами с загорающими на них людьми. И вышла, наконец, на берег.

Здесь был не слишком-то удобный сход к воде: шаг вниз со склизкой кочки на топкий пяточок, жутко илистое дно, еще и поросшее у берега осокой. Так что купались в этом месте разве что самые ленивые. Для всех же прочих немного левее были сделаны широкие деревянные настилы, спускающиеся к воде ярусами, и ступени, позволявшие зайти в воду по плечи, так и не коснувшись ногами илистого дна. Оттуда до меня доносились веселые крики, шум, плеск. Вся радость жизни, всё солнце лета.

А здесь я стояла сейчас одна, и меня это абсолютно устраивало. Безмолвная водная гладь расстилалась передо мной, и я смотрела на нее, и пыталась понять, что же я чувствую.

В Майский День мне казалось, что никогда в жизни я не смогу уже смотреть на эту воду. Что призраки утонувших мальчишек будут взирать на меня из глубин, сковывая душу ужасом, напоминая о вампирской жестокости и безразличии. Что только под пыткой меня можно будет заставить прикоснуться к этой воде, отравленной страхом неминуемой смерти

и гнилостным запахом трупного разложения. Что никогда и ни за что...

Я склонилась к воде, опустила туда ладони и смотрела, как она течет меж них — чистая, спокойная. Разве можно испачкать воду? Все осядет на дно, все вберет в себя склизкий ил. А она все так же будет течь — прозрачная, прохладная, неспешная.

Месяц назад здесь плыли пьяные злобные придурки. Виновата ли в их смерти вода? Виноват ли в их смерти вампир? Должна ли я всю жизнь горевать по тем, кто чуть не перерезал мне горло?

Может быть, они были просто слишком сильно пьяны. Может быть, они просто пошутили. Но воде все равно, а вампир... Что ж, вампиров не выбирают.

Нас всегда учили, что мы — коллектив. Что мы, люди, сильны своим единством и взаимовыручкой. Что попавшему в беду надо помочь, а оступившегося — перевоспитать. Наверное, это правильно, я не спорю.

Но правильно и другое. Неважно, что сделали «они», и кто там в чем виноват. Важно, что сделаешь ты. В тех обстоятельствах, которые тебе предложены. Это моя жизнь, мой город, моя страна. Я никуда не побегу и никого не стану бояться.

Есть история Лизы, она коротка и усыпана лепестками роз. Есть история Инги, и я не знаю, какие цветы подходят для нее, но подозреваю, что не зря все стены в приемной украшают кашпо с комнатными растениями. А есть история Ларисы, и она еще далеко не закончена. И я не готова ее заканчивать, и не побоюсь ее продолжить.

Да, он вампир, и я уже знала, что вампиры несут в нашу жизнь не так уж много добра. Зла, боли и смерти они несут нам куда больше. А при воспоминании об иных нормах вампирской морали меня перекашивало даже сильнее, чем от осознания того факта, что убийство человека для него — пустяк, рядовой случай. И все же — я решила попытаться. Попытаться выжить рядом с ним и выдержать, и не сломаться. Не превратиться в Ингу. Не превратиться в Лизу. Потому что — что? Да, наверное, не только желание доучиться в выбранном учебном заведении по выбранной специальности. Но еще и желание быть рядом с ним. Вера в то, что несмотря на все то зло, что он порою творит, есть в нем и светлые стороны. Его стремление помочь и защитить — разве оно было таким уж неискренним? Да и его отношение ко мне, даже несмотря на тот чудовищный срыв зимой, разве оно было таким уж... Самое смешное — ведь он был добр ко мне. По своему, по-вампирски — но он не желал мне зла, в отличие от тех же деятелей Общественного Совета. С ним было сложно. Сложно понять, сложно решиться. Анхен виделся мне таким сгустком противоречий: добро, зло, свет, тьма... Но я все же надеялась, что свет в нем есть, он мне не померещился. И этого света мне хватит, чтобы выжить возле.

Я отошла чуть выше, нашла незанятый пяточок травы, бросила сумку и разделась. Кто сказал, что я без купальника? Вот такой у меня купальник — белый. А кто стесняется, пусть не смотрит. Шрамов на спине, вопреки заявлениям вампира, практически не осталось. Все же вампирская кровь — она лечит не только от дифтерии. Нет, если сильно приглядеться — то слабые блеклые следы на месте некогда страшных шрамов все еще можно разглядеть. Я иногда приглядывалась — перед зеркалом — чтобы не забывать. Ну а вы — решайте сами. Хотите — разглядывайте, хотите — нет.

Я решительно вошла в прохладную воду, прочавкала несколько шагов по приставучему илу, затем легла на воду и поплыла. Нашла взглядом небольшой домик с лесенкой до воды, где мы сидели с ним прошлой осенью, и он рассказывал мне о море. И о заколке. Той самой, что была сейчас у меня в волосах. Кому-то, возможно, казалось, что до того берега слишком

уж далеко. Да нет, не слишком. Я доплыву. Я не говорила? У меня первый юношеский.

Конец первой части

Больше книг на сайте — Knigolub.net

---

notes

Ольга Кочеткова "Дом".

М. Цветаева. «Дневниковая проза. Письмо в тетрадку». Неточная цитата.

«Олаф и эльфа». Средневековая баллада. Пер. с датского А. Шараповой.